Царствованіе Императора Николая II

С. С. Ольденбургъ.

С. С. ОЛЬДЕНБУРГЪ

Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II

Томъ II

Изданіе Общества Распространенія Русской Національной
и Патріотической Литературы

МЮНХЕНЪ

1949

Часть III

Думская Монархія
(1907-14 г.)

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

«Успокоеніе послѣ реформъ». — Новый государственный строй. — Права законодательныхъ учрежденій. — Система выборовъ. — Гражданскія свободы.

Конецъ революціи. — Поправѣніе земствъ и городовъ. — Выборы въ III Думу. — Засѣданіе 13 ноября (споръ о самодержавіи). — Столыпинъ объ историческомъ правѣ Царской власти. — Партіи и группировки въ Думѣ. — Сотрудничество съ правительствомъ. — Амурская ж. д.

Студенческая забастовка 1908 г. — «Переоцѣнка цѣнностей». — А. П. Извольскій и сближеніе съ Англіей. — Свиданіе въ Свинемюнде. — Англо-русское соглашеніе 18 (31) августа 1907 г. — Возникновеніе «Антанты».

До 1905 г. въ русскомъ обществѣ, притязая на остроуміе, часто говорили, будто Государь «готовъ дать конституцію, только бы при этомъ сохранилось самодержавіе». Это считали абсурдомъ. Но жизнь оказалась сложнѣе готовыхъ формулъ. Послѣ реформъ 1905—1907 г.г., англійскій справочникъ такъ опредѣлялъ русскій государственный строй: «Съ 1905 г. Россія стала конституціонной наслѣдственной монархіей, но фактически законодательная, исполнительная и судебная власть продолжаютъ, въ значительной степени, соединяться въ лицѣ Императора, который продолжаетъ носить титулъ Самодержца». То, что казалось въ теоріи несовмѣстимымъ, было соединено на практикѣ.

Преемственная связь учрежденій нарушена не была; представительный строй, введенный волею Монарха, былъ только новою страницей т о й ж е книги — Россійской Имперіи. Въ то же время, перемѣна, произошедшая за эти переломные годы, глубже видоизмѣнила

русскую жизнь, чѣмъ эпоха великихъ реформъ Императора Александра II — и при этомъ за болѣе короткій срокъ. Не формула «успокоеніе, а потомъ реформы» опредѣляетъ послѣдующіе годы, а — «успокоеніе послѣ реформъ»; это былъ необходимый періодъ претворенія въ жизнь, переработки тѣхъ преобразованій, которыя отчасти въ качествѣ сознательно проводимаго усовершенствованія, отчасти — какъ «меньшее зло» для устраненія источниковъ недовольства, были введены Императоромъ Николаемъ II-мъ.

Перемѣны были огромны. Лѣвая часть русскаго общества, въ пылу борьбы, не хотѣла этого признавать, сравнивая новый строй со своими притязаніями, выдвинутыми въ моментъ подъема революціонной волны. Но теперь никто не станетъ отрицать при сравненіи съ тѣмъ, что было до 1905 г., что въ Россіи установился новый порядокъ вещей.

Этотъ строй просуществовалъ около десяти лѣтъ; его изучали и знаютъ меньше, чѣмъ предшествующій періодъ; можно сказать — онъ отошелъ въ исторію раньше, чѣмъ въ нее вошелъ. Почти нѣтъ обстоятельныхъ иностранныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому строю — по крайней мѣрѣ въ его цѣломъ. До сихъ поръ иностранцы, говоря о царской Россіи, нерѣдко смѣшиваютъ дореформенные порядки со временами думской монархіи, и удивляются, когда узнаютъ, въ какой широкой мѣрѣ были въ Россіи осуществлены гражданскія свободы.

Когда стремительное движеніе остановилось, общество ощутило остановку, — и не сразу оцѣнило перемѣну. «Великій сдвигъ 1905 г. имѣлъ однимъ изъ своихъ послѣдствій общее измѣненіе условій настолько быстрое, что наше мышленіе отстаетъ отъ него», писалъ въ «Русской Мысли»*) видный дѣятель к.-д. партіи Д. Д. Протопоповъ. И перечисляя перемѣны въ обществѣ, — отходъ зажиточныхъ слоевъ отъ радикальныхъ теченій, разслоеніе и раздоры въ деревнѣ, — онъ заключаетъ: «Въ этихъ наружно безобразныхъ и отталкивающихъ формахъ зарождается, безспорно, новый міръ. Происходитъ великое превращеніе — превращеніе общиннаго муравья въ свободную личность . . . Среди городскихъ рабочихъ развиваются профессіональныя организаціи и замѣчается сильное стремленіе къ просвѣщенію . . . Газету читаютъ на улицѣ сторожа, извозчики, рабочіе . . . Въ странѣ наблюдается пробужденіе истиннаго патріотическаго чувства». Д. Протопоповъ называлъ происходящее — европеизаціей, и въ этомъ опредѣленіи было не мало вѣрнаго: Россія во времена думской монархіи стала во многомъ гораздо болѣе сходной съ государствами западной Европы.

Государь по прежнему сохранялъ полноту исполнительной власти; но въ области законодательной, въ области финансовой — народное представительство имѣло весьма ощутительное вліяніе. Для проведенія въ жизнь всякаго новаго закона, для отмѣны стараго — требовалось согласіе обѣихъ законодательныхъ палатъ и утвержденіе Государя. Понятіе закона при этомъ толковалось широко, и многія мѣры, при-

*) «Русская Мысль», апрѣль 1908 г.

нимаемыя на Западѣ путемъ декретовъ, проводились черезъ Думу и Г. Совѣтъ *). Въ бюджетныхъ вопросахъ былъ примѣненъ тотъ же принципъ: ассигнованія, производимыя на основаніи опредѣленнаго закона (платежи по займамъ, основные штаты нѣкоторыхъ вѣдомствъ) могли быть исключены изъ бюджета только съ согласія Государя и обѣихъ палатъ. Всякое новое ассигнованіе, всякій новый налогъ, всякій государственный или гарантированный государствомъ заемъ могли получить осуществленіе только съ одобренія законодательныхъ учрежденій.

Въ случаѣ неутвержденія новаго бюджета оставались въ силѣ доходныя и расходныя статьи стараго. Такъ же было и въ отношеніи ежегоднаго контингента новобранцевъ: для увеличенія числа призывныхъ было обязательно согласіе палатъ; если соотвѣтственный законопроектъ не утверждался — въ силѣ оставалась прошлогодняя цифра.

Законодательныя учрежденія состояли изъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Обѣ Палаты пользовались одинаковыми правами.

Государственная Дума избиралась, на пятилѣтній срокъ, на основаніи сложной системы выборовъ. Избирательное право было близкимъ ко всеобщему, особенно въ деревнѣ, и голосованіе было тайнымъ; оно было прямымъ въ обѣихъ столицахъ и пяти большихъ городахъ; двухъ и трехъ-степеннымъ въ губерніяхъ.

Въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ наибольшее число выборщиковъ предоставлялось разряду (куріи) землевладѣльцевъ, при чемъ крупные владѣльцы участвовали въ выборахъ непосредственно, а мелкіе собирались на особые съѣзды и выбирали уполномоченныхъ, въ зависимости отъ числа десятинъ, которыми они владѣли.**) Выборщики избирались также отъ крестьянскихъ обществъ (уполномоченныхъ выбирали волостные сходы, въ свою очередь избиравшіеся всѣми крестьянами); отъ рабочихъ; и отъ городского населенія — по двумъ куріямъ: въ первой участвовали домовладѣльцы и наиболѣе крупные плательщики квартирнаго или промысловаго налога; во второй — остальные квартиронаниматели и служащіе. Были также выборщики отъ казаковъ и отъ кочевыхъ инородцевъ.

Выборщики отъ всѣхъ курій съѣзжались въ губернскій городъ и тамъ избирали изъ своей среды членовъ Государственной Думы. Часть депутатовъ обязательно избиралась изъ выборщиковъ отъ опредѣлен-

*) Примѣръ проектовъ, стоявшихъ на повѣсткѣ общаго Собранія Г. Думы (9.I.1908 г.):

1) о порядкѣ завѣдыванія храмомъ Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ;

2) о созданіи штатной должности учителя литовскаго языка въ Вейверской учительской семинаріи;

3) о переименованіи должностей военнаго губернатора въ Акмолинской и Семипалатинской обл. и т.д.

**) Примѣръ: если цензъ для даннаго уѣзда установленъ въ 300 дес., то лица, владѣющія свыше 300 дес., сами участвуютъ въ собраніи выборщиковъ, а остальные собираются на съѣзды. Если соберется, скажемъ, 500 владѣльцевъ, вмѣстѣ имѣющихъ 3000 десятинъ — они избираютъ 10 уполномоченныхъ.

ныхъ курій (отъ крестьянъ, отъ землевладѣльцевъ и — по шести губерніямъ — отъ рабочихъ).

Г. Дума избирала свой президіумъ и сама вырабатывала свой наказъ относительно внутренняго распорядка своихъ работъ. Наказъ не нуждался въ утвержденіи другихъ инстанцій и распубликовывался Сенатомъ.

Государственный Совѣтъ состоялъ на половину изъ лицъ по назначенію отъ Государя, на половину изъ выборныхъ: отъ духовенства (6), отъ земскихъ собраній (34), отъ дворянскихъ обществъ (18), отъ Академіи и университетовъ (6), отъ торговли и промышленности (12) и отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ Царства Польскаго (6) и не-земскихъ губерній (16), — выборныхъ членовъ было всего 98.

Въ принципѣ, назначенные члены Гос. Совѣта были несмѣняемы; но такъ какъ ихъ число значительно превышало 98, то ежегодно, 1 января, опубликовывался списокъ тѣхъ членовъ Гос. Совѣта, которые на данный годъ назначались Государемъ «къ присутствію» на засѣданіяхъ верхней Палаты.

Какъ Г. Дума, такъ и Г. Совѣтъ имѣли право вносить запросы министрамъ о тѣхъ или иныхъ незаконныхъ дѣяніяхъ; этимъ правомъ всѣ Г. Думы широко пользовались. Если палата не удовлетворялась объясненіями министра, она могла, большинствомъ двухъ третей голосовъ, постановить довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя черезъ своего предсѣдателя.

Засѣданія палатъ (за рѣдкими исключеніями, гл. обр., при обсужденіи военныхъ проектовъ) были публичными, и отчеты о нихъ свободно печатались во всѣхъ газетахъ.

Возвѣщенныя манифестомъ 17 октября гражданскія свободы были закрѣплены въ законахъ съ тѣми ограниченіями, необходимость которыхъ выяснилась въ первые же мѣсяцы послѣ манифеста.

Положеніе печати рѣзко измѣнилось. Была — сразу же послѣ 17 октября — отмѣнена предварительная цензура. Исчезли запреты обсуждать ту или иную тему. Арестъ отдѣльныхъ номеровъ періодическихъ изданій производился по рѣшенію присутствій по дѣламъ печати; окончательное закрытіе органовъ печати и конфискація изданій — только на основаніи судебныхъ рѣшеній. Кары за преступленія по дѣламъ печати, въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, не превышали 1 года и 4 мѣс. заключенія. Послѣ роспуска второй Думы къ этому, однако, прибавилось (для мѣстностей, находившихся на чрезвычайномъ положеніи) право губернаторовъ налагать на газеты штрафы (до 3 000 руб.) и аресты (до 3 мѣсяцевъ) на отвѣтственныхъ редакторовъ. Штрафы были весьма ощутительной мѣрой воздѣйствія, особенно для провинціальныхъ газетъ; аресты, наоборотъ, особаго значенія не имѣли — должности «отвѣтственныхъ редакторовъ» обычно поручались не фактическимъ руководителямъ газетъ, а подставнымъ лицамъ.

На основаніи этихъ законовъ, въ Россіи получили возможность выходить ежедневныя газеты рѣзко-оппозиціоннаго направленія, какъ наприм., к.-д. «Рѣчь» и болѣе лѣвыя — «Наша жизнь», «Товарищъ», позже «День», «Правда» и т.д., и журналы всѣхъ толковъ, начиная

съ соціалъ-демократовъ большевиковъ. Большинство книгъ, считавшихся нелегальными до 1905 г. (напр., Герценъ, церковныя писанія Толстого, произведенія иностранныхъ соціалистовъ и анархистовъ, и т.д.), отнынѣ свободно выпускались въ свѣтъ. Преслѣдовались, конечно, чисто агитаціонныя революціонныя изданія, не допускались призывы къ бунту въ войскахъ, богохульства или оскорбленіе Величества. Но видные дѣятели революціи 1905 г., вродѣ Ленина или Троцкаго, — даже тѣ, которые бѣжали за границу, — продолжали печатать свои статьи въ легально издававшихся журналахъ.

Свобода собраній и союзовъ опредѣлялась «временными правилами» 4 марта 1906 года. Общества могли образовываться свободно, безъ предварительнаго разрѣшенія, но должны были зарегистрировать свой уставъ. Если въ двухнедѣльный срокъ по представленіи устава не было получено отказа — общество пріобрѣтало законное право существованія. Въ такомъ случаѣ, для засѣданій общества, хотя бы и многолюдныхъ, уже болѣе не требовалось никакихъ особыхъ разрѣшеній. О публичныхъ собраніяхъ надо было заявлять властямъ за три дня; и если за сутки до назначеннаго срока оно не было запрещено, — собраніе могло состояться.

Регистраціей обществъ и союзовъ вѣдали особыя присутствія, состоявшія какъ изъ чиновниковъ, такъ и изъ выборныхъ лицъ. *) То же присутствіе могло закрыть общество, если оно уклонялось отъ цѣлей, указанныхъ въ уставѣ.

На этихъ основаніяхъ въ Россіи возникло огромное количество всевозможныхъ обществъ и союзовъ, въ особенности профессіональныхъ. Отказы въ регистраціи устава касались, гл. обр., политическихъ партій. Конечно, ни с.-д., ни с.-р. и не пытались зарегистрировать свой уставъ, въ которомъ говорилось о вооруженномъ возстаніи и демократической республикѣ. Что касается партіи к.-д., то уставъ ея не былъ утвержденъ въ виду извѣстныхъ о ней фактовъ — въ частности, выборгскаго возстанія, — и она такъ и оставалась на полулегальномъ положеніи. Она имѣла свой журналъ («Вѣстникъ партіи Народной Свободы»), свои издательства, свои мѣстные комитеты, открыто собиравшіеся; но въ то же время «оффиціально» она не признавалась; чиновникамъ не разрѣшалось въ нее вступать. Тѣмъ не менѣе профессора, хотя они и состояли на государственной службѣ, всегда занимали въ партіи к.-д. видное положеніе.

Въ Государственной Думѣ открыто существовали фракціи соціалистическихъ партій — соціалъ-демократовъ и трудовиковъ; если не было соціалъ-революціонеровъ, то лишь потому, что они сами, послѣ 3-го іюня, бойкотировали Г. Думу.

Въ этихъ новыхъ условіяхъ политической жизни Государь принималъ гораздо менѣе непосредственное участіе въ дѣлахъ, нежели раньше. Онъ уже болѣе не былъ «своимъ собственнымъ премьеромъ»; существовалъ Совѣтъ Министровъ, коллективно обсуждавшій вопросы

*) Составъ губернскихъ присутствій: губернаторъ; вице-губернаторъ; губ. предводитель дворянства; управляющій казенной палатой; прокуроръ; городской голова губ. города; предсѣдатель губ. земской управы и гласный по выбору губ. земства.

и принимавшій рѣшенія. Государь зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Его права — которыя для Него были неотдѣлимы отъ долга Царскаго служенія — не подвергались бы умаленію въ «захватномъ порядкѣ», путемъ созданія прецедентовъ; но въ то же время Онъ соблюдалъ установленный Имъ обычный порядокъ законодательства и управленія. Онъ не любилъ иностранныхъ терминовъ «конституція» и «парламентъ», предпочиталъ выраженія «обновленный, преобразованный строй», но Онъ живо ощущалъ произшедшія перемѣны. Новый порядокъ вещей во многомъ не соотвѣтствовалъ Его идеаламъ, но Государь сознательно остановился на немъ въ долгомъ и мучительномъ исканіи выхода изъ трагическихъ противорѣчій русской жизни.

Строй думской монархіи, со всѣми его теоретическими и практическими недостатками, былъ для Россіи XX-го вѣка тою мѣрою свободы, которая — по выраженію Бисмарка — существуетъ для всякаго государства и превышеніе которой быстро приводитъ, черезъ анархію, къ утратѣ всякой свободы.

Въ одномъ только отношеніи новый строй былъ болѣе суровымъ, чѣмъ старый: смертная казнь, явившаяся отвѣтомъ на массовый терроръ,—какъ ни возмущались этимъ старые писатели—гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, стала въ Россіи такимъ же «бытовымъ явленіемъ», какъ во Франціи, Англіи, Германіи. П. А. Столыпинъ считалъ, что нѣтъ иного способа пресѣчь то кровавое хулиганство, въ которое выродились остатки революціоннаго террора. *)

3 іюня было концомъ революціи. Это вдругъ почувствовали всѣ, даже самые ярые ея сторонники. Этотъ законъ, практически разрѣшавшій конфликтъ между властью и народнымъ представительствомъ, не вызывалъ никакихъ протестовъ въ народныхъ массахъ.

Справа его открыто привѣтствовали. Союзъ русскаго народа прислалъ Государю телеграмму, начинавшуюся словами: «Слезы умиленія и радости мѣшаютъ намъ выразить въ полной мѣрѣ чувства, охватившія насъ при чтеніи Твоего, Государь, манифеста, Державнымъ словомъ положившаго конецъ существованію преступной Государственной Думы» . . . Клубъ умѣренныхъ и правыхъ отправилъ Государю вѣрноподданническое привѣтствіе.

Центральный Комитетъ Союза 17 октября въ своей резолюціи заявлялъ: «Мы съ грустью должны признать, что возвѣщенное манифестомъ 3 іюня измѣненіе избирательнаго закона осуществлено не тѣмъ путемъ, который предусмотрѣнъ основными законами, но оцѣнку этого факта мы считаемъ преждевременной, а его необходимость — прискорбной.» Вину за происшедшее октябристы возлагали на

*) Помощникъ командующаго войсками С.-Петербургскаго военнаго округа ген. Газенкампфъ писалъ премьеру, что «казнить мелкихъ грабителей изъ уличныхъ подонковъ — значитъ не только ронять грозное значеніе смертной казни, но еще и утверждать въ массахъ мнѣніе, что правительство только отвѣчаетъ устрашеніемъ на устрашеніе». П. А. Столыпинъ (10.II.1908) отвѣтилъ: «Не могу съ Вами согласиться. Грабежъ и разбой, въ которые вылилось въ настоящее время охватившее Россію въ 1905 г. революціонное движеніе, должны быть уничтожены безпощадно».

лѣвыя партіи, мѣшавшія созданію нормальныхъ условій жизни въ странѣ.

Бывшій членъ 2-й Думы П. Б. Струве заявилъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»: «Основная ошибка была въ томъ, что к.-д. не сумѣли отмежеваться отъ лѣвыхъ». Либеральный «Вѣстникъ Европы», не отрицая за государствомъ права отступать отъ нормъ закона въ случаѣ крайней необходимости, писалъ, что героическій методъ леченія пріобрѣтаетъ raison d'être только тогда, когда безуспѣшно испробованы всѣ остальные.

Партія к.-д., собравшись въ Финляндіи на экстренный съѣздъ, вынесла резолюцію протеста противъ акта 3 іюня, но огромнымъ большинствомъ отвергла предложеніе о бойкотѣ выборовъ по новому закону.

Оппозиціонная печать — соблюдая извѣстную сдержанность въ выраженіяхъ ввиду новыхъ правилъ о наложеніи штрафовъ въ административномъ порядкѣ — подчеркивала расхожденіе манифеста 3 іюня съ Основными Законами, о чемъ говорилось и въ самомъ манифестѣ. Оппозиція выражала возмущеніе по поводу «нарушенія законности». Но протесты со стороны тѣхъ, кто на роспускъ первой Думы — произведенный на строгомъ основаніи закона — поспѣшили отвѣтить призывомъ не платить налоговъ и не поставлять рекрутовъ, не могли звучать особенно убѣдительно.

Революція была побѣждена — не только въ матеріальномъ, внѣшнемъ смыслѣ. Былая коалиція оппозиціонныхъ силъ — объединившая земства, города, интеллигенцію и торгово-промышленную среду съ революціонными партіями — распалась, и даже интеллигенція — впервые послѣ долгихъ десятилѣтій — усумнилась въ своихъ традиціонныхъ вѣрованіяхъ.

Поправѣніе въ органахъ земскаго и городского самоуправленія обозначилось уже съ начала 1906 г., каждые новые выборы давали все болѣе правые результаты. «Третій элементъ» негодовалъ, газеты писали о «реакціи», о пробудившихся «классовыхъ» чувствахъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, — но фактъ былъ на лицо: тѣ самые круги, которые недавно считались главной опорой «освободительнаго движенія», теперь заявляли себя сторонниками власти и даже порою оказывались правѣе нея. То же наблюдалось и въ торгово-промышленномъ мірѣ — какъ среди русскихъ предпринимателей, такъ и среди иностранцевъ. «Зажиточные классы . . . конечно, предпочитаютъ Дурново или Столыпина Хрусталеву» — писала «Русская Мысль». «Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистовъ», — отмѣчалъ въ концѣ іюня 1907 г. екатеринославскій губернаторъ А. М. Клингенбергъ въ своей запискѣ о роли иностранныхъ капиталистовъ въ революціонныхъ организаціяхъ. *)

---

*) Клингенбергъ, однако, добавлялъ: «Смута окончательно искоренится лишь тогда, когда революціоннымъ рабочимъ организаціямъ будутъ противопоставлены контръ-революціон. рабочія организаціи, подъ какимъ бы девизомъ онѣ не создавались.

Через недѣлю послѣ роспуска 2-й Думы, 11 іюня, въ Москвѣ открылся съѣздъ земскихъ дѣятелей — первый послѣ ноября 1905 г. 32 губернскихъ земства (изъ 34-хъ) избрали делегатовъ для участія въ немъ. Съѣздъ, такимъ образомъ, болѣе точно отражалъ мнѣніе земствъ, нежели прежніе съѣзды, гдѣ многія губерніи были представлены лицами, не имѣвшими правильныхъ полномочій. Перемѣна оказалась очень рѣзкой. *) Съѣздъ началъ свои работы съ вѣрноподданнической телеграммы Государю, обѣщая «приложить всѣ силы, чтобы помочь Вашему Величеству водворить правду, миръ и благоденствіе въ отчизнѣ нашей, измученной отъ смуты, разбоевъ и разоренія». Съѣздъ привѣтствовалъ также П. А. Столыпина, и, въ лицѣ военнаго министра, «твердый оплотъ отечества и порядка — вѣрную Царю доблестную армію».

«Въ темное время, когда многихъ охватило уныніе — говорилъ на банкетѣ участниковъ съѣзда А. И. Гучковъ — появился человѣкъ, который, несмотря на всѣ трудности, на гибель семьи, на всѣ клеветы, понялъ положеніе и взялъ правильный путь. Если мы присутствуемъ при послѣднихъ судорогахъ революціи, — а она несомнѣнно приходитъ къ концу, — этимъ обязаны мы этому человѣку». Другой делегатъ провозгласилъ тостъ за адм. Дубасова и Семеновскій полкъ, «благодаря которымъ мы имѣемъ теперь возможность собраться здѣсь въ Москвѣ».

На земскомъ съѣздѣ правительственный проектъ земской реформы (предназначавшійся для 2-ой Думы) подвергся рѣзкой критикѣ справа. Съѣздъ высказался противъ намѣченнаго расширенія избирательнаго права и только съ большими оговорками одобрилъ предположеніе о мелкой земской единицѣ. Была внесена резолюція объ осужденіи террора ; лѣвая часть съѣзда возражала, что данное собраніе не уполномочено обсуждать этотъ вопросъ (среди возражавшихъ оказался и М. А. Стаховичъ), но огромнымъ большинствомъ резолюція противъ террора была принята.

Земскій съѣздъ показалъ разительную перемѣну настроеній въ земской средѣ. Лѣвая печать приписывала эту перемѣну «классовому страху» передъ аграрными волненіями; но перемѣна въ такой же степени объяснялась — удовлетвореніемъ проведенными реформами.

Земскій съѣздъ 1907 г. разсматривался, какъ «преддумье». Онъ отразилъ воззрѣнія именно той среды, которая по новому избирательному закону пріобрѣтала рѣшающее значеніе. Для выборовъ въ третью Думу стали слагаться новыя группировки. Октябристамъ выпадала роль центра, и слѣва начали раздаваться голоса о желательности блока октябристовъ и к.-д. для защиты конституціонныхъ началъ. Кн. Е. Н. Трубецкой, газета «Слово», партія мирнаго обновленія призывали «своихъ сосѣдей слѣва и справа» къ дѣловому предвыборному сговору.

*) Составъ съѣзда былъ слѣдующій: 33 правыхъ, 33 умѣренныхъ, 44 октябриста, 4 мирнообновленца, 10 к.-д.

Но несмотря на значительное сходство программъ, такое соглашеніе было невозможно: именно между к.-д. и октябристами еще съ осени 1905 года происходила линія политическаго водораздѣла. Октябристы стояли за поддержку правительства въ борьбѣ съ революціей и затѣмъ признали актъ 3 іюня необходимостью, хотя и «прискорбной»; к.-д. оставались рѣзко враждебными къ власти и еще во второй Думѣ чаще голосовали вмѣстѣ съ революціонными партіями, нежели съ правыми.

Между октябристами и правыми организаціями (союзомъ русскаго народа и другими), принципіально стоявшими на точкѣ зрѣнія неограниченной царской власти, находились слабо организованныя группы умѣренныхъ и правыхъ, признававшихъ новый строй, но не склонныхъ его отстаивать противъ власти, а тѣмъ паче углублять его.

Выборы въ третью Думу происходили въ сентябрѣ и октябрѣ. Въ большихъ городахъ (во второй куріи) боролись к.-д. и лѣвые. П. Н. Милюковъ — примѣрно съ этого времени занявшій постъ безспорнаго лидера партіи, — выступилъ въ «Рѣчи» съ рѣзкой статьей по адресу крайнихъ лѣвыхъ. Напомнивъ о прежнемъ сотрудничествѣ съ ними, П. Н. Милюковъ писалъ: «Всей этой нашей дѣятельностью мы пріобрѣли право сказать теперь, что, къ великому сожалѣнію, у насъ и у всей Россіи есть враги слѣва... Тѣ люди, которые разнуздали низкіе инстинкты человѣческой природы и дѣло политической борьбы превратили въ дѣло общаго разрушенія, суть наши враги. . . И мы сами себѣ враги, если по какимъ бы то ни было соображеніямъ захотимъ непремѣнно, по выраженію извѣстной нѣмецкой сказки, тащить осла на собственной спинѣ». Лѣвые не оставались въ долгу и укоряли к.-д. въ томъ, что они заговорили такимъ языкомъ только послѣ пораженія революціи. . .

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ по первой куріи прошли октябристы, по второй к.-д.*) Соотношеніе голосовъ въ большихъ городахъ мало перемѣнилось. Зато губернскія избирательныя собранія дали ожидаемый результатъ: свыше двухъ третей мѣстъ получили октябристы и правые, имѣвшіе во второй Думѣ всего около одной пятой. Новое народное представительство состояло, въ огромномъ большинствѣ, изъ людей, избранныхъ подъ флагомъ сотрудничества съ властью, а не борьбы съ нею.**)

Изъ 442 членовъ Думы, было около 300 октябристовъ и болѣе правыхъ (тѣхъ и другихъ, примѣрно, поровну). Оппозиціонныя партіи одержали верхъ только въ Сибири, на Кавказѣ, въ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ, а также въ въ раіонѣ Урала (Пермская, Вятская,

---

*) Въ Москвѣ по первой куріи октябристы получили 2100 голосовъ, к.-д. 1800 правые 400; по второй — к.-д. 16000, октябристы 6000, лѣвые около 3000, правые 2000 Въ Петербургѣ по первой куріи октябристы имѣли 1000, к.-д. 800, правые 300; по второй — к.-д. получили 20000, окт. 9000, лѣвые 8000, правые 4500.

**) Составъ 3-ей Думы по фракціямъ (въ началѣ ея работы): правыхъ 50; націоналистовъ 26; умѣренно-правыхъ 71; октябристовъ 154; прогрессистовъ (мирнообновленцевъ) 28; к.-д. 54; трудовиковъ 13; с.-д. 20; инородческихъ группъ: поляковъ, 11, польск.-лит. группы 7, мусульманъ 8. Т. о. правыхъ было 147, центра 154, лѣвыхъ 141 (изъ 442). Впослѣдствіи произошли нѣкоторыя перемѣны; особенно уменьшилась фракція октябристовъ.

Уфимская, Оренбургская губ.); къ этому присоединилось 9 депутатовъ отъ большихъ городовъ и 6 отъ рабочей куріи.*)

Сессія Третьей Думы открылась 1 ноября, безъ особой торжественности. Предварительныя совѣщанія показали, что въ Думѣ нѣтъ единаго большинства, имѣющаго общую программу. Октябристы и правые съ трудомъ договорились насчетъ выборовъ президіума; съ лѣвыми были весьма натянутыя отношенія. Все же, октябристъ Н. А. Хомяковъ — сынъ извѣстнаго славянофила и крестникъ Гоголя — былъ избранъ предсѣдателемъ Думы почти единогласно. По соглашенію съ правыми, октябристы получили еще постъ второго товарища предсѣдателя, правые — посты старшаго товарища предсѣдателя, секретаря и его старшаго помощника. Лѣвымъ достались мѣста только младшихъ помощниковъ секретаря; к.-д. въ виду этого отказались участвовать въ президіумѣ.**)

П. А. Столыпинъ просилъ Государя принять членовъ новой Г. Думы; но Государь отвѣтилъ: «Теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила, — проявила въ смыслѣ возлагаемыхъ Мною на нее надеждъ для совмѣстной работы съ правительствомъ. Слѣдуетъ избѣгать преждевременныхъ выступленій съ Моей стороны и прецедентовъ».

Ближайшіе же дни показали, что представители центра Г. Думы дѣйствительно были настроены не совсѣмъ такъ, какъ того желалъ Государь.

Во время своихъ избирательныхъ кампаній, октябристы не разъ ставили въ укоръ двумъ первымъ Думамъ, что онѣ даже не сказали Царю «спасибо» за введеніе народнаго представительства. Въ первые же дни сессіи, октябристы вмѣстѣ съ частью правыхъ внесли предложеніе о составленіи привѣтственнаго адреса Государю отъ имени Г. Думы. Это предложеніе, возникшее изъ самыхъ лойяльныхъ побужденій, неожиданно стало поводомъ для серьезнаго политическаго конфликта. Въ комиссіи по составленію адреса правые настаивали на томъ, чтобы въ его текстъ было включено слово «самодержавіе», к.-д. требовали упоминанія слова «конституція». Соглашеніе въ комиссіи достигнуто не было; и 13 ноября въ общемъ собраніи Думы начались пренія, принявшія вскорѣ бурный характеръ. Вышло такъ, что Дума по существу обсуждала вопросъ — самодержавный или конституціонный строй въ Россіи.

А. И. Гучковъ произнесъ рѣчь, въ которой опредѣленно сталъ на конституціонную точку зрѣнія, хотя и возражалъ противъ включенія этого термина въ адресъ. Правые ораторы, со своей стороны, при-

---

*) Выборщики отъ рабочей партіи избирались съѣздами уполномоченныхъ. На всѣхъ этихъ съѣздахъ большинство имѣли с.-д. Такъ какъ избраніе одного депутата отъ этой куріи было обязательнымъ, а всѣ рабочіе выборщики, кромѣ намѣченнаго партіей кандидата, отказывались баллотироваться — правыя губернскія собранія были вынуждены избирать въ Думу с.-д.

**) Составъ президіума III Думы: предсѣдатель Н. А. Хомяковъ; тов. предсѣдателя кн. В. М. Волконскій и бар. М. Ф. Мейендорфъ; секретарь проф. И. П. Сазановичъ; ст. пом. секр. Г. Г. Замысловскій.

дали огромное принципіальное значеніе слову «самодержавный». «Титулъ самодержца есть, и вы, отвергая его, будете сами нарушителями Основныхъ Законовъ», заявилъ Н. Е. Марковъ. «Если слово самодержецъ будетъ отвергнуто, мы не примемъ вашего адреса».

Засѣданіе затянулось до глубокой ночи. Горячую рѣчь произнесъ знаменитый адвокатъ Ф. Н. Плевако. Обращаясь къ правымъ, онъ напомнилъ, что самъ Государь далъ Думѣ законодательныя права: «Онъ скажетъ вамъ — вы дѣти. Я далъ вамъ тогу мужа, а вы снова просите дѣтскую рубашку!». Расхожденія между правыми и центромъ проявлялись все рѣзче. Тогда к.-д. и прогрессисты обѣщали октябристамъ голосовать за адресъ, если слово «самодержавіе» не будетъ въ него включено. И предложеніе правыхъ поставить въ заголовкѣ адреса «Его Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому» было отвергнуто большинствомъ 212 противъ 146 голосовъ. Послѣ этого правые отказались участвовать въ принятіи адреса, и отправили Государю (за 114 подписями) отдѣльное обращеніе. Благодарственный адресъ былъ принятъ совершенно неожиданнымъ большинствомъ изъ центра и лѣвыхъ.

Это голосованіе произвело огромное впечатлѣніе. Лѣвая печать ликовала. К.-д. «Рѣчь» писала, что Дума «въ ночь съ 13 на 14 ноября положила грань межеумочному состоянію великой страны, и на 25-мъ мѣсяцѣ россійской конституціи объявила, что конституція на Руси дѣйствительно существуетъ». «Самодержавіе погибло на Руси безповоротно», восклицалъ «Товарищъ». «Русь» писала о «сошествіи на октябристовъ духа народнаго»; въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» кн. Гр. Н. Трубецкой отмѣчалъ: „Манифестъ 17 октября окончательно зарегистрированъ въ Россіи въ памятный день 13 ноября."

„Первая побѣда лѣвыхъ — неожиданная и громовая." — писалъ въ «Новомъ Времени» М. Меньшиковъ. „Взамѣнъ неудачной осады власти начнутъ японскій обходъ ея, — обходъ какъ будто совершенно мирный, лойяльный, преданный — только позвольте связать васъ по рукамъ и ногамъ!". . .

Государь былъ сильно возмущенъ тѣмъ, что Дума, за лойяльность которой такъ недавно ручался Ему Столыпинъ, могла ставить на голосованіе — и отвергать! — Его титулъ, закрѣпленный въ Основныхъ Законахъ. На всемъ отношеніи Государя къ новой Думѣ, и къ партіи октябристовъ въ частности, этотъ инцидентъ оставилъ глубокій слѣдъ.

Но это большинство, которое сложилось 13 ноября, совершенно не соотвѣтствовало общей политической обстановкѣ. Въ пылу борьбы, октябристы проголосовали вмѣстѣ съ к.-д.; по существу они оставались ихъ противниками. Они хотѣли сотрудничать съ властью и бороться съ революціей. Подъ этимъ флагомъ они и побѣдили на выборахъ. Имъ было по пути не съ лѣвыми, а съ правыми. Голосованіе 13 ноября имѣло принципіальный, декларативный характеръ, — но оно не могло перемѣнить партійныя взаимоотношенія.

При иномъ премьерѣ, новая Дума все же легко могла бы соскользнуть на оппозиціонныя рельсы и зайти въ тупикъ; но П. А. Столыпинъ сумѣлъ возстановить положеніе. Онъ искренне вѣрилъ въ необходи-

мость представительнаго строя; онъ считалъ, что въ Думѣ есть большинство, желающее сотрудничать съ властью, что лучшей Думы безъ опасныхъ потрясеній, все равно, сейчасъ не добиться. Октябристамъ П. А. Столыпинъ далъ понять, что дальше извѣстной черты онъ не можетъ пойти имъ навстрѣчу: если они не хотятъ разрыва съ властью, они должны прежде всего избѣгать союза съ ея открытыми противниками, — того союза, который неожиданно возникъ въ засѣданіи 13-го ноября.

16 ноября, всего черезъ три дня послѣ памятнаго голосованія объ адресѣ, П. А. Столыпинъ выступилъ въ Думѣ съ министерской декларацiей; центръ и правые встрѣтили и проводили его шумной оваціей и нѣсколько разъ прерывали его аплодисментами.

«Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха — говорилъ премьеръ — являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды». — «Самодержавіе московскихъ царей, — говорилъ далѣе П. А. Столыпинъ, — не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя Освободителя. Русское Государство росло и развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней и вмѣстѣ съ ними, конечно, видоизмѣнялась и развивалась и Верховная Царская власть. Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу, прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ. Пусть расцвѣтетъ нашъ родной русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтетъ и развернется подъ вліяніемъ взаимодѣйствія Верховной Власти и дарованнаго ею новаго представительнаго строя».

И думское большинство — изъ центра и правыхъ — шумно привѣтствовало всѣ эти слова предсѣдателя Совѣта Министровъ; свое отношеніе къ его личности оно проявило еще болѣе ярко на слѣдующій день, когда к.-д. ораторъ Родичевъ, отвѣчая премьеру, сдѣлалъ личный выпадъ противъ него. Депутаты повскакали съ мѣстъ; раздались крики: «вонъ! долой!» и хотя Родичевъ принесъ Столыпину извиненія, его все же исключили на 15 засѣданій.

Только послѣ этихъ засѣданій (16 и 17 ноября), показавшихъ, что думское большинство объединяется вокругъ П. А. Столыпина, смягчилъ понемногу свое отрицательное отношеніе къ Думѣ и самъ Государь. Онъ поставилъ на думскомъ адресѣ сухую помѣтку: «Готовъ вѣрить выраженнымъ чувствамъ. Ожидаю плодотворной работы». На телеграмму правыхъ депутатовъ Онъ отвѣтилъ благодарностью: «Вѣрю, — писалъ Онъ — что созданная Мною Дума обратится на путь труда, и въ строгомъ подчиненіи установленнымъ Мною Основнымъ Законамъ оправдаетъ Мои надежды». 19 ноября Государь впервые принялъ предсѣдателя Н. А. Хомякова, и пріемъ, какъ отмѣчали газеты, былъ высокомилостивымъ.

Послѣ этого, Дума закончила пренія по министерской деклараціи — причемъ, всѣ предложенныя формулы перехода оказались отвергнутыми — даже формула октябристовъ (большинствомъ 182 лѣвыхъ и правыхъ противъ 179 голосовъ центра).

Послѣ преній объ адресѣ, жизнь Третьей Думы вошла въ колею. Опредѣлилось, что думское большинство состоитъ изъ октябристовъ и правыхъ.

Октябристы были самой многочисленной фракціей и занимали положеніе руководящаго центра. Въ ихъ средѣ были и болѣе лѣвые, близкіе къ мирнообновленцамъ, и болѣе правые, часть которыхъ голосовала 13 ноября противъ своихъ лидеровъ. Но признаннымъ вождемъ партіи и вообще наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ всей Третьей Думы былъ, несомнѣнно, А. И. Гучковъ. Онъ больше говорилъ на фракціонныхъ засѣданіяхъ, чѣмъ въ общихъ собраніяхъ Думы. «Руководитель Третьей Думы скупъ на выступленія» — отмѣчала А. В. Тыркова въ «Русской Мысли». — «Нѣтъ сомнѣнія, что его рука направляетъ курсъ тяжелаго, окруженнаго рифами корабля. Но самъ онъ только изрѣдка показывается на капитанскомъ мостикѣ». А. И. Гучковъ былъ опредѣленнымъ сторонникомъ конституціоннаго строя и расширенія правъ Г. Думы. Но добиваться этой цѣли онъ хотѣлъ постепенно, безъ революціонныхъ потрясеній. Дума, по его мысли, должна была «врасти» въ государственный строй. Для этого было необходимо сотрудничать съ властью, заниматься дѣловой повседневой работой и избѣгать тона предвзятой и однообразной критики, которая какъ бы составляла обязанность оппозиціонныхъ партій.

Фракція октябристовъ насчитывала въ своихъ рядахъ не мало видныхъ ораторовъ, и еще больше дѣловыхъ работниковъ, пріобрѣтшихъ долгій опытъ въ земской и городской дѣятельности: Н. В. Савичъ, проф. М. М. Алексѣенко, Е. П. Ковалевскій, бар. А. Ф. Мейендорфъ, гр. А. А. Уваровъ, В. К. фонъ-Анрепъ и др.

Правое крыло палаты было «демократичнѣе» по своему составу: въ немъ было много крестьянъ и священниковъ. Только человѣкъ пятьдесятъ составили фракцію правыхъ, стоявшую на позиціи союза русскаго народа, критически относившуюся къ министерству Столыпина и готовую сыграть роль «оппозиціи справа». Правые не имѣли признаннаго единаго лидера, ихъ руководители часто враждовали между собою; главными ихъ ораторами были Г. Г. Замысловскій, Н. Е. Марковъ, В. М. Пуришкевичъ, В. В. Шульгинъ.

Умѣренно-правые — и примыкающая къ нимъ справа небольшая группа націоналистовъ — насчитывали до ста депутатовъ; ихъ лидеромъ — выступавшимъ еще рѣже, нежели А. И. Гучковъ, былъ П. Н. Балашовъ, главными ораторами — гр. В. А. Бобринскій, епископъ Евлогій, П. Н. Крупенскій. Умѣренно-правые, вмѣстѣ съ октябристами составляли основное «столыпинское» большинство Третьей Думы. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда націоналисты голосовали съ правыми, и оба крыла Думы объединялись противъ центра — октябристы и умѣренно-

правые оставались въ меньшинствѣ, какъ это и случилось во время преній по министерской деклараціи.

Оппозицію составляли весьма разнородныя группы. Прогрессисты (мирнообновленцы) были близки къ лѣвымъ октябристамъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ голосовали вмѣстѣ съ думскимъ большинствомъ; лучшимъ ихъ ораторомъ былъ Н. Н. Львовъ. К.-д., лишенные той руководящей роли, которую они играли въ двухъ первыхъ Думахъ, оставались наиболѣе крупной оппозиціонной партіей. П. Н. Милюковъ — впервые избранный только въ Третью Думу — занималъ положеніе лидера, тогда какъ наиболѣе видными ораторами считались Ф. И. Родичевъ, А. И. Шингаревъ, В. А. Маклаковъ. (представитель праваго крыла фракціи).

Съ кадетами обычно голосовала и мусульманская группа. Поляки, наоборотъ, держались обособленно, подчеркивая, что они представители не русскаго, а польскаго народа.

Крайнихъ лѣвыхъ было 34, но составъ обѣихъ фракцій былъ на рѣдкость безцвѣтнымъ. У трудовиковъ былъ главнымъ ораторомъ литовецъ Булатъ, а у с.-д. — грузины Чхеидзе и Гегечкори.

Отношенія между большинствомъ и оппозиціей были натянутыя. Большинство устроило въ началѣ 1908 г. демонстрацію противъ Милюкова, который во время рождественскихъ каникулъ ѣздилъ въ Соед. Штаты и читалъ тамъ лекціи о русскомъ „освободительномъ движеніи". Правая печать возмущалась такой „апелляціей къ иностранцамъ", и при появленіи Милюкова на трибунѣ большинство депутатовъ покинуло залъ засѣданій.

Думское большинство проявило свое недовѣріе къ оппозиціи при выборахъ комиссіи государственной обороны: вопреки общему соглашенію о пропорціональныхъ выборахъ, октябристы и правые не пропустили въ эту комиссію ни с.-д., ни трудовиковъ, ни поляковъ, ни даже к.-д., считая, что этимъ партіямъ нельзя довѣрять секретныя военныя свѣдѣнія. Комиссія государственной обороны, во главѣ которой стоялъ самъ Гучковъ, получила затѣмъ немалое значеніе.

Октябристы и правые не пропускали случая выразить свои вѣрноподданническія чувства. Въ началѣ января 1908 г. триста депутатовъ представлялись Государю въ Царскосельскомъ дворцѣ.

Государь довѣрилъ П. А. Столыпину сношенія съ Думой и отвергалъ всѣ попытки апеллировать къ Нему лично. На адресъ московскаго дворянства, принятый правымъ большинствомъ (въ январѣ 1908 г.), Онъ отвѣтилъ: „Увѣренъ, что дворянство московское честно сослужитъ Мнѣ, какъ и встарь, ожидаемую Мною отъ него службу и посвятитъ всѣ свои силы проведенію въ жизнь предуказаній Моихъ по обновленію и укрѣпленію государственнаго строя нашей великой Россіи".

„Впечатлѣніе отличное, сказалъ по этому поводу А. И. Гучковъ. Высочайшая отмѣтка — лучшее доказательство прочности конституціоннаго строя".

Думское большинство вообще относилось весьма ревниво къ своимъ правамъ (хотя лѣвая печать, по привычкѣ, утверждала обратное). Когда возникъ вопросъ о возможности сокращенія штатовъ одного

вѣдомства, установленныхъ указомъ въ періодъ между двумя Думами, лидеръ умѣренно правыхъ гр. В. А. Бобринскій предложилъ сократить эти штаты на одинъ рубль, чтобы подчеркнуть право Думы на такое рѣшеніе. Это сокращеніе было прозвано „конституціоннымъ рублемъ“.

Обсужденіе бюджета вообще давало Думѣ большое вліяніе на весь государственный аппаратъ. Отдѣльныя вѣдомства, буквально, дрожали передъ бюджетной комиссіей, которая могла урѣзать штаты и ассигновки. Въ общемъ собраніи, при обсужденіи смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ, публичной критикѣ подвергалась вся ихъ дѣятельность; ораторамъ оппозиціи тутъ открывались широкія возможности, которыми они и пользовались для своей пропаганды, тѣмъ болѣе, что лѣвая печать ихъ рѣчи приводила полностью, а всѣ остальныя сильно сокращала.

Дума обратила съ перваго же года особое вниманіе на нужды народнаго образованія, внеся въ смѣту новый 8-милліонный кредитъ на народныя школы. Комиссія государственной обороны, работая при закрытыхъ дверяхъ, установила живое общеніе съ военнымъ вѣдомствомъ и широко шла навстрѣчу пожеланіямъ арміи.

Между П. А. Столыпинымъ и думскимъ большинствомъ установилось дружное взаимодѣйствіе. Выработался даже особый условный языкъ: то, что думскому центру не нравилось въ дѣйствіяхъ власти— приписывалось нѣкимъ „безотвѣтственнымъ вліяніямъ“. Премьеръ путемъ угрозы подать въ отставку могъ добиться отъ думскаго большинства почти любой уступки (конечно, такіе переговоры велись только въ частномъ порядкѣ; ставить въ Думѣ „вопросъ о довѣріи“ Столыпинъ, разумѣется, не могъ). Такъ во время преній о ревизіи желѣзныхъ дорогъ П. Н. Милюковъ потребовалъ созданія „парламентской слѣдственной комиссіи“, на что министръ финансовъ В. Н. Коковцевъ замѣтилъ: „У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“. Предсѣдатель Думы Н. А. Хомяковъ назвалъ эти слова „неудачными“; министры стали на точку зрѣнія, что имъ нельзя дѣлать замѣчаній, и Столыпинъ заявилъ, что подастъ въ отставку, если Дума не найдетъ пріемлемый выходъ изъ положенія. Инцидентъ былъ ликвидированъ тѣмъ, что Н. А. Хомяковъ въ Думѣ „покаялся“ въ допущенной имъ ошибкѣ.

При обсужденіи смѣты военнаго министерства А. И. Гучковъ выступилъ съ рѣзкой критикой того факта, что во главѣ ряда высшихъ военныхъ учрежденій стоятъ лица, „безотвѣтственныя по своему положенію“, т.е. Великіе Князья. Гучковъ особенно нападалъ на совѣтъ государственной обороны, предсѣдателемъ котораго состоялъ В. К. Николай Николаевичъ. Въ данномъ случаѣ эта критика отчасти соотвѣтствовала видамъ премьера и военнаго министра Редигера.

Думское большинство пошло навстрѣчу желаніямъ Государя въ вопросѣ о постройкѣ Амурской желѣзной дороги и взяло на себя починъ пересмотра отношеній между Имперіей и Финляндіей, внеся по этому поводу запросъ на имя Столыпина.

За первую сессію, только по одному вопросу возникло серьезное разногласіе между Думой и властью. Государь считалъ нужнымъ возможно скорѣе приступить къ возсозданію флота, и въ Думу былъ внесенъ проектъ постройки четырехъ линейныхъ кораблей новаго типа („дредноутовъ"). Дума отклонила этотъ проектъ, требуя предварительныхъ реформъ въ морскомъ вѣдомствѣ.

Государь былъ очень этимъ недоволенъ. Онъ писалъ Столыпину, что Ему „очень хотѣлось отписать крѣпкое слово" Г. Думѣ „за ея слѣпое и ничѣмъ не оправдываемое отклоненіе кредита на возсозданіе флота — и это какъ разъ наканунѣ прибытія короля англійскаго". Онъ, однако, только предоставилъ правительству добиться возстановленія кредита въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

П. А. Столыпинъ въ Гос. Совѣтѣ по этому поводу говорилъ: „Всѣ тѣ доводы и соображенія, которые приводятся для того, чтобы побудить законодательныя учрежденія къ отклоненію кредита, имѣютъ цѣлью побудить правительство принять мѣры чисто исполнительнаго характера, которыя зависятъ отъ Верховной Власти. Говорятъ: сдѣлайте то-то, и деньги получите" . . . Премьеръ указывалъ, что это ведетъ къ парламентаризму: „Опаснѣе всего былъ бы безсознательный переходъ къ нему путемъ созданія прецедентовъ".

Дума, однако, не уступила въ вопросѣ о дредноутахъ, и этимъ замѣтно затормозила возсозданіе флота. Но это, за первый годъ, былъ единственный серьезный конфликтъ.

„Пока во главѣ правительства Столыпинъ — писалъ о Третьей Думѣ кн. В. П. Мещерскій — она будетъ смѣшною, будетъ дерзкою, будетъ глупою, и, думаю, сумѣетъ á la longue быть разумной, но опасною ее врядъ ли можно считать" . . .

Зимой 1907 — 08 г. закончилась ликвидація ряда дѣлъ, связанныхъ съ революціей и войной. Соціалъ-демократы Второй Думы, за попытку созданія революціонной организаціи въ арміи, были приговорены къ каторжнымъ работамъ на сроки отъ 4 до 5 лѣтъ. Участники Крестьянскаго союза, за пропаганду аграрныхъ безпорядковъ, были осуждены на годъ и три мѣсяца заключенія въ крѣпости.

Членовъ Первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, приговорили всего къ тремъ мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости (болѣе чувствительной карой было, однако, связанное съ этимъ лишеніе избирательныхъ правъ). „Обвинили въ поджогѣ отечества, а наказали, какъ за неосторожную ѣзду по городу" — писалъ объ этомъ приговорѣ „Товарищъ". — „Да вѣдь въ результатѣ и была лишь неосторожная ѣзда только не по городу, а за городъ", отозвалось „Новое Время".

Процессъ ген. Стесселя и другихъ чиновъ командного состава Портъ-Артурской крѣпости тянулся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Ген. Стессель за сдачу Портъ-Артура былъ приговоренъ къ смертной казни, но кара была смягчена до 10 годовъ крѣпости. Остальные были оправданы. (Такъ же закончился, нѣсколько позже, и процессъ адм. Небогатова, сдавшагося послѣ Цусимы съ остатками эскадры).

Былъ пойманъ и казненъ (1 мая 1908 г.) уральскій „атаманъ“ Лбовъ, своего рода Стенька Разинъ XX вѣка, въ теченіе двухъ лѣтъ хозяйничавшій со своей шайкой на всемъ Уралѣ и долго славившійся своей неуловимостью.

Жизнь въ странѣ входила въ новыя рамки; равновѣсіе возстанавливалось — равновѣсіе болѣе устойчивое, нежели до Японской войны. Не только земства и города, не только торгово-промышленные круги отошли отъ прежней предвзятой оппозиціи; даже въ студенчествѣ, которое раньше неизмѣнно выступало застрѣльщикомъ въ борьбѣ съ властью, проявлялись теперь совершенно новыя настроенія.

Зима 1907-08 г., какъ и предшествующая, прошла безъ сколько-нибудь серьезныхъ студенческихъ волненій. Въ учебныхъ заведеніяхъ, автономно управлявшихся совѣтами профессоровъ, свободно существовали и дѣйствовали студенческія фракціи всѣхъ партій (собиравшіяся подъ фирмой различныхъ литературныхъ кружковъ). Это дало возможность объединиться и организоваться уже не только крайнимъ лѣвымъ, и безъ того всегда имѣвшимъ свои подпольныя группы, но также и умѣреннымъ и правымъ. Появились студенческія группы к.-д., октябристовъ, союза русскаго народа. Студенты к.-д., близкіе по взглядамъ къ профессорской средѣ, играли въ университетѣ роль умѣренныхъ. Они боролись противъ засилья крайнихъ лѣвыхъ, возставали противъ рѣшающаго значенія сходокъ и противъ забастовокъ, какъ метода политической борьбы. Въ теченіе двухъ лѣтъ ходъ университетской жизни почти не нарушался. Лѣвые еще устраивали порою однодневныя „забастовки протеста“ по разнымъ поводамъ, но эти забастовки только отражались нѣкоторымъ уменьшеніемъ числа студентовъ на лекціяхъ.

Осенью 1908 года лѣвыя партіи сдѣлали послѣднюю попытку мобилизовать студенческія массы. Поводъ былъ для нихъ выигрышный: новый министръ народнаго просвѣщенія, А. Н. Шварцъ, — заявившій, при вступленіи въ должность, что пока не изданы новые законы, необходимо соблюдать старые, — возстановилъ въ средней школѣ переходные экзамены, а изъ высшихъ учебныхъ заведеній распорядился удалить вольнослушательницъ, допускавшихся съ 1906 г. въ университеты съ молчаливаго согласія властей.*) (Дѣйствіе процентной нормы для евреевъ было возстановлено уже съ осени 1907 г.). Одновременно былъ поднятъ вопросъ объ удаленіи нѣсколькихъ преподавателей, принадлежавшихъ къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ.

Мѣры А. Н. Шварца критиковались не только въ к.-д. газетахъ, но и въ октябристскомъ „Голосѣ Москвы“. 20 сентября въ СПБ университетѣ состоялась общая сходка, постановившая объявить забастовку. Совѣтъ профессоровъ хотѣлъ уклониться отъ борьбы, закрывъ университетъ на нѣкоторое время, но министръ этого не разрѣшилъ. Изъ Петербурга забастовка быстро перекинулась въ другіе университеты. Она велась подъ лозунгомъ „борьба за университетскую автономію“. „Если теперь студенчество не двинется — говорилъ на сходкѣ

---

*) Министръ затѣмъ разрѣшилъ вольнослушательницамъ, уже состоявшимъ въ университетѣ, окончить курсъ.

въ Петербургѣ одинъ революціонный ораторъ — тогда можно будетъ сказать про наши университеты: здѣсь лежитъ покойникъ".

Ходъ забастовки очень скоро показалъ, насколько перемѣнились времена. Умѣренная часть студентовъ организовалась и повела борьбу противъ забастовки, требуя „референдума" — всеобщаго тайнаго голосованія по этому вопросу. Лѣвые пытались опереться на свое обычное орудіе — сходки. Въ Московскомъ университетѣ получился при этомъ такой курьезъ: та же самая сходка открытымъ голосованіемъ одобрила обструкцію для проведенія забастовки, а подачей записокъ высказалась — въ пользу прекращенія самой забастовки! Власти держались выжидательно: не было ни массовыхъ арестовъ, ни высылокъ — какъ не было и уличныхъ демонстрацій. Недѣли черезъ двѣ послѣ начала забастовки, одно учебное заведеніе за другимъ стало выносить резолюціи въ пользу возобновленія занятій. Впервые въ исторіи студенческихъ движеній, умѣренные элементы собственными силами одолѣли крайнихъ. Съ этого времени монополія лѣвыхъ партій въ студенчествѣ была сломлена — для революціи университеты дѣйствительно оказались „покойниками" — и на ближайшіе годы въ высшей школѣ водворились миръ и тишина.

Наканунѣ переломныхъ лѣтъ, русская интеллигенція представляла, въ основномъ, единое цѣлое. Сложилось цѣлое традиціонное міровозрѣніе, непримиримо отрицавшее основы русской исторической государственности. Формуламъ „За Вѣру, Царя и Отечество", „православіе самодержавіе и народность", интеллигенція противопоставляла отрицаніе религіи, отрицаніе монархіи, отрицаніе національной идеи. Любовь къ отечеству она замѣняла любовью къ народу, къ „массамъ"; она еще готова была признать лермонтовское „люблю отчизну я, но странною любовью... ни слава, купленная кровью ни полный гордаго довѣрія покой. . . не шевелятъ во мнѣ отраднаго сознанья"; но пушкинскіе „Клеветникамъ Россіи" или его „Стансы" Императору Николаю I считались „позорными страницами" въ творчествѣ великаго поэта.

Крушеніе революціи вызвало не только разочарованіе, но и цѣлое теченіе, направленное къ пересмотру интеллигентскихъ традицій. Этому сильно способствовали — (какъ и преодолѣнію лѣвыхъ теченій въ университетѣ) — новыя условія жизни. Раньше всякое возраженіе, направленное противъ лѣвыхъ, считалось „доносомъ"; теперь, когда обличающая критика не грозила повлечь никакихъ репрессій, заговорили многіе, кто до тѣхъ поръ молчалъ.

Пересмотръ интеллигентскихъ традицій въ первую очередь коснулся отношенія къ религіи, затѣмъ къ національной идеѣ, а тамъ и къ идеямъ государства и великодержавности. Религіозныя теченія въ русской интеллигенціи проявлялись уже и до 1905 г. (Религіозно-философскія собранія, журналъ „Новый Путь"). Теперь то, что занимало небольшіе кружки, стало распространяться на широкіе слои интеллигенціи. „Толстые журналы" стали помѣщать статьи на религіозно-философскія темы, — даже марксистскій „Современный Міръ":

Въ художественной литературѣ добились признанія „декаденты", надъ которыми раньше принято было смѣяться. Появился особый, вульгаризованный „стиль-модернъ". Леонидъ Андреевъ, вмѣсто прежнихъ реалистическихъ разсказовъ, сталъ выпускать символическія пьесы — „Анатэма", „Царь-Голодъ", „Черныя маски" и т.д.

Наряду со здоровымъ теченіемъ къ пересмотру интеллигентскихъ „каноновъ", наблюдались и отрицательныя явленія. Возникла настоящая литературная эпидемія „санинства"—это названіе происходило отъ романа Арцыбашева „Санинъ"—увлеченія эротическими описаніями и проповѣдью „свободной любви". Это теченіе, одинаково рѣзко критиковавшееся и справа и слѣва, — пользовалось тѣмъ не менѣе большимъ успѣхомъ въ широкихъ кругахъ интеллигенціи и полуинтеллигенціи. Для лѣвыхъ это было нѣсколько неожиданнымъ слѣдствіемъ отмѣны предварительной цензуры. Такъ „Санинъ" былъ „запрещенъ" присутствіемъ по дѣламъ печати, когда эта книга уже разошлась по всей Россіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Разочарованіе въ политикѣ, занимавшей такое огромное мѣсто въ жизни интеллигенціи, оставило пустоту, которую заполняли „чѣмъ попало" . . .

Внѣшняя политика Россіи за переломные годы какъ бы отошла на второй планъ передъ внутренней, но именно за это время и въ ней произошелъ существенный поворотъ. Основными чертами русской политики были до тѣхъ поръ союзъ съ Франціей, добрыя отношенія съ Германіей, соглашеніе съ Австріей по балканскимъ дѣламъ, соперничество съ Англіей по всему „фронту" Азіи и только что прерванная Портсмутскимъ миромъ открытая вражда съ Японіей.

Англійскіе либералы, пришедшіе къ власти въ началѣ 1906 г., были склонны перемѣнить традиціонную антирусскую политику — отчасти изъ соображеній искренняго пацифизма, отчасти подъ вліяніемъ Франціи, отчасти изъ обозначившагося соперничества съ Германіей. Созданіе новаго типа броненосцевъ, въ значительной мѣрѣ обезцѣнивавшее старыя боевыя суда, сильно подрывало морскую гегемонію Англіи и давало Германіи, только недавно начавшей строить флотъ, серьезные шансы въ соревнованіи за господство на моряхъ.

Новый англійскій посолъ, сэръ Артуръ Никольсонъ, прибылъ въ С.-Петербургъ въ маѣ 1906 г. съ порученіемъ наладить англо-русское сближеніе; онъ встрѣтилъ въ этомъ сочувственное отношеніе у новаго министра иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскаго. Англійское правительство сначала сильно расчитывало на русскіе «кадетскіе» круги; но сэръ А. Никольсонъ скоро пришелъ къ заключенію, что ставку слѣдуетъ дѣлать не на Думу, а на Столыпина, и былъ сильно встревоженъ, когда англійскій премьеръ Кэмпбеллъ-Баннерманнъ послѣ роспуска Первой Думы на междупарламентскомъ банкетѣ воскликнулъ: — «Дума умерла — да здравствуетъ Дума». Король Эдуардъ VII былъ этимъ раздраженъ не менѣе, чѣмъ посолъ.

Еще лѣтомъ 1906 года визитъ англійскихъ судовъ въ русскіе порты былъ отмѣненъ по просьбѣ Россіи. Но переговоры объ урегулированіи спорныхъ азіатскихъ вопросовъ тѣмъ не менѣе завязались.

Теперь, на основанiи опубликованной дипломатической переписки, можно считать установленнымъ, что инцiатива въ этомъ случаѣ исходила отъ Англiи. Со своей стороны, русское правительство, въ перiодъ заживленiя ранъ послѣ войны и революцiи, не считало цѣлесообразнымъ принципiально уклоняться отъ полюбовнаго разрѣшенiя споровъ. Въ русскомъ обществѣ идея сближенiя съ Англiей быстро стала популярной, т. к. ее связывали съ общимъ либеральнымъ направленiемъ.

Не представляя себѣ, что соглашенiя желаетъ въ первую очередь Англiя, русское общество прониклось представленiемъ о томъ, что Императорская власть, ради сближенiя съ нею, будетъ держаться «конституцiоннаго курса». Этого было достаточно, чтобы почти вся печать быстро отрѣшилась отъ старыхъ — и даже очень свѣжихъ — воспоминанiй объ англо-русской враждѣ, и стала доказывать необходимость англо-русскаго сближенiя. Между тѣмъ, Государю и въ голову не приходило что-либо мѣнять во внутренней политикѣ Россiи ради привлеченiя симпатiй Англiи! Если существованiе Гос. Думы въ Россiи дѣйствительно облегчило это сближенiе — то лишь потому, что это помогло англiйскому кабинету преодолѣть застарѣлую вражду англичанъ къ «царизму».

Переговоры касались Тибета, Афганистана и Персiи. До Японской войны Россiя интересовалась Тибетомъ, пользовалась связью своихъ подданныхъ бурятъ-ламаитовъ съ правительствомъ Далай-ламы и противодѣйствовала англiйскому влiянiю въ этой странѣ, только формально подчиненной Китаю. Русско-японская война дала Англiи случай отправить въ Тибетъ военную экспедицiю полк. Iонхесбэнда, занявшую запретный городъ Лхассу. Далай-лама бѣжалъ въ Монголiю. Англiя заставила Тибетъ подписать договоръ, устанавливавшiй англiйскiй контроль надъ его внѣшними сношенiями.

Афганистанъ былъ старымъ „яблокомъ раздора" между Англiей и Россiей; онъ послужилъ поводомъ для единственнаго за царствованiе Императора Александра III инцидента, едва не приведшаго къ войнѣ. Всѣ планы „похода на Индiю" основывались на предпосылкѣ занятiя Афганистана.

Наконецъ, въ Персiи Англiя противилась русскому влiянiю, поддерживала либеральные и революцiонные элементы противъ шаха и стремилась предотвратить постройку русскихъ желѣзныхъ дорогъ, особенно опасаясь, что Россiя достигнетъ выхода на Индiйскiй океанъ въ Персидскомъ заливѣ (портъ Бендеръ-Аббасъ).

Теперь Англiя предлагала значительныя уступки. Въ отношенiи Афганистана, правда, она оставалась на прежней позицiи: но она соглашалась отказаться отъ всякихъ преимуществъ въ Тибетѣ, а въ Персiи предоставляла Россiи, какъ сферу влiянiя, всю сѣверную часть, наиболѣе населенную и плодородную.

Переговоры тянулись годъ. Сначала они велись въ глубокой тайнѣ, и только весною 1907 года о нихъ впервые заговорили въ печати. Во Францiи это вызвало удовлетворенiе, въ Германiи — безпокойство; что касается Россiи, то она въ это время слишкомъ была занята Второй Думой.

Весной 1907 г. было подписано соглашеніе между Франціей и Японіей. Русская оффиціальная печать подчеркнула, что Россія горячо одобряетъ этотъ шагъ. Затѣмъ, лѣтомъ 1907 г., послѣдовало русско-японское соглашеніе, разрѣшавшее послѣдніе спорные вопросы, связанные съ ликвидаціей войны.

21 іюля, на рейдѣ въ Свинемюндѣ, состоялась встрѣча Государя съ Императоромъ Вильгельмомъ II — первое свиданіе черезъ два года послѣ Бьеркэ. При большой торжественности, это свиданіе оказалось политически безсодержательнымъ. Германскій Императоръ, узнавъ отъ Государя, что соглашеніе съ Англіей предрѣшено, старался показать, что ничего противъ этого не имѣетъ. Неудача Бьеркскаго соглашенія оставила извѣстный холодокъ въ отношеніяхъ между монархами: Государь считалъ, что германскій императоръ пытался извратить смыслъ этого соглащенія, настаивая на его буквѣ, а Вильгельмъ II держался мнѣнія, что Государь отказался, подъ давленіемъ своихъ совѣтниковъ, отъ принятыхъ на себя обязательствъ. Тосты въ Свинемюндѣ были на рѣдкость безцвѣтны: Государь говорилъ о „продолженіи родственныхъ отношеній, традиціонной дружбѣ“, а германскій императоръ о „неизмѣнной дружбѣ нашихъ династій и нашихъ народовъ“. Все же, свиданіе въ Свинемюндѣ ослабило внѣшнее впечатлѣніе отъ соглашеній съ Японіей и съ Англіей, подчеркнувъ „свободу рукъ“ Россіи.

18 (31) августа 1907 г. англо-русское соглашеніе было подписано. Англія отказывалась отъ Тибета; обѣ державы признавали суверенитетъ Китая надъ этой страной. Россія отказывалась отъ притязаній на Афганистанъ; обѣ державы обязывались уважать его независимость и неприкосновенность. Персія дѣлилась на три зоны: сѣверная, съ Тавризомъ, Тегераномъ, южнымъ побережьемъ Каспійскаго моря и центральной областью, вплоть до Испагани и Ханикина, входила въ русскую сферу вліянія; юго-восточная часть, примыкающая къ Афганистану и Индіи, считалась англійской зоной; а между ними оставалась „нейтральная“ общая полоса, включавшая почти все побережье Персидскаго залива. Обѣ державы, при этомъ, взаимно обязались охранять неприкосновенность и независимость Персіи.

Русская печать, въ общемъ, встрѣтила соглашеніе сочувственно. „Новое Время“ называло соглашеніе съ Японіей и Англіей „ликвидаціей“, завершеніемъ старыхъ расчетовъ, и писало: „Соглашеніе 18 августа знаменуетъ собою новую фазу въ азіатской группировкѣ: оно обозначаетъ собой отказъ отъ того индійскаго похода, который не разъ горячилъ воображенія въ Россіи“... Сходную мысль высказалъ и министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій, защищая проектъ соглашенія въ Совѣтѣ Министровъ. „Мы должны поставить наши интересы въ Азіи на надлежащее мѣсто, иначе мы сами станемъ государствомъ азіатскимъ, что было бы величайшимъ несчастьемъ для Россіи“.

„Мнѣ кажется — писалъ въ то же время канцлеру Бюлову Микель, германскій повѣренный въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ — что новшества, вводимыя въ Азіи этимъ соглашеніемъ, не такъ велики, какъ ожидалось. Значеніе русско-англійскаго соглашенія не столько въ Азіи, сколько въ Европѣ, гдѣ его послѣдствія долго будутъ давать себя знать“.

Микель подчеркивалъ, что это соглашеніе — „скорѣе дѣло рукъ англійской, нежели русской политики“. Онъ отмѣчалъ, что подписанію соглашенія сопутствовали антигерманскіе выпады въ русской и англійской печати.

Въ Англіи консерваторы выступили съ рѣзкой критикой соглашенія; особенно возмущался лордъ Керзонъ, бывшій вице-король Индіи, организовавшій походъ въ Тибетъ. Парламентъ, тѣмъ не менѣе, одобрилъ конвенцію.

Государь — если вѣрить германскому повѣренному въ дѣлахъ — не желалъ общаго соглашенія съ Англіей, остріе котораго было бы направлено противъ Германіи. Но онъ не видѣлъ основаній возражать противъ конвенціи, дававшей Россіи значительныя преимущества взамѣнъ за отказъ отъ притязаній, осуществить которыя едва ли было бы возможно въ сколько-нибудь обозримомъ будущемъ. Государь при этомъ никогда не забывалъ объ Азіи — это показалъ его исключительный интересъ къ вопросу объ Амурской жел. дорогѣ. П. А. Столыпинъ, защищая этотъ проектъ въ Думѣ, говорилъ: „Русскій народъ всегда сознавалъ, что онъ осѣлъ и окрѣпъ на грани двухъ частей свѣта; что онъ отразилъ монгольское нашествіе, что ему дорогъ и любъ Востокъ... Нашъ орелъ, наслѣдіе Византіи, орелъ двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но отсѣкая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на Востокъ, вы не превратите его въ одноглаваго, вы заставите его только истечь кровью“. Эти слова премьера были ближе къ мысли Государя, чѣмъ заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ о томъ, что русскіе интересы въ Азіи надо поставить „на надлежащее мѣсто“...

Именно въ Азіи англо-русское соглашеніе давало Россіи безспорныя выгоды, не только въ томъ, о чемъ оно говорило, но и своими умолчаніями. Такъ, сѣверная Маньчжурія, Монголія, Китайскій Туркестанъ, а также и конвенція съ Японіей, кстати сказать, совершенно не соотвѣтствовали распространеннымъ — особенно въ русскомъ обществѣ — представленіямъ объ униженной, ослабленной Россіи! Скорѣе можно было удивляться, какъ Россія быстро возстанавливала свое державное положеніе. Она оставалась первой державой Азіи. Японія, истощенная войной въ большей мѣрѣ, нежели Россія, такъ и не получившая чаемой контрибуціи, благодаря мудрой твердости Государя, вынуждена была серьезно считаться съ русской мощью: она измѣрила ее въ борьбѣ, и японскіе государственные дѣятели отлично знали, что стеченіе обстоятельствъ, давшее имъ возможность благополучно для себя закончить войну, едва ли повторится вновь.

Государь не хотѣлъ, чтобы соглашеніе съ Англіей привело къ расхожденію съ Германіей. Но могущественныя вліянія влекли въ ту сторону. Русское общество прониклось представленіемъ, что англо-французскій союзъ означаетъ „конституцію“, а дружба съ Германіей — „реакцію“. Министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій не сразу обратился на этотъ путь; но въ Думѣ онъ нашелъ сочувственный пріемъ не только со стороны большинства, но и со стороны оппозиціи, въ лицѣ П. Н. Милюкова. Въ это же время интеллигенція начинала ин-

тересоваться внѣшней политикой. П. Б. Струве въ „Русской Мысли“ (въ январѣ 1908 г.) выступилъ со статьей „Великая Россія“, не побоявшись взять, въ видѣ эпиграфа, слова П. А. Столыпина о „Великой Россіи“ и „великихъ потрясеніяхъ“. „Для созданія Великой Россіи — писалъ онъ — есть только одинъ путь: направить всѣ силы на ту область, которая дѣйствительно доступна реальному вліянію русской культуры. Эта область — весь бассейнъ Чернаго моря, т. е. всѣ европейскія и азіатскія страны, „выходящія“ къ „Черному морю“.

Эти мысли, по существу, не были новыми. Это было возвращеніе къ ближне-восточной политикѣ Императоровъ Николая I и Александра II. Русская власть за послѣднія десятилѣтія избрала иной путь потому, что лучше сознавала трудности — и ограниченныя возможности — этого будто-бы естественнаго пути. Теперь русская интеллигенція, съ запозданіемъ на цѣлое поколѣніе, выходила на путь, уже пройденный нѣкогда русской властью. Эта политика представлялась широкимъ кругамъ болѣе доступной и понятной, чѣмъ широкіе азіатскіе планы Государя.

Къ лѣту 1908 г., безъ какихъ-либо формальныхъ измѣненій курса русской внѣшней политики, передъ всѣмъ міромъ уже обозначилась новая международная комбинація: Россія - Франція - Англія. Англійскій Король Эдуардъ VII прибылъ въ Ревель 28 мая (10 іюня). Этому визиту предшествовали пренія въ англійскомъ парламентѣ: лѣвые депутаты протестовали противъ сближенія съ царизмомъ, говорили о „русскихъ звѣрствахъ“. Сэръ Эдуардъ Грей далъ имъ рѣшительную отповѣдь, напомнивъ имъ объ эпидеміи революціоннаго террора, а также о томъ, что депутаты „выборжцы“ были заключены въ тюрьму „не за свои либеральныя убѣжденія“. Пренія показали, что обѣ большія англійскія партіи — либералы и консерваторы — одинаково стоятъ за сближеніе съ Россіей.

Меньше, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ Эдуарда VII, въ Россію прибылъ французскій президентъ Фальеръ. Во французскомъ парламентѣ только соціалисты — да и то не очень энергично — протестовали противъ этой поѣздки. „Президентъ — говорилъ «коммунаръ» Вайянъ — можетъ въ Россіи услышать выстрѣлы: это убиваютъ ея лучшихъ гражданъ“. Министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ рѣшительно заклеймилъ подобныя выходки.

Въ такой международной обстановкѣ застало Европу событіе, положившее конецъ политикѣ сохраненія «statu quo» на Балканахъ; младотурецкая революція въ іюлѣ 1908 года.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Земельный вопросъ: проведеніе въ жизнь закона 9 ноября; увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Землеустроительная кампанія. Итоги землеустройства за пять лѣтъ (1907 — 1911).

Критика земельной политики справа. Законъ 9 ноября въ Г. Думѣ и Г. Совѣтѣ.

Санджаковская ж. д. Младотурецкая революція. Свиданіе въ Бухловѣ.

Аннексія Босніи и Герцеговины. Протесты въ Россіи; нео-славизмъ. Германская нота 8 (21) марта 1909 г.; послѣдствія Боснійскаго кризиса.

Дѣло Азефа. „Вѣхи". Дума и армія; выступленіе Гучкова; отставка ген. Редигера.

Вопросъ о морскихъ штатахъ. Сдвигъ кабинета вправо; сближеніе октябристовъ съ оппозиціей.

Поѣздка Государя въ Англію и во Францію.

„Дайте Россіи 20 лѣтъ покоя".

„Многіе думаютъ, что, пока еще нѣтъ въ деревнѣ полнаго успокоенія, необходимо все оставить по старому; но правительство думаетъ иначе . . . Правительство убѣждено, что, прекращая всякія попытки къ безпорядкамъ, безжалостно прекращая ихъ физической силой, оно обязано всю свою нравственную силу направить къ обновленію страны. Обновленіе это, конечно, должно послѣдовать снизу. Надо начать съ замѣны вывѣтрившихся камней фундамента, и дѣлать это такъ, чтобы не поколебать, а укрѣпить всю постройку". Этими словами П. А. Столыпина*) отчетливо выражено, какая задача была поставлена правительствомъ на первое мѣсто.

*) Рѣчь въ Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства 11 марта 1908 г.

Вопросъ о необходимости улучшить положенiе деревни былъ уже давно предметомъ заботъ Императорской власти; теперь, когда послѣ долгаго перiода обдумыванiя, взвѣшиванiя и подготовки, власть избрала опредѣленный путь, она двинулась по нему впередъ съ настойчивостью и энергiей. Всякое рѣшительное дѣйствiе въ такомъ спорномъ вопросѣ, какъ земельный, не могло не породить ожесточенной критики; законъ 9 ноября оспаривался не только слѣва, но и справа. Только группа думскаго центра и праваго центра оказались опредѣленными сторонниками земельной реформы, основанной на принципѣ укрѣпленiя частной собственности въ деревнѣ. Среди правыхъ, особенно среди крестьянъ и священниковъ, было немало защитниковъ общины. Н. Е. Марковъ заявилъ, что будетъ голосовать за законъ только потому, что не считаетъ себя вправѣ идти противъ воли монарха. Вообще, если бы законъ не былъ у ж е осуществленъ на практикѣ — провести его черезъ Думу было бы нелегко.

„Съ аграрной реформой, ликвидировавшей общину, по значенiю въ экономическомъ развитiи Россiи могутъ быть сопоставлены лишь освобожденiе крестьянъ и проведенiе желѣзныхъ дорогъ", писалъ въ „Русской Мысли" П. Б. Струве, и онъ добавлялъ: „Не только ясно, что безъ акта 3 iюня Г. Дума никогда бы не приняла аграрной реформы Столыпина, ясно и то, что безъ осуществленiя этой реформы по 87-ой статьѣ, т. е. помимо Думы, даже Дума 3 iюня никогда бы не рѣшилась на такой переворотъ".

Земельная реформа была проведена по старому, велѣнiемъ Государя; но разъ „Рубиконъ былъ уже перейденъ", думское большинство получило возможность поддержать правительство въ дальнѣйшей разработкѣ аграрнаго законодательства.

Законъ 9 ноября сталъ фактически примѣняться съ 1 января 1907 г. Основнымъ принципомъ начавшейся съ этого дня огромной работы было разрѣшенiе свободнаго выхода изъ общины и установленiе личной крестьянской собственности на землю, — л и ч н о й, а не семейной. П. А. Столыпинъ, какъ премьеръ и министръ внутреннихъ дѣлъ, принялъ самое дѣятельное участiе въ проведенiи реформы. Того же онъ требовалъ и отъ мѣстныхъ властей Администрацiя не должна была ограничиваться пассивнымъ ожиданiемъ того, захотятъ или не захотятъ крестьяне воспользоваться новымъ закономъ. На съѣздѣ непремѣнныхъ членовъ землеустроительныхъ комиссiй П. А. Столыпинъ говорилъ:*) „Вы обязывались широко разъяснять народу смыслъ новаго закона и облегчать ему возможность воспользоваться имъ. В а м ъ в ъ р у к и б ы л ъ д а н ъ к л ю ч ъ, и о т ъ в а ш е г о у м ѣ н i я з а в и с ѣ л о о т к р ы т ь и м ъ н а р о д у д в е р ь к ъ л у ч ш е м у б у д у щ е м у. Познайте, какая сила дѣйствiя въ вашихъ рукахъ, и поймите, что я не могу допустить неуспѣха, что работникъ не воодушевленный, въ моихъ глазахъ не работникъ".

Энергичная политика власти встрѣтила живой откликъ на мѣстахъ, какъ въ администрацiи, такъ и въ земствѣ. Проведенiе реформы

*) Въ январѣ 1909 г.

было возложено на уѣздныя землеустроительныя комиссіи, большинство въ которыхъ принадлежало выборнымъ. *) Этихъ комиссій за первые же два года реформы было образовано 374 (черезъ пять лѣтъ ихъ было 463); число землемѣровъ, обслуживавшихъ комиссіи, съ 200 при началѣ работъ, черезъ четыре года уже поднялось выше пяти тысячъ**).

Съ проведеніемъ въ жизнь закона 9 ноября было неразрывно связано землеустройство, имѣвшее главною своей цѣлью устраненіе черезполосицы. Черезъ законодательныя учрежденія былъ впослѣдствіи проведенъ особый законъ о землеустройствѣ. На землеустроительныя комиссіи возлагались многообразныя задачи: 1) простое закрѣпленіе земли въ собственность (безъ перемежеванія); 2) выдѣленіе закрѣпляемой земли къ одному мѣсту (отруба); 3) созданіе особыхъ мелкихъ имѣній (хуторовъ), и, наконецъ, 4) перемежеваніе для устраненія черезполосицы безъ закрѣпленія земли въ собственность за отдѣльными крестьянами.

Содѣйствуя также и закрѣпленію въ собственность и устраненію черезполосицы, правительство въ особенности поощряло выдѣленіе отрубовъ и созданіе хуторовъ, считая, что именно такимъ путемъ можетъ создаться жизнеспособное единоличное крестьянское хозяйство.

Деревни, гдѣ не было передѣловъ со времени освобожденія крестьянъ, считались автоматически перешедшими къ единоличному владѣнію.

Отдѣльный членъ общины, выдѣляясь изъ нея, получалъ ту землю, на которую, въ качествѣ надѣла, имѣлъ право по мѣстнымъ обычаямъ. Онъ сохранялъ свою долю участія въ пастбищахъ, лѣсахъ и другихъ угодьяхъ общины.

Землеустроительныя работы распадались на четыре стадіи: 1) подача прошеній — цѣлыми обществами или отдѣльными хозяевами — о выдѣлѣ или передѣлѣ; 2) составленіе плановъ новаго размежеванія земельныхъ участковъ; 3) фактическое размежеваніе съ установкой межевыхъ знаковъ; 4) утвержденіе новаго межеванія — либо по общему согласію, либо, въ случаѣ спора, по рѣшенію землеустроительной комиссіи.

Насколько сложнымъ и медленнымъ былъ этотъ процессъ, показываютъ хотя бы слѣдующія цифры: за первыя пять лѣтъ реформы, прошеній поступило отъ 2 653 000 домохозяевъ; изготовлено плановъ было на 1 327 000 домохозяевъ (съ 12 406 000 дес.); произведено работъ на 1 700 000, и окончательно было принято населеніемъ межеваніе въ отношеніи всего 891 000 домохозяевъ, съ 8 067 000 десятинъ. ***)

*) Составъ комиссіи: предводитель дворянства, предсѣдатель уѣздной управы, непремѣнный членъ отъ министерства земледѣлія, членъ окружнаго суда, 3 выборныхъ отъ крестьянъ, мѣстный земскій начальникъ и представитель общины, гдѣ производятся работы.

**) Въ началѣ 1911 г. было главныхъ землемѣровъ 770, землемѣровъ — 1660, помощниковъ землемѣровъ — 2670.

***) Съ начала войны принятіе новыхъ прошеній было пріостановлено, и продолжались только начатыя работы; на 1 мая 1916 г. были выдѣлены участки 1 358 000 домохозяевъ, съ 13 833 000 десятинъ, или около 8 процентовъ всей площади крестьянскихъ земель.

Эти цифры представляются огромными сами по себѣ — даже послѣдняя цифра представляла собою площадь въ восемь милліоновъ десятинъ (больше, напр., площади Голландіи и Бельгіи, взятыхъ вмѣстѣ) — но и это было еще только начало, такъ какъ составляло всего около 5 процентовъ общаго количества земель, принадлежавшихъ крестьянскимъ обществамъ (не считая тѣхъ земель, которыя уже и раньше принадлежали крестьянамъ на правѣ частной собственности).

Въ это число, однако, еще не входили ни земли, закрѣпленныя въ собственность безъ передѣла (за первыя шесть лѣтъ реформы 1 715 000 дес.), ни произведенныя работы по устраненію черезполосицы безъ выдѣленія въ собственность (за шесть лѣтъ — около 6 милл. дес.). Работа комиссій, такимъ образомъ, распространилась за это время на площадь около 17 милл. десятинъ.

Реформа проходила очень неодинаково въ разныхъ частяхъ Россіи. Наиболѣе быстрый успѣхъ она имѣла въ Новороссіи (Таврической, Екатеринославской, Херсонской губ.), въ сосѣднихъ малороссійскихъ губерніяхъ (Харьковской и Полтавской), въ сѣверо-западномъ краѣ (С.-Петербургской, Псковской, Смоленской губ.), въ западномъ краѣ (но тамъ рѣчь шла уже не о выходѣ изъ общины, а только о выдѣленіи на отруба) и въ Нижнемъ Поволжьи — въ Саратовской и особенно въ Самарской губерніяхъ. Иными словами, реформа сразу же вошла въ жизнь либо тамъ, гдѣ земли были заселены относительно недавно (Новороссія, Нижнее Поволжье), либо въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ районами, гдѣ господствовала частная собственность (сѣверо-западный край — прибалтійскія губерніи).

Другую крайность составили губерніи сѣвера и сѣверо-востока (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская, Пермская), гдѣ реформа осталась мертвой буквой. (Въ Олонецкой губ. не отмѣчено за пять лѣтъ ни одного случая выдѣленія, въ Архангельской — выдѣлено 200 десятинъ изъ 335 000, и т.д.). Въ этихъ губерніяхъ, съ земельнымъ просторомъ и огромными разстояніями между поселеніями, больше ощущалась потребность во взаимной поддержкѣ, чѣмъ въ свободѣ распоряженія землей.

Между этими крайностями находились коренныя великорусскія земли, гдѣ выдѣлы достигали отъ 2 до 5 процентовъ площади крестьянскихъ земель. Въ каждой изъ этихъ губерній нашлось по нѣсколько тысячъ домохозяевъ, рѣшившихся пойти противъ консервативнаго большинства и потребовать выдѣленія изъ общины (около 5000 хозяевъ въ Казанской губ., 9000 въ Тверской, и т.д.).

Дѣятельность Правительства въ аграрной области не огрничивалась проведеніемъ въ жизнь закона 9 ноября. Еще въ 1906 г. былъ созданъ земельный фондъ изъ удѣльныхъ и казенныхъ земель с.-х. пользованія; кромѣ того, происходила весьма дѣятельная скупка помѣщичьихъ земель Крестьянскимъ банкомъ. За 14 мѣсяцевъ (съ 1. I.-1906) было куплено 7 617 имѣній, съ 8 700 000 десятинъ — больше, чѣмъ за предшествующую четверть вѣка; затѣмъ скупка нѣсколько замедлилась, но все же продолжалась. Продажа земель и сдача ихъ въ аренду крестьянамъ на льготныхъ для нихъ условіяхъ силь-

но способствовала ускоренію процесса ликвидаціи крупныхъ имѣній; это вызывало серьезныя возраженія съ хозяйственной точки зрѣнія.

На съѣздѣ объединеннаго дворянства въ началѣ 1909 г. В. І. Гурко выступилъ съ большимъ докладомъ, заявляя, что распыленіе крупныхъ культурныхъ хозяйствъ понижаетъ экономическій уровень страны. Онъ указывалъ, что и безъ того уже ни въ одной странѣ З. Европы мелкое землевладѣніе не преобладаетъ въ такой степени, какъ въ Россіи; а политика Крестьянскаго банка ведетъ къ тому, что „каждый день общее пространство рентныхъ имѣній у насъ уменьшается на 3 000 дес.; каждый день три тысячи десятинъ культурныхъ земель осуждаются на раздробленіе на мелкіе земельные участки“. . . „Мы присутствуемъ, говорилъ В. І. Гурко, при самомъ энергичномъ осуществленіи соціалъ-революціонной программы, сводившейся, какъ извѣстно, къ тому, чтобы выселить изъ нашихъ сельскихъ мѣстностей весь землевладѣльческій элементъ“. Докладчикъ указывалъ также на противорѣчіе между политикой скупки помѣщичьихъ земель для продажи ихъ крестьянамъ — и закономъ 3 іюня: выходитъ, что правительство стремится экономически ликвидировать тѣ самые элементы населенія, которымъ оно предоставляетъ рѣшающее политическое значеніе при выборахъ въ Г. Думу.

Съ другой стороны, на опасность ликвидаціи помѣщичьяго землевладѣнія съ культурной точки зрѣнія указывалъ извѣстный историкъ, проф. В. И. Герье: „Если на всемъ пространствѣ огромной Россіи — писалъ онъ еще въ 1906 г. — погаснутъ огни сожженныхъ усадьбъ, то вмѣстѣ съ ними погаснутъ и очаги культуры, и на долгіе годы воцарится тусклая, безпросвѣтная ночь варварства“.

Правительство въ извѣстной мѣрѣ приняло во вниманіе эти соображенія и направило свои усилія на землеустройство и на развитіе сельскохозяйственной культуры, предоставивъ рѣшеніе вопроса о соотношеніи между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ — естественному дѣйствію закона спроса и предложенія. Массовая скупка Крестьянскимъ банкомъ прекратилась — и тѣмъ не менѣе постепенное таяніе крупнаго — особенно дворянскаго — землевладѣнія неуклонно продолжалось. Дворянство, въ весьма значительной своей части, утрачивало „вкусъ къ землѣ“; весьма многіе владѣльцы, послѣ волненій 1905-06 г., вообще перестали жить въ своихъ имѣніяхъ. Русское сельское хозяйство поэтому волей-неволей приходилось строить на улучшеніи крестьянскаго хозяйства, пріобрѣтавшаго съ каждымъ годомъ все большее экономическое значеніе.

Въ то время, какъ по всей странѣ шла сложная работа по проведенію въ жизнь новаго земельнаго законодательства, въ Г. Думѣ и Г. Совѣтѣ шло обстоятельное и подчасъ бурное обсужденіе этихъ законовъ.

Законъ 9 ноября, одобренный и дополненный думской земельной комиссіей, началъ обсуждаться въ общемъ собраніи Г. Думы 23 октября 1908 г. Записалось 213 ораторовъ — около половины всего состава Думы, чуть не всѣ депутаты-крестьяне сочли себя обязанными произнести рѣчь на тему „о землѣ“. Докладчикъ комиссіи, октябристъ

С. И. Шидловскій говорилъ, что новые земельные законы — возвращеніе на истинно-либеральный путь великихъ реформъ Александра II, — путь, съ котораго власть сошла за время „реакціи“.

Возраженія оппозиціи носили преимущественно политическій характеръ. А. И. Шингаревъ напоминалъ, что законъ 9 ноября былъ изданъ въ разгаръ дѣйствія военно-полевыхъ судовъ. Ф. И. Родичевъ заявлялъ: „Интенсивное хозяйство въ странѣ, гдѣ нѣтъ господства закона, невозможно“ П. Н. Милюковъ старался опорочить указъ 9 ноября, доказывая, что его истинными авторами были В. І. Гурко и совѣтъ объединеннаго дворянства. На это горячо отвѣчалъ прогрессистъ Н. Н. Львовъ. „Въ этомъ указѣ, говорилъ онъ, есть нѣчто дальше, больше и шире, чѣмъ одни только интересы дворянства — это интересы государственности. . . Нужно, наконецъ, чтобы нашъ крестьянинъ почувствовалъ, что онъ хозяинъ и господинъ. Это вы можете дать ему только въ частной собственности. . . Если дворянскія вожделѣнія заключаю ся въ томъ, чтобы настоятъ на принципѣ частной собственности въ крестьянскомъ быту, если дворянскія вожделѣнія заключаются въ томъ, чтобы вывести изъ этого положенія крестьянство, внушить ему твердыя основы частной собственности, заставить его уважать и чужое, и свое право — то мы должны поддержать эти „вожделѣнія“, и мы совершимъ великое дѣло. Я не побоюсь перейти на сторону тѣхъ, которые хотятъ это осуществить!“

Изъ крайнихъ лѣвыхъ, трудовики (соціалисты-народники) были послѣдовательны, защищая общину, которая соотвѣтствовала ихъ идеологіи; но соціалъ-демократамъ, также высказывавшимся противъ закона 9 ноября, гр. В. А. Бобринскій указалъ на то, что такая позиція идетъ въ разрѣзъ съ ихъ собственной программой, и процитировалъ слова Ленина (Изъ журнала „Заря“): „Земли слѣдуетъ отобрать, но не для передачи крестьянамъ: это противорѣчило бы обостренію классовой борьбы. Нѣтъ, для продажи ихъ въ частную собственность“.

Были критическіе голоса и справа. Курскій депутатъ Шечковъ говорилъ, что разрушеніе общины противорѣчитъ сословной организаціи страны и нарушаетъ коллективное право собственности. Членъ союза русскаго народа В. А. Образцовъ, подъ бурные аплодисменты лѣвыхъ, доказывалъ, что крестьянство, получивъ свободу распоряженія землей, распродастъ и пропьетъ свои участки. „Если Дума, говорилъ онъ, вмѣсто надѣленія землей малоземельныхъ и безземельныхъ, хочетъ разводить пролетаріатъ, разводить милліоны новыхъ безземельныхъ крестьянъ — мы пойдемъ до дому и скажемъ — Г. Дума и правительство рѣшаютъ земельный вопросъ навыворотъ“.

„Что-нибудь одно,--возражалъ критикамъ слѣва и справа лидеръ умѣренно-правыхъ гр. В. А. Бобринскій, цитируя слова проф. Петражицкаго, „или мы считаемъ крестьянъ вродѣ тѣхъ, которые, если имъ даютъ корову для того, чтобы они доили молоко для своихъ дѣтей, зажарятъ ее и съѣдятъ, тогда, конечно, имъ нужна общая опека; но если признать, что настало время перейти къ правильному экономическому землепользованію, тогда послѣдовательно предоставить крестьянамъ имуществен. свободу“.

„Говорить, будто бы крестьяне, если только имъ будетъ дано право распоряжаться своими надѣлами, чуть ли не всѣ обратятся въ пьяницъ и пропоицъ и продадутъ свои надѣлы за грошъ, за косушку водки, — это клевета на русскій народъ“, заявилъ въ Г. Думѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошинъ.

Самъ П. А. Столыпинъ выступилъ по земельному вопросу уже только при постатейномъ чтеніи, 5 декабря 1908 г., въ защиту единоличной крестьянской собственности, противъ попытокъ подмѣнить ее семейной собственностью.

„Для уродливыхъ исключительныхъ явленій, — говорилъ премьеръ, надо создавать исключительные законы... Но главное, что необходимо, это — когда мы пишемъ законы для всей страны — имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ... Господа, нужна вѣра. Была минута, и минута эта не далека, когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена... Не нарушена была въ эту минуту лишь вѣра русскаго Царя въ силу русскаго пахаря и русскаго крестьянина...

„Неужели не ясно, что кабала общины и гнетъ семейной собственности являются для девяноста милліоновъ населенія горькой неволей? Неужели забыто, что путь этотъ уже испробованъ, что колоссальный опытъ опеки надъ громадной частью нашего населенія потерпѣлъ уже громадную неудачу? Нельзя, господа, возвращаться на этотъ путь, нельзя только на верхахъ развѣшивать флаги какой-то мнимой свободы. Необходимо думать и о жизни...

„Нельзя, господа, идти въ бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ броню, или заговоривъ всѣхъ отъ пораненій. Нельзя, господа, составлять законъ, исключительно имѣя въ виду слабыхъ и немощныхъ. Нѣтъ, въ міровой борьбѣ, въ соревнованіи народовъ, почетное мѣсто могутъ занять только тѣ изъ нихъ, которые достигнутъ полнаго напряженія своей матеріальной и нравственной мощи“.

(На основаніи этой рѣчи земельная политика П. А. Столыпина и была прозвана „ставкой на сильныхъ“).

При обсужденіи земельнаго вопроса, въ Думѣ произошла нѣкоторая перегруппировка: въ пользу закона 9 ноября высказались октябристы, умѣренно-правые, націоналисты, часть правыхъ, польское коло, часть прогрессистовъ; противъ — крайніе лѣвые, к.-д. и значительная часть крайней правой. Большинство получилось внушительное, и Дума даже внесла въ законъ рядъ поправокъ, усиливавшихъ давленіе на общину въ сторону содѣйствія перехода къ частной собственности; но въ Г. Совѣтѣ большинство думскихъ поправокъ было отвергнуто. Разсмотрѣніе проекта въ законодательныхъ учрежденіяхъ сильно затянулось; онъ былъ окончательно утвержденъ и обнародованъ 14 іюня 1910 г., когда фактически былъ въ дѣйствіи три съ половиной года. Конечно, проведеніе закона въ жизнь проходило не безъ треній. Крестьяне, стоявшіе за сохраненіе общины, относились порою весьма враждебно къ выдѣлявшимся на хутора. Было въ первые годы немало случаевъ насилія, и оппозиціонная печать даже пророчила на этой почвѣ „гражданскую войну въ деревнѣ“. Но никакой гражданской войны не

получилось. Государственная власть оказалась достаточно сильна для поддержанія порядка; случаи насилія стали становиться все рѣже.

Новый главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ, назначенный осенью 1908 г. — А. В. Кривошеинъ, — сталъ широко развивать государственное содѣйствіе повышенію сельско-хозяйственной культуры — выдавать ссуды на меліорацію, расширять агрономическое образованіе, устраивать образцовыя хозяйства и опытныя поля на земляхъ, принадлежавшихъ казнѣ. Сельскому хозяйству стало оказываться прогрессивно растущее вниманіе. Выправлялся тотъ кренъ, который получился въ результатѣ экономической политики С. Ю. Витте въ первое десятилѣтіе царствованія Государя.

Наряду съ земельной реформой, главными предметами заботъ власти за періодъ Третьей Думы были переустройство арміи на основаніи опыта японской войны, возсозданіе флота и развитіе народнаго образованія. Это были, дѣйствительно, наиболѣе насущныя задачи момента. Большинство Государственной Думы шло рука объ руку съ властью въ земельномъ вопросѣ; оно играло активную роль въ дѣлѣ реорганизаціи арміи, но скорѣе явилось тормазомъ въ дѣлѣ возсозданія флота; наоборотъ, Думѣ принадлежала роль ускорителя въ вопросѣ о народномъ образованіи. Уже осенью 1908 г. думская комиссія по народному образованію разработала планъ постепеннаго введенія всеобщаго начальнаго обученія, расчитанный на 20 лѣтъ (1909-1928 г.). Гр. В. А. Бобринскій, окрестившій Вторую Думу — „Думой народнаго невѣжества“, какъ-то сказалъ, что Третья Дума должна стремиться заслужить прозваніе „Дума народнаго просвѣщенія“. Въ этой области, дѣйствительно, Третья Дума сдѣлала немало.

Русско-австрійское соглашеніе 1897 г., подтвержденное при мюрцштегскомъ свиданіи Государя съ императоромъ Францъ-Іосифомъ въ 1903 г., было основано на двухъ предпосылкахъ: на идеѣ солидарности монархическихъ государствъ и на обоюдномъ отказѣ отъ попытокъ измѣненія statu quo на Балканахъ. Австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ барону Эренталю, который на посту посла въ Петербургѣ считался „руссофиломъ“ и убѣжденнымъ сторонникомъ монархической солидарности, суждено было стать разрушителемъ австро-русскаго соглашенія.

Австрія отозвалась на революціонное движеніе въ Россіи введеніемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права; либералы и соціалисты утверждали, что такимъ путемъ она укрѣпитъ свое единство. Но первые же выборы по новому закону показали, что національная рознь глубоко проникла и въ широкія народныя массы: въ Австріи даже соціалисты раздѣлялись на особыя группы по національностямъ. Реформа привела въ движеніе массы, — но единства она не упрочила. Вопросъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ продолжалъ оставаться открытымъ, и многіе пріурочивали распадъ Дунайской монархіи къ кончинѣ императора Франца-Іосифа, — которому въ 1908 г. исполнилось уже 78 лѣтъ.

Мысль о томъ, что время работаетъ противъ Австро-Венгріи, побудила ея государственныхъ дѣятелей начать рискованную политику — своего рода превентивное наступленіе противъ своихъ возможныхъ наслѣдниковъ. Въ отношеніи Россіи это выразилось въ усиленномъ поощреніи т. н. украинскихъ элементовъ; въ отношеніи балканскихъ народовъ Австро-Венгрія пожелала показать свою силу; и, можно сказать, что Германія, по меньшей мѣрѣ, не сдѣлала никакихъ серьезныхъ попытокъ удержать свою союзницу отъ этого пути.

14 (27) января 1908 г. баронъ Эренталь сообщилъ въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ, что онъ поручилъ послу въ Константинополѣ поднять вопросъ объ австрійской концессіи на постройку желѣзной дороги черезъ Ново-базарскій санджакъ. Эта турецкая провинція отдѣляла Сербію отъ Черногоріи; по Берлинскому договору Австро-Венгрія имѣла право держать въ ней небольшіе гарнизоны. Экономичеки такая дорога, параллельная линіи, шедшей черезъ Сербію, создавала бы новый прямой путь изъ Австро-Венгріи до Салоникъ на Эгейскомъ морѣ и укрѣпляла бы связь центральныхъ державъ съ Турціей.

Это было явнымъ отступленіемъ отъ согласованной австро-русской политики; какъ основательно указываетъ баронъ М. А. Таубе въ своихъ мемуарахъ, это былъ первый шахматный ходъ въ той партіи, которая впослѣдствіи привела къ міровой войнѣ.

Русское правительство и русская печать рѣзко реагировали на попытку нарушенія statu quo, причемъ германскій посолъ Пурталэсъ, видимо, плохо разбиравшійся въ русскихъ внутреннихъ дѣлахъ, объяснялъ это ростомъ „реакціонныхъ теченій“, идущихъ, будто бы, рука объ руку съ „панславистскими планами“.

Государь, принимая 15 (28) февраля австрійскаго посла, сказалъ ему, что Онъ цѣнитъ дружбу императора Франца-Іосифа, и хотя политика сотрудничества съ Австріей никогда не была популярной въ Россіи, Онъ намѣренъ продолжать ее впредь „хотя ему эту задачу весьма затрудняютъ“, — имѣя ввиду выступленіе бар. Эренталя. А. П. Извольскій со своей стороны разъяснялъ, въ нотѣ по адресу Германіи: „Международныя соглашенія, подписанныя нами съ единственной цѣлью оберечь себя отъ осложненій въ Азіи, не содержатъ какого либо острія противъ Германіи“.

Но тонъ русской печати становился все болѣе анти-австрійскимъ и анти-германскимъ, причемъ лѣвые органы въ этомъ отношеніи не особенно отличались отъ „Новаго Времени“.

Россія выдвинула проектъ желѣзной дороги, идущей наперерѣзъ австрійскому проекту линіи, изъ Румыніи черезъ Сербію къ Адріатическому морю. Императоръ Вильгельмъ обѣщалъ Государю поддержать этотъ проектъ.

Обстановка на Балканахъ къ тому времени измѣнялась въ томъ отношеніи, что Англія теперь начинала поддерживать Россію, а не Австрію. При Ревельскомъ свиданіи Государя съ англійскимъ королемъ обсуждался вопросъ о самой широкой автономіи Македоніи.

Въ началѣ іюля въ Турціи неожиданно вспыхнуло военное революціонное движеніе, руководимое турецкими офицерами націоналистами, членами тайнаго общества „Единеніе и прогрессъ“ (въ просторѣчіи ихъ называли младотурками). Султанъ Абдулъ - Гамидъ, тридцать лѣтъ осуществлявшій въ Турціи безконтрольную абсолютную власть, оказался лишеннымъ опоры; ему—остался вѣренъ корпусъ, стоявшій въ Константинополѣ, но провинціи — въ первую очередь балканскія — безъ борьбы переходили въ руки возставшихъ гарнизоновъ; султанъ, не рѣшаясь послать на бой единственныя свои вѣрныя войска, предпочелъ капитулировать и объявилъ о введеніи въ дѣйствіе конституціи 1876 г. (такъ и оставшейся тогда мертвой буквой). Младотурки стали хозяевами положенія и въ столицѣ, хотя премьеромъ и былъ назначенъ старый либеральный сановникъ Кіамиль паша.

Турецкая революція произошла совершенно помимо не-турецкихъ народностей, составлявшихъ большинство въ Оттоманской имперіи. Младотурки были турецкими націоналистами, опредѣленными сторонниками недѣлимости государства. А. И. Гучковъ, побывавъ въ Константинополѣ, даже сравнивалъ младотурокъ съ октябристами, чѣмъ вызвалъ ироническіе выпады лѣвой печати. Были назначены выборы въ турецкое національное собраніе. Тѣмъ самымъ, всѣ требованія къ Турціи, всѣ планы реформъ въ Македоніи оказались, силою вещей, „снятыми съ повѣстки“.

Дальнѣйшее теченіе турецкой революціи было трудно предусмотрѣть, и всѣ государства, заинтересованныя въ турецкомъ наслѣдствѣ, начали подготовлять свои претензіи. А. П. Извольскій выѣхалъ заграницу, и 3 (16) сентября, въ замкѣ Бухловъ, встрѣтился съ бар. Эренталемъ. О подробностяхъ этого свиданія существуютъ различныя версіи. Германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ фонъ-Шенъ, ссылаясь на разговоръ съ А. П. Извольскимъ, писалъ Бюлову 13 (26) сентября, что въ Бухловѣ Эренталь выдвинулъ такой планъ: Австрія ограничивается аннексіей Босніи и Герцеговины, отказывается отъ движенія на Салоники, выводитъ свои войска изъ Ново-базарскаго санджака и поддерживаетъ требованія Россіи о предоставленіи ея флоту свободнаго прохода черезъ проливы; попутно должна была быть провозглашена отмѣна турецкаго суверенитета надъ Болгаріей, давно уже чисто формальнаго.

Извольскій, очевидно, въ общихъ чертахъ одобрилъ этотъ планъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что Россія еще въ 1876 г., по Рейхштадтскому соглашенію, а затѣмъ особою статьей австро-германо-русскаго соглашенія 18 іюня 1881 г., изъявила согласіе на аннексію Босніи и Герцеговины: „Австро-Венгрія — гласила эта статья — сохраняетъ за собою право аннексировать эти двѣ провинціи, въ то время, когда найдетъ это нужнымъ“. Руки русскаго министра были, т.о., связаны, и рѣчь могла идти только о тѣхъ или иныхъ *компенсаціяхъ*. А. И. Извольскій считалъ, что отказъ Австріи отъ санджака, свобода плаванія черезъ проливы для Россіи и независимость Болгаріи (вмѣстѣ съ выгоднымъ торговымъ договоромъ для Сербіи) представляются достаточными компенсаціями. Повидимому, онъ также расчитывалъ, что

всѣ эти измѣненія Берлинскаго трактата будутъ приняты одновременно, — быть можетъ, при помощи новой международной конференціи.

Но баронъ Эренталь уже 24 сентября (7 - X) объявилъ въ делегаціяхъ объ аннексіи Босніи и Герцеговины, объясняя такой шагъ необходимостью дать этимъ провинціямъ представительные органы, дабы мѣстное населеніе не оказалось въ невыгодномъ положеніи по сравненію съ турецкими владѣніями.

Одновременно съ этимъ, князь Фердинандъ болгарскій провозгласилъ полную независимость Болгаріи и принялъ титулъ царя.

Оба эти акта, несомнѣнно, были одностороннимъ отказомъ отъ обязательствъ, заключавшихся въ Берлинскомъ трактатѣ, хотя по существу, они только закрѣпляли фактически давно существующее положеніе.

Въ международныхъ отношеніяхъ „тонъ дѣлаетъ музыку", и общественное мнѣніе въ Россіи и особенно въ Сербіи болѣзненно реагировало на эти шаги. Въ Бѣлградѣ учитывали выступленіе Австріи, какъ первый шагъ къ установленію ея гегемоніи на Балканахъ. Рѣшеніе Болгаріи было воспринято, какъ „полученіе независимости изъ рукъ Австріи", а аннексія Босніи и Герцеговины — какъ самовольное присвоеніе Австріей славянскихъ земель.

Въ Россіи, гдѣ какъ разъ въ этомъ году оживились въ обществѣ славянскія симпатіи — весною въ Петербургъ пріѣзжали лидеръ младочеховъ д-ръ Крамаржъ и другіе славянскіе дѣятели, лѣтомъ въ Прагѣ состоялся многолюдный всеславянскій конгрессъ съ участіемъ членовъ Г. Думы — началась рѣзкая кампанія протеста противъ дѣйствій Австро-Венгріи. Правительство пыталось бороться съ этой агитаціей, запрещая пренія послѣ докладовъ, тогда какъ весьма умѣренные депутаты соперничали съ лѣвыми въ рѣзкомъ осужденіи такихъ дѣйствій власти. Графъ В. А. Бобринскій на одномъ собраніи даже заявилъ, что если правительство думаетъ примириться съ аннексіей, ему придется „Думу распустить, а насъ всѣхъ арестовать". Эта кампанія захватывала всѣ партіи отъ умѣренно-правыхъ до к.-д., и въ сторонѣ отъ нея оставались только крайніе лѣвые и правые, считавшіе, что разрывъ съ Австріей и Германіей приведетъ Россію къ войнѣ, и черезъ нее—къ революціи.

Франція и Англія также отнеслись отрицательно къ нарушенію Берлинскаго трактата и поддержали русскія заявленія о необходимости конференціи. Въ то же время, Англія не соглашалась на ту компенсацію, о которой мечталъ А. П. Извольскій — на открытіе проливовъ.

А. П. Извольскій отказался дать Совѣту Министровъ какія-либо объясненія о своей бесѣдѣ съ Эренталемъ, сославшись на то, что внѣшняя политика составляетъ прерогативу Государя. Онъ, видимо, былъ смущенъ происшедшимъ и пораженъ реакціей общественнаго мнѣнія. Онъ не могъ отрицать, что „согласился" на аннексію — тѣмъ болѣе, что онъ былъ связанъ прежними договорами; онъ только могъ указывать, что его согласіе было условнымъ — но для тѣхъ, кто возмущался самымъ фактомъ аннексіи, разговоръ о компенсаціяхъ могъ бы показаться постыднымъ торгомъ... Къ тому же, какъ основа-

вательно замѣчалъ «Вѣстникъ Европы» — „вырвать эти области изъ австрійскихъ рукъ можно было бы теперь, какъ и раньше, не иначе, какъ путемъ побѣдоносной войны". А Россія къ войнѣ не считала себя готовой. А. П. Извольскій хотѣлъ подать въ отставку, но Государь ее не принялъ.

Формальное разрѣшеніе спора объ аннексіи было оттянуто; прошло болѣе пяти мѣсяцевъ, боснійскій вопросъ уже переставалъ волновать широкую публику въ Россіи, — земельныя реформы въ Думѣ, а затѣмъ дѣло Азефа заслонили проблемы внѣшней политики. За это время Австрія и Болгарія договорились съ Турціей, и та помирилась съ утратой своихъ суверенныхъ правъ — за финансовое вознагражденіе. Россія оказала при этомъ содѣйствіе Болгаріи, уступивъ ей на нѣсколько лѣтъ причитающіяся съ Турціи взносы контрибуцій за войну 1878 г. Затѣмъ Россія, не дожидаясь конференціи, признала независимость Болгаріи. Но вопросъ о Босніи оставался неразрѣшеннымъ, и въ Сербіи продолжалось сильное волненіе, поддержанное надеждами на русскую поддержку.

Австро-Венгрія рѣшила воспользоваться случаемъ, чтобы силою утвердить свое преобладаніе на Балканахъ, и начала грозить Сербіи войной, если та не признаетъ аннексіи. Сербія отвѣчала, что этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ „международнымъ трибуналомъ". Положеніе становилось угрожающимъ.

Въ этотъ моментъ Германія выступила съ предложеніемъ посредничества. Она выдвинула слѣдующій компромиссъ: Германія повліяетъ на Дунайскую монархію въ смыслѣ отказа отъ насильственныхъ дѣйствій противъ Сербіи, и добьется, чтобы Австро-Венгрія формально испросила согласія державъ на аннексію Босніи, если Россія, со своей стороны, о б ѣ щ а е т ъ з а р а н ѣ е дать такое согласіе. Инструкція Бюлова германскому послу Пурталэсу отъ 8 (21) марта гласила: „Ваше Превосходителство заявитъ г. Извольскому самымъ опредѣленнымъ образомъ, что мы ожидаемъ точный о т в ѣ т ъ — да или нѣтъ; всякій уклончивый, условный или неясный отвѣтъ мы были бы вынуждены счесть отклоненіемъ нашего предложенія. Въ такомъ случаѣ мы отошли бы въ сторону и предоставили бы событіямъ идти своимъ ходомъ; отвѣтственность за всѣ дальнѣйшія послѣдствія пала бы исключительно на г. Извольскаго".

Это заявленіе было бы неточно называть ультиматумомъ, но скрытая въ немъ угроза также была несомнѣнна. Что значило „предоставить событіямъ идти своимъ ходомъ"? Очевидно — походъ Австріи противъ Сербіи, а если бы Россія захотѣла вмѣшаться, то Германія, по договору Тройственнаго Союза, поддержала бы свою союзницу.

Германское предложеніе все же давало формальный выходъ изъ тупика, и Государь (9 марта) телеграфировалъ Императору Вильгельму, что оно „показываетъ желаніе найти мирный исходъ" и что Онъ „сказалъ Извольскому пойти навстрѣчу". Но Онъ въ то же время предупреждалъ, что „окончательное расхожденіе между Россіей и Австріей неизбѣжно отразится на нашихъ отношеніяхъ съ Германіей. Мнѣ нечего повторять, какъ такой результатъ былъ бы мнѣ тягостенъ"...

11 (24) марта А. П. Извольскій далъ утвердительный отвѣтъ германскому послу, который, на радостяхъ, даже телеграфировалъ своему правительству: „не исключено, что это—поворотный пунктъ“, и что теперь „наступитъ новая оріентація русской политики въ смыслѣ сближенія съ Германіей“. Трудно было ошибиться болѣе жестоко! . . .

Русское общественное мнѣніе было плохо освѣдомлено о ходѣ переговоровъ, и когда въ газетахъ (14) марта появилось сообщеніе объ австрійскомъ вопросѣ всѣмъ участникамъ Берлинскаго договора и о заранѣе данномъ согласіи Россіи на аннексію, въ печати и въ думскихъ кругахъ поднялась цѣлая буря. Спрашивали — почему Россія все время требовала международной конференціи и теперь признала аннексію раньше, чѣмъ менѣе въ этомъ вопросѣ заинтересованныя Англія и Франція? Чтобы какъ-нибудь объяснить это рѣшеніе, въ обществѣ говорили о томъ, будто Германія пригрозила объявить Россіи войну, если та немедленно не согласится на признаніе. Писали о „дипломатической Цусимѣ“. Изображали происшедшее, какъ унизительное пораженіе Россіи. Наряду съ искреннимъ чувствомъ обиды, тутъ дѣйствовали и политическіе факторы: желаніе оппозиціи подчеркнуть и преувеличить новую неудачу „Царскаго правительства“ и стремленіе сторонниковъ англо-французской оріентаціи — углубить расхожденіе между Россіей и Германіей.

При всемъ томъ несомнѣнно, что Австро-Венгрія всей своей политикой, начиная отъ санджакской дороги и кончая угрозами похода на Сербію, проявила полное неумѣніе или явное нежеланіе считаться съ исконными традиціями русской политики — тогда какъ Германія во время боснійскаго конфликта явно „оптировала“ (сдѣлала выборъ) въ пользу Австріи, разойдясь въ этомъ случаѣ съ завѣтами Бисмарка, писавшаго въ своихъ мемуарахъ, что Германія никоимъ образомъ не должна „оптировать“ между Россіей и Австріей.

Боснійскій кризисъ разрѣшился, но оставилъ весьма глубокій слѣдъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Въ началѣ 1909 г. русское общество было взволновано сенсаціонными событіями въ средѣ крайнихъ лѣвыхъ. Обѣ революціонныя партіи, с.-д. и с.-р., переживали полосу отлива и разочарованія. Вліяніе ихъ падало даже въ студенческой средѣ. Въ то же время, хотя убійства полицейскихъ и „экспропріаціи“ продолжались, все болѣе смѣшиваясь съ простымъ разбоемъ, за 1907 и 1908 г. не было серьезныхъ террористическихъ актовъ, хотя и было раскрыто нѣсколько революціонныхъ заговоровъ.

Въ январѣ 1909 г. въ заграничной печати появилось сообщеніе, что членъ центральнаго Комитета партіи с.-р., Евгеній Филипповичъ Азефъ, бѣжалъ отъ партійнаго суда и признанъ „провокаторомъ“. Въ Россіи это извѣстіе дней десять не разрѣшали печатать; газеты, сообщившія о разоблаченіи Азефа, были конфискованы. Но 19 января въ Петербургѣ былъ неожиданно арестованъ бывшій директоръ департамента полиціи А. А. Лопухинъ — и съ этого дня, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, дѣло Азефа стало главнымъ предметомъ разговоровъ.

Въ Г. Думу было внесено по этому поводу два запроса — одинъ к.-д., другой крайними лѣвыми.

Имя Азефа было новымъ для широкой публики, но оно было очень хорошо извѣстно въ революціонной средѣ. Азефъ считался лучшимъ техникомъ революціоннаго дѣла, стоялъ во главѣ боевой организаціи партіи с.-р., былъ членомъ Ц. К. партіи (онъ же участвовалъ въ свое время въ „съѣздѣ оппозиціонныхъ и революціонныхъ организацій" осенью 1904 г.). Теперь оказывалось, что Азефъ былъ агентомъ охраннаго отдѣленія, и объ этомъ разсказалъ с.-р.-амъ никто иной, какъ бывшій директоръ департамента полиціи!

Положеніе было настолько необычнымъ, что молва немедленно преувеличила значеніе Азефа до фантастическихъ размѣровъ. Читая иныя газеты, можно было думать, что онъ одновременно руководилъ всею революціей и всей борьбой противъ нея. Теперь, хотя многое въ дѣятельности Азефа такъ и осталось невыясненнымъ, можно болѣе точно опредѣлить его истинную роль.

Евгеній (Евно) Азефъ происходилъ изъ бѣдной еврейской семьи, жившей въ Ростовѣ н/Дону; 22-хъ лѣтъ онъ уѣхалъ заграницу и поступилъ въ политехникумъ въ Карлсруэ; въ томъ же 1893 г. подалъ прошеніе директору департамента полиціи Дурново о зачисленіи его въ секретные агенты для наблюденія за русскими учащимися заграницей. Въ 1899 г. Азефъ вернулся въ Россію, работалъ въ качествѣ инженера, участвовалъ въ подпольной пропагандѣ с.-р. и въ то же время представлялъ рапорты охранному отдѣленію. Въ партіи онъ, — за свою энергію и отчасти какъ бы „по выслугѣ лѣтъ" — постепенно подвигался на болѣе видные посты.

Съ 1903 г. — по однимъ даннымъ, подъ впечатлѣніемъ кишиневскаго погрома, по другимъ — подъ вліяніемъ с.-ра Гершуни, Азефъ сталъ менѣе полно освѣдомлять полицію и все активнѣе участвовать въ партіи. Аресты и смерти другихъ руководителей выдвинули Азефа на одно изъ первыхъ мѣстъ среди организаторовъ террора, наряду съ Б. Савинковымъ. Азефъ едва ли былъ этому радъ: онъ чувствовалъ себя подъ непрерывной угрозой разоблаченія и смерти. Отмѣчаютъ, что онъ боялся опьянѣть, что бы не проговориться, и что онъ во снѣ стоналъ, скрежеталъ зубами и разговаривалъ, и потому на ночь запирался одинъ въ своей комнатѣ. Въ то же время онъ широко пользовался субсидіями обѣихъ сторонъ — кстати, онъ получалъ много больше денегъ изъ революціонныхъ фондовъ, нежели отъ полиціи, — предавался кутежамъ въ дорогихъ ресторанахъ и шантанахъ, объясняя террористамъ, что это лучшій способъ „отвести глаза"; тратилъ огромныя суммы на одну шансонетную пѣвицу.

Пока революція шла вверхъ, Азефъ служилъ больше ей, чѣмъ полиціи: когда правительство побѣдило, Азефъ снова сталъ ревностнѣе исполнять свои обязанности агента-освѣдомителя, и въ 1907 г. фактически совершенно дезорганизовалъ революціонный терроръ. Систематическія неудачи начали вызывать въ партіи подозрѣнія публицистъ В. Л. Бурцевъ (занимавшійся преимущественно исторіей революціи), выступилъ противъ Азефа съ открытымъ обвиненіемъ. Сначала

лидеры партіи ему не вѣрили, въ виду революціонныхъ „заслугъ“ Азефа въ прошломъ. Но Бурцевъ вступилъ въ сношенія съ б. директоромъ департамента полиціи Лопухинымъ (уволеннымъ въ свое время безъ пенсіи), который подтвердилъ ему, а затѣмъ и посѣтившимъ его въ Лондонѣ представителямъ партіи, что Азефъ — давнишній агентъ охраннаго отдѣленія. Былъ созванъ партійный судъ; Азефъ сначала энергично защищался; но въ перерывѣ между двумя засѣданіями скрылся. Онъ такъ и пропалъ безъ вѣсти.*)

Для партіи с.-р. это было жесточайшимъ ударомъ: нѣсколько террористовъ даже покончило съ собой. Но, желая превратить свой провалъ въ орудіе борьбы противъ власти, лѣвыя партіи тотчасъ же перешли въ наступленіе и стали обвинять правительство въ „провокаціи“. Въ запросѣ думскихъ с.-д. и трудовиковъ прямо говорилось, будто полиція сама организовала терроръ черезъ своихъ агентовъ „въ цѣляхъ усиленія реакціи и для оправданія исключительныхъ положеніи“, хотя въ дѣйствительности съ момента наступленія, т.н., „реакціи“ сошелъ почти на нѣтъ и революціонный терроръ . . .

А. А. Лопухинъ былъ арестованъ, — какъ гласило правительственное сообщеніе, — за то, что онъ выдалъ революціонерамъ имя секретнаго агента, и это вызвало „прекращеніе для него возможности предупреждать полицію о преступныхъ планахъ сообществъ“. До этого ареста, лидеръ французскихъ соціалистовъ Жоресъ писалъ въ „Humanité“: „очевидно, правительство чувствуетъ себя виноватымъ въ дѣлѣ Азефа, т.к. не рѣшается задержать Лопухина. Во всякой странѣ государственный дѣятель, выдавшій ввѣренный ему по службѣ секретъ, подвергся бы немедленному аресту и понесъ бы соотвѣтствующую кару“. Однако, когда А. А. Лопухинъ былъ затѣмъ приговоренъ къ пяти годамъ каторги,**) въ русскомъ обществѣ готовы были считать его чуть ли не безвинною жертвой.

Думское большинство въ этомъ случаѣ не поддалось на агитаціонный пріемъ лѣвыхъ. „Благодаря дѣлу Азефа партія с.-р. потерпѣла страшное пораженіе, — заявилъ въ Думѣ октябристъ фонъ-Анрепъ, — и теперь она хочетъ вымѣстить свою злобу“. — „Теперь, утопая и захлебываясь въ этой грязи, они стараются этой грязью забрызгать и правительство“ — говорилъ докладчикъ по запросу, гр. В. А. Бобринскій.

П. А. Столыпинъ 11 февраля выступилъ въ Думѣ съ отвѣтомъ по дѣлу Азефа. Онъ указалъ, что терминъ „провокація“ въ данномъ случаѣ неприменимъ. „По революціонной терминологіи, всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія правительству, есть провокаторъ . . . Это пріемъ не безсознательный, это пріемъ для революціи весьма выгодный. Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провокаторомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя иниціативу преступленія, вовлекая въ эти преступленія третьихъ

---

*) зефъ прожилъ послѣ этого еще лѣтъ десять заграницей подъ другой фамиліей; онъ умеръ отъ болѣзни почекъ весною 1918 г., въ Берлинѣ.

**) Сенатъ смягчилъ эту кару до ссылки на поселеніе.

лицъ . . . Не странно ли говорить о провоцированіи кѣмъ-либо такихъ лицъ, какъ Гершуни, Гоцъ, Савинковъ, Каляевъ, Швейцеръ и другіе"?

Изложивъ затѣмъ фактическія свѣдѣнія о дѣятельности Азефа, какъ агента и члена партіи с.-р., Столыпинъ подчеркнулъ, что именно съ тѣхъ поръ, какъ Азефъ попалъ на самые верхи партіи, „всѣ замыслы центральныхъ организацій не приводятъ уже ни къ чему, разстраиваются и своевременно разоблачаются . . . Насколько правительству въ этомъ дѣлѣ полезенъ свѣтъ, настолько для революціи необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужасъ увлеченнаго на преступный путь, но идейнаго, готоваго жертвовать собой, молодого человѣка или дѣвушки, когда передъ ними обнаружится вся грязь верховъ революціи. Не выгоднѣе ли революціи распускать чудовищные, легендарные слухи о преступленіяхъ правительства . . . переложить отвѣтственность за непорядки въ революціи на правительство" (смѣхъ и аплодисменты).

П. А. Столыпинъ заключилъ свою рѣчь словами о томъ, что борьба съ революціей — не цѣль, а средство; но тамъ, гдѣ аргументъ — бомба, единственный отвѣтъ — безпощадность кары. „Мы, правительство, только строимъ лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть это случится тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно . . . зданіе обновленной, свободной — свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія — преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю — Россіи!"

Дальнѣйшія пренія не дали ничего существеннаго. Г. Дума, большинствомъ центра и правыхъ, признала объясненія премьера исчерпывающими и отвергла оба запроса объ Азефѣ. „Гора родила мышь" . . . Большой думскій день показалъ всю малость пресловутаго дела Азефа", писалъ въ „Новомъ Времени" писатель П. Перцовъ. Интересъ къ этому дѣлу въ широкихъ кругахъ быстро упалъ. Но легенда объ Азефѣ, „всесильномъ провокаторѣ", оказалась болѣе живучей. *)

Можно сказать, подводя итоги, что разоблаченіе Азефа, в конечномъ счетѣ, принесло правительству несравненно больше пользы, нежели могла ему дать дальнѣйшая информаціонная дѣятельность Азефа. Моральное крушеніе террористической организаціи уничтожило ее вѣрнѣе всякихъ арестовъ и репрессій. Боевая организація с.-р. такъ и не воскресла. Лѣвой печати, въ извѣстной мѣрѣ, удалось вызвать въ легковѣрной широкой публикѣ представленіе о томъ, будто дѣло Азефа „скандально" и для правительства; но это было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы Азефъ занималъ въ полиціи или въ админист-

---

*) Азефъ (носившій также фамилію Липченко) изображенъ, м. б., въ романѣ Андрея Бѣлаго «Петербургъ» подъ псевдонимомъ Липпенченки.

раціи какой-либо руководящій постъ. На самомъ дѣлѣ, власть отлично знала ему цѣну, никакихъ тайнъ ему не ввѣряла и только использовала его, какъ шпіона в непріятельскомъ лагерѣ.

Арестъ Азефа не предотвратилъ бы ни одного покушенія; отказъ отъ его услугъ только облегчилъ бы работу террористовъ, и власть, ведшая съ ними борьбу не на жизнь, а на смерть, не имѣла никакихъ основаній отказываться отъ возможности такой глубокой развѣдки въ штабъ-квартирѣ врага.

Идейная переоцѣнка традиціонныхъ взглядовъ интеллигенціи нашла себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ сборникѣ „Вѣхи", появившемся весною 1909 года. Это былъ цѣлый обвинительный актъ, тѣмъ болѣе внушительный, что участники сборника не исходили изъ какой-либо общей программы. „Не для того, чтобы съ высоты познанной истины судить русскую интеллигенцію, и не съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ къ ея прошлому писаны статьи. . . а съ болью за это прошлое и въ жгучей тревогѣ за будущее родной страны — (говорилось въ предисловіи). — Революція 1905 года и послѣдовавшія за ней событія явились какъ бы всенароднымъ испытаніемъ тѣхъ цѣнностей, которыя болѣе полувѣка, какъ высшую святыню, блюла наша общественная мысль".

Авторы сборника провозглашали „теоретическое и практическое первенство духовной жизни надъ внѣшними формами общежитія", и заявляли, что „путь, которымъ до сихъ поръ шло общество, привелъ его въ безвыходный тупикъ".

Съ разныхъ сторонъ подходили къ своей задачѣ авторы „Вѣхъ". Н. А. Бердяевъ показывалъ на рядѣ примѣровъ, что интеллигенція совершенно не интересовалась объективной истиной и въ философіи искала только способа доказать свои политическіе взгляды: „Она начала даже Канта читать потому только, что критическій марксизмъ обѣщалъ на Кантѣ обосновать соціалистическій идеалъ. Потомъ принялась за съ трудомъ перевариваемаго Авенаріуса, такъ какъ отвлеченнѣйшая, чистѣйшая философія Авенаріуса, безъ его вѣдома и безъ его вины, представилась вдругъ философіей соціалъ-демократовъ большевиковъ"... С. Н. Булгаковъ писалъ, что революція — „историческій судъ надъ интеллигенціей". „Нѣтъ интеллигенціи болѣе атеистической, чѣмъ русская. . . Извѣстная образованность, просвѣщенность есть въ глазахъ нашей интеллигенціи синонимъ религіознаго индифферентизма". Онъ указывалъ, что русскіе напрасно воображаютъ, будто бы такимъ путемъ они прививаютъ себѣ подлинную европейскую цивилизацію; на западѣ есть не только эти „ядовитые плоды", но и здоровые корни. Безплодному богоборческому героизму интеллигенціи Булгаковъ противоставлялъ смиреніе русскихъ святыхъ и подвижниковъ.

М. О. Гершензонъ рѣзко обличалъ оторванность интеллигенціи отъ народа. „Мы не люди, а калѣки, — писалъ онъ: — сонмище больныхъ, изолированныхъ въ родной странѣ — вотъ что такое русская интеллигенція... Мы для него (народа) не грабители, какъ свой братъ деревенскій кулакъ, мы для него даже не просто чужіе, какъ турокъ или фран-

цузъ; онъ видитъ наше человѣческое и именно русское обличье, но не чувствуетъ въ насъ человѣческой души, и потому ненавидитъ насъ страстно... Каковы мы есть, намъ не только нельзя мечтать о сліяніи съ народомъ — бояться мы его должны, пуще всѣхъ казней власти, и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной".

Б. А. Кистяковскій показывалъ, что интеллигенція страдаетъ совершеннымъ неуваженіемъ къ праву. Характерные примѣры онъ находилъ въ исторіи партіи с.-д. и цитировалъ слова Ленина на съѣздѣ 1903 года о необходимости суроваго подавленія несогласныхъ даже внутри собственной партіи. („Меня нисколько не пугаютъ, — говорилъ Ленинъ, — страшныя слова объ осадномъ положеніи, объ исключительныхъ законахъ. По отношенію къ неустойчивымъ и шаткимъ элементамъ мы не только можемъ, но обязаны создавать осадное положеніе"...)

П. Б. Струве писалъ о „безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи" и о томъ, что она одновременно понимала политику въ самомъ узкомъ смыслѣ, какъ внѣшнее устроеніе жизни — и видѣла въ этой политикѣ „альфу и омегу всего бытія... Такимъ образомъ, ограниченное средство превращалось во всеобъемлющую цѣль".

С. Л. Франкъ говорилъ о своеобразномъ „нигилистическомъ морализмѣ" интеллигенціи, своего рода „религіи служенія земнымъ нуждамъ"; высшее благо для нее — „удовлетвореніе нуждъ большинства". Русскій интеллигентъ, это — „воинствующій монахъ нигилистической религіи земного благополучія".

Наконецъ, И. С. Изгоевъ разоблачалъ неприглядныя стороны быта и психологіи студенчества, считавшагося „авангардомъ" интеллигенціи.

„Наши предостереженія не новы, — говорилось въ концѣ предисловія. — То же самое неустанно твердили, отъ Чаадаева до Соловьева и Толстого, всѣ наши глубочайшіе мыслители. Ихъ не слушали, интеллигенція шла мимо нихъ. Можетъ быть, теперь, разбуженная великимъ потрясеніемъ, она услышитъ болѣе слабые голоса".

„Вѣхи" дѣйствительно произвели большое впечатлѣніе — тѣмъ болѣе, что ихъ участники сами считались видными представителями интеллигенціи. Лѣвая печать — отъ умѣренно-либеральнаго „Вѣстника Европы" — рѣзко на нихъ обрушилась. „Слѣпые вожди слѣпыхъ" называлъ ихъ кн. Д. И. Шаховской. „Творцы новаго шума" — писалъ о нихъ „Современный Міръ". Группа писателей и публицистовъ во главѣ съ П. Н. Милюковымъ выпустила даже въ отвѣтъ цѣлый сборникъ статей. *)

---

*) Болѣе лѣвые круги отнеслись къ новымъ теченіямъ иронически. Е. Д. Кускова писала въ «Правдѣ Жизни»: „Одни позабыли и думать о наукѣ и обнялись со средневѣковой божественностью. Это, пожалуй, самые безвредные. Но кто за ними въ XX вѣкѣ пойдетъ? .. Приди самъ Петръ Аміенскій, и тотъ теперь не соберетъ пяти человѣкъ въ крестовый походъ".

Съ неожиданной страстностью въ засѣданіи Религіозно-Философскаго О-ва выступилъ противъ „Вѣхъ" Д. С. Мережковскій, сравнившій интеллигенцію съ загнанной, измученной лошаденкой, а участниковъ сборника — съ мужиками, которые забиваютъ лошаденку на смерть . . .

Въ печати „Вѣхи" встрѣтили поддержку только справа. Большое привѣтственное письмо П. Б. Струве написалъ архіепископъ Антоній Волынскій: „Мы не знаемъ, писалъ онъ, — чѣмъ больше восхищаться: научностью ли, разумностью ли вашихъ доводовъ, или примиреннымъ любящимъ голосомъ вашего обращенія къ инакомыслящимъ, или вашею вѣрою въ силу человѣческой совѣсти даже у тѣхъ, кто ее отрицаетъ и въ теоріи и на практикѣ, или, наконецъ, вашей суворовской храбростью, вашимъ восторженнымъ мужествомъ, съ которымъ вы, подобно увѣровавшему Савлу, обращаетесь къ своимъ собратьямъ по былому ложному увлеченію".

„Вѣхи" оказали немалое вліяніе на учащуюся молодежь; они въ нѣкоторой мѣрѣ оказались тѣмъ „послѣднимъ словомъ" общественной мысли, по сравненію съ которымъ прежнія теоріи начинали казаться устарѣлыми. „Вѣхи" одно время были модными; но хотя эта мода затѣмъ прошла, брошенныя идеи, или вѣрнѣе брошенныя сомнѣнія въ прежнихъ интеллигентскихъ традиціяхъ оставили глубокій слѣдъ въ міровоззрѣніи русскихъ образованныхъ классовъ.

Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что участники „Вѣхъ" тщательно отстранялись отъ политическихъ выводовъ; они даже писали объ „отвратительномъ торжествѣ реакціи", а нѣкоторые изъ нихъ продолжали активно участвовать въ дѣятельности к.-д. партіи.

Думская комиссія государственной обороны установила наилучшія отношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Комиссія внимательно относилась ко всѣмъ проектамъ, касавшимся арміи, часто даже повышала требуемые кредиты; это въ особенности отразилось въ проектѣ улучшенія матеріальнаго положенія офицерства. Въ то же время, комиссія занималась изученіемъ вопросовъ организаціи арміи, рѣшеніе которыхъ выходило за предѣлы ея компетенціи. Это, въ свое время, отразилось на извѣстной рѣчи А. И. Гучкова противъ „безотвѣтственныхъ лицъ" въ военномъ вѣдомствѣ.

Въ правыхъ кругахъ стали поэтому утверждать, что думскій центръ проявляетъ особое вниманіе къ арміи по политическимъ соображеніямъ. Это же обвиненіе, въ нѣсколько уклончивой формѣ, выдвигаетъ и гр. Витте въ своихъ мемуарахъ: онъ разсказываетъ, будто А. И. Гучковъ говорилъ какимъ-то русскимъ, живущимъ во Франціи: „въ 1905 г. революція не удалась потому, что войско было за Государя . . . въ случаѣ наступленія новой революціи необходимо, чтобы войско было на нашей сторонѣ; потому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными дѣлами, желая, чтобы, въ случаѣ нужды, войско поддерживало болѣе насъ, нежели Царскій Домъ".

Едва ли есть какія-либо основанія сомнѣваться, что заботы Третьей Думы объ арміи были въ первую очередь вызваны самымъ ис-

кренннимъ желанiемъ увеличить ея боеспособность. Достаточно извѣстно также отношенiе А. И. Гучкова къ революцiи 1905 г. Съ другой стороны, вполнѣ вѣроятно, что думскiй центръ былъ радъ возможности показать армiи, что народное представительство — отнюдь ей не врагъ, какъ была радикальная интеллигенцiя. Въ то же время, Г. Дума — слѣдуя въ этомъ примѣру парламентовъ всѣхъ народовъ — желала расширенiя своей компетенцiи и пользовалась для этого всякимъ спорнымъ случаемъ. На этой почвѣ весной 1909 г. разразился серьезный политическiй кризисъ.

Еще лѣтомъ 1908 г. морской министръ (адм. Диковъ) внесъ въ Г. Думу проектъ штатовъ морского генеральнаго штаба. Вопросъ по существу не возбуждалъ спора, и Дума безъ пренiй приняла проектъ. Но въ Г. Совѣтѣ было указано, что одобренiе штатовъ военныхъ учрежденiй выходитъ за предѣлы компетенцiи законодательныхъ палатъ, которыхъ касаются только кредиты, отпускаемые на военныя нужды; Г. Совѣтъ отклонилъ проектъ. Морское министерство вторично внесло его въ Г. Думу, на этотъ разъ испрашивая только кредитъ. Но комиссiя обороны, не желая допускать такого, съ ея точки зрѣнiя, „ухудшенiя“ проекта, возстановила его въ прежнемъ видѣ. Проектъ былъ принятъ Думой и въ началѣ 1909 г. вернулся въ Г. Совѣтъ.

23 февраля П. А. Столыпинъ заболѣлъ гриппомъ, перешедшимъ затѣмъ въ воспаленiе легкихъ. Какъ разъ въ этотъ вечеръ, при обсужденiи въ г. Думѣ военнаго бюджета, А. И. Гучковъ выступилъ съ знаменательнымъ заявленiемъ. „Полтора года мы работаемъ надъ этимъ дѣломъ, говорилъ онъ. Отказа въ кредитахъ правительство отъ насъ не видѣло . . . Мы не только не урѣзали ни одного кредита военнаго вѣдомства, но мы наталкивали его на испрошенiе новыхъ кредитовъ . . . Несомнѣнно, что въ матерiальной сторонѣ дѣла извѣстныя улучшенiя достигнуты. Но какъ разъ въ тѣхъ областяхъ военнаго дѣла, которыя находятся внѣ предѣловъ нашей власти . . . мы не можемъ считать, что дѣло обстоитъ благополучно . . . Возьмите хотя бы область военнаго командованiя. Вы мнѣ скажите, есть-ли во главѣ всѣхъ округовъ люди, которые могутъ въ мирное время воспитать нашу армiю къ боевому подвигу и повести къ побѣдѣ наши войска?“

„Нельзя, продолжалъ Гучковъ, — все время на вопросы внѣшней политики смотрѣть подъ угломъ зрѣнiя нашего военнаго безсилiя . . . Мы знаемъ, правительство знаетъ, враги знаютъ — но это мучительный вопросъ — извѣстно ли Верховному Вождю нашей армiи положенiе нашей обороны?“

Военный министръ, А. Ф. Редигеръ, отвѣчая Гучкову, призналъ, что командный составъ слѣдуетъ „улучшить, освѣжить“; но — добавилъ онъ — „при выборѣ на любую высшую должность приходится сообразоваться съ тѣмъ матерiаломъ и съ тѣми кандидатами, которые имѣются на лицо“.

Эти слова вызвали рѣзкiй протестъ Н. Е. Маркова: „Я посланъ фракцiей правыхъ заявить, что въ объясненiи военнаго министра мы видимъ согласiе съ оцѣнкой г. Гучкова, а т. к. военный министръ по-

сланъ сюда именемъ Государя Императора, то мы считаемъ, что онъ не имѣлъ права такъ поступить . . . Мы считаемъ, что это оскорбленіе для Императорской русской арміи — говорить, что въ ней нѣтъ подходящаго матеріала для хорошихъ командировъ".

Военный министръ, однако, еще разъ повторилъ, что „командный составъ нашей арміи въ настоящее время не является идеальнымъ", и А. И. Гучковъ привѣтствовалъ это „мужественное признаніе".

„Бывшій депутатъ Зурабовъ, — не безъ ехидства писала на слѣдующій день к.-д. „Рѣчь", — сказалъ, что при настоящихъ порядкахъ наша армія будетъ всегда терпѣть пораженія. А. И. Гучковъ выразилъ это иначе, съ присущимъ ему талантомъ, гораздо ярче и образнѣе" . . .

Государь былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что военный министръ не только не протестовалъ противъ вторженія въ неподвѣдомственную Думѣ область, но даже какъ бы согласился съ критикой А. И. Гучкова. А. Ф. Редигеръ (11 марта) былъ уволенъ отъ должности военнаго министра; его преемникомъ былъ назначенъ начальникъ генеральнаго штаба В. А. Сухомлиновъ. Слѣдуетъ вспомнить, что и въ парламентарныхъ государствахъ не принято критиковать высшій командный составъ арміи въ законодательныхъ учрежденіяхъ . . .

Въ такой обстановкѣ Г. Совѣтъ приступилъ ко вторичному обсужденію проекта морскихъ штатовъ. Правительство стало на ту точку зрѣнія, что слѣдуетъ принять проектъ въ думской редакціи, чтобы не задерживать дѣла и не вызывать осложненій; оно только предложило оговорить, что это не должно составлять какого-либо прецедента. Большинство комиссіи Совѣта съ этимъ согласилось, но правое меньшинство подало особое мнѣніе, и въ общемъ собраніи возникли бурные дебаты.

Лидеръ фракціи правыхъ, П. Н. Дурново, подчеркнувъ, что штаты военныхъ учрежденій составляютъ исключительную компетенцію монарха, заявилъ, что „такія вмѣшательства, какъ бы мало значительны они ни были, создаютъ опасные для руководства обороной государства прецеденты и въ результатѣ тихо и медленно, зато безошибочно, расшатываютъ тѣ устои, на которыхъ покоится у насъ въ Россіи военное могущество государства".

Неожиданнымъ союзникомъ правыхъ оказался гр. Витте, произнесшій страстную рѣчь: „Подъ разсматриваемымъ на первый взглядъ малымъ дѣломъ скрывается особливо важный вопросъ о прерогативахъ Императорской власти, говорилъ онъ. Намъ не слѣдуетъ забывать, что Россійская Императорская армія исколесила почти всю Европу и создала необъятную Россійскую Имперію . . . Не рано ли, господа, мѣнять Россійскую Императорскую армію на армію случайностей и диллетанизма?" *)

Министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, замѣнявшій больного Столыпина, указалъ, что Г. Совѣтъ уже допускалъ отступленія въ

*) Самъ Витте такъ выражается объ этомъ выступленіи въ своихъ мемуарахъ: „Я сорвалъ со Столыпина маску и показалъ, что въ угоду думскому большинству онъ желаетъ ограничить власть Государя Императора".

этой области, утвердивъ проектъ штатовъ оперативнаго отдѣленія владивостокскаго порта, и просилъ принять проектъ „въ виду его практической неотложности". Гр. Витте на это язвительно возражалъ: хотятъ провести проектъ, какъ маленькое дѣло, — „а затѣмъ больше не будемъ"? . . Онъ называлъ такое незамѣтное нарушеніе прерогативъ монарха „операціей подъ хлороформомъ".

Проектъ былъ принятъ, но всего большинствомъ 85 противъ 73 голосовъ. Кампанія по этому поводу не прекращалась. На страницахъ „Новаго Времени" М. О. Меньшиковъ (противъ А. А. Столыпина, брата премьера) защищалъ позицію правыхъ, называя тотъ фактъ, что министры голосовали съ лѣвыми въ вопросѣ о прерогативахъ монарха „государственнымъ скандаломъ".

Государь не сразу высказалъ свое рѣшеніе. Опять, какъ десять лѣтъ передъ тѣмъ въ вопросѣ о „самодержавіи и земствѣ", велась тяжба передъ престоломъ, и опять Витте выступалъ въ роли блюстителя правъ монарха . . . П. А. Столыпинъ, медленно оправлявшійся отъ болѣзни, уѣхалъ на четыре недѣли отдыхать въ Ливадію, и Государь не хотѣлъ высказывать Свою волю въ отсутствіи премьера, которому Онъ довѣрялъ.

За это время въ Константинополѣ вспыхнулъ военный бунтъ противъ младотурокъ; но уже черезъ двѣнадцать дней ихъ войска, прибывшія изъ Македоніи, завладѣли столицей; младотурки побѣдили, а султанъ Абдулъ-Гамидъ былъ объявленъ низложеннымъ. Въ тотъ же самый день, какъ въ газетахъ появилось это извѣстіе, М. О. Меньшиковъ въ статьѣ „Наши младотурки" (воспользовавшись извѣстной фразой А. И. Гучкова) обрушился на октябристовъ, доказывая, что въ вопросѣ о морскихъ штатахъ сознательно стремятся урѣзать права Царя именно „лѣвые октябристы". „Смѣшивать ихъ съ правыми — писалъ Меньшиковъ — то же, что смѣшивать змѣй и угрей. Они похожи, но совсѣмъ разныя созданія".

Въ лѣвой печати появились сообщенія о предстоящей отставкѣ кабинета. П. А. Столыпинъ вернулся въ столицу 20 апрѣля. Государь, письмомъ отъ 25 апрѣля, объявилъ ему, что „взвѣсивъ все", Онъ рѣшилъ не у т в е р ж д а т ь п р о е к т ъ. „О довѣріи или недовѣріи рѣчи быть не можетъ. Такова моя воля. Помните, что мы живемъ въ Россіи, а не заграницей или въ Финляндіи, а потому я н е д о п у с к а ю м ы с л и о ч ь е й-л и б о о т с т а в к ѣ. Конечно, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ объ этомъ будутъ говорить, но истерическіе крики скоро улягутся . . . Предупреждаю, что я категорически отвергаю вашу или кого-либо другого просьбу объ увольненіи отъ должности".

Государь сдѣлалъ все возможное, чтобы смягчить косвенное неодобреніе дѣйствій правительства въ этомъ вопросѣ: рескриптомъ (27.IV) на имя П. А. Столыпина, ему было поручено самому выработать правила о томъ, какіе проекты по военному и морскому вѣдомствамъ должны непосредственно утверждаться Государемъ, а какіе — вноситься въ Г. Думу и Г. Совѣтъ: „Вся дѣятельность состоящаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ Совѣта Министровъ, з а с л у ж и в а ю щ а я п о л н а г о М о е г о о д о б р е н і я и направленная къ укрѣпленію основ-

ныхъ началъ незыблемо установленнаго Мною государственнаго строя, служатъ мнѣ ручательствомъ успѣшнаго выполненія Вами и настоящаго Моего порученія“ . . .

Государь счелъ нужнымъ положить сразу же рѣшительный предѣлъ всякимъ вторженіямъ Г. Думы въ компетенцію военнаго вѣдомства. Это вызвало въ кругахъ думскаго центра глубокое разочарованіе и недовольство; это же явилось одной изъ причинъ отрицательнаго отношенія общества къ новому военному министру Сухомлинову, который долженъ былъ проводить на практикѣ предначертанія Государя.

Для кабинета Столыпина конфликтъ по поводу морскихъ штатовъ такъ-же былъ важнымъ поворотнымъ пунктомъ. „Оставшись у власти, кабинетъ значительно передвинулся вправо“, отмѣчалъ „Вѣстникъ Европы“. Этотъ кризисъ былъ первымъ серьезнымъ принципіальнымъ вопросомъ, въ которомъ Государь принялъ рѣшеніе, расходившееся съ позиціей Совѣта Министровъ. Государь въ то же время показалъ, что Онъ не намѣренъ превращать Свое право утвержденія или отклоненія законопроектовъ въ простую формальность. Авторитетъ Совѣта Министровъ вышелъ нѣсколько умаленнымъ изъ этого кризиса. Правые сразу почувствовали принципіальное значеніе происшедшаго. „Московскія Вѣдомости“ Л. Тихомирова называли рескриптъ 27 апрѣля „вторымъ случаемъ“ (послѣ 3 іюня) исправленія Основныхъ Законовъ „прямымъ дѣйствіемъ Высочайшей воли“. Это было едва ли точно, такъ какъ ни съ какимъ закономъ рескриптъ 27 апрѣля въ противорѣчіи не былъ.

Государственная Дума по своему реагировала на происшедшее. Она провела, большинствомъ центра и л ѣ в ы х ъ, законъ о свободѣ старообрядческихъ общинъ и о разрѣшеніи перехода изъ одного исповѣданія въ другое, а также приняла, тѣмъ же большинствомъ, т.н. „Дубровинскій запросъ“ о незаконныхъ дѣйствіяхъ союза русскаго народа, происходящихъ яко-бы при попустительствѣ властей (докладчикомъ по запросу былъ октябристъ А. Д. Протопоповъ).

А. И. Гучковъ выступилъ самъ по вопросу о старообрядцахъ, и расширилъ рамки преній, заговоривъ о томъ, — что было сдѣлано для проведенія въ жизнь манифеста 17 октября. „Вы знаете, что мало, — отвѣчалъ Гучковъ. „Вы знаете, что вокругъ этого создалась, сгустилась тяжелая атмосфера недовольства. . . Ну, а здѣсь, въ области религіозной свободы, что мѣшаетъ? Какіе вы можете придумать аргументы, чтобы здѣсь положить стѣснительныя рамки?“ . . .

Внутри правительственнаго большинства прошла трещина. Лидеръ умѣренно-правыхъ П. Н. Балашовъ, подводя итоги сессіи, заговорилъ въ одномъ интервью о „вновь образовавшемся большинствѣ“, но А. И. Гучковъ, желая смягчить впечатлѣніе, отвѣчалъ, что такое большинство имѣется только по вѣроисповѣднымъ и національнымъ вопросамъ; въ остальныхъ случаяхъ должно сохраняться прежнее большинство.

Этотъ кризисъ отразился и на фракціи октябристовъ: часть праваго крыла открыто критиковала политику Гучкова; тотъ, сложивъ съ себя званіе предсѣдателя фракціи, добился не только переизбранія,

но и удаленія изъ фракціи своихъ главныхъ оппонентовъ. Человѣкъ двадцать изъ бывшихъ октябристовъ перешли на положеніе умѣренныхъ „дикихъ“.

Въ началѣ іюня 1909 г. группа членовъ обѣихъ палатъ, во главѣ съ предсѣдателемъ Г. Думы Хомяковымъ, выѣхала въ Англію. Въ поѣздкѣ участвовали представители всѣхъ группъ отъ націоналистовъ до к.-д. Въ Англіи русскихъ депутатовъ встрѣтили самымъ радушнымъ образомъ; всюду устраивались банкеты и пріемы въ ихъ честь. Это было новымъ этапомъ англо-русскаго сближенія. Нѣкоторый диссонансъ внесла англійская рабочая партія, выступившая съ манифестомъ, рѣзко противоставлявшимъ Г. Думу — Государю и правительству. Русская делегація протестовала, заявивъ, что такое различіе считаетъ для себя оскорбительнымъ; и даже наиболѣе лѣвый изъ участниковъ делегаціи, П. Н. Милюковъ, на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра заявилъ: „Пока въ Россіи существуетъ законодательная палата, контролирующая бюджетъ, русская оппозиція останется оппозиціей Его Величества, а не оппозиціей Его Величеству“. Эти слова вызвали въ Россіи немалую сенсацію. Крайніе лѣвые негодовали. „Паденіе Милюкова представляетъ большую цѣнность для враговъ народной свободы“, писалъ „Современный Міръ“. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сэръ Эдуардъ Грей, отвѣчая въ парламентѣ на выпады рабочей партіи противъ Россіи, сослался на слова русскихъ депутатовъ въ качествѣ доказательства существованія конституціи въ Россіи.

Государь 6 іюня встрѣтился въ финскихъ шхерахъ съ Императоромъ Вильгельмомъ. Встрѣча носила сердечный характеръ, но на слѣдующій же день „Новое Время“ писало: „Не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо измѣненіи въ уже опредѣлившейся внѣшней политикѣ нашего государства“.

Послѣ празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды, Государь выѣхалъ заграницу; онъ побывалъ во Франціи и Англіи; въ обѣихъ странахъ Онъ присутствовалъ на морскихъ парадахъ. До Парижа Государь на этотъ разъ не доѣзжалъ. Въ Каусѣ, гдѣ Онъ былъ на пятнадцать лѣтъ раньше, вскорѣ послѣ своей помолвки, Государь, вспоминая о томъ времени, сказалъ: „Я всегда сохраню въ памяти счастливые дни, проведенные съ Вашей возлюбленной и чтимой матерью, Королевой Викторіей“. И въ отвѣтъ на слова Короля Эдуарда VII о пріѣздѣ въ Англію членовъ Г. Думы, Государь добавилъ: „Дружественный пріемъ, оказанный Вашимъ Величествомъ и Вашимъ народомъ членамъ Г. Думы, а также — зимой — Моей эскадрѣ, да будетъ залогомъ сердечныхъ отношеній между Нашими странами, основанныхъ на общихъ интересахъ и взаимномъ уваженіи“.

Въ 1909 г. былъ исключительный, обильный урожай. Вывозъ русскаго хлѣба заграницу достигъ небывалой, рекордной цифры 748 милл. рублей. Во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства наблюдалось оживленіе. Въ то же время, интересъ къ политикѣ замѣтно падалъ.

Оппозиціонная печать называла это „реакціей“, упадкомъ общественнаго духа. „Газеты читаютъ, но моментально, по окончаніи процесса чтенія, прочитанное забываютъ... Въ выборѣ члена Г. Думы участвовало изъ 80 тысячъ избирателей менѣе третьей части*)... На предвыборныя собранія разсылалось до десяти тысячъ повѣстокъ, а являлись когда сто, когда двѣсти, когда — самое большое — пятьсотъ человѣкъ“... Такъ сѣтовалъ „Вѣстникъ Европы“, отмѣчая въ то же время: „Въ ресторанахъ съ музыкой нельзя найти свободнаго стола, на оперетку надо заранѣе записываться... Торжествуетъ личный интересъ“ — заключаетъ либеральный журналъ**).

Иначе оцѣнивалъ положеніе П. А. Столыпинъ. Въ бесѣдѣ съ редакторомъ саратовской газеты „Волга“ онъ заявилъ:***) „По газетнымъ статьямъ можно подумать, что страна наша охвачена пессимизмомъ, общимъ угнетеніемъ, между тѣмъ я наблюдалъ, да и Вы, я думаю, можете подтвердить, что въ провинціи уже замѣчается значительный подъемъ бодраго настроенія, свидѣтельствующаго о томъ, что все въ Россіи понемногу начинаетъ втягиваться въ бодрую работу“.

„Бодрый оптимизмъ, наблюдаемый въ нашей провинціи, совпадаетъ съ проведеніемъ въ жизнь земельной реформы. Я полагаю, что прежде всего надлежитъ создать гражданина, крестьянина собственника, мелкаго землевладѣльца, и когда эта задача будетъ осуществлена, — гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданинъ, а потомъ гражданственность. А у насъ обыкновенно думаютъ наоборотъ“.

П. А. Столыпинъ отмѣтилъ самоотверженную энергичную работу по землеустройству, упомянувъ о стоящихъ на очереди реформахъ — мѣстнаго управленія и земскихъ учрежденій, и по поводу какъ разъ предстоявшаго открытія въ Саратовѣ университета сказалъ: „Есть высокая задача для газеты университетскаго города: сдѣлайте, наконецъ, нашу молодежь патріотической! Развейте въ ней чувство здороваго, просвѣщеннаго патріотизма! Я недавно былъ въ Скандинавіи. Какъ пріятно меня поразилъ видъ тамошней молодежи, одушевленно и гордо проходившей стройными рядами съ національными флагами“.

П. А. Столыпинъ заключилъ: „Итакъ, на очереди главная задача — укрѣпить низы. Въ нихъ вся сила страны. Ихъ болѣе ста милліоновъ! Будутъ здоровы и крѣпки корни у государства, повѣрьте, и слова русскаго правительства совсѣмъ иначе зазвучатъ передъ Европой и передъ всѣмъ міромъ. Дружная, общая, основанная на взаимномъ довѣріи работа — вотъ девизъ для насъ всѣхъ, русскихъ! Дайте государству двадцать лѣтъ покоя, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи!“

---

*) Рѣчь идетъ о дополнительныхъ выборахъ по 2-й куріи Петербурга осенью 1909 г., когда прошелъ к.-д. Н. Н. Кутлеръ, получившій 12 500 голосовъ.

**) „Вѣстникъ Европы“ 1909, № 11.

***) „Новое Время“ 3. X. 1909.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Президентъ Лубэ о Государѣ и земельной реформѣ.

Попытки улучшить отношенія съ Германіей: Потсдамское свиданіе. Реорганизація обороны. Борьба за флотъ. Русско-японское соглашеніе 1910 г. Расширеніе русской сферы вліянія въ Китаѣ.

Законодательная работа. Перемѣны въ Г. Думѣ. Смерть гр. Л. Н. Толстого; уличныя демонстраціи. Студенческая забастовка 1911 г. и ея преодолѣніе. Поворотъ во взглядахъ Гучкова. Первые толки о Распутинѣ.

Русскій національзмъ: статьи Струве и Андрея Бѣлаго. Законодательныя мѣры: ограниченіе правъ Финляндіи; западное земство. Борьба съ еп. Гермогеномъ и съ Иліодоромъ.

Кризисъ изъ-за вопроса о западномъ земствѣ; непринятая отставка Столыпина; трехдневный роспускъ палатъ; поворотъ настроенія противъ Столыпина.

Въ новогоднемъ номерѣ вѣнской «Neue Freie Presse» на 1910 г. были помѣщены воспоминанія бывшаго президента французской республики Эмиля Лубэ. Въ нихъ говорилось о Государѣ. Лубэ писалъ: „О русскомъ Императорѣ говорятъ, что Онъ доступенъ разнымъ вліяніямъ. Это глубоко невѣрно. Русскій Императоръ Самъ проводитъ Свои идеи. Онъ защищаетъ ихъ съ постоянствомъ и большой силой. У Него есть зрѣло продуманные и тщательно выработанные планы. Надъ осуществленіемъ ихъ Онъ трудится безпрестанно. Иной разъ кажется, что что-либо забыто. Но Онъ все помнитъ. Напримѣръ, въ наше собесѣдованіе въ Компьенѣ у насъ былъ интимный разговоръ о необходимости земельной реформы въ Россіи. Русскій Императоръ завѣрялъ меня, что Онъ давно думаетъ объ этомъ. Когда реформа землеустройства была проведена, мнѣ было сообщено объ этомъ че-

резъ посла, причемъ любезно вспомянутъ былъ нашъ разговоръ“ *) . . . „Подъ личиной робости, немного женственной, Царь имѣетъ сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо вѣрное“ — заключалъ Лубэ — „Онъ знаетъ, куда идетъ и чего хочетъ“.

Эта послѣдовательность, это умѣніе возвращаться къ тому, что казалось „забыто“, характерны были какъ для внутренней, такъ и для внѣшней политики Императора Николая II. Онъ порою останавливался передъ препятствіями, но не забывалъ своихъ цѣлей.

Сознавая, какъ П. А. Столыпинъ, что Россіи нужны долгіе годы внутренняго и внѣшняго мира, Государь былъ сильно озабоченъ ухудшеніемъ отношеній съ Германіей. Съ начала 1909 г., послѣ боснійскаго кризиса, враждебность къ Германіи рѣзко проявлялась во всѣхъ кругахъ русскаго общества за самыми малыми исключеніями. Въ умѣренно либеральныхъ кругахъ большимъ успѣхомъ пользовалась, унаслѣдованная отъ славянофиловъ, программа „Великой Россіи“ П. Б. Струве — идея русской гегемоніи на Ближнемъ Востокѣ. Русское общество не учитывало, что осуществленіе этой программы вело къ неизбѣжному столкновенію съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей. Но Государю это было ясно. И Онъ, принимая мѣры для укрѣпленія новыхъ связей — этой цѣли служила предпринятая имъ поѣздка въ Италію осенью 1909 г. (свиданіе въ Раккониджи) — не упускалъ изъ виду возстановленія добрыхъ отношеній съ Германіей.

Министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій, заключившій англо-русское соглашеніе 1907 г., пріобрѣлъ, силою вещей, репутацію врага Германіи. За это къ нему относилась сочувственно думская оппозиція, столь враждебная къ другимъ министрамъ. Самъ А. П. Извольскій также считалъ себя лѣвѣе другихъ членовъ кабинета, и несогласіе съ правительственнымъ курсомъ по финляндскому вопросу побудило его лѣтомъ 1910 г. снова просить Государя объ отставкѣ.**) На этотъ разъ уходъ Извольскаго соотвѣтствовалъ и видамъ Государя.

Въ серединѣ августа 1910 г. Государь со всею Царской Семьей выѣхалъ въ Германію и провелъ тамъ два съ половиною мѣсяца въ замкѣ Фридбергѣ, въ Гессенѣ, на родинѣ Императрицы, въ тихой деревенской обстановкѣ. За все царствованіе Государя, это было наиболѣе длительное пребываніе Царской Семьи заграницей. За это время какъ разъ скончался русскій посолъ въ Парижѣ Нелидовъ, и

---

*) Во время поѣздки Государя во Францію въ 1901 г. — Сжатой и выразительной сводкой земельной политики всего царствованія служитъ Высочайшій рескриптъ 19 февраля 1911 г. (по поводу 50-лѣтія освобожденія крестьянъ): „ . . . Я поставилъ себѣ цѣлью завершеніе предуказанной еще въ 1861 г. задачи создать изъ русскаго крестьянина не только свободнаго, но и хозяйственно сильнаго собственника. Въ сихъ видахъ наряду съ отмѣной круговой поруки, сложеніемъ выкупныхъ платежей и расширеніемъ дѣятельности Крестьянскаго Поземельнаго банка, Я призналъ благовременнымъ, отмѣнивъ наиболѣе существенныя стѣсненія въ правахъ крестьянъ, облегчить ихъ выходъ изъ общины, а также переходъ на хуторское и отрубное хозяйство; въ связи съ этимъ приняты мѣры къ насажденію въ земледѣльческой средѣ мелкаго кредита и распространенію въ ней сельскохозяйственныхъ усовершенствованій и знаній“ . . .

**) Объ этомъ упоминаетъ дочь А. П. Извольскаго въ своемъ предисловіи къ неоконченнымъ мемуарамъ своего отца.

21 сентября на его мѣсто былъ назначенъ Извольскій. Его преемникомъ сталъ товарищъ министра С. Д. Сазоновъ, свойственникъ П. А. Столыпина.

Государь не желалъ покидать Германіи, не воспользовавшись случаемъ откровенно переговорить съ Императоромъ Вильгельмомъ. Прусскій посланникъ при гессенскомъ дворѣ, Іенишъ, отмѣчаетъ, что Государь „нѣсколько разъ подчеркивалъ желаніе того, чтобы установился прежній тонъ дружескихъ отношеній". Вильгельмъ II отнесся къ этому нѣсколько скептически. („Тонъ и желанія теперь ни къ чему— послѣ Triple Entente и шести новыхъ русскихъ корпусовъ", помѣтилъ онъ на докладѣ Іениша). Въ то же время германская газета „Post" — не особенно вліятельная — помѣстила высокомѣрную въ отношеніи Россіи статью, русскія газеты не остались въ долгу и „атмосфера" казалась неблагопріятной. Тѣмъ не менѣе, новый управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, С. Д. Сазоновъ, прибылъ въ Германію по вызову Государя, имѣлъ бесѣду съ канцлеромъ Бетманъ-Гольвегомъ, а вслѣдъ за тѣмъ состоялась и встрѣча монарховъ.

22 и 23 октября 1910 г., въ Потсдамѣ, Государь и Вильгельмъ II имѣли длинныя политическія бесѣды. Исходя изъ солидарности монархическихъ интересовъ и отсутствія прямыхъ объектовъ спора между Россіей и Германіей, оба императора взаимно обязались не поддерживать политики, направленной противъ интересовъ другъ друга. Германія обѣщала не поощрять агрессивной австрійской политики на Балканахъ, Россія — не участвовать въ какихъ-либо англійскихъ начинаніяхъ противъ Германіи. На Ближнемъ Востокѣ это означало поддержаніе statu quo съ разграниченіемъ торговыхъ интересовъ въ Персіи, до предѣловъ которой должны были проникнуть отроги еще только строившейся Багдадской желѣзной дороги.

За бесѣдами монарховъ послѣдовалъ обмѣнъ мнѣній между министрами — Сазоновымъ и Бетманъ-Гольвегомъ. Государь, на докладѣ Сазонова, помѣтилъ: „Я считаю результатъ этихъ бесѣдъ весьма удовлетворительнымъ". Со своей стороны и Вильгельмъ II высказывалъ радость по поводу того, что Царь „такъ откровенно говорилъ съ нимъ о политикѣ".

Потсдамское свиданіе, однако, не возстановило въ полной мѣрѣ прежнихъ дружественныхъ отношеній. Этому отчасти помѣшалъ слѣдующій эпизодъ: когда Сазоновъ предложилъ письменно закрѣпить результатъ переговоровъ, Бетманъ-Гольвегъ составилъ проектъ, основные пункты котораго гласили, что Австрія обѣщала не преслѣдовать на Востокѣ „экспансіонную политику", а Германія „не обѣщала и не намѣрена поддерживать подобную политику, если бы Австро-Венгрія къ ней прибѣгла"; Россія со своей стороны заявляла, что „не обѣщала и не намѣрена поддерживать враждебную Германіи политику Англіи, если бы та повела таковую". Далѣе говорилось о statu quo на Балканахъ, о стремленіи локализировать конфликты и т. д.

Но С. Д. Сазоновъ сталъ возражать, что обязательства неравноцѣнны: Германія даетъ обѣщаніе только въ отношеніи Балканъ, а Россіи предлагается связать себя болѣе общими обязательствами. Статсъ-

секретарь Кидерленъ телеграфировалъ послу Пурталэсу (21. XI): „Для насъ обязательство въ отношеніи Англіи — альфа и омега всего соглашенія“. Государь нашелъ исходъ. Онъ поручилъ Сазонову заявить: Его Величество далъ Германскому Императору твердое обѣщаніе не поддерживать антигерманскую политику Англіи; Германскій Императоръ обѣщалъ не поощрять австрійскую экспансіонную политику на Балканахъ. Это обѣщаніе монарховъ въ глазахъ Государя цѣннѣе обмѣна письменными нотами. Его Величество полагается на слово Германскаго Императора и ожидаетъ, что Ему повѣрятъ на слово.

При такой постановкѣ вопроса, германскому правительству, конечно, пришлось признать себя удовлетвореннымъ. Но ему не нравился секретный характеръ этихъ обязательствъ. „Только не кланяйся мнѣ на людяхъ“— съ нѣкоторой горечью резюмировалъ Кидерленъ, словами пѣсенки Гейне,*) содержаніе русскаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе, когда германскій канцлеръ въ Рейхстагѣ заявилъ, что въ Потсдамѣ Германія и Россія обѣщали „не вступать въ агрессивныя комбинаціи другъ противъ друга“,русское правительство высказывало полное согласіе съ такой формулировкой.

Русская печать весьма холодно встрѣтила Потсдамское соглашеніе. Въ Гос. Думѣ П. Н. Милюковъ съ неудовольствіемъ говорилъ: „Это значитъ, что наши союзныя соглашенія перестали быть наступательными и остались только въ оборонительной функціи“. („Ему хочется войны“ — крикнулъ съ мѣста правыйд епутатъ П. Березовскій)**). На самомъ дѣлѣ, франко-русскій союзъ (съ Англіей вообще общихъ соглашеній не было) являлся чисто оборонительнымъ еще со временъ Императора Александра III; а французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Пишонъ, отвѣчая на запросы въ Палатѣ, завѣрилъ, что Потсдамское свиданіе ни въ какой мѣрѣ не противорѣчитъ франко-русскому союзу. Англія однако, была явно недовольна, и новый англійскій посолъ, сэръ Джорджъ Бьюкененъ, прибывшій въ С.-Петербургъ въ октябрѣ 1910 г., приложилъ не мало усилій для того, чтобы „нейтрализовать“ результаты Потсдамскаго соглашенія.

Въ бесѣдѣ съ представителемъ „Новаго Времени“ С. Д. Сазоновъ призывалъ русскую печать къ сдержанности по адресу Германіи: „Долженъ сказать откровенно, — говорилъ министръ, — что вы иной разъ бываете слишкомъ желчны . . . Въ интересахъ обоихъ народовъ былъ бы полезенъ болѣе мягкій тонъ. Если бы я былъ магомъ, я свернулъ бы свитокъ судебъ такъ, чтобы время сократилось лѣтъ на пять. За этотъ срокъ сами собой улягутся взаимное недовѣріе и раздраженіе. Время прольетъ бальзамъ на горящія раны“***).

Реорганизація русской оборонительной системы на основаніи опыта японской войны, между тѣмъ, дѣятельно продолжалась. Лѣтомъ

*) „Nur grüss mich nicht unter den Linden“.

**) Засѣданіе Гос. Думы 2 марта 1911 г.

***) „Новое время“ 27 октября 1910 г.

1910 г. было издано Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи четырехъ крѣпостей въ Царствѣ Польскомъ и о перемѣнѣ мобилизаціоннаго плана; центры сосредоточенія армій относились далѣе на востокъ отъ границы. Мѣра эта мотивировалась слѣдующими соображеніями: при меньшемъ развитіи русской желѣзнодорожной сѣти, польскій выступъ могъ быть зажатъ въ тиски концентрическимъ наступленіемъ австрійскихъ и германскихъ армій, а крѣпости при быстромъ развитіи артиллерійской техники оказались бы только „ловушками" для своихъ гарнизоновъ. Русская армія должна закончить свое сосредоточеніе внѣ предѣловъ досягаемости для врага и уже затѣмъ перейти въ наступленіе.

„Эта мѣра основана на чисто стратегическихъ соображеніяхъ" — доносилъ своему правительству германскій военный агентъ фонъ Гинце.

Французскіе военные круги были заблаговременно освѣдомлены о намѣченныхъ мѣрахъ, и никакого противорѣчія между франко-русской конвенціей и этими чисто техническими мѣрами не было. Но такъ какъ свѣдѣнія объ этомъ въ заграничныхъ газетахъ появились около времени Потсдамскаго свиданія, это вызвало не малый переполохъ во французской печати. Газеты стали писать, что Россія отказывается отъ возможности наступленія на Германію, что она готова уступить Царство Польское и т. д. Газета „Journal" (въ февралѣ 1911 г.) разразилась сенсаціонной статьей „La fin d'une alliance". Тревога, впрочемъ, довольно скоро улеглась, когда компетентные круги разъяснили, что для нея не было никакихъ основаній.*)

Отношенія Г. Думы съ военнымъ вѣдомствомъ остались удовлетворительными и послѣ конфликта по поводу „морскихъ штатовъ". 26 авг. 1909 г. были изданы правила, разъяснявшія подробно, какіе вопросы рѣшаются въ порядкѣ верховнаго управленія, какіе подлежатъ внесенію въ Г. Думу и Г. Совѣтъ. Думское большинство примирилось съ этими правилами. С.-д. внесли запросъ по поводу правилъ 26 августа, но Дума его отвергла послѣ долгихъ преній, въ которыхъ выступилъ также и П. А. Столыпинъ.

„Исторія революцій, исторія паденій государствъ, учитъ насъ, — говорилъ премьеръ,**) — что армія приходитъ въ разстройство, когда она перестаетъ быть единой — единой въ повиновеніи одной безапелляціонной священной волѣ. Введите въ этотъ принципъ ядъ сомнѣнія, внушите нашей арміи хотя бы обрывокъ мыслей о томъ, что она зависитъ отъ коллективной воли, и мощь ея перестанетъ покоиться на единственно неизменной, соединяющей нашу армію силѣ — на Власти Верховной". Въ той же рѣчи Столыпинъ заявилъ, что „до настоящаго времени Г. Дума въ своемъ цѣломъ съ величайшимъ уваженіемъ относилась къ правамъ Верховнаго Водителя нашей арміи,

*) Ген. Ю. Н. Даниловъ въ своей книгѣ „Участіе Россіи въ міровой войнѣ" подробно разъясняетъ техническія основанія этихъ военныхъ мѣръ.

**) Рѣчь 31. III. 1910.

и что правительство со своей стороны никогда на права Г. Думы не покушалось",

Третья Дума, дѣйствительно, не становилась на формальную точку зрѣнія, когда рѣчь шла о реальныхъ интересахъ обороны. Такъ. въ отношеніи флота въ теченіе двухъ лѣтъ (съ 1908 г.) велась борьба между Думой, исключавшей кредиты на дредноуты, и Г. Совѣтомъ, который ихъ возстановлялъ. Наконецъ, Государь въ перерывъ сессіи издалъ распоряженіе о началѣ постройки этихъ судовъ. Дума послѣ этого имѣла возможность отвергнуть кредиты, т. е. остановить постройку, но она этого не сдѣлала, чтобы не прерывать начатое возстановленіе флота. Четыре дредноута были спущены на воду въ 1911 г.

Въ 1909 г. Пріамурскій генералъ-губернаторъ Унтербергеръ слалъ въ Петербургъ донесенія одно тревожнѣе другого, передавая слухи о грозящемъ новомъ нападеніи Японіи и жалуясь на беззащитность дальневосточной окраины. Эти донесенія не мало тревожили Государя. Между тѣмъ, министерство иностранныхъ дѣлъ имѣло совершенно обратныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Японіи и оно въ данномъ случаѣ оказалось право. Японія стремилась къ сотрудничеству съ Россіей, а не къ возобновленію борьбы, сулившей ей только — каковы бы ни были результаты первыхъ боевъ — утрату всѣхъ пріобрѣтеній войны 1904 — 05 г.г.

Соед. Штаты занимали позицію, рѣзко враждебную японской политикѣ въ Китаѣ, а Англія теперь преимущественно интересовалась привлеченіемъ на свою сторону Россіи въ соревнованіи съ Германіей. Въ то же время, какъ Россія, такъ и Японія были заинтересованы въ томъ, чтобы не допускать въ Манчжурію новыхъ конкурентовъ. Обѣ державы встрѣтили весьма отрицательно предложеніе американскаго министра иностранныхъ дѣлъ Нокса о продажѣ всѣхъ манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ международной компаніи и о строгомъ проведеніи принципа „открытыхъ дверей" въ Манчжуріи.

Думская оппозиція протестовала противъ сотрудничества съ Японіей. „Поддерживая Японію, — говорилъ въ Думѣ П. Н. Милюковъ, — мы ставимъ деньги не на ту лошадь, которая можетъ выиграть". *)

Лѣтомъ 1910 г. (21 іюня) между Россіей и Японіей было подписано соглашеніе о сотрудничествѣ. Обѣ державы обязывались оказывать другъ другу поддержку въ вопросѣ о манчжурскихъ желѣзныхъ дорогахъ, совмѣстно принимали на себя гарантію statu quo въ Китаѣ и обѣщали сноситься другъ съ другомъ по поводу всѣхъ мѣръ, которыя окажутся необходимыми для этой цѣли. По существу это былъ сговоръ о совмѣстномъ противодѣйствіи вліянію третьихъ державъ въ Китаѣ, основанный на молчаливомъ размежеваніи сферъ вліянія: Корея и Южная Манчжурія — Японіи, Сѣверная Манчжурія и Внѣшняя Монголія (и, быть можетъ, Китайскій Туркестанъ) — Россіи.

---

*) Засѣданіе Г. Думы 2. III. 1910 г.

Японія первая воспользовалась этимъ соглашеніемъ и уже въ сентябрѣ 1910 г. провела оффиціальную аннексію Кореи.

Для обслѣдованія положенія въ Азіатской Россіи П. А. Столыпинъ и министръ земледѣлія А. В. Кривошеинъ ѣздили въ концѣ лѣта 1910 г. въ Зап. Сибирь.**) Еще раньше, осенью 1909 г., выѣзжалъ въ Манчжурію и во Владивостокъ министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ. Въ Харбинѣ онъ имѣлъ свиданіе съ извѣстнымъ японскимъ государственнымъ дѣятелемъ княземъ Ито. Свиданіе это трагически закончилось — на глазахъ у В. Н. Коковцова князь Ито былъ убитъ на платформѣ харбинскаго вокзала корейскимъ революціонеромъ. На отношеніяхъ между Россіей и Японіей это убійство никакъ не отразилось.

Высочайшій докладъ Столыпина и Кривошеина, какъ и заключенія В. Н. Коковцова, показываютъ, что названные министры воочію убѣдились въ громадномъ значеніи азіатскихъ владѣній Россіи и должнымъ образомъ оцѣнили послѣдовательно проводимую, съ перваго года царствованія, политику Государя, направленную на утвержденіе русскаго вліянія въ Азіи.

Китай находился въ періодѣ полнаго разложенія. Въ концѣ 1908 г. скончалась „желѣзная" императрица Це-Си, лѣтъ сорокъ самодержавно правившая страной; одновременно съ нею умеръ и „плѣнный императоръ" Куанъ-Сю. Престолъ перешелъ къ двухлѣтнему племяннику покойнаго императора, принцу Пу-И; регентомъ сталъ его отецъ, принцъ Чунъ, не имѣвшій особаго авторитета. Молодой китайскій генералъ выразительно сказалъ В. Н. Коковцову, во время его пребыванія на Д. Востокѣ: „у Китая нѣтъ головы" (China has not head). Революціонная партія развивала усиленную агитацію, особенно въ Южномъ Китаѣ; отдѣльные сановники боролись при дворѣ за власть. Китайское правительство, въ то же время, пыталось „натянуть вожжи" на окраинахъ, поощряло ихъ колонизацію выходцами изъ внутренняго Китая, старалось ограничить права иностранцевъ.

На этой почвѣ возникъ въ началѣ 1911 г. между Россіей и Китаемъ конфликтъ, завершившійся ультиматумомъ. Россія требовала соблюденія русскихъ торговыхъ правъ и привилегій въ Монголіи и грозила, въ случаѣ притѣсненія русскихъ купцовъ, ввести войска въ китайскіе предѣлы. Этотъ ультиматумъ вызвалъ рѣзкія нападки въ американской и отчасти въ англійской печати, тотчасъ же подхваченныя русскими оппозиціонными кругами, начавшими было протестовать противъ „новой дальневосточной авантюры". Но Китай безоговорочно принялъ ультиматумъ, русское экономическое преобладаніе въ Монголіи было признано; и когда осенью 1911 г. въ Китаѣ началась революція,

**) П. А. Столыпинъ писалъ Государю о своей поѣздкѣ въ Сибирь: „. . . растетъ сказочно. . . въ нѣсколько послѣднихъ мѣсяцевъ выросли большіе поселки, чуть ли не города". Но онъ предвидѣлъ и осложненія въ будущемъ: искусственно насаждаютъ общину въ странѣ, которая привыкла къ личной собственности; не подумали о насажденіи частной земельной собственности; если не принять мѣръ — въ Сибири „безсознательно и безформенно создастся громадная, грубо демократическая страна, которая задавитъ Россію Европейскую".

Внѣшняя Монголія изгнала китайскія власти и провозгласила свою независимость — при фактическомъ протекторатѣ Россіи, добившейся въ 1912 г., чтобы Китай призналъ самостоятельность Внѣшней Монголіи и удовлетворился такимъ же номинальнымъ суверенитетомъ надъ этой областью, какъ турецкій суверенитетъ въ Босніи послѣ 1876 года.

Такимъ образомъ, въ результатѣ роста русской мощи и послѣдовательной политики Государя, Россія безъ пролитія крови пріобрѣтала обширную область съ большими экономическими возможностями. Если лѣвые круги, до П. Н. Милюкова включительно, оставались въ рѣзкой оппозиціи къ азіатской политикѣ Россіи, то безпартійные либеральные органы печати вродѣ „Русскаго Слова", уже начинали проявлять пониманіе русскихъ національныхъ задачъ въ Азіи, а октябристскій „Голосъ Москвы" писалъ: „Мы должны не только пододвинуть свою государственную границу къ пустынямъ, отдѣляющимъ насъ отъ собственнаго Китая, но занять на возможно большемъ пространствѣ эти пустыни, чтобы сохранить ихъ таковыми въ видѣ естественной эспланады нашего государства . . . Сѣверная Монголія должна стать, какъ и Восточный Туркестанъ съ Джунгаріей, въ болѣе тѣсную связь съ Россіей".*)

Два обильныхъ урожая — въ 1909 и 1910 г.г. — дали мощный толчокъ всему русскому хозяйству. Земельная политика успѣшно развивалась. П. А. Столыпинъ, желавшій ускорить ходъ реформы, считалъ, что Крестьянскій банкъ, находившійся въ вѣдѣніи министра финансовъ, недостаточно идетъ навстрѣчу намѣреніямъ власти и слишкомъ остороженъ въ своей кредитной политикѣ. Онъ задумалъ передать Крестьянскій банкъ въ министерство земледѣлія, но встрѣтилъ въ этомъ сопротивленіе В. Н. Коковцова, заявлявшаго, что онъ подастъ въ отставку въ случаѣ изъятія Крестьянскаго банка изъ вѣдѣнія министра финансовъ. Вокругъ этого вопроса велась долгая „тяжба передъ Государемъ".

Вопросы сельскаго хозяйства — какъ упомянулъ Лубэ въ своихъ воспоминаніяхъ — неизмѣнно пользовались особымъ вниманіемъ Государя. „Прочное землеустройство крестьянъ внутри Россіи и такое же устройство переселенцевъ въ Сибири — вотъ два краеугольныхъ вопроса, надъ которыми правительство должно неустанно трудиться" — писалъ Онъ Столыпину изъ Германіи (22.IX.1910). „ Не слѣдуетъ, разумѣется, забывать и о другихъ нуждахъ — о школахъ, путяхъ сообщенія и пр., но тѣ два должны проводиться въ первую очередь".

Законодательная работа шла полнымъ ходомъ: реформа мѣстнаго суда, расширеніе народнаго образованія, введеніе канализаціи въ

*) „Голосъ Москвы", начало февраля 1912 г.

Петербургѣ, новый продовольственный уставъ,*) широкія ассигнованія на улучшеніе сельскаго хозяйства (въ томъ числѣ 9 милл. на орошеніе т.н. Голодной степи) и не мало другихъ важныхъ мѣръ были проведены черезъ Палаты за эти годы. Число репрессивныхъ мѣръ въ то же время сокращалось: такъ, въ 1910 г. смертныхъ казней было 129 (противъ 537 въ 1909 и 697 въ 1908 г.); въ неменьшей пропорціи сократились и административныя высылки (въ 1908 г. еще около 10 000, въ 1909 г. — меньше 3000). Интересъ къ политикѣ въ массѣ населенія сильно упалъ. Тѣмъ не менѣе, въ той части населенія, которая интересовалась общественными дѣлами, по прежнему преобладали оппозиціонныя настроенія. Это сказалось осенью 1909 г. на дополнительныхъ выборахъ въ Думу: и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Одессѣ были избраны кандидаты к.-д. Больше того: земскіе и городскіе выборы, послѣ поправѣнія въ революціонные годы, снова начинали давать болѣе лѣвые результаты.

Правыя партіи, имѣвшія возможность легальной дѣятельности, являли печальное зрѣлище взаимныхъ раздоровъ. Отъ Союза Русскаго Народа отдѣлился Союзъ Михаила Архангела, во главѣ съ депутатомъ В. М. Пуришкевичемъ. Но и въ старомъ союзѣ грызня продолжалась, и его основатель, А. И. Дубровинъ, отстраненный отъ дѣлъ, обвинялъ новый главный совѣтъ въ томъ, что онъ хочетъ — его смерти: „Пусть поднесутъ мнѣ чашу съ напиткомъ въ вѣчность, и я спокойно осушу ее до дна!“ . . . Въ провинціи правыя организаціи нерѣдко вступали въ конфликты съ губернаторами, обвиняя ихъ въ либерализмѣ. Въ отношеніи кабинета Столыпина онѣ пребывали въ „оппозиціи справа“.

Націоналисты, ставшіе въ Г. Думѣ наиболѣе близкой къ правительству партіей, составляли фракцію въ 105 человѣкъ — почти сравнявшись съ октябристами, которыхъ къ 1910 г. осталось во фракціи 117. Но націоналисты не имѣли почти никакой организаціи въ странѣ. Это были, въ сущности, умѣренно-правые безпартійные элементы, объединившіеся только въ Г. Думѣ.

Октябристы, особенно послѣ инцидента съ морскими штатами, все чаще проявляли недовольство тѣмъ, что не проводятся въ жизнь „обѣщанныя свободы“. При открытіи думской сессіи 1909 — 10 г., А. И. Гучковъ говорилъ, что сессія открывается „подъ знакомъ неопредѣленности“. При обсужденіи смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ, лидеръ октябристовъ (22.II.1910) заявилъ: „Мы находимъ, что въ странѣ наступило успокоеніе, и до извѣстной степени успокоеніе прочное“, — и выразилъ пожеланіе объ отмѣнѣ административной ссылки

*) Новый уставъ замѣнялъ безплатное „кормленіе“ всѣхъ крестьянъ въ районахъ, пострадавшихъ отъ неурожая, болѣе цѣлесообразной организаціей: состоятельнымъ крестьянамъ продовольствіе и сѣмена выдавались въ видѣ ссуды; для другихъ устраивались общественныя работы (постройка дорогъ, каналовъ), и безплатная помощь оказывалась только „маломощнымъ“. Какъ сказалъ П. А. Столыпинъ, эта мѣра положила предѣлъ „развращающему началу казеннаго соціализма“. (Рѣчь 9.XI.1910). Уставъ этотъ былъ впервые съ успѣхомъ примѣненъ на практикѣ во время продовольственной кампаніи 1911 — 12 г.г.

и особыхъ полномочій губернаторовъ въ отношеніи печати. „Мы, господа, ждемъ“, — закончилъ А. И. Гучковъ.

П. А. Столыпинъ (въ своей рѣчи 31 марта 1910) отвѣчалъ: „Тамъ, гдѣ съ бомбами врываются въ казначейства и въ поѣзда, тамъ, гдѣ подъ флагомъ соціальной революціи грабятъ мирныхъ жителей, — тамъ, конечно, правительство удерживаетъ и удержитъ порядокъ, не обращая вниманія на крики о реакціи“. Премьеръ далъ такую характеристику состоянія страны: „Послѣ горечи перенесенныхъ испытаній, Россія, естественно, не можетъ не быть недовольной; она недовольна не только правительствомъ, но и Г. Думой, и Г. Совѣтомъ, недовольна и правыми партіями, и лѣвыми партіями. Недовольна потому, что Россія недовольна собой. Недовольство это пройдетъ, когда выйдетъ изъ смутныхъ очертаній, когда образуется и укрѣпится русское государственное самосознаніе, когда Россія почувствуетъ себя опять Россіей“.

Крайнія лѣвыя партіи проявляли себя мало. С.-р. еще не оправились отъ удара азефовскаго дѣла. У с.-д. шла отчаянная внутренняя борьба, возникали самыя противоположныя теченія: „отзовисты“ и „ультиматисты“ требовали отозванія фракціи с.-д. изъ Г. Думы или предъявленія къ ней ультиматума о „болѣе революціонной тактикѣ“ (которая едва ли была практически осуществима); наоборотъ, „ликвидаторы“ хотѣли ликвидировать старую нелегальную организацію заговорщическаго типа и замѣнить ее рабочей партіей по западно-европейскимъ образцамъ, опираясь на легальные профессіональные союзы, которые, хотя и подвергались нерѣдко полицейскимъ стѣсненіямъ за революціонную пропаганду, все же получили значительное развитіе. Каждое с.-д. теченіе стремилось создать свою школу: Горькій и Луначарскій устроили партійную школу на островѣ Капри (осенью 1909 г.), крайніе лѣвые большевики (группа „Впередъ“) — въ Болоньѣ (1910 г.), ленинская группа — въ Лонжюмо около Парижа (1911 г.) и т.д.

Одинокимъ актомъ политическаго террора было (въ декабрѣ 1909 г.) убійство начальника охраннаго отдѣленія Карпова, котораго заманилъ въ ловушку одинъ революціонеръ, обѣщавшій выдать партійныя тайны. Думская оппозиція и тутъ попыталась заговорить о „провокаціи“, но думское большинство отклонило запросъ. „Наша задача — говорилъ графъ Бобринскій — отогнать отъ Карпова тѣхъ гіенъ, которыя набросились на его трупъ“.

7 ноября 1910 г. на станціи Астапово (Рязанской губ.) умеръ гр. Л. Н. Толстой. Ему было 82 года. За десять дней передъ тѣмъ, 28 октября, онъ покинулъ Ясную Поляну, чтобы уйти отъ противорѣчій между своимъ ученіемъ и своей личной жизнью. Кончина великаго писателя, притомъ въ столь необычной обстановкѣ — произвела огромное впечатлѣніе. Л. Н. Толстой стоялъ въ сторонѣ отъ русской повседневной борьбы; его не могли считать „своимъ“ ни, разумѣется, государство, ни оппозиціонное общество. Но онъ былъ отлученъ отъ церкви за богохульство — и это придавало ему въ глазахъ многихъ революціонный ореолъ. Въ то же время, Л. Н. Толстой былъ въ тотъ моментъ, — безъ преувеличенія — писателемъ съ наиболѣе громкимъ

именемъ не только въ Россіи, но вообще во всемъ мірѣ, — гордость русской литературы.

Для власти вставала трудная задача: какъ отнестись къ чествованіямъ памяти Толстого? Церковные круги и правые идеологи, вродѣ Л. Тихомирова, считали, что православная государственность не имѣетъ права воздавать посмертныя почести человѣку, отлученному отъ церкви. Въ то же время, для русскаго общества, какъ и для иностраннаго общественнаго мнѣнія, смерть Толстого была великой русской утратой.

Государь нашелъ выходъ: на докладѣ о кончинѣ Л. Н. Толстого Онъ поставилъ отмѣтку: „Душевно сожалѣю о кончинѣ великаго писателя, воплотившаго, во времена расцвѣта своего дарованія, въ твореніяхъ своихъ родные образы одной изъ славнѣйшихъ годинъ русской жизни. Господь Богъ да будетъ ему Милостивымъ Судіей".

Государственная власть не приняла участія въ гражданскихъ похоронахъ Толстого: но она и не препятствовала имъ, хотя это и противорѣчило русскимъ обычаямъ. Великаго писателя похоронили на холмѣ около Ясной Поляны; въ похоронахъ участвовало нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ большинствѣ — молодежи.

Гос. Дума въ знакъ траура прервала свои занятія (часть правыхъ протестовала), а предсѣдатель Г. Совѣта Акимовъ сказалъ краткое слово памяти Толстого (большинство правыхъ отсутствовало, а два епископа демонстративно отказались встать).

Смерть Толстого вызвала естественное волненіе среди учащейся молодежи. Въ ученыхъ заведеніяхъ собирались сходки, обсуждавшія способы откликнуться на это событіе. Эти сходки порою пріобрѣтали политическій характеръ: лѣвыя партіи пользовались возбужденіемъ студенчества, чтобы толкнуть его на выступленія. Пользуясь тѣмъ, что Толстой года за два до кончины написалъ рѣзкую статью противъ смертной казни („Не могу молчать"), лѣвыя партіи стали призывать студентовъ къ шествіямъ „памяти Толстого" подъ лозунгомъ „долой смертную казнь". Въ Петербургѣ 8-го, 9-го и 10-го ноября происходили уличныя демонстраціи — впервые со временъ 1905 г. Къ студентамъ присоединились группы рабочихъ. Движеніе на Невскомъ было прервано на нѣсколько часовъ. 15-го въ Москвѣ происходили демонстраціи съ черными флагами. Но въ Московскомъ университетѣ сторонники демонстрацій и забастовокъ встрѣтили отпоръ со стороны части студенчества. Профессоръ кн. Е. Н. Трубецкой выступилъ съ обличеніемъ революціонной агитаціи, за что студенческая сходка выразила ему „порицаніе".

„Не начало ли это поворота?" — писалъ Ленинъ въ заграничномъ органѣ с.-д. по поводу студенческихъ демонстрацій. Лѣвымъ удалось найти поводъ, чтобы продлить агитацію: получено было извѣстіе, что на каторгѣ покончилъ съ собою убійца Плеве, Е. Сазоновъ, изъ протеста противъ примѣненія тѣлеснаго наказанія къ каторжанамъ. Борьба въ высшей школѣ возобновилась. Умѣренная часть студентовъ энергично реагировала; въ Москвѣ была организована „защита дверей": передъ дверьми аудиторій, гдѣ читались лекціи,

становились группы студентовъ, которыя не пропускали „срывателей“. Но не вездѣ и не всегда удавалось справиться „внутренними силами“; совѣтамъ профессоровъ приходилось нѣсколько разъ призывать полицію для возстановленія порядка. Это, въ свою очередь, создавало новые поводы для „забастовокъ протеста“. Въ серединѣ декабря наступили рождественскія вакаціи, когда волненія уже явно шли на убыль.

Однако, новый министръ народнаго просвѣщенія, Л. А. Кассо (смѣнившій осенью 1910 г. А.Н. Шварца), счелъ нужнымъ предпринять рѣшительныя дѣйствія для пресѣченія всякой агитаціи. 11 января 1911 г. было опубликовано распоряженіе Совѣта Министровъ, временно запрещавшее какія бы то ни было собранія въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эта мѣра означала не только прекращеніе разрѣшаемыхъ начальствомъ сходокъ, но и ликвидацію всѣхъ легальныхъ студенческихъ организацій. Она вызвала протестъ въ весьма умѣренныхъ студенческихъ кругахъ.

Какъ только занятія возобновились — волненія вспыхнули съ новой силой. Летучія сходки самочинно собирались то въ корридорахъ, то въ аудиторіяхъ; почти во всѣхъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ объявлена была забастовка на весь весенній семестръ. Сходки были короткими; полиція появлялась, обычно, когда онѣ уже кончались.

Въ московскомъ университетѣ совѣтъ профессоровъ протестовалъ противъ того, что полиція игнорируетъ университетскія власти, и ректоръ А. А. Мануйловъ, а также его помощникъ (Мензбиръ) и проректоръ (Минаковъ) подали въ отставку. Въ отвѣтъ они были не только уволены со своихъ постовъ но и отрѣшены отъ должности профессоровъ. Это вызвало демонстративный выходъ въ отставку нѣсколькихъ десятковъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ Московскаго университета.

Л. А. Кассо не допускалъ компромиссныхъ рѣшеній. Онъ требовалъ, чтобы профессора продолжали читать лекціи, хотя бы при самомъ ничтожномъ числѣ слушателей; въ университетахъ были размѣщены полицейскіе отряды, немедленно арестовывавшіе всѣхъ, кто пытался срывать занятія. Забастовщики на это отвѣчали химической обструкціей.

Въ теченіе февраля шла упорная борьба. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напр., на Высшихъ Женскихъ Курсахъ число слушавшихъ лекціи спускалось до 20-30 человѣкъ. Затѣмъ понемногу число слушателей начало возрастать. Техническія высшія учебныя заведенія, одно за другимъ, выносили рѣшенія о возобновленіи занятій. Къ концу марта забастовка почти вездѣ закончилась.

Въ отличіе отъ забастовки 1908 г., ликвидированной „изнутри“, забастовка 1911 г. была сломлена силою внѣшняго принужденія. На провинцію она почти не распространилась. Опытъ показалъ, что это орудіе борьбы перестаетъ дѣйствовать. Въ обществѣ забастовка также не вызвала былого сочувствія. „Надо надѣяться — писалъ А. Изгоевъ въ „Русской Мысли“ — что она будетъ послѣдней студенческой забастовкой, что сами студенты поймутъ и моральную недопустимость, и полную нецѣлесообразность этого средства борьбы, разрушающаго

высшую школу". Но и дѣйствія Л. А. Кассо вызвали критику: указывали, что забастовки вообще можно было избѣжать. „Соръ, конечно, нужно вымести, — говорилъ въ Думѣ октябристъ Капустинъ, — но, когда вы хотите навести порядокъ въ своемъ письменномъ столѣ, вы не пошлете туда дворника съ метлой".

Въ мартѣ 1910 г. произошло событіе, имѣвшее серьезныя послѣдствія; о немъ въ то время не мало говорили въ Петербургѣ, но въ печати оно отраженія не нашло — и найти не могло. 8 марта лидеръ октябристовъ А. И. Гучковъ былъ избранъ предсѣдателемъ Г. Думы на мѣсто отказавшагося Н. А. Хомякова. А. И. Гучковъ не имѣлъ техническихъ предсѣдательскихъ данныхъ; онъ въ то же время покидалъ отвѣтственный постъ руководителя думскаго центра. Что же побудило его принять званіе предсѣдателя? Повидимому, А. И. Гучковъ при помощи Высочайшихъ докладовъ желалъ получить возможность вліять въ желательномъ для него направленіи на самого Государя. Это оказалось роковой ошибкой.

Государь угадалъ (или приписалъ Гучкову) такое намѣреніе; Онъ, кромѣ того, считалъ, что Гучковъ стремится обходнымъ путемъ урѣзать царскую власть; и на первомъ же пріемѣ, 9 марта, отступивъ отъ своей обычной привѣтливой манеры, встрѣтилъ крайне холодно новаго предсѣдателя Думы, открыто показалъ ему свое недовѣріе. Въ газетномъ сообщеніи о пріемѣ было только сказано, что аудіенція „продолжалась болѣе получаса"; обычныхъ словъ о „высокомилостивомъ пріемѣ" не было. Въ дальнѣйшемъ между Царемъ и предсѣдателемъ Думы, конечно, установились корректныя оффиціальныя отношенія, но о вліяніи Гучкова на Государя не могло быть и рѣчи.

А. И. Гучковъ, человѣкъ чрезвычайно самолюбивый, — о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы безконечный рядъ его дуэлей, — не простилъ Государю такого отношенія. Онъ сталъ видѣть въ Немъ главное препятствіе не только для себя, но и для той эволюціи русской жизни, къ которой онъ стремился. Соединеніе политической и личной вражды къ Государю сдѣлало А. И. Гучкова весьма опаснымъ и послѣдовательнымъ Его врагомъ, — тѣмъ болѣе опаснымъ, что по своему положенію лидера умѣренной, строго монархической партіи и предсѣдателя Г. Думы, онъ не могъ проявлять ее открыто. Глухо говорилось объ этомъ въ его вступительной предсѣдательской рѣчи 12 марта 1910 г.: „Я убѣжденный сторонникъ конституціонно-монархическаго строя и при томъ не со вчерашняго дня... Внѣ формъ конституціонной монархіи... я не могу мыслить мирнаго развитія современной Россіи... Мы часто жалуемся на внѣшнія препятствія, тормозящія нашу работу... Мы не должны закрывать на нихъ глаза: съ ними придется намъ считаться, а, можетъ быть, придется и сосчитаться"...

Въ томъ же году въ печати стало впервые появляться имя „старца Григорія" (Распутина). Было извѣстно, что онъ, съ одной стороны,

пользуется большой популярностью въ нѣкоторыхъ придворныхъ кругахъ; съ другой — распространялись слухи о его непристойномъ поведеніи. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась изобличавшая его статья: „Духовный гастролеръ“, извѣстнаго церковнаго дѣятеля М. Новоселова. Когда въ іюнѣ въ Петербургъ прибылъ саратовскій епископъ Гермогенъ, „Рѣчь“ сообщила, будто онъ пріѣхалъ „хлопотать за Распутина“. Епископъ по этому поводу заявилъ: „Три года назадъ онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка высокой религіозной настроенности; послѣ, однако, я получилъ свѣдѣнія о его зазорномъ поведеніи. . . Исторія Церкви показываетъ, что были люди, которые достигали даже очень высокихъ духовныхъ дарованій, и потомъ падали нравственно“.

К.-д. „Рѣчь“ продолжала заниматься личностью Распутина; и „Новое Время“, отмѣтивъ неопредѣленность выдвигаемыхъ фактовъ, писало (18. VI. 1910): „На всю обличительную кампанію „Рѣчи“ трудно смотрѣть иначе, какъ на темную и въ высшей степени опасную игру“,— и само намекало на „высокопоставленныхъ вдохновителей“ этой кампаніи.

„Старецъ“ Григорій Распутинъ, родомъ изъ крестьянъ Тобольской губерніи, дѣйствительно, бывалъ принимаемъ въ высшемъ свѣтѣ; въ немъ многіе видѣли „вѣщаго человѣка“, своего рода „пастыря душъ“. Несомнѣнно, что у Распутина бывали моменты искренняго религіознаго вдохновенія; но въ то же время онъ умѣлъ и „грѣшить безстыдно, непробудно“. Достаточно владѣя собой, чтобы въ придворномъ обществѣ выдерживать свою роль благочестиваго проповѣдника, онъ затѣмъ, попадая въ иную среду, давалъ волю самымъ низкимъ своимъ страстямъ.

Государь видѣлъ Распутина впервые въ 1906 г. и отмѣтилъ, что онъ „производитъ большое впечатлѣніе“. Впослѣдствіи онъ говорилъ кн. В. Н. Орлову, что Григорій — человѣкъ „чистой вѣры“. Онъ также интересовался, иногда, тѣмъ, какъ Распутинъ отзывается на тѣ или иные вопросы государственной жизни; въ его отвѣтахъ Онъ чувствовалъ нерѣдко подлинную „связь съ землей“; но особаго значенія его отдѣльнымъ мнѣніямъ Государь, конечно, не придавалъ.

На Государыню бесѣды старца Григорія на религіозныя темы производили болѣе сильное впечатлѣніе. Однако, особое значеніе онъ получилъ по иной причинѣ. Онъ, по свидѣтельству самыхъ разныхъ лицъ, обладалъ способностью „заговаривать кровь“, путемъ внушенія останавливать кровь.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, какъ это опредѣлилось уже въ раннемъ возрастѣ, страдалъ опаснымъ наслѣдственнымъ недугомъ — гемофиліей. При этой болѣзни кровеносные сосуды отличаются особой хрупкостью, а кровь — слабой способностью къ свертыванію. Вслѣдствіе этого, всякая, самая легкая, рана могла привести къ опасному для жизни кровотеченію, а всякій ушибъ — къ тяжелому внутреннему кровоизліянію. Болѣзнь Наслѣдника считалась государственной тайной, но толки о ней, тѣмъ не менѣе, были широко распространены. Необходимость тщательно оберегать Наслѣдника отъ

ушибовъ и пораненій создавала особыя условія его воспитанія. Это было, тѣмъ болѣе, трудно, что Наслѣдникъ Цесаревичъ отличался живымъ, дѣятельнымъ характеромъ и неохотно переносилъ всякія стѣсненія.

Когда выяснилось, что Распутинъ, путемъ внушенія, лучше справляется съ проявленіями этой болѣзни, нежели всѣ доктора-спеціалисты — это создало, разумѣется, для старца Григорія совершенно особое положеніе. Государыня видѣла въ немъ человѣка, отъ котораго, въ самомъ реальномъ смыслѣ этого слова, зависѣла жизнь ея горячо любимаго сына.

Къ несчастью, за предѣлами дворца Распутинъ продолжалъ вести себя весьма неподобающе, и это вызывало нежелательные толки. Государыня, имѣвшая о „старцѣ“ совершенно иное представленіе, не хотѣла вѣрить ничему, что о немъ говорили плохого и, во всякомъ случаѣ, отказывалась — изъ-за „клеветы“, какъ Ей казалось, — лишиться человѣка, умѣвшаго нѣсколькими словами побѣждать тяжелый недугъ Ея сына.

Распутинъ самъ ни на какое политическое вліяніе не претендовалъ; но для враговъ Императора онъ оказался точкой приложенія искусной клеветнической кампаніи, совершенно извратившей истинное положеніе вещей.

Авіація быстро развивалась, въ томъ числѣ и въ Россіи. И въ Москвѣ и въ Петербургѣ устраивались „авіаціонныя недѣли“. П. А. Столыпинъ живо интересовался полетами и (22. IX. 1910) самъ поднимался на воздухъ съ летчикомъ Маціевичемъ (который черезъ два дня послѣ этого разбился на смерть)*). Столыпинъ былъ однимъ изъ первыхъ премьеровъ, поднимавшихся на аэропланѣ.

6 января 1911 г. Государь пріѣхалъ неожиданно въ Маріинскій театръ, гдѣ шла опера „Борисъ Годуновъ“. Послѣ третьяго дѣйствія, занавѣсъ на мгновеніе опустился и затѣмъ снова взвился: весь хоръ „бояръ“, съ Шаляпинымъ во главѣ, опустился на колѣни и трижды пропѣлъ „Боже Царя храни“; хоромъ управлялъ извѣстный дирижеръ Направникъ. Гимнъ былъ подхваченъ публикой. „Такого исполненія гимна я никогда болѣе въ жизни не слышалъ“ — пишетъ очевидецъ. Лѣвые круги долго потомъ не могли простить Шаляпину этой манифестаціи.

Въ условіяхъ преобразованнаго государственнаго строя, „демофильское“ направленіе въ верхахъ русской власти пріобрѣтало перевѣсъ надъ „аристократическимъ“. Настроенія народныхъ массъ, особенно той ихъ части, которая была вѣрна государственной идеѣ, становились факторомъ, съ которымъ трудно было не считаться.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ населеніе было смѣшанное, гдѣ русскимъ приходилось сталкиваться съ другими народностями, большинство р у с с к и х ъ примыкало къ правымъ теченіямъ. Такъ было въ

---

*) П. Г. Курловъ въ своихъ мемуарахъ утверждаетъ, будто Маціевичъ былъ с.-р. и собирался убить Столыпина при полетѣ, но почему-то не рѣшился.

Кіевѣ, въ Одессѣ, во всѣхъ городахъ Западнаго края и отчасти на Кавказѣ. Если въ Москвѣ и Петербургѣ правые собирали какіе-нибудь 5-10 процентовъ голосовъ, на западѣ за нихъ голосовало мѣстами 40-50 процентовъ городского населенія, и лѣвыя кандидатуры побѣждали голосами только не-русскихъ элементовъ.

Западные правые круги, опиравшіеся на массы, выступали съ опредѣленными требованіями къ власти. Въ Г. Совѣтѣ редакторъ „Кіевлянина", проф. Д. И. Пихно, внесъ законопроектъ о реформѣ выборовъ въ верхнюю палату отъ Западнаго края. Онъ указалъ, что отъ 9 губерній въ Г. Совѣтъ избрано 9 поляковъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній всего 2-3 процента польскаго населенія. Пихно требовалъ, чтобы поляковъ выдѣлить въ особую курію, а большинство мѣстъ предоставили бы русскимъ.

Этотъ проектъ нарушалъ имперскій принципъ равенства національностей: поляки имѣли большинство не какъ таковое, а потому, что фактически большинство крупныхъ землевладѣльцевъ въ Западномъ краѣ было польскаго происхожденія. Въ Г. Совѣтѣ предложеніе Пихно не встрѣчало большого сочувствія, и при его обсужденіи б. оберъ-прокуроръ Синода, кн. А. Д. Оболенскій, такъ формулировалъ старую „имперскую" точку зрѣнія: „Основное начало нашей государственности заключается въ томъ, что въ Россійской монархіи есть Русскій Царь передъ которымъ всѣ народы и всѣ племена равны. Государь Императоръ, выше партій, національностей, группъ и сословій Онъ можетъ спокойно сказать: „Мои поляки, Мои армяне, Мои евреи, Мои финляндцы. Всѣ они — Его" . . .

Однако, къ удивленію многихъ, предсѣдатель Совѣта Министровъ П. А. Столыпинъ высказался сочувственно о проектѣ Пихно, который большинствомъ голосовъ былъ переданъ на комиссію. Съ этого момента, въ маѣ 1909 г., опредѣлился новый курсъ Столыпина, — провозглашеніе новаго принципа русскаго національзма.

Въ русскомъ обществѣ, до 1905 г. „чуравшемся" національзма, въ это время тоже начинали проявляться національныя теченія. В. Б. Струве выступилъ въ „Словѣ" съ рядомъ статей о „національномъ лицѣ". „Русская интеллигенція, писалъ онъ, обезцвѣчиваетъ себя въ россійскую . . . Такъ же, какъ не слѣдуетъ заниматься обрусеніемъ тѣхъ, кто не желаетъ „русѣть", такъ же точно намъ самимъ не слѣдуетъ себя „оброссіивать". Въ тяжелыхъ испытаніяхъ послѣднихъ лѣтъ выростаетъ наше національное русское чувство, оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но въ то же время возмужало и окрѣпло. Не пристало намъ хитрить съ нимъ и прятать наше лицо".*)

Въ литературномъ журналѣ „Вѣсы" извѣстный поэтъ Андрей Бѣлый выступилъ (въ 1909 г.) съ рѣзкой статьей противъ „засилья" не-русскихъ элементовъ въ литературѣ и художественной критикѣ. „Главарями національной культуры, — писалъ онъ, — оказываются чуждые этой культурѣ люди . . . Чистыя струи родного языка засоряются своего рода безличнымъ эсперанто изъ международныхъ слове-

*) „Слово", 10. III. 1909 г.

чекъ . . . Вмѣсто Гоголя, объявляется Шоломъ Ашъ, провозглашается смерть быту, учреждается международный жаргонъ... Вы посмотрите на списки сотрудниковъ газетъ и журналовъ въ Россіи: кто музыкальные, литературные критики этихъ журналовъ? Вы увидите сплошь имена евреевъ... пишущихъ на жаргонѣ эсперанто и терроризирующихъ всякую попытку углубить и обогатить русскій языкъ".

Такія статьи, необычныя для русской интеллигенціи, свидѣтельствовали о значительной перемѣнѣ умонастроеній. Но, конечно, между этимъ націонализмомъ въ области культуры — и великорусскимъ государственнымъ націонализмомъ Столыпина разница была велика.

Осенью 1909 г. Столыпинъ внесъ въ Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства проектъ введенія земства въ девяти западныхъ губерніяхъ, причемъ въ заданіе входило, чтобы эти земства имѣли русское большинство. Правительство, въ то же время поддерживало выдвинутый епископомъ Холмскимъ Евлогіемъ проектъ выдѣленія русскихъ частей Сѣдлецкой и Люблинской губ. въ особую Холмскую губернію.

Возникшій вновь конфликтъ между русской властью и Финляндіей по поводу вопросовъ общеимперскаго законодательства побудилъ Столыпина вернуться на путь, оставленный въ 1905 году, и провести б е з ъ согласія финскаго сейма, законопроектъ о соотношеніи между Россійской имперіей и Финляндіей. Къ тому же циклу „націоналистическихъ" мѣръ принадлежалъ и проектъ ограниченія нѣмецкой колонизаціи въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ послѣ 1905 г. значительно усилилась скупка помѣщичьихъ земель нѣмцами-колонистами. Думское большинство, въ общемъ, отнеслось сочувственно къ этимъ мѣрамъ, тогда какъ оппозиція рѣзко противъ нихъ возставала.

Законопроектъ о Финляндіи, внесенный въ Думу 14 марта 1910 г., вызвалъ многочисленные протесты за границей: группы видныхъ профессоровъ-юристовъ печатали „манифесты", доказывая неправомѣрность законодательства по финляндскимъ дѣламъ безъ согласія сейма; свыше 400 французскихъ депутатовъ и сенаторовъ прислали протестъ въ Г. Думу. Финскій сеймъ отказался дать заключеніе по проекту, признавъ его противорѣчащимъ Основнымъ Законамъ В. К. Финляндскаго.

П. А. Столыпинъ, защищая проектъ въ Г. Думѣ, призналъ юридическую спорность вопроса: „Масса матеріаловъ, документовъ, актовъ, касающихся отношеній Финляндіи къ Россіи, даетъ возможность защищать всякую теорію: достаточно для этого повыдергать изъ архивныхъ грудъ нужные для этого матеріалы . . . Для этого не нужно особой недобросовѣстности. Достаточно нѣкоторой предвзятости и предубѣжденности". Отстранивъ юридическія соображенія, премьеръ ссылался на государственные интересы Россіи и утверждалъ, что отклоненіе проекта было бы сочтено въ Финляндіи признакомъ слабости: „Разрушьте, господа, этотъ опасный призракъ, нѣчто худшее, чѣмъ вражда и ненависть, — презрѣніе къ нашей родинѣ".

Думская оппозиція изъ протеста покинула залъ, когда большинство высказалось за ускоренный порядокъ обсужденія; правые и націоналисты оказались въ большинствѣ, и правительственный проектъ

прошелъ полностью, хотя октябристы и собирались внести въ него рядъ смягчающихъ поправокъ.

Въ Г. Совѣтѣ, несмотря на возраженія не только лѣвыхъ, но и нѣсколькихъ правыхъ, проектъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ, онъ сталъ закономъ 17 іюня 1910 г. По этому закону, финскій сеймъ сохранялъ только совѣщательный голосъ во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, какъ общеимперскаго, такъ и внутренняго законодательства (о печати, о собраніяхъ и союзахъ, о народномъ образованіи, о полиціи и т.д.). До изданія новыхъ законовъ, въ силѣ, однако, оставались старые, и фактически особыхъ перемѣнъ въ Финляндіи не произошло. Но антирусскія теченія въ этой области значительно усилились: финляндцы сочли, что русская власть — на этотъ разъ съ согласія русскихъ народныхъ представителей — нарушила вторично ихъ исконныя права.

П. А. Столыпинъ, самъ долго проживавшій въ Западномъ краѣ (у него было имѣніе въ Ковенской губерніи, съ 1897 г. онъ былъ назначенъ Ковенскимъ губернаторомъ и предводителемъ дворянства), съ особымъ вниманіемъ относился къ вопросу о западномъ земствѣ. Онъ рѣшилъ отложить его введеніе въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ русскихъ элементовъ было слишкомъ мало (Ковенской, Виленской, Гродненской), а в остальныхъ шести *) ввести земское положеніе 1890 г. со значительными поправками. Такъ какъ почти все крупное землевладѣніе было польскимъ, — цензъ былъ вдвое пониженъ противъ общерусскаго; избиратели были раздѣлены на двѣ куріи, польскую и русскую, причемъ русская вездѣ избирала большее число гласныхъ. Особыя правила закрѣпляли преобладаніе русскихъ въ управахъ и въ составѣ земскихъ служащихъ.

Въ Г. Думѣ этотъ проектъ подвергся ожесточенной критикѣ слѣва, за нарушеніе равенства національностей. Столыпинъ горячо защищалъ свой проектъ. „Мы стремимся,—говорилъ онъ (7.V.1910 г.) оградить права русскаго экономически слабаго большинства отъ польскаго экономически и культурно сильнаго меньшинства . . . Достойна ли русскаго правительства роль посторонняго наблюдателя, стоявшаго на историческомъ ипподромѣ или въ качествѣ безпристрастнаго судьи у призового столба, и регистрирующаго успѣхи той или иной народности?“ „Цѣль проекта, — заключилъ премьеръ, — „запечатлѣть открыто и нелицемѣрно, что Западный край есть и будетъ край русскій, навсегда, навѣки!“

Въ этихъ же преніяхъ Столыпинъ произнесъ свои извѣстныя слова (по адресу поляковъ, упрекавшихъ его въ мстительности): „въ политикѣ нѣтъ мести, но есть послѣдствія“.

Дума приняла проектъ со значительными поправками, смягчавшими его антипольскій характеръ. Она уменьшила число представителей духовенства, отвергла требованіе, чтобы предсѣдатели управъ и большинство служащихъ были русскими, но сохранила самый принципъ

*) Витебская, Минская, Могилевская, Кіевская, Волынская, Подольская.

національныхъ курій. При окончательномъ голосованіи, противъ проекта высказались какъ лѣвые, такъ и правые; и даже націоналисты, устами еп. Евлогія, объявили, что только „съ болью въ сердцѣ" голосуютъ за такой искаженный проектъ. Тѣмъ не менѣе проектъ былъ принятъ Думой большинствомъ 165 противъ 139 голосовъ. Г. Совѣтъ приступилъ къ его обсужденію только черезъ восемь мѣсяцевъ.

Въ Саратовской губерніи были большіе нелады между церковными и гражданскими властями. Властный епископъ Гермогенъ съ амвона обличалъ губернатора, гр. С. С. Татищева, открыто критиковалъ политику правительства. Іеромонахъ Иліодоръ, еще молодой инокъ, обладавшій рѣдкимъ демагогическимъ даромъ, собиралъ въ Царицынѣ огромныя толпы послѣдователей и въ еще болѣе рѣзкой формѣ нападалъ какъ на правительство, такъ и на частныхъ лицъ; называлъ министровъ „жидомасонами".

Гражданскія власти добились, чтобы Синодъ перевелъ Иліодора въ другую епархію. Но Иліодоръ съ толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ заперся въ монастырѣ, воздвигнутомъ руками его послѣдователей, и отказывался повиноваться не только гражданской, но и церковной власти: „уморю себя голодомъ, если меня не оставятъ въ Царицынѣ".

Государь не хотѣлъ примѣненія силы противъ религіозно-настроенной, хотя и непокорной, толпы и отправилъ своего флигель-адъютанта въ Царицынъ для переговоровъ. („Народъ долженъ знать, — писалъ Онъ Столыпину, — что Царю близки его горе и его радости"). Иліодора удалось уговорить подчиниться и уѣхать въ монастырь въ Тамбовской губерніи.

Но Государь, считая, что оберъ-прокуроръ Синода (С. М. Лукьяновъ) проявилъ во всемъ этомъ дѣлѣ и слабость, и неумѣлость, рѣшилъ замѣнить его бывшимъ помощникомъ Побѣдоносцева, В. К. Саблеромъ, который пользовался большимъ авторитетомъ въ кругахъ высшаго духовенства. Столыпинъ защищалъ Лукьянова. „За дѣйствія по отношенію къ Иліодору, — писалъ онъ Государю (26.II.1911 г.), — отвѣтственъ исключительно я. Если теперь вся видимость обстоятельствъ сложится, какъ-будто С. М. Лукьяновъ отставленъ за Иліодора, совѣсть меня будетъ мучить, что не отстоялъ. Для государственнаго человѣка нѣтъ большаго грѣха и большаго проступка, какъ малодушіе".

Государь, тѣмъ не менѣе, назначилъ В. К. Саблера оберъ-прокуроромъ Синода.

Государственный Совѣтъ приступилъ къ обсужденію вопроса о западномъ земствѣ 1 февраля 1911 г. Сразу опредѣлилось, что основная группа центра и лѣвые противъ главнаго пункта проекта — національныхъ курій. Но отъ центра отдѣлилось его правое крыло, и правительство считало, что, при поддержкѣ правыхъ, большинство въ пользу проекта обезпечено. Между тѣмъ, и среди правыхъ имѣлись противники проекта. Одни считали, что пониженіе ценза — нежелатель-

ный прецедентъ для остальныхъ губерній; другіе исходили изъ имперскаго принципа равенства и не считали возможнымъ ограничивать въ правахъ консервативное польское дворянство въ пользу русской „полуинтеллигенціи". Предсѣдатель фракціи правыхъ П. Н. Дурново, прислалъ Государю записку, развивавшую доводъ противниковъ проекта.

По просьбѣ Столыпина, Государь передалъ фракціи правыхъ, черезъ предсѣдателя Г. Совѣта, М. Г. Акимова, пожеланіе о томъ, чтобы правые въ этомъ вопросѣ поддержали правительство. Это было многими воспринято, какъ незаконное давленіе. Одинъ изъ противниковъ проекта, В. Ф. Треповъ, добился аудіенціи у Государя, изложилъ свои соображенія, и спросилъ, слѣдуетъ ли понимать Его слова, переданныя черезъ М. Г. Акимова, какъ прямой Царскій приказъ. Государь отвѣтилъ, что члены Г. Совѣта, могутъ, разумѣется, „голосовать по совѣсти". Эти слова Государя были доложены В. Ф. Треповымъ во фракціи правыхъ наканунѣ рѣшающаго голосованія о національныхъ куріяхъ въ Г. Совѣтѣ, причемъ Столыпинъ объ этомъ заранѣе освѣдомленъ не былъ.

4 марта, послѣ краткихъ преній, Г. Совѣтъ приступилъ къ голосованію рѣшающей статьи, — и неожиданно для премьера, она оказалась отвергнутой большинствомъ 92 голосовъ противъ 68. Изъ правыхъ 28 человѣкъ (П. Н. Дурново, В. Ф. Треповъ, кн. А. А. Ширинскій-Шихматовъ и др.) голосовали противъ правительства. Въ числѣ противниковъ правительственнаго предложенія былъ Н. П. Балашовъ — отецъ лидера думскихъ націоналистовъ.

П. А. Столыпинъ тотчасъ же покинулъ засѣданіе Г. Совѣта. Онъ придавалъ вопросу о западномъ земствѣ огромное значеніе; но, быть можетъ, еще болѣе для него существеннымъ показался фактъ голосованія противъ правительства видныхъ правыхъ членовъ Г. Совѣта по назначенію, недавно принятыхъ въ аудіенціи Государемъ. Онъ усмотрѣлъ въ этомъ интригу, направленную лично противъ него.

Теперь, на основаніи всего имѣющагося матеріала, можно сказать, что въ данномъ случаѣ интриги не было; правые члены Г. Совѣта дѣйствительно голосовали „по совѣсти": — одни (какъ напримѣръ, Н. П. Балашовъ) не сочувствовали національнымъ куріямъ изъ общеимперскихъ соображеній, другіе вообще не желали распространенія земства на новыя губерніи. Можно не соглашаться съ такой точкой зрѣнія, но нельзя отрицать ея законность; и аудіенція В. Ф. Трепова у Государя была только отвѣтомъ на попытку сослаться на Высочайшую волю для давленія на правыхъ въ пользу проекта.

Тѣмъ не менѣе, было бы также неосновательно видѣть въ рѣзкой реакціи Столыпина на рѣшеніе Г. Совѣта проявленіе досады и личнаго самолюбія. На этомъ частномъ примѣрѣ премьеръ убѣдился, что Г. Совѣтъ можетъ обратиться въ средостѣніе между правительствомъ и Г. Думой, стать тормазомъ для реформъ, которыхъ одинаково желаютъ и государственная власть, и выборное представительство. Кромѣ того, П. А. Столыпинъ ощущалъ, что въ создавшейся обста-

новкѣ умаленіе его престижа лишитъ его всякой возможности плодотворной работы.

5 марта Столыпинъ выѣхалъ съ докладомъ къ Государю и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи подать въ отставку.*) Государь былъ пораженъ, что предсѣдатель совѣта министровъ хочетъ уходить по такому частному поводу. Столыпинъ сказалъ, что не можетъ помириться съ интригами, подрывающими его вліяніе, тѣмъ болѣе, что его противники ссылаются на волю Монарха.

Государь отвѣтилъ, что не считаетъ возможнымъ лишиться Столыпина. Кромѣ того, — „во что же обратиться правительство, зависящее отъ Меня, если изъ-за конфликта съ Совѣтомъ, а завтра съ Думой, будтъ смѣняться министры". Онъ просилъ Столыпина придумать иной исходъ.

П. А. Столыпинъ тогда предложилъ распустить обѣ палаты на нѣсколько дней и провести законъ о западномъ земствѣ по 87-й ст. Государь спросилъ: „А вы не боитесь, что та же Дума осудитъ васъ за то, что вы склонили меня на такой искусственный пріемъ?" Столыпинъ отвѣтилъ, что Дума „будетъ недовольна только наружно, а въ душѣ довольна". Государь сказалъ: „Хорошо, чтобы не потерять васъ, я готовъ согласиться на такую небывалую мѣру, дайте мнѣ только передумать ее". Тогда Столыпинъ просилъ разрѣшенія высказать еще одну мысль и, рѣзко охарактеризовавъ дѣйствія Дурново и Трепова, „усердно просилъ" Государя не только осудить ихъ, но и подвергнуть взысканію, которое „устранило бы возможность и для другихъ становиться на ту же дорогу".

„Государь, выслушавъ такое обращеніе" (разсказываетъ самъ Столыпинъ), — „долго думалъ и затѣмъ, какъ бы очнувшись отъ забытья, спросилъ: „что же желали бы вы, Петръ Аркадьевичъ, чтобы я сдѣлалъ?" Столыпинъ сказалъ, что „этимъ лицамъ" слѣдуетъ предложить уѣхать изъ Петербурга и на нѣкоторое время прервать свою работу въ Г. Совѣтѣ. Государь на это никакъ не отозвался и только обѣщалъ обдумать все, что Столыпинъ Ему сказалъ, и отвѣтить „такъ же прямо и искренне".

На слѣдующій день П. А. Столыпинъ созвалъ частное совѣщаніе министровъ и разсказалъ о своей аудіенціи у Государя. Большинство мнистровъ молчало, видя по настроенію премьера, что пытаться переубѣдить его безполезно. А. В. Кривошеинъ и государственный контролеръ П. А. Харитоновъ пробовали указать, что для положенія самого Столыпина былъ бы желателенъ болѣе примирительный исходъ въ вопросѣ о Дурново и Треповѣ. На это Столыпинъ рѣзко отвѣтилъ: „Пусть ищутъ смягченія тѣ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, а я нахожу и честнѣе, и достойнѣе просто отойти совершенно въ сторону, если только еще приходится поддерживать свое личное положеніе".

*) Подробное изложеніе этого важнаго разговора со словъ Столыпина имѣется въ мемуарахъ гр. В. Н. Коковцова („Изъ моего прошлаго", т. I стр. 452 — 458). Насколько извѣстно, это единственное существующее изложеніе.

Послѣ ухода остальныхъ министровъ В. Н. Коковцовъ, въ свою очередь, высказалъ сомнѣніе въ желательности намѣченныхъ мѣръ: едва ли и Дума будетъ довольна; во всякомъ случаѣ, надъ законодательнымъ порядкомъ будетъ произведено насиліе, а его вообще не прощаютъ. Еще сомнительнѣе — требовать отъ Государя, чтобы Онъ каралъ тѣхъ, кого Самъ принялъ въ аудіенціи. Коковцовъ совѣтовалъ провести законъ-нормальнымъ путемъ, вторично внеся его въ законодательныя учрежденія. Столыпинъ возразилъ, что у него нѣтъ „ни умѣнія, ни желанія" продѣлывать „такую длительную процедуру; лучше разрубить клубокъ разомъ, чѣмъ мучиться мѣсяцами надъ работой разматыванія клубка интригъ".

Государь обдумывалъ свой отвѣтъ четыре дня. За это время свѣдѣнія о кризисѣ проникли въ печать. Въ думскихъ кругахъ возмущались „интригой крайнихъ правыхъ". Л. Тихомировъ прислалъ Столыпину телеграмму: „приношу дань глубокаго уваженія до конца стойкому защитнику національныхъ интересовъ". Изъ Западнаго края получались рѣзкіе протесты противъ рѣшенія Г. Совѣта. Оппозиціонная печать держалась выжидательно. 8 марта въ окнѣ у извѣстнаго петербургскаго фотографа Даціаро появился портретъ В. Н. Коковцова съ подписью: „Предсѣдатель совѣта министровъ;" на слѣдующій день его убрали . . .

Императрица Марія Өеодоровна и нѣкоторые Великіе Князья убѣждали Государя согласиться на всѣ условія Столыпина.

10 марта П. А. Столыпинъ былъ, наконецъ, снова вызванъ въ Царское Село. Государь подписалъ указъ о перерывѣ сессіи палатъ отъ 12 по 14 марта, и поручилъ предсѣдателю Г. Совѣта объявить П. Н. Дурново и В. Ф. Трепову Его повелѣніе выѣхать изъ столицы и до конца года не посѣщать засѣданій Г. Совѣта.*) Государь предпочелъ совершить дѣйствія, справедливость и даже законность которыхъ Ему представлялась сомнительной, чтобы только не лишиться П. А. Столыпина. Это ярко свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко Онъ цѣнилъ его заслуги. „Неслыханный тріумфъ Столыпина", писалъ (12.III) въ своемъ дневникѣ гр. А. А. Бобринскій.

Какъ только (12 марта) былъ опубликованъ указъ о перерывѣ сессіи, въ обществѣ началось сильное волненіе. Представители октябристовъ явились къ премьеру и рѣшительно заявили, что для нихъ такое искусственное примѣненіе ст. 87-й абсолютно непріемлемо. П. А. Столыпинъ отвѣтилъ, что это, конечно, извѣстный „нажимъ на законъ", но что проектъ будетъ проведенъ въ думской редакціи: все происшедшее — рѣшительная побѣда надъ „реакціоннымъ заговоромъ"; Г. Думѣ совершенно не о чемъ безпокоиться. Послѣ этого, П. А. Столыпинъ, въ сознаніи одержанной побѣды, въ самомъ бодромъ настроеніи уѣхалъ на нѣсколько дней отдыхать въ имѣніе своей дочери. Вернувшись, онъ уже засталъ совершенно иную обстановку . . .

---

*) П. Н. Дурново подчинился и до осени не бывалъ въ Г. Совѣтѣ; В. Ф. Треповъ изъ протеста сложилъ съ себя званіе члена Г. Совѣта и вообще покинулъ государственную службу.

Когда 14 марта былъ дѣйствительно изданъ по 87-й ст. законъ о западномъ земствѣ, общее впечатлѣніе можно было выразить словами „такъ играть закономъ нельзя". Эта формальная, правовая сторона происшедшаго затмила все остальное.

А. И. Гучковъ изъ протеста сложилъ съ себя званіе предсѣдателя Думы и уѣхалъ въ долгое путешествіе на Д. Востокъ. Нѣсколько думскихъ фракцій внесли запросы о „нарушеніи Основныхъ Законовъ". Правые были крайне раздражены репрессіями противъ Дурново и Трепова. „Возмущенію Петербурга нѣтъ границъ", — отмѣчалъ (14.III) въ своемъ дневникѣ гр. А. А. Бобринскій, добавляя по адресу Столыпина: „имѣлъ такую исключительно удачную партію на рукахъ и такъ глупо профершпилился!" Л. Тихомировъ, только что привѣтствовавшій Столыпина, когда ожидалась его отставка, теперь писалъ: „Столыпинъ рѣшился взять рекордъ глупости . . . Хорошъ заговоръ! Всѣ программы монархическихъ союзовъ требуютъ возстановленія самодержавія . . . Какой же тутъ заговоръ? Множество лицъ, при всѣхъ аудіенціяхъ, единолично и въ депутаціяхъ, просили Государя измѣнить учрежденіе 1906 г. Какіе тутъ окольные пути! Не ожидалъ я, чтобы Столыпинъ въ пылу борьбы могъ унизиться до явно лживаго доноса" . . .

Въ первомъ же засѣданіи Г. Думы, 15 марта, обсуждались запросы о 87-й статьѣ. „Къ намъ обращаются съ искусительнымъ предложеніемъ, — говорилъ октябристъ С. И. Шидловскій. — Разъ мы стоимъ на почвѣ законности, мы не должны отдѣлять себя отъ Верхней Палаты . . . Смѣшно и трагично, что лица, руководящіе русской политикой, настолько неосвѣдомлены, что они считаютъ возможнымъ найти въ Думѣ поддержку для грубыхъ правонарушеній".

„Какъ будутъ сконфужены заграничныя газеты, — злорадно иронизировалъ П. Н. Милюковъ, — когда узнаютъ, что нашихъ членовъ Верхней Палаты за выраженное ими мнѣніе не только подвергаютъ дисциплинарной отвѣтственности, какъ чиновниковъ, но и отечески караютъ, какъ холоповъ . . . Благодарите новаго Бориса Годунова!"

„Когда у Карамзина спросили объ Аракчеевѣ — (такъ закончилъ свою рѣчь Вл. Н. Львовъ), — онъ отвѣтилъ: священнымъ именемъ Монарха играетъ временщикъ".

Н. Е. Марковъ отъ фракціи правыхъ заявилъ, что не поддерживаетъ запроса: Думу можно распускать „и на часъ, и черезъ часъ". Но гр. А. А. Бобринскій, отъ той же фракціи, сказалъ, отвѣчая на свой же риторическій вопросъ, хорошо ли поступилъ Столыпинъ въ отношеніи Дурново и Трепова: „Охъ, Ваше Высокопревосходительство, нехорошо!"

Только націоналисты высказались за Столыпина. Изъ видныхъ думскихъ ораторовъ, лишь В. В. Шульгинъ (по этому случаю перешедшій отъ правыхъ къ націоналистамъ) выступилъ въ его защиту. Запросы были приняты громаднымъ большинствомъ.

Если „Новое Время" въ передовыхъ статьяхъ еще продолжало поддерживать премьера, то М. Меньшиковъ, чуткій къ „настроеніямъ сферъ", уже спрашивалъ насчетъ П. Н. Дурново: „если бы онъ не

обнаружилъ безхитростнаго мужества, чисто солдатскаго и чисто солдатской вѣрности Престолу — какъ вы полагаете, сдѣлалъ ли бы П. А. Столыпинъ какую-нибудь карьеру?"

Вслѣдъ за Г. Думой запросъ правительству предъявилъ и Г. Совѣтъ. Въ тѣхъ же тонахъ премьера критиковали А. Ф. Кони, полякъ И. А. Шебеко и гр. Д. А. Олсуфьевъ, сказавшій, что отъ членовъ Г. Совѣта, очевидно, требуется „не служба Царю, а прислуживаніе правительству". Столыпинъ, явно не ожидавшій такой бурной реакціи, видѣлъ, какъ почва ускользаетъ у него изъ-подъ ногъ. Государь и В. Н. Коковцовъ оказывались правы въ своихъ сомнѣніяхъ: общество не испугалось „реакціоннаго заговора", но рѣшительно возстало противъ „нажима на законъ".

П. А. Столыпинъ 1 апрѣля отвѣчалъ на запросъ въ Г. Совѣтѣ. Онъ доказывалъ, что „чрезвычайныя обстоятельства", дающія право примѣнить ст. 87-ую, въ томъ и состояли, что Г. Совѣтъ отвергъ мѣру, которой страстно ждало населеніе западнаго края: „Правительство не можетъ признать, что Г. Совѣтъ безошибоченъ, и что въ немъ не можетъ завязаться мертвый узелъ, который развязанъ можетъ быть только сверху. Хорошъ ли такой порядокъ, я не знаю, но думаю, что онъ иногда политически необходимъ, какъ трахеотомія, когда больной задыхается и ему необходимо вставить въ горло трубочку для дыханія".

Г. Совѣтъ, большинствомъ 99 противъ 53, призналъ объясненія премьера неудовлетворительными.

Въ Г. Думѣ П. А. Столыпинъ выступилъ 27 апрѣля.*) Онъ намекалъ на то, что указъ 14 марта создаетъ прецедентъ, благопріятный для Г. Думы:**) проектъ проведенъ въ думской редакціи: „И какъ бы вы, господа, ни отнеслись къ происшедшему, какъ бы придирчиво вы бы ни судили даже формы содѣяннаго, я знаю, я вѣрю, что многіе изъ васъ въ глубинѣ души признаютъ, что 14 марта случилось нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства!"

Изъ отвѣтныхъ рѣчей наибольшій успѣхъ въ Думѣ имѣло выступленіе В. А. Маклакова; онъ сравнивалъ Столыпина съ пастухомъ, который, „когда ему говорятъ — смотри, стадо въ овсѣ, — отвѣчаетъ: это не нашъ овесъ, а сосѣдскій! Избави насъ Богъ отъ такихъ пастуховъ . . . Предсѣдатель Совѣта Министровъ еще можетъ удержаться у власти, но это агонія", — заключилъ Маклаковъ, возвращая Столыпину его извѣстныя слова: „Въ политикѣ нѣтъ мести, но послѣдствія есть; эти послѣдствія наступили, ихъ не избѣгнуть!"

Г. Дума осудила дѣйствія премьера большинствомъ 202 голосовъ противъ 82.

Даже сторонники П. А. Столыпина сознавали, что премьеръ попалъ въ тупикъ; П. Н. Балашовъ совѣтовалъ ему распустить Думу и

*) Это была послѣдняя публичная рѣчь П. А. Столыпина.

**) Въ этомъ смыслѣ П. А. Столыпинъ поручилъ А. П. Извольскому освѣтить происшедшее во французской печати.

произвести новое измѣненіе избирательнаго закона. Но такая политике „диктаторскаго типа" была возможна только при полномъ одобреніи со стороны Верховной Власти. А Государь считалъ, что П. А. Столыпинъ въ послѣднемъ кризисѣ поступилъ неправильно; что Онъ ему уступилъ — и вышло только хуже; и у Него уже не было прежняго довѣрія къ политической прозорливости премьера.

„Престижъ Столыпина какъ-то сразу померкъ. Клубы, особенно близкіе къ придворнымъ кругамъ, въ полномъ смыслѣ слова, дышали злобой" . . . — отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ гр. В. Н. Коковцовъ. „Столыпинъ былъ неузнаваемъ . . . Что-то въ немъ оборвалось, былая увѣренность въ себѣ куда-то ушла, и самъ онъ, видимо, чувствовалъ, что все кругомъ него, молчаливо или открыто, но настроено враждебно".

Но дѣло съ западнымъ земствомъ было доведено до конца: сессіи Думы и Совѣта были закрыты за два дня до истеченія того двухмѣсячнаго срока, который дается на внесеніе въ палаты законовъ, проведенныхъ по 87-й ст. Такимъ образомъ, законъ остался въ силѣ — теоретически хотя бы до осени, — а лѣтомъ состоялись земскіе выборы въ шести губерніяхъ западнаго края. Они не дали націоналистамъ ожидавшейся побѣды, составъ гласныхъ былъ въ большинствѣ безпартійный.

Моментомъ, когда Столыпинъ подавалъ въ отставку, воспользовался Иліодоръ и бѣжалъ изъ обители, куда его выслали, обратно въ Царицынъ. Снова собралась многотысячная толпа вокругъ монастыря, — епископъ Гермогенъ на этотъ разъ сталъ открыто на сторону Иліодора. Только что прибывшій въ губернію новый саратовскій губернаторъ, П. П. Стремоуховъ, запросилъ Петербургъ, что ему дѣлать. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Курловъ, отвѣтилъ, что полиція ночью должна проникнуть въ монастырь и арестовать Иліодора. П. П. Стремоуховъ, опасаясь, что это вызоветъ кровопролитіе, запросилъ самого Столыпина; тотъ 24. III. отвѣтилъ: „прекратить всякія дѣйствія противъ монастыря и Иліодора". Такимъ образомъ, Иліодору удалось остаться въ Царицынѣ. П. А. Столыпинъ затѣмъ говорилъ П. П. Стремоухову: „Ужасно то, что въ своихъ исходныхъ положеніяхъ Иліодоръ правъ... но пріемы, которыми онъ дѣйствуетъ, и эта безнаказанность — все губятъ".

Лѣтомъ Л. Тихомировъ прислалъ Столыпину записку, въ которой убѣждалъ его взять на себя починъ реформы, которая вернула бы Царской власти свободу законодательнаго творчества, — иными словами, сдѣлала бы Г. Думу совѣщательнымъ учрежденіемъ. Столыпинъ на этой запискѣ помѣтилъ (9 іюля): „Всѣ эти прекрасныя теоретическія разсужденія на практикѣ оказались бы злостной провокаціей и началомъ новой революціи."

П. А. Столыпинъ, ощущая себя въ состояніи „полу-отставки", на все лѣто уѣхалъ отдыхать въ свое имѣніе Колноберже и лишь ненадолго пріѣзжалъ въ іюлѣ въ Петербургъ. За это время министръ земледѣлія А. В. Кривошеинъ сговорился съ замѣщавшимъ премьера В. Н. Коковцовымъ и отказался отъ требованія о передачѣ Крестьян-

скаго банка изъ министерства финансовъ въ вѣдомство земледѣлія, на чемъ такъ усиленно настаивалъ премьеръ („Вы меня предали“, съ горечью говорилъ ему Столыпинъ въ іюлѣ).

Графъ Витте — къ утвержденіямъ котораго необходимо всегда относиться съ осторожностью — пишетъ, будто Государь, на одномъ изъ докладовъ Столыпина, сказалъ ему: „А для васъ, Петръ Аркадьевичъ, я готовлю другое назначеніе“. Ходили слухи, что премьеръ будетъ назначенъ на постъ либо посла, либо Намѣстника на Кавказѣ, или же на новую должность, напр., Намѣстника въ Западномъ краѣ; что при этомъ онъ получитъ графскій титулъ.

Въ международной политикѣ лѣто 1911 г. ознаменовалось „агадирскимъ инцидентомъ“. Францiя, ввиду безпорядковъ въ Марокко, угрожавшимъ жизни иностранцевъ, отправила вглубь страны свои войска; Германія тогда прислала въ южно-марокканскій портъ Агадиръ канонерку „Пантера“, претендуя на право самой защищать своихъ согражданъ въ этомъ районѣ. Во Франціи это сочли вызовомъ, вторженіемъ во французскую сферу вліянія. Англія — устами Ллойдъ-Джорджа въ нашумѣвшей рѣчи на банкетѣ у лондонскаго лордъ-мэра — обѣщала Франціи свою поддержку. Съ обѣихъ сторонъ было сильное возбужденіе.

Россія въ этомъ конфликтѣ оставалась нейтральной. Оборонительный союзный договоръ съ Франціей не обязывалъ ее вмѣшиваться въ марокканскія дѣла. Въ отсутствіе Столыпина и вслѣдствіе продолжительной болѣзни С. Д. Сазонова, Россію въ моментъ кризиса представлялъ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ А. А. Нератовъ который, на вопросъ германскаго посла, подтвердилъ, что „Россія, поддержитъ всѣ шаги, имѣющіе цѣлью устранить изъ международной политики марокскій вопросъ, какъ поводъ для треній“.

6 (19) августа, въ самый разгаръ кризиса, было подписано русско-германское соглашеніе по персидскимъ дѣламъ, свидѣтельствующее о добрыхъ отношеніяхъ между обѣими державами. Опредѣленно миролюбивая позиція Россіи помогла французскому премьеру Кайо разрѣшить конфликтъ путемъ компромисса.

Въ концѣ августа въ Кіевѣ должно было состояться открытіе памятника Императору Александру II въ присутствіи Государя и высшихъ представителей правительства. П. А. Столыпинъ придавалъ особое значеніе этимъ торжествамъ, во время которыхъ должно было въ первый разъ проявиться оживленіе общественной жизни въ юго-западномъ краѣ, въ связи съ введеніемъ земства. О томъ, что на кіевскія торжества прибудутъ Высочайшія Особы и виднѣйшіе сановники, было извѣстно заранѣе въ самыхъ широкихъ кругахъ.

П. А. Столыпинъ пріѣхалъ въ Кіевъ 25 августа, за четыре дня до прибытія Царской Семьи. Торжества начались съ посѣщенія Кіевскихъ святынь, Софійскаго собора, Печерской лавры. Государю представлялись многочисленныя делегаціи. 31 августа состоялся большой военный смотръ, а вечеромъ — концертъ въ роскошно иллюминованномъ Купеческомъ саду на крутомъ берегу Днѣпра. Празднества проходили

съ большимъ подъемомъ. Столыпинъ, по ряду неуловимыхъ признаковъ, ощущалъ, однако, что его отставка становится все болѣе вѣроятной. „Положеніе мое пошатнулось, — говорилъ онъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ П. Г. Курлову, — я и послѣ отпуска, который я испросилъ себѣ до 1 октября, едва ли вернусь въ Петербургъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ . . .

1 сентября состоялся смотръ „потѣшныхъ“, которыми Государь всегда особенно интересовался. Въ тотъ же вечеръ въ Городскомъ театрѣ былъ торжественный спектакль, ставили „Жизнь за Царя“. У кіевской полиціи были свѣдѣнія, что какіе-то террористы готовятъ покушеніе, и въ первые дни торжества кордоны полиціи и жандармовъ видны были повсюду. Они стѣсняли толпу, собравшуюся привѣтствовать Царя, и по Его настоянію были сведены къ минимуму. Кіевскія народныя массы были исполнены самаго неподдѣльнаго монархическаго одушевленія, и это радовало и трогало Государя.

Спектакль въ Городскомъ театрѣ уже близился къ концу; министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ, уѣзжавшій въ Петербургъ, уже простился со Столыпинымъ, когда во время второго антракта, въ 11 час. 30 мин. вечера къ премьеру, стоявшему передъ первымъ рядомъ креселъ, быстрыми шагами подошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ во фракѣ и почти въ упоръ произвелъ въ него два выстрѣла. П. А. Столыпинъ пошатнулся, но выпрямился и, повернувшись къ Царской ложѣ, лѣвой рукой осѣнилъ ее широкимъ крестнымъ знаменіемъ (правая была прострѣлена). Потомъ онъ опустился въ кресло. Раздались крики ужаса; въ возникшей суматохѣ убійца, медленно направлявшійся къ выходу, едва не скрылся, но у двери его схватили. Чтобы остановить панику, оркестръ заигралъ народный гимнъ, и Государь, подойдя къ барьеру царской ложи, сталъ у всѣхъ на виду, какъ бы показывая что Онъ — тутъ, на своемъ посту. Такъ онъ простоялъ, — хотя многіе опасались новаго покушенія, — пока не смолкли звуки гимна.

Первую помощь Столыпину подалъ проф. Г. Е. Рейнъ. Раненаго перевезли въ клинику д-ра Маковскаго. Сразу же опредѣлилось, что одна изъ пуль задѣла печень, и что положеніе весьма серьезно. „Передайте Государю, что я радъ умереть за Него и за Родину“ — сказалъ П. А. Столыпинъ, когда его выносили изъ театра.

Первые два-три дня сильный организмъ премьера боролся съ раненіемъ, и въ газетахъ писали, что онъ, вѣроятно, выживетъ. Ту же надежду высказывалъ и Государь. Улицы, ведущія къ больницѣ, были запружены народомъ. Со всѣхъ концовъ Россіи поступали на имя Столыпина телеграммы съ выраженіемъ скорби и ужаса и съ пожеланіемъ выздоровленія. Исполненіе обязанностей Предсѣдателя Совѣта Министровъ было возложено на В. Н. Коковцова.

Покушеніе на П. А. Столыпина произвело огромное впечатлѣніе, еще усилившееся толками, возникшими вокругъ личности убійцы. На этомъ человѣкѣ, сыгравшемъ такую роковую роль въ исторіи Россіи, необходимо подробнѣе остановиться.

Дмитрій Богровъ („Мордко" его стали называть только послѣ ареста) былъ сыномъ богатаго еврейскаго домовладѣльца, состоявшаго даже членомъ кіевскаго Дворянскаго клуба. Къ моменту покушенія, ему было 24 года. Онъ еще съ гимназическаго возраста исповѣдывалъ крайнія революціонныя убѣжденія, но ни одна партія его не удовлетворяла, хотя онъ и называлъ себя „анархистомъ-коммунистомъ". Въ 1907 г. онъ предложилъ свои услуги кіевскому охранному отдѣленію, и сообщилъ ему немало данныхъ (по провѣркѣ оказалось, что онѣ „носили совершенно базразличный характеръ").*) Въ деньгахъ Богровъ никогда нужды не испытывалъ, — есть всѣ основанія полагать, что съ охраннымъ отдѣленіемъ онъ связался въ интересахъ революціи. Кіевская полиція ему вѣрила, но когда Богровъ, переѣхавъ въ Петербургъ, попытался и тамъ связаться съ охраной, ея начальникъ, полковникъ фонъ-Коттенъ, отнесся къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Послѣ этого, Богровъ на два-три года совершенно порвалъ съ охраной и, кончивъ университетъ, поступилъ на частную службу.

Въ 1910 г. Богровъ явился къ извѣстному с.-ру Е. Е. Лазареву и заявилъ ему, что намѣренъ убить Столыпина. „Это не шутка и не сумасшествіе, а обдуманная задача, — говорилъ онъ. — Въ русскихъ условіяхъ систематическая революціонная борьба съ центральными лицами единственно цѣлесообразна". Богровъ просилъ, чтобы с.-р., послѣ его казни, объявили, что убійство совершено съ вѣдома партіи, что это — начало новой кампаніи революціоннаго террора. Е .Е. Лазаревъ, которому все это показалось фантастичнымъ, отказался дать какія-либо обѣщанія.

Примѣрно черезъ годъ, послѣ этого разговора, наканунѣ кіевскихъ торжествъ, Богровъ пришелъ къ начальнику Кіевскаго охраннаго отдѣленія Кулябкѣ, который его зналъ четыре года передъ тѣмъ, какъ одного изъ своихъ агентовъ, и подробно разсказалъ ему (оказавшійся полностью вымышленнымъ) планъ покушенія, для котораго въ Кіевъ будто бы должны прибыть два террориста. Богрову удалось такъ правдоподобно все изложить, что Кулябко всецѣло ему повѣрилъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Богровъ сообщалъ полиціи разныя „свѣдѣнія" о ходѣ „заговора"; за это время онъ сумѣлъ внушить къ себѣ такое довѣріе, что Кулябко выдалъ ему билетъ сначала на концертъ въ Купеческомъ саду, а потомъ и въ городской театръ,

Въ Купеческомъ саду Богровъ имѣлъ возможность убить Государя; онъ этого не сдѣлалъ, т.к. счелъ, что убійство Царя евреемъ могло бы вызвать массовые еврейскіе погромы. Совершивъ покушеніе на Столыпина, Богровъ не только не отрицалъ своей связи съ охраной, но, наоборотъ, усиленно подчеркивалъ ее.

Данныя о Богровѣ, опубликованныя уже послѣ революціи (въ особенности книга его брата) съ большой убѣдительностью вскрываютъ истинный замыслъ убійцы: онъ не только хотѣлъ устранить Столыпина, но въ то же самое время посѣять смуту въ рядахъ сторонниковъ власти, внести между ними взаимное недовѣріе,

*) Заключеніе сенатора М. И. Трусевича.

заставить ихъ начать „стрѣльбу по своимъ“. Богровъ сознательно жертвовалъ своей „революціонной честью“, чтобы нанести болѣе опасный ударъ ненавистному ему строю. И онъ, дѣйствительно, достигъ обѣихъ своихъ цѣлей. . .

Съ того момента, какъ выяснилось, что Богровъ попалъ въ театръ по билету охраннаго отдѣленія, начались толки, будто Столыпина убили какіе-то правые „вдохновители“ охраны. Чаще всего называли имя товарища министра внутреннихъ дѣлъ Курлова. Дошло до того, что представители кіевскихъ правыхъ организацій пожелали присутствовать при казни Богрова, дабы убѣдиться въ томъ, что повѣсили дѣйствительно его — такъ велико было въ тотъ моментъ недовѣріе къ власти.

Съ тѣхъ поръ версія о Богровѣ, какъ исполнителѣ какой-то „вендетты“ охраннаго отдѣленія (для которой не было рѣшительно никакихъ основаній) глубоко укоренилась въ психологіи общества, создавая недовѣріе именно къ тѣмъ органамъ, которые боролись съ революціей, легенда о Богровѣ стала мощнымъ революціоннымъ факторомъ*).

3 сентября клинику д-ра Маковскаго посѣтилъ Государь; 4-го утромъ прибыла изъ Ковенской губерніи супруга премьера, О. Б. Столыпина. Къ этому времени состояніе раненаго было уже признано безнадежнымъ, и 5-го сентября, въ 10 час. 12 мин. вечера, П. А. Столыпина не стало.

Въ эту минуту широкіе круги русскаго народа почувствовали, какого большого государственнаго человѣка утратила Россія. Оппозиціонная печать, ухватившаяся за версію „убійцы-охранника“, конечно, писала, что Столыпинъ погибъ „жертвой созданной имъ системы“. Но геройская смерть на посту примирила со Столыпинымъ всѣхъ, кто готовъ былъ еще весною въ немъ усумниться. Едва ли не самымъ яркимъ былъ откликъ Л. Тихомирова; онъ писалъ:

„На разбитыхъ щепкахъ нѣкогда великаго корабля, съ изломанными машинами, пробоинами по всѣмъ бортамъ, съ течами по всему дну, при деморализованномъ экипажѣ, при непрекращающейся бомбардировкѣ враговъ государства и націи — П. А. Столыпинъ, страшнымъ напряженіемъ своихъ неистощимыхъ силъ, безпредѣльной отдачей себя долгу, рѣдкими правительственными талантами, умѣлъ плыть и везти пассажировъ, во всякомъ случаѣ, въ относительномъ благополучіи. . . Были лица болѣе глубокія въ смыслѣ философіи государства, болѣе, конечно, твердаго характера, болѣе обширныхъ знаній и, конечно, болѣе опредѣленнаго міросозерцанія. Но правителя, соединившаго такую совокупность блестящихъ качествъ,

*) Распространенію этой легенды — кромѣ желанія враговъ власти использовать всякое орудіе для борьбы съ нею — способствовало еще одно обстоятельство: полковникъ Кулябко, желая оправдаться въ преступномъ легкомысліи, старался всячески преувеличить заслуги Богрова, какъ охранника, и этимъ, самъ того не сознавая, продолжалъ дѣло самого Богрова.

необходимыхъ въ то время, когда одному приходится замѣнять десятерыхъ, правителя такого самоотверженія, такой напряженной сердечной любви къ Россіи — я не видѣлъ".

Тихомировъ приводилъ слова самого Столыпина: „Что я такое — я не знаю. Но я вѣрю въ Бога и знаю навѣрное, что все мнѣ предназначенное я совершу, несмотря ни на какія препятствія, а чего не назначено — не совершу ни при какихъ ухищреніяхъ. . . Я вѣрю въ Россію. Если бы я не имѣлъ этой вѣры, я бы не въ состояніи былъ ничего сдѣлать".

П. Б. Струве въ „Русской Мысли" писалъ, что въ русскомъ обществѣ убійство Столыпина вызвало „непреодолимое естественное отвращеніе". Впервые совершилось „убійство государственнаго дѣятеля, котораго столь многіе люди знали, какъ живую индивидуальность, а не какъ отвлеченный знакъ нѣкой политической системы. . . Какъ революціонный актъ, убійство Столыпина совершенно случайно". Отмѣтивъ какъ заслуги, такъ и ошибки покойнаго, Струве писалъ, что его характерными чертами были „большая, незаурядная сила духа и достойная удивленія крѣпость и упругость воли".

Въ „Кіевлянинѣ" В. Шульгинъ вспоминалъ Вторую Думу и историческую рѣчь Столыпина съ его „Не запугаете"; „Звѣря укротили. Черезъ полчаса на улицахъ Петербурга люди поздравляли другъ друга. Россія могла потушить свой Діогеновъ фонарь: она нашла человѣка. Прошло пять лѣтъ: снова надо зажигать фонарь".

Государь, 6 сентября вернувшійся изъ Чернигова, (куда Онъ ѣздилъ на поклоненіе мощамъ святителя Ѳеодосія Углицкаго, прославленнаго въ его царствованіе — 1896 г.), долго молился у тѣла Столыпина. „Ваше Величество, — сказала ему О. Б. Столыпина, — Сусанины еще не перевелись на Руси". . .

Столыпина похоронили 9 сентября, въ Кіево-Печерской лаврѣ. Онъ какъ-то самъ сказалъ: „Гдѣ меня убьютъ, тамъ пусть меня и похоронятъ". У него было уже давно чувство обреченности. „Когда я выхожу на улицу, — говорилъ онъ, — я никогда не знаю, возвращусь ли я назадъ или меня привезутъ". . . Много было произнесено надгробныхъ рѣчей; много по всей Россіи состоялось собраній его памяти. Была открыта подписка на сооруженіе памятника — ихъ было воздвигнуто три: въ Кіевѣ, Саратовѣ, Гроднѣ. На кіевскомъ памятникѣ стояли его слова: „Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія". Со временемъ сознаніе великой утраты не проходило, а, наоборотъ, возрастало. Смерть Столыпина была тяжелымъ ударомъ для русскаго государства. Вѣдь, и въ случаѣ отставки, такой крупный государственный дѣятель, какъ Столыпинъ, только отошелъ бы „въ запасъ", и въ нужную минуту могъ быть снова призванъ къ власти. Рука убійцы лишила Россію именно того человѣка, который наиболѣе подходилъ къ сложнымъ условіямъ думской монархіи.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Министерство Коковцова. Кампанія Гучкова; запросъ объ убійствѣ Столыпина; агитація по поводу Распутина; рѣчь Гучкова (9. III. 1912); выпады противъ военнаго министра. Закрытіе III й Думы.

Ленскія событія. Выборы въ IV-ую Думу. Роль духовенства. Оппозиціонный результатъ; „лѣвая Дума".

Итало-Турецкая война. Балканскій союзъ. Первая балканская война; вопросъ о выходѣ Сербіи къ морю. Славянскія манифестаціи въ Петербургѣ. Вопросъ о Скутари. Вторая балканская война. Бухарестскій договоръ.

300-лѣтіе Дома Романовыхъ. Поѣздка Государя по средней Россіи. Поправѣніе Г. Совѣта. Новое поколѣніе земствъ и городовъ. Рѣчь Гучкова на конференціи октябристовъ (ноябрь 1913 г.). Дѣло Бейлиса.

Ростъ вооруженій. Встрѣча Государя съ Вильгельмомъ II (въ маѣ 1913 г.). Инцидентъ съ Лиманъ фонъ Сандерсомъ. Фаталистическое ожиданіе войны.

Вопросъ о народной трезвости. Отставка Коковцова. Рескриптъ на имя Барка о необходимости борьбы съ пьянствомъ. Предостереженіе бар. Розена.

Трагическая кончина П. А. Столыпина не измѣнила курса русской государственной политики: ея направленіе было предначертано самимъ Государемъ. Преемникомъ Столыпина былъ назначенъ В. Н. Коковцовъ, уже замѣнявшій премьера за послѣдніе мѣсяцы передъ его кончиной. Весьма вѣроятно, что В. Н. Коковцовъ сталъ бы премьеромъ и въ томъ случаѣ, если бы пуля Богрова не сразила П. А. Столыпина. Новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ относился къ своему предшественнику съ глубокимъ уваженіемъ и ставилъ себѣ задачей продолжать его дѣло.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ Государь предполагалъ сначала назначить одного изъ молодыхъ губернаторовъ праваго толка, А. Н. Хвостова или Н. А. Маклакова (съ послѣднимъ онъ ближе познакомился при поѣздкѣ изъ Кіева въ Черниговскую губ. въ началѣ сентября 1911 г.), но согласился съ В. Н. Коковцовымъ, что въ данное время

6*

лучше назначить опытнаго стараго чиновника, государственнаго секретаря, А. А. Макарова, уже занимавшаго постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ при Столыпинѣ.

Въ земельномъ вопросѣ полностью сохранился прежній курсъ, проводившійся тѣмъ же министромъ земледѣлія А. В. Кривошеинымъ. Наряду съ продолженіемъ земельной реформы, по прежнему обращалось усиленное вниманіе на организацію кредита, на поднятіе уровня сельскаго хозяйства. Результаты этихъ мѣръ сказывались ощутительнѣе съ каждымъ годомъ.

Въ отношеніи политики великорусскаго національнизма, провозглашенной Столыпинымъ въ 1908 г., В. Н. Коковцовъ держался менѣе опредѣленныхъ воззрѣній, но и тутъ не отвергалъ наслѣдія своего предшественника. При немъ былъ проведенъ черезъ обѣ палаты законъ о выдѣленіи Холмщины изъ состава Царства Польскаго. Холмской Русью или Холмщиной называлась область, съ преобладаніемъ русскаго населенія, составлявшая часть Люблинской и Сѣдлецкой губ. Русскими въ Холмщинѣ были крестьяне, а также духовенство, которое, во главѣ съ епископомъ Евлогіемъ, въ особенности настаивало на отдѣленіи области отъ польскихъ губерній. Польскіе депутаты рѣзко протестовали противъ „новаго раздѣла Польши"; оппозиція доказывала безполезность этого закона; съ 1 сентября 1913 г. въ составѣ Европейской Россіи появилась 51-ая губернія, съ главнымъ городомъ Холмомъ.

Въ отношеніи Финляндіи, В. Н. Коковцовъ въ своемъ первомъ выступленіи въ Гос. Думѣ подчеркнулъ преемственность имперской политики. Въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства были проведены законы объ ассигнованіи кредита изъ финской казны на нужды обороны, о равноправіи русскихъ гражданъ въ Финляндіи. Съ другой стороны, проектъ выдѣленія южной части Выборгской губ. для присоединенія къ С.-Петербургской губ., былъ оставленъ въ виду единодушныхъ протестовъ мѣстнаго населенія. Въ общемъ, сохраняя принципы общеимперскаго законодательства, русское правительство воздержалось отъ рѣзкой ломки внутренняго уклада Финляндіи.

Судебныя и административныя репрессіи — смертныя казни и высылки, въ виду наступившаго успокоенія, продолжали сокращаться. Печать становилась свободнѣе. Появились на свѣтъ соціалистическія изданія — уже не только толстые журналы, вродѣ „Русскаго Богатства", „Современнаго міра", „Образованія" и „Завѣтовъ" (съ 1912 г.), но и еженедѣльники („Звѣзда") и даже ежедневныя газеты, въ Петербургѣ даже двѣ: безпартійно-соціалистическій „День" и органъ с.-д. большевиковъ „Правда".

Но въ то время, какъ П. А. Столыпинъ своимъ личнымъ авторитетомъ, своимъ властнымъ, мѣткимъ и красивымъ словомъ умѣлъ отстаивать политику власти передъ общественнымъ мнѣніемъ, — новый кабинетъ, проводя по существу ту же политику (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже болѣе „либеральную"), только встрѣчалъ возрастающую систематическую предвзятость и справа, и слѣва, и не умѣлъ въ достаточной мѣрѣ парировать нападки. Это объяснялось не только тѣмъ, что не всякому дано обладать такимъ ораторскимъ даромъ, какъ

Столыпинъ, но и отсутствіемъ единства въ средѣ кабинета, дѣлившагося на „правое" и „лѣвое" крыло, причемъ это раздѣленіе, порою, выражалось совершенно открыто: случалось, что въ Гос. Совѣтѣ одни министры голосовали въ пользу какого-либо законопроекта, а другіе — противъ него . . .

Кампанія противъ В. Н. Коковцова велась преимущественно справа. Ему ставили въ укоръ отсутствіе боевого національзма; обвиняли его также въ несочувствіи правымъ организаціямъ. П. А. Столыпинъ считалъ полезнымъ выдавать субсидіи многимъ органамъ правой печати, В. Н. Коковцовъ эти ассигнованія сильно урѣзалъ, а во многихъ случаяхъ и совсѣмъ прекратилъ. Другіе министры, наоборотъ, служили мишенью нападкамъ слѣва. Оппозиція, боровшаяся со Столыпинымъ, не прекратила, разумѣется, борьбу и противъ его преемниковъ. Но гораздо болѣе опасной для власти была кампанія, которую противъ нея повелъ А. И. Гучковъ, умѣло пользуясь своимъ престижемъ лидера умѣренной партіи, и зачастую прикрываясь именемъ покойнаго премьера. Эта кампанія, состоявшая изъ отдѣльныхъ выпадовъ, на первый взглядъ лишенная общей руководящей нити, была по существу направлена противъ Верховной Власти, и неизмѣнно принимала характеръ общихъ намѣренно недоговоренныхъ, неопредѣленныхъ, но тяжкихъ обвиненій.

Обстановка убійства П. А. Столыпина давала удобную почву для нападокъ и подозрѣній. Богровъ постарался не даромъ! Въ Гос. Думѣ отдѣльными партіями были внесены запросы, въ разной степени обвинявшіе власть: націоналисты говорили о „преступномъ бездѣйствіи", октябристы объ „убійцѣ и лицахъ, имъ руководившихъ", оппозиція выдвигала излюбленную теорію провокаціи.

А. И. Гучковъ (въ засѣданіи 15. X. 1911) произнесъ рѣчь, въ которой онъ намекалъ на причастность охраны къ убійству: „Для этой банды, говорилъ онъ, существуютъ только соображенія личной карьеры и интересы личнаго благополучія . . . Это были крупные бандиты, но съ подкладкой мелкихъ мошенниковъ. Когда они увидѣли, что ихъ распознали, что имъ наступили на хвостъ, что стали подстригать ихъ когти, стали провѣрять ихъ ресторанные счета — они предоставили событіямъ итти своимъ ходомъ . . . Власть въ плѣну у своихъ слугъ — и какихъ слугъ!"

Обвиненіе звучало эффектно, но оно не имѣло подъ собой реальной почвы. Не было никакой вражды между Столыпинымъ и охраннымъ отдѣленіемъ, подчиненнымъ ему, какъ министру внутреннихъ дѣлъ; никакой выгоды изъ факта покушенія для тѣхъ, кто завѣдывалъ охраной въ Кіевѣ, получиться не могло. Наоборотъ, они несли отъ этого прямой ущербъ, даже въ своей „личной карьерѣ". Но Гучковъ и не обвинялъ никого прямо въ лицо, а только неопредѣленно говорилъ объ „этой бандѣ" . . .

Министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ, отвѣчая на запросъ, указалъ, что полицейскія власти въ Кіевѣ въ одномъ только отношеніи отступили — не отъ закона, а отъ буквы одного циркуляра:

„освѣдомителямъ“, вродѣ Богрова, не полагалось поручать обязанностей непосредственной охраны и, слѣдовательно, полковникъ Кулябко поступилъ неправильно, допустивъ Богрова въ Купеческій садъ и въ театръ. Противъ Кулябко, а также противъ представителей полицейской власти на кіевскихъ торжествахъ, во главѣ съ тов. министра Курловымъ, было начато дѣло. Въ департаментѣ Гос. Совѣта голоса раздѣлились поровну, и перевѣсомъ голоса предсѣдателя было постановлено предать ихъ суду за нерадѣніе по службѣ (версію причастности къ преступленію не защищалъ никто). Но Государь, ознакомившись съ дѣломъ и убѣдившись въ отсутствіи какой-либо объективной вины высшихъ чиновъ (которые даже не знали о присутствіи Богрова въ театрѣ) и какого-либо преступнаго намѣренія у полк. Кулябко, прекратилъ дѣло, не давъ разрѣшенія на преданіе ихъ суду; Кулябко былъ отрѣшенъ отъ должности, а П. Г. Курловъ самъ вышелъ въ отставку сразу послѣ покушенія. Этимъ рѣшеніемъ Государь прекратилъ, наконецъ, провоцированную Богровымъ, „стрѣльбу по своимъ“.

Другой выпадъ А. И. Гучкова былъ гораздо серьезнѣе.

Григорій Распутинъ, совершившій въ серединѣ 1911 г. паломничество въ Святую Землю, писалъ съ дороги прочувствованныя письма своимъ почитателямъ, и по возвращеніи, какъ бы очистившись отъ старыхъ грѣховъ, былъ снова принятъ въ высшихъ придворныхъ кругахъ.

За это время епископъ Гермогенъ, человѣкъ фанатически убѣжденный, но крайне неуживчивый, выдержавшій въ своей епархіи борьбу съ мѣстными властями, былъ приглашенъ въ составъ Синода. Тамъ онъ тотчасъ же вошелъ въ конфликтъ съ большинствомъ іерарховъ и съ оберъ-прокуроромъ В. К. Саблеромъ и обратился къ Государю въ Ливадію съ телеграммой, рѣзко обличая Синодъ въ попустительствѣ ересямъ, за допущеніе молитвъ за „инославныхъ“ и за благожелательное въ принципѣ отношеніе къ учрежденію должности „діаконисъ“. Видя, что епископъ Гермогенъ мало подходитъ къ коллегіальной работѣ въ составѣ Синода, Государь, по предложенію В. К. Саблера, издалъ распоряженіе о томъ, чтобы Епископъ Гермогенъ вернулся обратно въ свою Саратовскую епархію.

Епископъ Гермогенъ и состоявшій при немъ іеромонахъ Иліодоръ въ это самое время предприняли попытку воздѣйствовать на Распутина, съ которымъ у нихъ раньше были наилучшія отношенія. Произошла безобразная сцена; послѣ препирательства на словахъ, Иліодоръ и одинъ его сподвижникъ, въ присутствіи епископа, вступили въ драку съ Распутинымъ, избили его и силой отняли у него письма отъ членовъ Царской Семьи; Распутинъ еле спасся и потомъ утверждалъ, что его хотѣли изувѣчить. Эта сцена не могла, конечно, улучшить отношенія Государя къ еп. Гермогену, но не она была причиной его возвращенія въ Саратовъ. Однако, самъ епископъ, іеромонахъ Иліодоръ и близкіе къ нимъ люди стали утверждать, что все это „происки Распутина“. Еп. Гермогенъ отказался повиноваться Высочайшей волѣ, не захотѣлъ ѣхать въ Саратовъ, и въ бесѣдахъ съ коррес-

пондентами оппозицiонныхъ газетъ сталъ всячески обличать своихъ „недруговъ“.

Налицо имѣлся фактъ открытаго неповиновенiя Верховной Власти. Государь обождалъ недѣли двѣ, но затѣмъ издалъ предписанiе — еп. Гермогену выѣхать уже не въ Саратовъ, а въ Жировицкiй монастырь Гродненской губ., Илiодора же отправить во Флорищеву пустынь.*)

Тогда началась газетная кампанiя. Почитатель еп. Гермогена, церковный дѣятель Новоселовъ, помѣстилъ въ органѣ А. И. Гучкова „Голосъ Москвы“, неслыханное по рѣзкости письмо къ церковнымъ властямъ, къ С.-Петербургскому митрополиту Антонiю, къ оберъ-прокурору Саблеру, обвиняя ихъ въ попустительствѣ „еретику“ Распутину. Номеръ „Голоса Москвы“ былъ конфискованъ; тогда, по инициативѣ Гучкова, вопреки возраженiямъ многихъ умѣренныхъ октябристовъ, въ Думу былъ внесенъ запросъ, въ текстѣ котораго повторялась статья, вызвавшая конфискацiю „Голоса Москвы“. Запросъ почти безъ пренiй былъ принятъ на засѣданiи 26 января.

Правительственные и придворные круги приложили около этого времени не мало усилiй, чтобы добиться устраненiя Распутина. Государю говорили, что старецъ Григорiй — еретикъ, сектантъ-хлыстъ, ссылались на случаи его безобразныхъ кутежей. Государь 26 февраля поручилъ предсѣдателю Гос. Думы Родзянко провѣрить эти обвиненiя, которыя Самъ Онъ, особенно въ отношенiи хлыстовства, считалъ слабо обоснованными, тогда какъ Государыня вообще видѣла въ нихъ сплошную клевету.

Въ это время въ Гос. Думѣ обсуждался бюджетъ. 9 марта очередь дошла до смѣты Св. Синода, и этимъ А. И. Гучковъ воспользовался для произнесенiя громовой обличительной рѣчи. Гучковъ сказалъ: „Хочется говорить, хочется кричать, что церковь въ опасности и въ опасности государство... Вы всѣ знаете, какую тяжелую драму переживаетъ Россiя . . . въ центрѣ этой драмы — загадочная трагикомическая фигура, точно выходецъ съ того свѣта или пережитокъ темноты вѣковъ, странная фигура въ освѣщенiи XX столѣтiя... Какими путями этотъ человѣкъ достигъ центральной позицiи, захвативъ такое влiянiе, передъ которымъ склоняются высшiе носители государственной и церковной власти? Вдумайтесь только — кто же хозяйничаетъ на верхахъ, кто вертитъ ту ось, которая тащитъ за собою и смѣну направленiя, и смѣну лицъ, паденiе однихъ, возвышенiе другихъ? . . “ Гучковъ говорилъ далѣе про „антрепренеровъ старца“, „суфлирующихъ ему то, что онъ шепчетъ дальше“, и закончилъ рѣчь рѣзкимъ выпадомъ противъ Саблера.

Эта рѣчь произвела въ Думѣ большое впечатлѣнiе. Только Н. Е. Марковъ тутъ же съ мѣста отважился крикнуть: „это — бабьи сплетни!“ Оберъ-прокуроръ Синода, В. К. Саблеръ, отвѣтилъ Гучкову съ

*) Илiодоръ вскорѣ послѣ этого обнаружилъ свою истинную природу: онъ заявилъ, что отрекается отъ православiя. „Колдуномъ я раньше былъ, народъ морочилъ, — говорилъ онъ корреспонденту „Рѣчи“ (9. 1. 1913). „Я — деистъ. Языческая религiя — она была хорошая“.

большимъ достоинствомъ: „Когда къ врагамъ церкви примыкаютъ люди, которые въ загадочной формѣ выступаютъ съ обвиненіями, я имъ прямо скажу, что они неправы. И по той простой причинѣ, что эта таинственная загадочность неопредѣленныхъ рѣчей значенія серьезныхъ аргументовъ не имѣетъ. Оберъ-прокуроръ Синода знаетъ свой долгъ . . . Чувство сознанія своихъ обязанностей передъ Царемъ, передъ св. Церковью и родиной всегда будутъ ему присущи, а таинственныя неопредѣленныя обвиненія его никогда не страшатъ".

Это выступленіе Гучкова въ корнѣ уничтожило всѣ попытки убѣдить Государя въ томъ, что Распутина не слѣдуетъ принимать при дворѣ. Государь зналъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, что и „смѣна направленій", и „смѣна лицъ" зависятъ только отъ Него самого. Онъ всегда относился къ Своей власти, какъ къ священному служенію, всегда такъ ревниво оберегалъ царскую совѣсть отъ постороннихъ вліяній. Утвержденія о вліяніи Распутина на государственныя дѣла поэтому не могли не казаться Государю лживыми до фантастичности и въ то же время оскорбительными. Видя, какъ въ этомъ отношеніи вольно обращаются съ истиной, Онъ поневолѣ сталъ относиться скептически и къ разсказамъ о личныхъ порокахъ Распутина, — тѣмъ болѣе, что всѣ попытки установить причастность „старца" къ сектѣ хлыстовъ дали отрицательный результатъ. *)

Послѣ выступленія Гучкова, Государь не захотѣлъ принять Родзянко, письменный докладъ котораго Онъ прочелъ, — и нашелъ совершенно не доказательнымъ „Поведеніе Думы глубоко возмутительно, — начерталъ Онъ на этомъ докладѣ, — особенно отвратительна рѣчь Гучкова по смѣтѣ Св. Синода. Я буду очень радъ, если мое неудовольствіе дойдетъ до этихъ господъ, не все же съ ними раскланиваться и только улыбаться".

„ Я просто задыхаюсь въ этой атмосферѣ сплетенъ, выдумокъ и злобы" — тогда же сказалъ Государь В. Н. Коковцову.

Кампанія, связанная съ именемъ Распутина, не ограничивалась однако, политическими выпадами въ Гос. Думѣ. Вскорѣ послѣ сцены между Иліодоромъ и Распутинымъ, въ началѣ 1912 г. въ столицахъ, съ ссылкой на А. И. Гучкова, стали распространяться гектографированныя копіи писемъ Государыни и Великихъ княженъ къ Распутину. Власти занялись этимъ дѣломъ и имъ удалось достать подлинники писемъ, относившихся къ 1908 или 1909 г., **) ко времени когда про Распутина еще не ходило никакихъ темныхъ слуховъ; въ письмахъ выражалась преданность „Божьему человѣку" и вѣра въ него. Тѣмъ не менѣе, копіи этихъ писемъ — при томъ искаженныя — пускались кѣмъ-то въ оборотъ и сопровождались самыми низкими инсинуаціями.

*) Разслѣдованія производнлись, какъ церковными властями, такъ и извѣстнымъ знатокомъ сектантства Бончъ-Бруевичемъ.

**) Дату писемъ можно приблизительно установить по тому, что среди нихъ была записка отъ Наслѣдника (крестикъ и вырисованная буква „А"), явно относившаяся ко времени, когда Онъ еще не умѣлъ писать).

Объ этомъ эпизодѣ говорится въ мемуарахъ гр. В. Н. Коковцова.

Хотя распространители при этомъ и ссылались на имя Гучкова,—нельзя считать доказаннымъ, что б. председатель Гос. Думы действительно былъ вдохновителемъ этой гнусной кампаніи, вызвавшей у Государя чувство гадливости и глубочайшаго негодованія.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, Государь послѣ этого укрѣпился въ убѣжденіи, что на подобныя клеветы одинъ достойный отвѣтъ—презрѣніе.

18 апрѣля, въ комиссіи государственной обороны послѣдовалъ новый выпадъ со стороны А. И. Гучкова, на этотъ разъ — противъ военнаго министра Сухомлинова. Получивъ отъ своихъ друзей въ военномъ вѣдомствѣ рядъ секретныхъ свѣдѣній, Гучковъ заявилъ, что военный министръ поручилъ организацію негласнаго надзора за офицерскимъ составомъ своему пріятелю, жандармскому полковнику Мясоѣдову, который, по словамъ Гучкова, былъ уже замѣшанъ въ неблаговидной исторіи контрабанднаго ввоза революціонной литературы съ провокаціонными цѣлями. Замѣтка объ этомъ инцидентѣ попала въ газеты, Мясоѣдовъ вызвалъ Гучкова на дуэль, которая и состоялась 22 апрѣля (оба остались невредимы). Въ этой исторіи печать уже не такъ единодушно поддерживала Гучкова. Его критиковали не только правые органы. „Печать роковой безцѣльности лежитъ на выступленіяхъ Гучкова“, писала „Русскія Мысль“ (ред. П. Б. Струве), называя его „тургеневскимъ бреттеромъ Лучковымъ съ жесткими усами, вышедшимъ на политическую арену“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и партія октябристовъ, видѣвшая раньше въ А. И. Гучковѣ своего безспорнаго вождя, далеко не раздѣляла рѣзко оппозиціоннаго направленія, которое приняла его дѣятельность за послѣднюю сессію 3-ьей Думы. Это въ особенности оказалось въ вопросѣ о флотѣ. Государь придавалъ огромное значеніе развитію военно-морского строительства. Представители морского вѣдомства, во главѣ съ капитаномъ 1-го ранга А. В. Колчакомъ, доказывали въ думскихъ комиссіяхъ необходимость постройки крупнаго надводнаго флота. А. И. Гучковъ противопоставилъ этой программѣ весь свой авторитетъ, упорно доказывая, что слѣдуетъ ограничиться „оборонительнымъ флотомъ“ изъ подводныхъ лодокъ и миноносцевъ. Но тутъ противъ своего лидера пошли такіе видные октябристы, какъ М. В. Родзянко, Н. В. Савичъ, М. М. Алексѣенко, и Третья Дума, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, приняла новую морскую программу на полъ-милліарда рублей большинствомъ 228 противъ 71 голосовъ; за кредиты голосовали даже поляки и мусульмане, противъ — к.-д., крайніе лѣвые и А. И. Гучковъ.

Третья Дума закончила свои работы въ обстановкѣ политической неопредѣленности и разброда. Все же, несмотря на происшедшую въ Гучковѣ перемѣну, въ Думѣ до конца преобладала основная линія — сотрудничества съ властью и борьбы съ революціей.

Принимая (8 іюня) членовъ Думы въ Царскосельскомъ дворцѣ, Государь сказалъ имъ: „Не скрою отъ васъ, что нѣкоторыя дѣла получили не то направленіе, которое Мнѣ представлялось бы желательнымъ. Считаю, что пренія не всегда носили спокойный характеръ. А

для дѣла главное — спокойствіе. Съ другой стороны, Я радъ удостовѣрить, что вы положили много труда и стараній на рѣшеніе главныхъ въ Моихъ глазахъ вопросовъ: по землеустройству крестьянъ, по страхованію и обезпеченію рабочихъ, по народному образованію и по всѣмъ вопросамъ, касающимся государственной обороны".

Государь напомнилъ также о желательности принятія кредита на церковныя школы. Но на слѣдующій день, когда на очередь сталъ вопросъ о церковныхъ школахъ, противники проекта покинули залъ, кворума не оказалось, и вопросъ остался не рѣшеннымъ. На этомъ эпизодѣ и окончилось существованіе III-й Гос. Думы.

Весною 1912 г. всю Россію взволновали трагическія событія, разыгравшіяся въ Восточной Сибири, на Ленскихъ пріискахъ. Тамъ въ тяжелыхъ природныхъ и матеріальныхъ условіяхъ (пріиски на нѣсколько мѣсяцевъ въ году бывали отрѣзаны отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ) нѣсколько тысячъ рабочихъ занимались добываніемъ золота. Въ началѣ 1912 г. на экономической почвѣ тамъ возникла забастовка. Когда она затянулась, отношенія между рабочими и администраціей обострились. Вслѣдствіе численнаго перевѣса рабочихъ, они стали фактически распоряжаться въ поселкѣ, какъ хозяева; полиція, насчитывавшая всего 35 человѣкъ, оказалась безсильной. Вызванъ былъ воинскій отрядъ. Тогда возбужденіе дошло до крайней степени, и 4-го апрѣля произошло столкновеніе пятитысячной толпы рабочихъ съ воинскимъ отрядомъ. Убито было около 200 рабочихъ и ранено свыше 200 . . .

Вѣсти объ этомъ кровавомъ событіи произвели огромное впечатлѣніе въ странѣ. Число жертвъ, трудныя условія работы среди тайги, наконецъ, тотъ фактъ, что среди солдатъ ни убитыхъ, ни раненыхъ не было, и очевидно нельзя было говорить о вооруженной борьбѣ, — все это вызвало въ общественномъ мнѣніи волну негодованія. Въ Думѣ были приняты рѣзкіе запросы. Протестовали и крайніе правые (причемъ Н. Е. Марковъ особенно подчеркивалъ, что Ленинскимъ товариществомъ завѣдуютъ евреи). Министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ, защищая дѣйствія полиціи (въ засѣданіи 11 апрѣля), сказалъ: „Когда, потерявши разсудокъ, подъ вліяніемъ злостной агитаціи, толпа набрасывается на войска, тогда войску не остается ничего дѣлать, какъ стрѣлять. Такъ было и такъ будетъ впредь".

Печать тотчасъ же подхватила слова „такъ было и такъ будетъ" и возбужденіе въ обществѣ только усилилось. По всей Россіи на фабрикахъ и заводахъ начали возникать забастовки протеста, были и попытки уличныхъ демонстрацій. Министръ торговли С. И. Тимашевъ, считая, на основаніи докладовъ съ мѣстъ, что правота полицейскихъ властей въ данномъ случаѣ отнюдь не безспорна, по соглашенію съ В. Н. Коковцовымъ выступилъ въ Гос. Думѣ съ примирительнымъ заявленіемъ, обѣщавъ, что на Ленскіе пріиски будетъ послано компетентное лицо для производства разслѣдованія. Государь возложилъ эту миссію на б. министра юстиціи С. С. Манухина, пользовавшагося общимъ довѣріемъ.

Забастовки постепеннно пошли на убыль; общество удовлетворилось ревизіей Манухина, который въ своемъ докладѣ пришелъ къ выводу, что правленіе Ленскаго товарищества проявило непониманіе нуждъ рабочихъ, отказывая въ улучшеніи ихъ быта (все правленіе послѣ этого вышло въ отставку), и что мѣстная полиція допустила какъ бездѣйствіе, такъ и превышеніе власти, стоившее стольких жизней. Дѣло закончилось преданіемъ суду начальника мѣстной полиціи, который, однако, — года черезъ два послѣ событій, — былъ судомъ оправданъ, т.к. было признано, что онъ находился въ состояніи обороны передъ лицомъ огромной разъяренной толпы.

Государственная Дума стала настолько существеннымъ факторомъ русской жизни, что правительство не могло не интересоваться исходомъ предстоящихъ выборовъ. Столыпинъ въ свое время предполагалъ оказать широкую поддержку умѣренно-правымъ партіямъ, въ особенности націоналистамъ. В. Н. Коковцовъ считалъ, наоборотъ, что вмѣшиваться въ выборы слѣдуетъ какъ можно меньше. Общее завѣдываніе выборами было возложено на тов. министра внутреннихъ дѣлъ, А. Н. Харузина; веденіе избирательной кампаніи было предоставлено мѣстной инициативѣ губернаторовъ. Только въ одномъ отношеніи была сдѣлана болѣе серьезная попытка повлiять на выборы. Законъ 3-го іюня предоставлялъ рѣшающее значеніе куріи землевладѣльцевъ. Тамъ, гдѣ крупныхъ помѣщиковъ было мало, большинство принадлежало уполномоченнымъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, а среди нихъ, въ свою очередь, преобладали сельскіе священники, считавшіеся какъ бы владѣльцами церковныхъ участковъ земли. Оберъ-прокуроръ Синода черезъ мѣстныхъ архіереевъ предложилъ духовенству принять возможно болѣе активное участіе въ выборахъ. Результатъ этого предписанія получился неожиданно-внушительный: на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ повсюду стали избираться священники; въ двадцати губерніяхъ они составили свыше 90% уполномоченныхъ, а въ общемъ итогѣ 81 процентъ! Печать забила тревогу. Стали писать, что въ новой Думѣ будетъ чуть ли не двѣсти священниковъ. Забезпокоились и крупные землевладѣльцы. Но духовенство, въ общемъ, политикой интерересовалось мало; явившись на выборы по указанію епархіальнаго начальства, оно не составило какой-либо особой партіи и далеко не всегда голосовало за правыхъ. Священники только забаллотировали нѣсколько видныхъ октябристовъ, защищавшихъ въ 3-ьей Думѣ законопроекты о свободѣ совѣсти. Самъ предсѣдатель Г. Думы М. В. Родзянко прошелъ только благодаря тому, что правительство, внявъ его просьбамъ, выдѣлило священниковъ въ особую курію по тому уѣзду, гдѣ онъ баллотировался въ выборщики.

Въ отдѣльныхъ губерніяхъ (напр., въ Вятской, Нижегородской, Черниговской) мѣстная администрація прибѣгала къ болѣе прямому давленію, вычеркивая изъ списковъ наиболѣе видныхъ кандидатовъ оппозиціи, съ расчетомъ, чтобы ихъ жалобы на неправильное лишеніе избирательныхъ правъ разсматривались уже послѣ окончанія выборовъ.

Были также (въ видѣ общей мѣры) исключены изъ списковъ тѣ евреи, которые пользовались только „условнымъ" правомъ жительства въ данной мѣстности.

Всѣ эти мѣры вызвали много раздраженія и протестовъ, — и въ общемъ итогѣ весьма мало повліяли на исходъ выборовъ, происходившихъ въ теченіе сентября и октября 1912 г.

Въ городахъ, не только по второй, но и по первой куріи, обозначилось опредѣленное полѣвѣніе. Въ Петербургѣ и Москвѣ сразу же полностью прошли списки к.-д. и прогрессистовъ.*) То же произошло во всѣхъ большихъ городахъ, кромѣ Одессы, гдѣ исключеніе изъ списковь большого числа евреевъ дало неожиданную побѣду правымъ. Оффиціальное С.-Петербургское телеграфное агенство изо-дня въ день печатало статистику выборовъ, изъ которой вытекало, что правые имѣютъ 57 проц. выборщиков, оппозиція около 50 проц., октябристы всего 10 процентовъ. Всѣ уже готовились к тому, что Дума будетъ правая и оппозиціонная печать писала о „комедіи выборовъ".

Первая оффиціальная статистика новой Думы, какъ-будто подтверждала эти свѣдѣнія: правыхъ числилось 146, націоналистовъ 8I, октябристовъ 80, всей оппозиціи — 130 . . . Но какъ только депутаты съѣхались, выяснилась совершенно иная картина: агентство огульно зачислило чуть не всѣхъ крестьянъ и священниковъ въ правые, тогда какъ многіе изъ нихъ были октябристами, а то и прогрессистами . . . Существовавшее на бумагѣ правое большинство растаяло. Оказалось, что, если нѣсколько пострадали октябристы (ихъ осталось около 100), то усилились к.-д. и прогрессисты; націоналисты раскололись, отъ нихъ влѣво отдѣлилась „группа центра"; въ итогѣ правое крыло почти не возросло.**)

Еще существеннѣе былъ тотъ фактъ, что октябристы на этотъ разъ проходили, по большей части, в о п р е к и желанію властей. Тотъ же самый результатъ, который въ 1907 г. былъ п о б ѣ д о й п р а в и т е л ь с т в а, оказывался въ 1912 г. у с п ѣ х о м ъ о п п о з и ц і и. Это не замедлило сказаться на выборахъ президіума. Октябристы вошли на этотъ разъ въ соглашеніе съ лѣвыми. М. В. Родзянко былъ переизбранъ предсѣдателемъ противъ голосовъ націоналистовъ и правыхъ; товарищемъ предсѣдателя былъ избранъ прогрессистъ.***) Въ своей вступительной рѣчи Родзянко говорилъ объ „укрѣпленіи конституціоннаго строя", объ „устраненіи недопустимаго произвола", — причемъ правые демонстративно покинули залъ засѣданій. Меньшиковъ писалъ въ „Новомъ Времени" про „опытъ съ лѣвой Думой". При обсужденіи

---

*) По первой куріи Москвы былъ забаллотированъ Гучковъ. Онъ получилъ всего 1300 голосовъ, противъ 2100 въ 1907 г., тогда какъ к.-д. выиграли противъ 1907 г. всего 250 голосовъ; очевидно, за Гучкова не стали голосовать на этотъ разъ и часть правыхъ.

**) Составъ IV Думы (въ скобкахъ цифры въ началѣ III-ей Думы): правые 65 (50); націоналисты 88 (96); центръ 32 (—); октябристы 98 (153); прогрессисты 48 (28); к.-д. 59 (54); мусульмане 6 (8); поляки 15 (18); трудовики 9 (13); с.-д. 15 (20); изъ 7 безпартійныхъ 3 правыхъ и 2 лѣвыхъ. Итого — правая 156 (146), центръ 130 (153), оппозиція 154 (141).

***) Кн. Д. Д. Урусовъ, котораго затѣмъ смѣнилъ Н. Н. Львовъ.

деклараціи В. Н. Коковцова, Дума (15. XII. 1912) приняла лѣвымъ большинствомъ 132 противъ 78 формулу прогрессистовъ, которая заканчивалась словами о томъ, что Гос. Дума „приглашаетъ правительство твердо и открыто вступить на путь осуществленія началъ манифеста 17 октября и водворенія строгой законности“. Третья Дума такимъ тономъ съ властью никогда не говорила.

При всемъ томъ, въ новой Думѣ не было ни опредѣленнаго большинства, ни желанія вести систематическую борьбу съ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что событія внѣшней политики въ концѣ 1912 г. заслоняли внутренніе конфликты.

15 сентября 1911 г. — всего черезъ десять дней послѣ кончины Столыпина — международное равновѣсіе на Ближнемъ Востокѣ было нарушено выступленіемъ государства, свыше пятнадцати лѣтъ не проявлявшаго политической инициативы: Италія первая рѣшила приступить къ раздѣлу турецкаго наслѣдства. Моментъ былъ выбранъ для нея удачно. Еще не закончился франко-германскій конфликтъ изъ-за Марокко. Тройственное согласіе — какъ уже называли Англію, Францію и Россію — стремилось привлечь Италію на свою сторону, тогда какъ Тройственный Союзъ, несмотря на германскія симпатіи къ Турціи, не могъ себѣ позволить открытаго выступленія противъ своей союзницы. Италія могла дѣйствовать, не встрѣчая протеста ни съ чьей стороны.

Подъ предлогомъ плохого обращенія съ итальянскими подданными въ портахъ турецкой Африки, Италія ультимативно потребовала, чтобы Турція разрѣшила ей оккупировать своими войсками Триполи, Бенгази и другіе портовые города, и, получивъ отказъ въ такомъ необычайномъ требованіи, 16 (29) сентября объявила ей войну.

Игра была безпроигрышной для Италіи не только въ дипломатическомъ, но и въ военномъ отношеніи. Турція почти не имѣла флота, и ея африканскія владѣнія были отдѣлены отъ метрополіи „нейтральнымъ“ (фактически англійскимъ) Египтомъ. Трудныя природныя условія и воинственность малочисленныхъ арабскихъ племенъ Триполитаніи только могли оттянуть развязку, по существу неизбѣжную. Но итало-турецкая война затянулась на цѣлый годъ и поставила на очередь общій вопросъ о турецкомъ наслѣдствѣ, хотя великія державы всячески стремились отъ этого уклониться.

Русская дипломатія, впрочемъ, осенью 1911 г. попыталась воспользоваться этимъ нарушеніемъ statu quo, чтобы добиться отъ Турціи открытія проливовъ для русскаго флота. Она запросила по этому поводу Германію, и канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ, желая дѣйствовать въ духѣ Потсдамскаго соглашенія, высказался положительно; но Вильгельмъ II захотѣлъ запросить Австрію, а баронъ Эренталь отвѣтилъ, что австро-русскія отношенія съ 1908 г. значительно ухудшились и что теперь за открытіе проливовъ Австрія будетъ требовать „платы“. С. Д. Сазоновъ, только что оправившійся отъ долгой болѣзни, изъ Давоса проѣхалъ въ Парижъ и, убѣдившись, что русской инициативѣ относительно проливовъ не сочувствуютъ ни Англія, ни Франція, не сталъ на ней настаивать.

Хотя было ясно, что утрата Турціей африканскихъ провинцій — только вопросъ времени, борьба въ Триполи затягивалась. Внутренніе враги младотурокъ поднимали голову; въ Албаніи шло открытое сопротивленіе реформамъ. Въ то же время, балканскія государства, наиболѣе заинтересованныя въ раздѣлѣ Европейской Турціи, рѣшили, что пришло время взять дѣло въ свои руки. Глубокія, застарѣлыя противорѣчія между Болгаріей и Сербіей, какъ и между Болгаріей и Греціей, долгое время препятствовали соглашенію этихъ государствъ. Но въ началѣ 1912 года — 29 февраля — Болгарія и Сербія подписали тайный союзный договоръ противъ Турціи, къ которому вскорѣ присоединились Греція и Черногорія.

Положеніе русской дипломатіи было весьма сложнымъ. Она считала своей первой задачей — обезпечить Россіи тѣ „двадцать лѣтъ мира", о которыхъ говорилъ П. А. Столыпинъ. Но балканскія государства знали, что, какъ бы Россія ни призывала ихъ къ сдержанности, въ худшемъ для нихъ случаѣ она все равно ихъ спасетъ и никогда не допуститъ посягательствъ Турціи на ихъ территорію. Это придавало имъ смѣлость для развитія собственной инициативы.

Во Франціи Агадирскій кризисъ оставилъ глубокій слѣдъ; патріотическая тревога не проходила, а усиливалась. Кабинетъ Кайо, подписавшій соглашеніе съ Германіей, распался въ началѣ 1912 г. и замѣненъ былъ министерствомъ Пуанкарэ, составленнымъ подъ знакомъ національнаго объединенія. Этотъ кабинетъ повелъ активную внѣшнюю политику, и въ частности занялся укрѣпленіемъ связи съ Россіей.

Свиданіе Государя Императора съ Императоромъ Вильгельмомъ въ Балтійскомъ портѣ (въ концѣ іюня 1912 г.) не принесло никакихъ практическихъ результатовъ. Въ оффиціальномъ сообщеніи прямо говорилось, что не слѣдуетъ ожидать отъ этого свиданія какихъ-либо перемѣнъ въ группировкѣ европейскихъ державъ. Канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ благодарилъ русское правительство за успокоительное дѣйствіе Россіи во время мароккскаго кризиса; Сазоновъ говорилъ, что, пока Россія и Германія въ добрыхъ отношеніяхъ, ничего на свѣтѣ стрястись не можетъ. Германскій канцлеръ остался нѣсколько дней въ Россіи, видѣлся съ В. Н. Коковцовымъ, ѣздилъ въ Москву. Но почти въ то же самое время была подписана франко-русская морская конвенція, дополняющая союзный договоръ; а пріѣздъ Пуанкарэ въ Петербургъ черезъ мѣсяцъ послѣ свиданія въ Балтійскомъ Портѣ превратился въ яркую манифестацію франко-русской дружбы.

Этому способствовало настроеніе русскаго общества. Отчасти по соображеніямъ внутренней политики, отчасти на основаніи впечатлѣній боснійскаго кризиса, русское общество — не только интеллигенція, но въ значительной своей части также и военные, и придворные круги — относилось недружелюбно къ Германіи. „Мы не должны сь легкимъ сердцемъ проповѣдывать ту активную германофобію во внѣшней политикѣ, которая у насъ, иногда, считается признакомъ прогрессивнаго образа мыслей" — мимоходомъ отмѣчала, какъ фактъ общеизвѣстный, „Русская Мысль" (въ маѣ 1912 г.). Пріѣздъ англійской парламентской делегаціи въ Россію въ

началѣ 1912 г. (въ отвѣтъ на визитъ членовъ Гос. Думы и Гос. Совѣта въ Англію) былъ крупнымъ общественнымъ событіемъ: газеты были полны описаніемъ банкетовъ, рѣчей, портретами делегатовъ. Правительство проявляло сдержанность (кромѣ военнаго министра Сухомлинова, министры въ банкетахъ не участвовали), но этого факта никто не подчеркивалъ. А о пребываніи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ канцлера Бетмана-Гольвега въ газетахъ почти ничего не писалось.

Русская политика стремилась сохранить миръ въ Европѣ. На этомъ сходились и Государь, и покойный П. А. Столыпинъ, и его преемникъ В. Н. Коковцовъ, и министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ. Такъ какъ раздѣлъ турецкаго наслѣдства могъ легко привести къ европейскому конфликту, Россія въ 1912 г. играла давно несвойственную ей роль — она стремилась сохранить неприкосновенность Турціи, — по крайней мѣрѣ, до болѣе удобнаго момента. Но балканскія государства, хотя они и завѣряли Россію, что не предпримутъ ничего безъ ея благословенія, считали Турцію достаточно ослабленной, чтобы пойти на рискъ борьбы съ нею безъ посторонней помощи. Болгарія при этомъ, въ извѣстной мѣрѣ, расчитывала на благожелательность Австріи.

Итало-турецкая война приходила къ концу. Сопротивленіе въ Триполитаніи слабѣло. Италія заняла безпрепятственно нѣсколько острововъ въ Эгейскомъ морѣ и грозила дальнѣйшими захватами. Въ Турціи произошелъ (въ іюлѣ 1912 г.) безкровный переворотъ, младотурки были отстранены отъ власти, новое правительство соглашалось на мирные переговоры. Балканскимъ государствамъ надо было торопиться, если они не хотѣли пропустить случая.

Рѣзня болгаръ въ селеніи Кочане, устроенная турецкими солдатами, послѣ взрыва бомбы, брошенной македонскими „комитаджіями", послужила поводомъ для активной кампаніи всей балканской печати. Великія державы сдѣлали попытку задержать событія. По иниціативѣ Россіи, къ которой присоединились Франція, Англія, Германія и Австрія, было рѣшено обратиться къ балканскимъ государствамъ и къ Турціи съ предупрежденіемъ о томъ, что, „если война вспыхнетъ, державы не допустятъ, чтобы въ результатѣ конфликта произошли какія-либо перемѣны въ территоріальномъ „statu quo" Европейской Турціи. 25 сентября это заявленіе было сдѣлано въ балканскихъ столицахъ — и на слѣдующій же день Черногорія объявила Турціи войну и приступила къ военнымъ дѣйствіямъ. Балканскія государства отлично учитывали, что державы не будутъ настаивать на своемъ предостереженіи. Вильгельмъ II понималъ ихъ точку зрѣнія и даже ей сочувствовалъ. „Зачѣмъ ждать такого момента, когда Россія будетъ готова?", писалъ онъ. „Пусть дойдетъ до войны. Пусть балканскія государства себя покажутъ. Если они рѣшительно побьютъ Турцію — значитъ они были правы и имъ подобаетъ извѣстная награда. Если ихъ разобьютъ, они притихнутъ и долгое время будутъ сидѣть смирно"...

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, С. Д. Сазоновъ, наоборотъ, былъ крайне недоволенъ, что балканскія государства, обѣщавшія при заключеніи союза считаться съ волей Россіи, начинали войну въ неудобный для нея моментъ. С. Д. Сазоновъ въ разговорахъ съ фран-

цузскими политиками даже заявлялъ, что считалъ бы меньшимъ зломъ пораженіе балканскихъ странъ, особенно Болгаріи, такъ какъ въ этомъ случаѣ было бы легче настоять на сохраненіи statu quo.

Событія пошли быстрымъ темпомъ: 26. IX. войну объявила Черногорія, 2. (15). X. былъ подписанъ итало-турецкій миръ, 4 (17). X. начали войну Болгарія, Сербія и Греція. Война была крайне популярна на Балканахъ: мобилизація проходила при общемъ ликованіи какъ въ Софіи, такъ и въ Бѣлградѣ, и въ Аѳинахъ. Съ первыхъ же дней опредѣлился разгромъ Турціи. Болгары у Киркъ-Килиссе и Люле-Бургаса, сербы у Куманова разбили на голову турецкую армію, и не прошло мѣсяца съ начала войны, какъ турки были оттѣснены на позиціи у Чаталджи въ 40 клм. отъ Константинополя, и, кромѣ нѣсколькихъ осажденныхъ крѣпостей (Адріанополь, Янина, Скутари), ничего не оставалось отъ ихъ европейскихъ владѣній. Уже 22 октября (4. XI.) Турція просила великія державы о посредничествѣ.

Побѣды балканскихъ славянъ пробудили ликованіе и сочувствіе въ широкихъ русскихъ кругахъ. На задній планъ отступили вопросы внутренней политики. Послѣ побѣды союзниковъ, конечно, не могло быть и рѣчи о сохраненіи statu quo на Балканахъ. Произошло то, чего хотѣлъ избѣжать С. Д. Сазоновъ: приходилось приступать къ раздѣлу турецкаго наслѣдства, въ условіяхъ, для Россіи неблагопріятныхъ.

Россія предложила, чтобы всѣ великія державы заявили о своей полной незаинтересованности въ раздѣлѣ Турціи. Франція и Англія охотно присоединились къ такому предложенію; не возражала и Германія. Австрія и Италія отнеслись гораздо сдержаннѣе: онѣ сходились на желаніи создать новое государство, Албанію, изъ турецкихъ провинцій, прилегающихъ къ Адріатическому морю; и не требуя ничего для самихъ себя, онѣ для Албаніи требовали очень многаго.

Въ избѣжаніе европейскаго конфликта, великія державы рѣшили дѣйствовать сообща и начали вырабатывать свои условія ликвидаціи балканской войны. Австрія сразу рѣзко поставила вопросъ о недопущеніи Сербіи къ Адріатическому морю. Она стала производить частичныя мобилизаціи и сосредотачивать войска къ русской границѣ. Россія въ отвѣтъ задержала подъ знаменами цѣлый призывной возрастъ, срокъ службы котораго истекъ. Въ ноябрѣ былъ моментъ, когда война казалась возможной.

4 (17). декабря въ Лондонѣ начались работы конференціи пословъ шести великихъ державъ. Наиболѣе спорнымъ былъ вопросъ о границахъ Албаніи. По настоянію Англіи, Россія пошла на уступки въ вопросѣ о сербскомъ портѣ (тѣмъ болѣе, что и Франція предупреждала о нежелательности конфликта по этому вопросу); и ей удалось добиться согласія самой Сербіи.

Когда начались мирные переговоры между воюющими сторонами и Турція стала проявлять неуступчивость, великія державы обратились къ ней съ угрожающей нотой, рекомендуя уступки и напоминая о возможности осложненій въ ея азіатскихъ владѣніяхъ. Турецкое правительство созвало „совѣщаніе нотабелей“ и уже было готово согласиться, но въ Константинополѣ произошелъ новый переворотъ, мла-

дотурки вернулись къ власти и отказались подписать условія мира. Война возобновилась по истеченіи срока перемирія. Она свелась къ осаднымъ операціямъ. Адріанополь держался долго; на помощь болгарамъ прибыли и сербскія войска; и только 13 марта 1913 г. старая турецкая крѣпость, наконецъ, пала.

Ликованіе по поводу взятія Адріанополя привело и въ Россіи къ уличнымъ демонстраціямъ въ честь балканскихъ славянъ. Полиція, по обыкновенію, разсѣяла ихъ, за что получила выговоръ отъ властей — хотя демонстраціи и не соотвѣтствовали видамъ русскаго правительства. Въ теченіе всей балканской войны оно стремилось къ сохраненію согласія между великими державами, тогда какъ значительная часть русскаго общества требовала активной поддержки балканскихъ славянъ и даже прямого выступленія противъ Турціи. „Крестъ на св. Софію" — стояло на плакатахъ, съ которыми ходили по Невскому манифестанты. Предсѣдатель Гос. Думы Родзянко въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ февралѣ 1913 г. онъ призывалъ Государя вмѣшаться въ войну! Это показываетъ, съ какой легкостью относились нѣкоторые круги къ возможности европейскаго конфликта. Выступленіе Россіи на Балканахъ весною 1913 г. означало бы войну со всѣмъ Тройственнымъ Союзомъ, включая Италію (которая въ этомъ вопросѣ была солидарна съ Австріей) и, вероятно, Румынію, при весьма неопредѣленной позиціи Англіи. Государь, конечно, не могъ серьезно отнестись къ такимъ опаснымъ совѣтамъ. Но въ нѣкоторыхъ кругахъ это вызывало большое недовольство, и на такъ наз. „славянскихъ банкетахъ" можно было слышать рѣчи, антидинастическій характеръ которыхъ смущалъ многихъ участниковъ.

Послѣднимъ испытаніемъ для европейскаго мира былъ вопросъ о Скутари. Черногорцы продолжали осаждать этотъ городъ, послѣ того, какъ всѣ великія державы уже сговорились отдать его Албаніи. Въ Россіи шла усиленная агитація подъ лозунгомъ „Скутари—Черногоріи". Но русское правительство осталось вѣрнымъ сговору державъ; передъ черногорскими портами была устроена морская демонстрація и, наконецъ, черногорскій король, въ обмѣнъ за территоріальныя и финансовыя компенсаціи, самъ отказался отъ Скутари.

17 (30) мая былъ въ Лондонѣ заключенъ миръ между Турціей и Балканскимъ союзомъ, но тотчасъ же между союзниками возникли серьезныя разногласія. По тайному договору 1912 г. Сербія должна была получить выходъ къ Адріатическому морю, Греція — Эпиръ, а Болгарія — почти всю Македонію, включая Салоники. Великія державы уменьшили турецкое наслѣдство, выкроивъ изъ него Албанію за счетъ частей предназначавшихся Греціи и Сербіи. Болгарія, тѣмъ не менѣе, настаивала на своей договоренной долѣ, указывая, что не по ея винѣ урѣзаны доли остальныхъ союзниковъ. Сербія и Греція требовали перераспредѣленія „наслѣдства", подчеркивая, что ихъ войска участвовали въ борьбѣ и на болгарскомъ участкѣ фронта.

Русская дипломатія пыталась сыграть роль посредника и арбитра согласно договору Балканскаго союза. Но не подѣйствовали даже об-

ращенія самого Государя къ балканскимъ монархамъ. Болгарія, надѣясь на свою армію и на австрійское нерасположеніе къ Сербіи, не хотѣла уступать. Въ ночь на 17 (30) іюня болгары попытались вытѣснить сербовъ и грековъ изъ занятыхъ ими македонскихъ земель. Началась вторая балканская война, но длилась она очень недолго. Болгарія жестоко просчиталась. Разбить сербовъ и грековъ ей не удалось; въ тылу противъ нея выступила Румынія; а Турція, безъ формальнаго объявленія войны, двинула свои войска на Адріанополь и безъ боя заняла эту крѣпость, недавно взятую союзниками цѣной столькихъ жертвъ.

Болгаріи пришлось сдаться уже черезъ десять дней. Въ Бухарестѣ ей былъ продиктованъ суровый миръ. Она теряла всѣ свои пріобрѣтенія, кромѣ небольшой полосы берега съ Дедеагачемъ, и уступала Румыніи большой кусокъ Добруджи. Великія державы не протестовали противъ этого мира, хотя и Россія, и Австрія хотѣли сохранить —неожиданно на этомъ сойдясь—за Болгаріей хотя бы портъ Каваллу. Но въ этомъ случаѣ Германія и Франція, въ свою очередь сошлись съ Англіей и Италіей на томъ, чтобы Кавалла осталась за Греціей. Австрія также хотѣла урѣзать сербскую долю турецкаго наслѣдства, но ни Италія, ни Германія не согласились въ этомъ ее поддержать. Болгаріи пришлось примириться съ утратой Адріанополя.

Бухарестскій договоръ былъ подписанъ 25 іюля (7 авг.) 1913 г. „Для Европы настали каникулы послѣ десяти мѣсяцевъ тяжелыхъ трудовъ" писала «Revue des Deux Mondes».

Въ началѣ 1913 г. — 21 февраля — исполнилось 300 лѣтъ со дня призванія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. 300-лѣтній юбилей династіи былъ отпразднованъ съ большой торжественностью. *)

„Совокупными трудами вѣнценосныхъ предшественниковъ Нашихъ на Престолѣ Россійскомъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи создалось и крѣпло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаніямъ, но народъ русскій, твердый въ вѣрѣ православной и сильный горячей любовью къ Родинѣ и самоотверженной преданностью своимъ Государямъ, преодолѣвалъ невзгоды и выходилъ изъ нихъ обновленнымъ и окрѣпшимъ. Тѣсные предѣлы Московской Руси раздвинулись, и имперія Россійская стала нынѣ въ ряду первыхъ державъ міра"—говорилось въ Высочайшемъ манифестѣ 21-го февраля 1913 г.

По традиціи, по поводу юбилея были объявлены всевозможныя льготы, — прощеніе недоимокъ, даренія на благотворительныя цѣли, смягченіе каръ. Государь въ Зимнемъ дворцѣ принималъ поздравленія высшихъ чиновъ Имперіи; горячую привѣтственную рѣчь произнесъ предсѣдатель Гос. Думы Родзянко, поднесшій Государю икону Христа-Спасителя. Въ Москвѣ въ тотъ же день состоялся крестный ходъ; въ

*) Подробное описаніе Романовскихъ торжествъ имѣется въ книгѣ В. И.Назанскаго „Крушеніе Великой Россіи и Дома Романовыхъ", изд. въ Парижѣ въ 1930 г. (стр. 73—141).

шествіи несли наиболѣе чтимыя иконы Владимірской, Иверской, Казанской Божіей Матери. За крестнымъ ходомъ послѣдовалъ парадъ войскъ на Красной площади передъ Кремлемъ. По поводу юбилея были выпущены почтовыя марки; на нихъ впервые воспроизведены были портреты русскихъ Государей, отъ Царя Михаила Θеодоровича до Императора Николая II. Нѣкоторые почтовые чиновники первое время не рѣшались штемпелевать эти марки, боясь „замарать царскій портретъ".

Государь не ограничился торжествами въ столицахъ. Онъ рѣшилъ, съ наступленіемъ весны, предпринять поѣздку по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ выросла и окрѣпла Суздальская и Московская Русь, гдѣ была вотчина бояръ Романовыхъ. 15 мая, Государь со всею Царской Семьей, несмотря на недомоганіе Государыни и Наслѣдника, отбылъ изъ Царскаго Села и проѣхалъ черезъ Москву во Владиміръ; оттуда на автомобилѣ, въ Суздаль; посѣтилъ село Боголюбово. Прибывъ въ Нижній Новгородъ, Царская Семья прослѣдовала оттуда на пароходѣ „Межень" по Волгѣ въ Кострому и Ярославль. Оба берега Волги были покрыты толпами крестьянъ, которые десятками тысячъ собрались взглянуть на Государя. Пристани и дома на берегахъ были украшены флагами и зеленью.

Особенно сердечнымъ былъ пріемъ въ Костромѣ (19 и 20 мая). Все населеніе города и окрестныхъ селеній вышло встрѣчать Царскую Семью. Великіе Князья и Княгини, духовенство, министры — всѣ собрались привѣтствовать Государя на родинѣ Романовыхъ. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ, гдѣ посланные отъ Земскаго Собора умоляли инокиню Марθу благословить своего сына на царство, Государя принималъ костромской архіепископъ Тихонъ; онъ говорилъ: „Если бы лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ настоящаго высокаго торжества, если бы онъ видѣлъ это царственное пришествіе къ намъ, если бы слышалъ этотъ благовѣстный гулъ колоколовъ, эти клики всеобщаго восторга— безъ сомнѣнія, сказалъ бы онъ о настоящемъ днѣ: и была тогда великая радость въ Ипатьевскомъ монастырѣ и во всей Костромѣ" . . .

Въ присутствіи Царской Семьи, на краю высокаго обрыва надъ Волгой, состоялась закладка памятника 300-лѣтія Дома Романовыхъ. Когда Государь покидалъ Кострому, толпа долго провожала его вдоль берега, а многіе входили въ воду по поясъ. Государь былъ взволнованъ и тронутъ пріемомъ въ Костромѣ. *)

Послѣ Костромы, Государь посѣтилъ еще Ярославль и Ростовъ и къ 25 мая вернулся въ Москву. Десятидневная поѣздка по Средней Россіи произвела на Государя сильное впечатлѣніе,—какъ проявленіемъ народной преданности, такъ и тѣми картинами бѣдности и нужды, которыя Ему случилось наблюдать при проѣздѣ черезъ деревни.

---

*) Гр. В. Н. Коковцовъ, который пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что во время поѣздокъ Государя онъ не замѣтилъ „настоящаго энтузіазма", все же отмѣчаетъ: „Большое впечатлѣніе произвела только Кострома. Государь и Его Семья были окружены сплошной толпой народа, слышались неподдѣльныя выраженія радости.

Первая половина 1913 года прошла подъ знакомъ Балканскои войны и Романовскаго юбилея, но съ осени снова вступила въ свои права политическая борьба.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ, вскорѣ послѣ неудачныхъ для правительства выборовъ въ IV-ую Думу, на мѣсто А. А. Макарова, былъ назначенъ Черниговскій губернаторъ Н. А. Маклаковъ, котораго Государь уже и раньше хотѣлъ назначить на этотъ постъ. Въ Н. А. Маклаковѣ Государь цѣнилъ человѣка, близкаго къ Нему по общему государственному міровоззрѣнію,—чего Онъ не могъ сказать о большинствѣ министровъ. Въ то же время, въ Гос. Думѣ къ Н. А. Маклакову относились отрицательно—отчасти потому, что въ своей губерніи онъ примѣнилъ административное давленіе на выборы и „провалилъ" нѣсколько видныхъ лѣвыхъ октябристовъ.

Государственный Совѣтъ понемногу правѣлъ — отчасти путемъ новыхъ выборовъ отъ дворянства и землевладѣльцевъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе постепеннаго заполненія вакансій по назначенію правыми отставными сановниками. Въ верхней палатѣ создавалось большинство, стоявшее правѣе кабинета. Оно отвергало или сильно видоизмѣняло почти всѣ большіе законопроекты, принятые Гос. Думой: введеніе земства въ Сибири и въ Архангельской губ.; созданіе волостного земства, реформу мѣстнаго суда. Въ проектъ городского самоуправленія въ Царствѣ Польскомъ, Гос. Совѣтъ большинствомъ 94 противъ 74, вопреки настояніямъ В. Н. Коковцова, внесъ статью, требующую, чтобы въ городскихъ думахъ и управахъ пренія и дѣлопроизводство велись исключительно на русскомъ языкѣ. Послѣ случая съ западнымъ земствомъ, правительство уже не пыталось примѣнять какое-либо давленіе на Гос. Совѣтъ.

Въ Москвѣ, въ концѣ 1912 г., состоялись городскіе выборы, при чемъ голоса въ новой Думѣ дѣлились почти поровну между „лѣвой" и „правой". Кандидатами въ городскіе головы были избраны князь Г. Е. Львовъ и Н. И. Гучковъ, но послѣдній, получивъ меньше голосовъ, отказался. Государь не хотѣлъ утверждать городскимъ головой Первопрестольной представителя оппозиціи, и весь 1913 г. эта должность оставалась вакантной. Н. А. Маклаковъ совѣтовалъ назначить городскимъ головой гофмейстера В. В. Штюрмера, виднаго праваго члена Гос. Совѣта, но В. Н. Коковцовъ убѣдилъ Государя, что такой шагъ вызвалъ бы рѣзкіе протесты во всѣхъ московскихъ кругахъ, и обязанности городского головы такъ и продолжалъ исполнять его замѣститель В. Д. Брянскій.

Всѣ эти факты вызывали недовольство не только лѣвыхъ, но и октябристскихъ круговъ: А. И. Гучковъ, который послѣ своего пораженія на выборахъ почти годъ провелъ на Балканахъ, прибылъ на съѣздъ городскихъ дѣятелей въ Кіевѣ, обсуждавшій дѣловые вопросы муниципальнаго хозяйства, и 21 сентября произнесъ „подъ занавѣсъ" рѣзкую оппозиціонную рѣчь. Онъ говорилъ, что „надъ всѣми работами съѣзда печать унынія, безвѣрія въ плодотворность нашихъ усилій", и что наблюдается „параличъ всего государственнаго организма, застой законодательнаго творчества, разстройство управленія", и призывалъ

съѣздъ принять политическую резолюцію. Хотя предсѣдатель, кіевскій городской голова Дьяковъ, отказался поставить ее на баллотировку, члены съѣзда, собравшись въ корридорѣ, на подобіе студенческой сходки, приняли ее „поднятіемъ рукъ".

8 ноября, на конференціи октябристовъ въ С.-Петербургѣ, А. И. Гучковъ выступилъ съ докладомъ, подробно обосновывающимъ перемѣну его позиціи. „Октябризмъ, — говорилъ онъ, былъ молчаливымъ, но торжественнымъ договоромъ между исторической властью и русскимъ обществомъ. Манифестъ 17 октября былъ актомъ довѣрія къ народу со стороны Верховной Власти; октябризмъ явился со стороны народа актомъ вѣры въ Верховную Власть". Гучковъ далѣе утверждалъ, что наступила „реакція", что дѣйствуютъ „новыя странныя фигуры"; онъ ссылался на роль праваго крыла Гос. Совѣта и объединеннаго дворянства, напоминалъ о попыткѣ давленія на выборахъ въ Думу, указывалъ на слухъ о будто-бы предстоящемъ новомъ измѣненіи Основныхъ Законовъ.

„Договоръ нарушенъ и разорванъ правительствомъ", заключалъ Гучковъ. „Мы вынуждены защищать монархію противъ тѣхъ, кто является естественными защитниками монархическаго начала, церковь — противъ церковной іерархіи, армію противъ ея вождей".

Эта опасная и двусмысленная формула, какъ бы оправдывающая всякое нарушеніе дисциплины, не вызвала прямыхъ возраженій. Конференція единогласно одобрила докладъ Гучкова.

Но когда въ думской фракціи былъ поставленъ вопросъ о переходѣ въ оппозицію, только 22 депутата (изъ 100) на это согласились. Фракція распалась на три части, и большинство, около двухъ третей, съ М. В. Родзянко, Н. В. Савичемъ, Е. П. Ковалевскимъ и другими главными работниками фракціи, образовали группу „земцевъ-октябристовъ."

Печать отмѣчала „полѣвѣніе въ странѣ". Съ весны 1912 г. — Ленскихъ событій и выхода въ свѣтъ газеты „Правда" — замѣтно увеличилось число политическихъ забастовокъ въ рабочей средѣ. Но по большей части это были однодневныя демонстративныя забастовки протеста. *)

Съ 24 сентября по 28 октября 1913 г. въ Кіевскомъ судѣ разбирался процессъ, привлекшій сотни иностранныхъ корреспондентовъ и наблюдателей: знаменитое дѣло Бейлиса.

Еще въ мартѣ 1911 г. въ Кіевѣ былъ найденъ убитымъ 12-лѣтній мальчикъ, Андрей Ющинскій; тѣло его было почти обезкровленнымъ, на немъ было 47 колотыхъ ранъ. Тотчасъ же пошла молва, будто мальчика убили евреи, въ цѣляхъ использованія его крови для какихъ-то таинственныхъ обрядовъ.

Нѣкоторые представители судебной власти, въ частности, прокуроръ судебной палаты Чаплинскій, взяли на себя задачу доказать эту

*) По даннымъ министерства торговли, политическихъ забастовокъ въ 1910 г. было 8; въ 1911 — 24; въ 1912 — 1300; за январь — сентябрь 1913 г. — 711.

версію. Мѣстный полицейскій розыскъ указывалъ въ совершенно другую сторону — были данныя, что мальчика убила воровская шайка, — но сторонники „ритуальной" версіи убійства заявляли, что полиція подкуплена евреями. Въ 3-ей Думѣ правыми былъ даже внесенъ запросъ по этому поводу (въ маѣ 1911 г.).

Отстраняя агентовъ розыска, не вѣрившихъ „ритуальной" версіи, слѣдователь, наконецъ, нашелъ свидѣтелей, показывавшихъ, будто Ющинскаго похитилъ служащій кирпичнаго завода, Мендель Бейлисъ, и вмѣстѣ съ другими, не найденными лицами, умертвилъ его. Бейлиса въ августѣ 1911 г. арестовали. Вопреки русскимъ обыкновеніямъ, слѣдствіе тянулось свыше двухъ лѣтъ, и только осенью 1913 года дѣло было доведено до суда.

Русская и заграничная печать проявляли огромный интересъ къ этому дѣлу. Видные русскіе писатели и публицисты лѣваго направленія выступили съ протестомъ противъ „кроваваго навѣта" на евреевъ. Защищать Бейлиса собрались самые извѣстные русскіе адвокаты: Н. П. Карабчевскій, В. А. Маклаковъ, А. С. Зарудный, О. О. Грузенбергъ и т.д. Со своей стороны, правая печать, н чиная съ „Новаго Времени", доказывала ритуальный характеръ убійства, и въ помощь прокурору гражданскими истцами выступили членъ Гос. Думы Г. Г. Замысловскій и извѣстный московскій адвокатъ А. С. Шмаковъ, авторъ ряда антисемитскихъ изслѣдованій.

Съ первыхъ же дней суда опредѣлилась слабая обоснованность обвиненія. Большую сенсацію вызвала статья В. В. Шульгина въ старомъ правомъ органѣ „Кіевлянинъ" (27.IX.1913). Шульгинъ писалъ, что у гроба покойнаго редактора газеты, Д. И. Пихно, онъ поклялся печатать въ ней только правду. Онъ разсказывалъ, со словъ полицейскихъ чиновъ, какъ имъ сверху внушалось, во что бы то ни стало, найти „жида"; онъ приводилъ слова самого слѣдователя, говорившаго, что не такъ важно, виновенъ ли Бейлисъ—главное доказать существованіе ритуальныхъ убійствъ. „Вы сами совершаете человѣческое жертвоприношеніе" — писалъ Шульгинъ. „Вы отнеслись къ Бейлису, какъ къ кролику, котораго кладутъ на вивисекціонный столъ". . . Номеръ „Кіевлянина"—впервые со дня основанія газеты—былъ конфискованъ. Фракція націоналистовъ высказала, хотя и въ мягкой формѣ, порицаніе Шульгину, который послѣ этого перешелъ въ группу центра.

Полицейскіе чиновники въ своихъ донесеніяхъ въ Петербургъ день за днемъ отмѣчали слабость с идѣтельскихъ показаній обвиненія, убѣдительность экспертовъ защиты. Среди экспертовъ обвиненія были видные профессора судебной медицины, но они могли только доказать, что тѣло было намѣренно обезкровлено, — изъ чего еще не вытекало, что это было сдѣлано съ „ритуальной" цѣлью.

Составъ присяжныхъ былъ, какъ говорится, „сѣрый"—крестьяне, мѣщане и одинъ почтовый чиновникъ. Лѣвыя газеты заранѣе обвиняли власть въ желаніи воспользоваться „народной темнотой", В. Г. Короленко писалъ, что рѣшеніе такихъ присяжныхъ не можетъ быть авторитетнымъ. Но простые русскіе люди отнеслись къ своей задачѣ

серьезно. „Якъ судить Бейлиса, колы разговоровъ о немъ на судѣ нема?“ — говорили они между собою (по донесенію жандармовъ).

Рѣчи обвинителей не перемѣнили этого впечатлѣнія: въ нихъ много говорилось о ритуальныхъ убійствахъ вообще, о томъ, что „евреи погубятъ Россію“—и почти ничего о Бейлисѣ. 28 октября присяжные вынесли Бейлису оправдательный приговоръ. Они отвѣтили утвердительно на вопросъ о томъ, совершено ли убійство на кирпичномъ заводѣ, принадлежавшемъ еврею Зайцеву и обезкровлено ли было при этомъ тѣло; но хотя „Новое Время“ въ первый моментъ придавало этому отвѣту большое значеніе, оно само черезъ два дня, въ статьѣ Меньшикова заявило „Россія понесла пораженіе“ . . . Торжество лѣвой печати по поводу провала этого процесса понятно. Но самая возможность подобнаго исхода, прежде всего, является высшимъ свидѣтельствомъ свободы и независимости русскаго суда присяжныхъ и опровергаетъ толки о давленіи власти на судъ.

Несмотря на то, что войну за турецкое наслѣдство удалось ликвидировать безъ общеевропейскаго конфликта, напряженіе въ международной обстановкѣ не проходило. Весною 1913 г. въ германскій рейхстагъ были внесены огромные военные кредиты (на милліардъ марокъ); тогда же и Франція возстановила трехлѣтній срокъ военной службы, что означало увеличеніе состава арміи мирнаго времени почти въ полтора раза.

Германскій канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ мотивировалъ въ рейхстагѣ необходимость новыхъ кредитовъ нѣсколько неожиданными соображеніями: „Набѣгаетъ славянская волна“, говорилъ онъ, ссылаясь на успѣхъ балканскихъ славянъ. Казалось бы, эти малыя государства не могли угрожать Германіи. Но канцлеръ только повторилъ мысль, которую въ болѣе рѣзкой формѣ съ 1913 г. выражалъ не разъ въ своихъ помѣткахъ на донесеніяхъ дипломатовъ германскій Императоръ. Еще осенью 1912 г. онъ относился, скорѣе, благожелательно къ побѣдамъ Балканскаго союза надъ Турціей; теперь ему начала представляться неибѣжной „борьба славянъ и германцевъ“.

Совершенно иначе былъ настроенъ Государь. Въ маѣ 1913 г. Онъ прибылъ на свадьбу дочери императора Вильгельма II-го съ принцемъ Кумберлэндскимъ, имѣя намѣреніе при этомъ свиданіи договориться о прочномъ улучшеніи русско-германскихъ отношеній. *) Государь заявилъ, что со своей стороны удовлетворяется существующимъ положеніемъ на Балканахъ и готовъ отказаться отъ старыхъ русскихъ притязаній на Константинополь и проливы, оставивъ Турцію въ роли „привратника“,—если и Германія со своей стороны удержитъ Австрію отъ политики захватовъ, дабы балканскія государства могли сами устроить свои судьбы. Это была послѣдняя встрѣча Государя съ Виль-

*) Въ своихъ мемуарахъ бар. М. А. Таубе приводитъ отрывки изъ неопубликованныхъ писемъ Государя къ кн. В. П. Мещерскому, раздѣлявшему мнѣніе о необходимости улучшить отношенія между Россіей и Германіей, во избѣжаніе великихъ катастрофъ.

гельмомъ II. Она прошла въ дружескихъ тонахъ, но не привела къ прочному улучшенію отношеній. Вильгельмъ II все болѣе проникался фаталистическимъ представленіемъ о неизбѣжности войны.

Новыя свѣдѣнія о перемѣнѣ, происшедшей въ германскомъ императорѣ, дошли до Государя послѣ поѣздки В. Н. Коковцова за границу въ ноябрѣ 1913 г. Вильгельмъ II принялъ русскаго премьера весьма привѣтливо, но въ бесѣдѣ съ директоромъ Кредитной Канцеляріи Л. Ф. Давыдовымъ онъ жаловался на тонъ русской печати и говорилъ, что это ведетъ къ катастрофѣ, что онъ видитъ „надвигающійся конфликтъ двухъ расъ: романо-славянской и германской", что война „можетъ сдѣлаться просто неизбѣжной", и тогда „совершенно безразлично, кто начнетъ ее".

В. Н. Коковцовъ, вернувшись въ Россію, представилъ Государю въ Ливадіи (въ серединѣ ноября) докладъ о своей поѣздкѣ, въ томъ числѣ о бесѣдахъ съ германскимъ императоромъ. Государь долго молчалъ, „Онъ смотрѣлъ въ окно,—(пишетъ В. Н. Коковцовъ въ своихъ мемуарахъ),—въ безбрежную морскую даль, и, наконецъ, точно очнувшись отъ забытья, сказалъ: „На все—воля Божія!" Государь з н а л ъ, что О н ъ войны не вызоветъ, но сознавалъ въ то же время, что не отъ Него одного зависитъ, удастся ли ее избѣжать.

Слѣдуетъ отмѣтить, что въ то же самое время и германское правительство на одномъ случаѣ проявило готовность считаться съ желаніями Россіи. Осенью 1913 г., командующимъ турецкими войсками въ Константинополѣ былъ назначенъ германскій генералъ Лиманъ ф. Сандерсъ. Нѣмецкіе офицеры и раньше были инструкторами въ турецкой арміи, но тутъ рѣчь шла о командной должности, при томъ въ районѣ проливовъ. Русская печать стала рѣзко протестовать. В. Н. Коковцовъ, во время своего пребыванія въ Берлинѣ, указалъ, что назначеніе Лиманъ фонъ Сандерса представляется Россіи непріемлемымъ. Вильгельмъ II возмущался, но, въ концѣ концовъ, уступилъ. Такъ какъ назначеніе у ж е состоялось, его отмѣнили своеобразнымъ образомъ: германскій императоръ произвелъ Лиманъ фонъ Сандерса въ чинъ генерала отъ кавалеріи, турецкій султанъ пожаловалъ ему званіе маршала; послѣ этого онъ сдѣлался слишкомъ высокимъ лицомъ, чтобы занимать должность простого корпусного командира, и уступилъ мѣсто турецкому генералу.

Государь былъ очень этимъ доволенъ. „У меня теперь для Германіи только привѣтливыя улыбки", сказалъ Онъ полушутливо германскому послу Пурталесу на одномъ обѣдѣ (14.1.1914). Но германскій императоръ на докладѣ посла по этому поводу сдѣлалъ сердитую помѣтку: „Этого уже достаточно! Только это мы отъ него всегда и видѣли!"

За зиму 1913—14 г., внѣшне спокойную въ международной политикѣ, на политическихъ верхахъ во всѣхъ государствахъ происходилъ своеобразный психологическій процессъ. Только очень немногіе открыто и сознательно желали войны; это были, главнымъ образомъ военные, изъ которыхъ, кажется, только австрійскій фельдмаршал Конрадъ фонъ Гетцендорфъ рѣшился это высказать въ письменно

формѣ. Но очень многіе, если не большинство, отвѣтственныхъ дѣятелей постепенно переходили отъ учитыванія возможности войны—къ фаталистическому убѣжденію въ ея неибѣжности, и на этомъ основаніи начали строить свои дальнѣйшія предположенія и планы.

Только сравнительно немногіе сохраняли вѣру въ то, что войны можно избѣжать, если проникнуться твердымъ желаніемъ ее не допускать. Къ ихъ числу принадлежалъ Императоръ Николай II. Его точку зрѣнія вполнѣ раздѣлялъ и предсѣдатель Совѣта Министровъ В. Н. Коковцовъ. Однако, другіе члены русскаго правительства все болѣе проникались фаталистическимъ взглядомъ на войну. Военный министръ Сухомлиновъ, отличавшійся оптимизмомъ, порою нѣсколько легкомысленнымъ, министръ земледѣлія Кривошеинъ, а со второй половины 1913 г. и министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ—всѣ они исходили въ своихъ сужденіяхъ изъ того, что войны, все равно, едва ли избѣжать.

На секретномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ В. Н. Коковцова въ самомъ концѣ 1913 г., при участіи Сазонова, Сухомлинова, морского министра адм. Григоровича и начальника главнаго штаба ген. Жилинскаго, обсуждались возможности на случай войны, причемъ было признано, что Россія можетъ расчитывать на успѣхъ только, если поддержка Англіи и Франціи будетъ обезпечена; но изъ участниковъ совѣщанія одинъ В. Н. Коковцовъ подчеркнулъ, что война вообще была бы величайшимъ бѣдствіемъ для Россіи.

Быстрый экономическій ростъ Россіи, столь явный, что его не могъ никто отрицать, привлекалъ вниманіе критики къ отдѣльнымъ отрицательнымъ сторонамъ хозяйственнаго быта. Налоги давали съ каждымъ годомъ все больше — безъ повышенія ставокъ. Несмотря на растущіе военные расходы и ежегодное повышеніе кредитовъ на нужды образованія, дефицитовъ по бюджету не бывало. Но огромная часть государственнаго дохода поступала отъ винной монополіи. (По смѣтѣ на 1914 г.—почти милліардъ на общую сумму въ три съ половиной милліарда). Появленіе въ деревнѣ свободныхъ средствъ вызывало увеличеніе пьянства; потребленіе водки съ 1911 по 1913 г.г. увеличилось на 16 милл. ведеръ (на 17 проц. за два года). Газеты были полны обличеніями „хулиганства" въ деревняхъ и городахъ.

Въ народѣ появились, въ видѣ отпора, трезвенническія секты, получившія широкое распространеніе. Источникомъ зла объявили казенную винную лавку. Хотя частные кабаки ничуть не меньше, а скорѣе больше, способствовали распространенію пьянства, хотя во всѣхъ странахъ существовали съ незапамятныхъ временъ налоги на напитки —въ широкой народной и обывательской средѣ большое впечатлѣніе производили рѣчи о „пьяномъ бюджетѣ", о томъ, что „казна спаиваетъ народъ". Государь болѣзненно воспринималъ этотъ народный укоръ государству, выразившійся въ трезвенническомъ движеніи. Онъ ощущалъ извѣстную моральную обоснованность этого укора.

На трезвенниковъ обратили вниманіе и политическія партіи. Союзъ 17 октября устроилъ нѣсколько большихъ собраній, посвящен-

ныхъ этому движенію. На одномъ изъ нихъ (14.V.1913) проф. И. М. Громогласовъ и извѣстный членъ 3-ей Думы П. В. Каменскій выражали сожалѣніе о томъ, что сейчасъ у власти не Столыпинъ, „чуткій ко всякимъ подобнымъ народнымъ движеніямъ". Насколько извѣстно, и Распутинъ, на личномъ опытѣ хорошо знакомый съ „соблазнами вина", не разъ говорилъ, что „нехорошо спаивать народъ".

Еще 3-я Дума, по иниціативѣ фанатика-трезвенника, самарскаго милліонера „изъ народа" Челышева, приняла проектъ усиленія мѣръ борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Основной чертой этого проекта было предоставленіе городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ права запрещать открытіе и требовать закрытія винныхъ лавокъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Этотъ проектъ дошелъ до Гос. Совѣта только зимой 1913 — 1914 г. и вызвалъ бурныя пренія.

В. Н. Коковцовъ мало вѣрилъ въ дѣйствительность запретительныхъ мѣръ противъ пьянства и заботился о томъ, чтобы эти мѣры не нанесли ущерба государственнымъ финансамъ. На этой почвѣ пришлось столкнуться въ Гос. Совѣтѣ съ коалиціей самыхъ разнообразныхъ элементовъ.

Государь все болѣе проникался убѣжденіемъ въ томъ, что пьянство—порокъ, разъѣдающій русское крестьянство, и что долгъ царской власти вступить въ борьбу съ этимъ порокомъ. Онъ въ то же время видѣлъ, что В. Н. Коковцовъ не вѣритъ въ возможность такой борьбы. Слухи о взглядахъ Государя проникли въ „сферы", и гр. Витте началъ выступать въ Гос. Совѣтѣ съ яростными обличеніями политики министерства финансовъ, которое, якобы, совершенно „извратило" винную монополію и довело народъ до такого состоянія, что приходится кричать „караулъ". Витте выступалъ чуть ли не въ каждомъ засѣданіи Гос. Совѣта, настаивая на „фиксаціи" дохода отъ продажи питей: казна должна была брать себѣ только опредѣленную сумму (напр., 600 милліоновъ), а остальное должно было итти на „мѣры борьбы съ пьянствомъ"—пропаганду, устройство народныхъ развлеченій, изготовленіе всяческихъ фруктовыхъ водъ и т.д. Предложеніе это было въ достаточной мѣрѣ нелѣпымъ, такъ какъ оно сокращало доходъ казны, ничуть не уменьшая пьянства.

Государь нѣкоторое время, видимо, колебался — Ему не хотѣлось разставаться съ В. Н. Коковцовымъ; Онъ высоко ставилъ его дѣятельность, глубоко уважалъ его спокойную твердость, вполнѣ раздѣлялъ его точку зрѣнія о повелительной необходимости сохранить миръ. Противъ В. Н. Коковцова велась кампанія съ разныхъ сторонъ: на него нападалъ въ „Гражданинѣ" кн. В. П. Мещерскій, съ нимъ часто расходились его коллеги по кабинету,—Сухомлиновъ, Маклаковъ, Кривошеинъ. Противъ него направлялись, по должности премьера, нападки А. И. Гучкова на „преемниковъ Столыпина". Но Государь не разъ въ свое царствованіе показалъ, что умѣетъ поддерживать своихъ министровъ въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ — пока Онъ самъ съ ними согласенъ. Есть, поэтому, всѣ основанія считать, что отставку В. Н. Коковцова вызвало, въ конечномъ счетѣ, убѣжденіе Госу-

даря въ невозможности приступить при немъ къ коренньмъ преобразованіямъ въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ.

Слухи о предстоящей отставкѣ Коковцова распространились въ серединѣ января 1914 г.; но еще 28 января Государь принималъ докладъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, долго говорилъ съ нимъ о текущей работѣ, а въ частности о пересмотрѣ торговаго договора съ Германіей. На слѣдующее утро В. Н. Коковцовъ получилъ съ курьеромъ собственноручное письмо отъ Государя.

Государь писалъ: „Не чувство непріязни, а давно и глубоко сознанная Мною государственная необходимость заставляетъ Меня высказать Вамъ, что Мнѣ нужно съ Вами разстаться. Дѣлаю это въ письменной формѣ потому, что, не волнуясь, какъ при разговорѣ, легче подыскать правильныя выраженія. Опытъ послѣднихъ 8-ми лѣтъ вполнѣ убѣдилъ Меня, что соединеніе въ одномъ лицѣ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ съ должностью Министра Финансовъ или Министра Внутреннихъ дѣлъ — неправильно и неудобно въ такой странѣ, какъ Россія. Кромѣ того, быстрый ходъ внутренней жизни и поразительный подъемъ экономическихъ силъ страны требуютъ принятія рѣшительныхъ и серьезнѣйшихъ мѣръ, съ чѣмъ можетъ справиться только свѣжій человѣкъ".

Государь далѣе указывалъ, что за послѣднее время не во всемъ одобрялъ дѣятельность финансоваго вѣдомства, но благодарилъ В. Н. Коковцова за „крупныя заслуги въ дѣлѣ замѣчательнаго усовершенствованія государственнаго кредита Россіи" и выражалъ сожалѣніе, что вынужденъ разстаться со своимъ долголѣтнимъ докладчикомъ.

Особымъ рескриптомъ, опубликованномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", В. Н. Коковцову была выражена благодарность за понесенные труды (при чемъ его отставка объяснялась „разстроеннымъ здоровьемъ"), и онъ былъ возведенъ въ графское достоинство. Принимая бывшаго министра, Государь не могъ сдержать слезъ: Ему было до боли жаль, что заслуженный сановникъ и уважаемый имъ человѣкъ испытываетъ чувство горечи и обиды. Онъ согласился по его просьбѣ, назначить въ Гос. Совѣтъ всѣхъ трёхъ товарищей министра финансовъ, подавшихъ въ отставку, вслѣдствіе увольненія В. Н. Коковцова, хотя Ему и не нравился такой демонстративный жестъ. Онъ предложилъ б. премьеру единовременную выдачу въ 300 тысячъ руб. на устройство личныхъ дѣлъ, но В. Н. Коковцовъ, со свойственной ему щепетильностью, просилъ Государя этого не дѣлать. Въ этомъ отношеніи онъ сильно отличался отъ гр. Витте, который въ то самое время, какъ писалъ свои мемуары, полные выпадовъ противъ Государя и В. Н. Коковцова, обратился черезъ того же В. Н. Коковцова къ Государю съ просьбой о пособіи въ 200 000 руб., которое и получилъ въ память прошлыхъ заслугъ (въ іюлѣ 1912 г.).

Преемникомъ В. Н. Коковцова былъ назначенъ И. Л. Горемыкинъ; говорили о возможности назначенія А. В. Кривошеина, но онъ какъ разъ въ это время былъ тяжело боленъ и выѣхалъ лѣчиться заграницу. И. Л. Горемыкина Государь особо цѣнилъ за исключитель-

ную лойяльность, за умѣніе подчиняться указаніямъ монарха и выполнять ихъ, не отклоняясь отъ заданія. Самъ новый премьеръ въ шутку сравнивалъ себя со „старой шубой, вынутой изъ нафталина“, и эта острота подошла къ общему мнѣнію; но на самомъ дѣлѣ, И. Л. Горемыкинъ, которому къ тому времени было 74 года, обладалъ живымъ и острымъ умомъ.

Причины перемѣны во главѣ правительства были изложены въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя П. Л. Барка, назначеннаго управляющимъ министерствомъ финансовъ: Государь указалъ, что при своей поѣздкѣ по великорусскимъ губерніямъ, Онъ видѣлъ „свѣтлыя проявленія даровитаго творчества и трудовой мощи; но рядомъ съ этимъ съ глубокой скорбью приходилось Мнѣ видѣть печальныя картины народной немощи, семейной нищеты и заброшенныхъ хозяйствъ — неизбѣжныя послѣдствія нетрезвой жизни и, подчасъ, — народнаго труда, лишеннаго въ тяжелую минуту нужды денежной поддержки путемъ правильно поставленнаго и доступнаго кредита. Съ тѣхъ поръ, постоянно обдумывая и провѣряя полученныя Мною впечатлѣнія, Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что на Мнѣ лежитъ передъ Богомъ и Россіей обязанность безотлагательно ввести въ завѣдываніе государственными финансами коренныя преобразованія во благо Моего возлюбленнаго народа. Нельзя ставить въ зависимость благосостояніе казны отъ разоренія духовныхъ и хозяйственныхъ силъ множества Моихъ вѣрноподданныхъ“.

Эти слова указывали на предстоящія широкія реформы, направленныя на борьбу съ алкоголизмомъ, и до того времени еще не испробованныя ни въ одной большой странѣ.

29 января 1914 г., когда вѣсть объ отставкѣ В. Н. Коковцова, еще не опубликованная, была получена въ Гос. Совѣтѣ, она вызвала большое волненіе; и, быть можетъ, поэтому Предсѣдатель М. Г. Акимовъ не остановилъ оратора, который произнесъ рѣчь самаго общаго содержанія, хотя на повѣсткѣ стоялъ только вопросъ о борьбѣ съ пьянствомъ. Этотъ ораторъ, посланникъ въ Токіо бар. Р. Р. Розенъ, говорилъ: „Я никоимъ образомъ не раздѣляю ни самодовольнаго равнодушія, ни благодушнаго оптимизма относительно положенія дѣла, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Этотъ оптимизмъ я не раздѣляю потому, что твердо вѣрую въ причинную связь и неумолимую логику событія“. „Вамъ, господа, извѣстно, что уже два десятилѣтія Европа живетъ подъ режимомъ двухъ союзовъ, въ которые двѣ непримиримо враждебныхъ державы сумѣли втянуть остальныя большія державы... Единственный выходъ — либо въ устраненіи этого коренного антагонизма, интересамъ Россіи совершенно чуждаго, либо въ вооруженномъ столкновеніи, отъ котораго Россіи, всегда вѣрной принятымъ на себя обязательствамъ, отклониться будетъ невозможно ... Никому на дано предрѣшать будущаго, но такія чрезвычайныя мѣры, какъ миллиардный налогъ на вооруженіе, свидѣтельствуютъ о томъ, что наступленіе кризиса является уже не столь далекимъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ

одномъ можно быть увѣреннымъ: этотъ часъ наступитъ тогда, когда мы всего меньше его будемъ ожидать“.

Перейдя къ внутренней политикѣ, баронъ Розенъ сказалъ: „Русскій народъ еще свято хранитъ культъ Царя и Царской власти; только въ этомъ, какъ учитъ исторія, Россія всегда, въ концѣ концовъ, находила свое спасеніе. Но разладъ между правительствомъ и обществомъ обостряется все болѣе . . . Господа, я думаю, едва ли найдется въ Россіи мыслящій человѣкъ, который не чувствовалъ бы инстинктивно, что мы, выражаясь языкомъ моряковъ, дрейфимъ, относимся вѣтромъ и теченіемъ къ опасному берегу, о который нашъ государственный корабль рискуетъ разбиться, если мы не рѣшимся своевременно положить руль на бортъ и лечь на курсъ ясный и опредѣленный“.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Политическая неудовлетворенность и хозяйственный расцвѣтъ. Ростъ потребленія. Увеличеніе производства. Быстрое повышеніе уровня жизни. Блестящее состояніе финансовъ. Усиленіе арміи и флота. Отзывы иностранныхъ наблюдателей (Тэри, Берингъ).

Развитіе народнаго образованія. Программа всеобщаго обученія. Всероссійскій учительскій съѣздъ на Рождество 1913 г. 50-лѣтній юбилей земскихъ учрежденій. Быстрое распространеніе кооперации. Статьи кн. Е. Трубецкого, Щербины, Бунакова о подъемѣ русской деревни. Перемѣны въ настроеніи интеллигенціи; религіозныя и патріотическія настроенія; увлеченіе спортомъ. Оборотная сторона. Кризисъ въ церкви. Призывы къ хозяйственному творчеству. Литература, искусство, театръ. Упадокъ политической партійности. Значеніе Царской власти.

Развитіе Азіатской Россіи. Землеустройство на Алтаѣ. Переселеніе. Постройки желѣзныхъ дорогъ. Планъ Сибирской водной магистрали. Сношенія съ Сибирью черезъ Ледовитый океанъ. Орошеніе въ Туркестанѣ. Записка Дурново по внѣшней политикѣ (февраль 1914 г.); его предсказанія. Антирусскія теченія въ Германіи и антигерманскія — въ Россіи. Статья „Кельнише Цейтунгъ" и „Биржевыхъ Вѣдомостей" («Россія готова»).

Кабинетъ Горемыкина и Дума. Ростъ забастовочнаго движенія. Инцидентъ съ Малиновскимъ. Хроническій конфликтъ между обѣими палатами: поиски выхода.

Международная обстановка лѣтомъ 1914 г. Сараевское убійство. Пуанкарэ въ гостяхъ у Государя. Рабочіе безпорядки въ Петербургѣ.

„Чтобы сказать, что 1914 г. не сулитъ ничего крупнаго въ нашей общественно-политической жизни, не нужно быть пророкомъ", писалъ въ новогоднемъ обзорѣ „Вѣстника Европы", извѣстный либеральный политическій дѣятель, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Въ настроеніяхъ русскаго общества, дѣйствительно, не замѣчалось какихъ-либо замѣтныхъ во внѣ перемѣнъ. Россія, по мѣткому слову Столыпина, была попрежнему „недовольна собой". Въ земско-городской средѣ, преобладавшей и въ Гос. Думѣ, снова проявились оппозиціонныя теченія. Распространялись слухи о предстоящемъ ограниченіи правъ народнаго

представительства; рѣзко критиковалась дѣятельность отдѣльныхъ министровъ, особенно Н. А. Маклакова, И. Г. Щегловитова, Л. А. Кассо и В. К. Саблера. Разбродъ царилъ въ правыхъ кругахъ, гдѣ отдѣльныя организаціи — вродѣ союза Михаила Архангела, съ В. М. Пуришкевичемъ во главѣ, больше занимались сведеніемъ счетовъ съ другими правыми, чѣмъ „борьбой съ революціей". На внутренне-политической жизни былъ налетъ какой-то сѣрости, неопредѣленности, глухой фронды, безъ опредѣленныхъ лозунговъ и цѣлей.

Л. Тихомровъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (1.I.1914): „Въ современныхъ настроеніяхъ замѣтна самая тревожная вялость. Можетъ быть, мы живемъ спокойно. Но это — спокойствіе безжизненности. Мы не только не видимъ порывовъ къ чему-нибудь великому, идеальному, всенародно-охватывающему, но даже сама вѣра въ реальность чего-либо подобнаго, какъ-будто, исчезла"...

Внутренне-политическое положеніе Россіи могло казаться неудовлетворительнымъ и даже напряженнымъ, — и въ то же время страна жила полной жизнью, очень мало соотвѣтствовавшей обличительнымъ рѣчамъ оппозиціонныхъ политиковъ. Въ бесѣдѣ съ редакторомъ „Берлинеръ Тагеблаттъ", Т. Вольфомъ, В. Н. Коковцовъ, во время своей поѣздки заграницу осенью 1913 г., сказалъ, отвѣчая на вопросы о недовольствѣ внутренней политикой: „Это, можетъ быть, вѣрно для большихъ городовъ, но на разстояніи ста километровъ отъ крупныхъ центровъ и тридцати километровъ отъ губернскихъ городовъ уже ничего не знаютъ объ этой политикѣ". Хотя русская печать иронизировала по поводу этихъ словъ, — они были весьма близки къ истинѣ.

На двадцатомъ году царствованія Императора Николая II, Россія достигла еще невиданнаго въ ней уровня матеріальнаго преуспѣянія. Прошло еще только пять лѣтъ со словъ Столыпина: „Дайте намъ двадцать лѣтъ мира, внутренняго и внѣшняго, и вы не узнаете нынѣшней Россіи" — а перемѣна уже начинала сказываться. Послѣ обильныхъ урожаевъ 1912 и 1913 г.г., періодъ съ лѣта 1912 по лѣто 1914 г. явился, поистинѣ, высшей точкой расцвѣта русскаго хозяйства.

За двадцать лѣтъ, населеніе Имперіи возросло на пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ — на сорокъ процентовъ; естественный приростъ населенія превысилъ три милліона въ годъ.

Наряду съ естественнымъ приростомъ, равно свидѣтельствующимъ о жизненной силѣ націи и о наличіи условій, дающихъ возможность прокормить возрастающее число жителей, замѣтно повысился общій уровень благосостоянія. Количество товаровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, потребляемыхъ русскимъ внутреннимъ рынкомъ, болѣе чѣмъ удвоилось за двадцать лѣтъ. Такъ, напр., потребленіе сахара съ 25 милл. пудовъ въ годъ (8 фунтовъ на душу 1894 г.) превысило 80 милл. пудовъ (18 фунтовъ на душу) въ 1913 г. Хотя въ 1911-12 г.г. былъ неурожай свекловицы, и цѣна значительно поднялась, — это не вызвало уменьшеніе спроса: сахаръ сталъ предметомъ необходимости широкихъ

массъ. О повышеніи уровня благосостоянія свидѣтельствовали: неуклонный ростъ дохода отъ винной монополіи (вызвавшей такія нареканія съ моральной точки зрѣнія); удвоеніе производства пива и увеличеніе спроса на вино. Увеличилось и потребленіе чая (75 милл. килогр. въ 1913 г.; 40 милл. въ 1890 г.).

Благодаря росту сельскохозяйственнаго производства, развитію путей сообщенія, цѣлесообразной постановкѣ продовольственной помощи, „голодные годы“ въ началѣ XX вѣка уже отошли въ прошлое. Неурожай болѣе не означалъ голода; недородъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ покрывался производствомъ другихъ районовъ.

Урожай хлѣбныхъ злаковъ (ржи, пшеницы и ячменя), достигавшій въ началѣ царствованія, въ среднемъ, немногимъ болѣе двухъ милліардовъ пудовъ, превысилъ въ 1913-1914 г.г. четыре милліарда. Составъ хлѣбнаго производства нѣсколько видоизмѣнился: болѣе чѣмъ удвоились урожаи пшеницы и ячменя (пшеница по количеству приближалась къ ржи, тогда какъ ранѣе одна рожь составляла болѣе половины урожая). Если принять во вниманіе ростъ вывоза (заграницу уходило около четверти русскихъ хлѣбовъ) и увеличеніе численности населенія, все же количество хлѣба, приходящагося на душу населенія, безспорно возросло. Въ городахъ бѣлый хлѣбъ сталъ соперничать съ чернымъ.

Удвоилось количество мануфактуры, приходящейся на голову населенія: несмотря на то, что производство русской текстильной промышленности увеличилось процентовъ на сто, ввозъ тканей изъ заграницы также увеличился въ нѣсколько разъ. Вклады въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ возросли съ трехсотъ милліоновъ въ 1894 г. до двухъ милліардовъ рублей въ 1913 г. Количество почтовыхъ отправленій увеличилось съ четырехсотъ милліоновъ до двухъ милліардовъ, число телеграммъ съ шестидесяти до двухсотъ милліоновъ въ годъ.*)

Одновременно съ расцвѣтомъ сельскаго хозяйства, продолжался и ростъ промышленнаго производства, не отставая по интенсивности отъ роста первой половины царствованія. Нѣкоторое замедленіе развитія, обозначившееся въ первые годы XX вѣка, съ 1909 г. замѣнилось новымъ ускореннымъ ростомъ. Добыча каменнаго угля увеличивалась непрерывно. Донецкій бассейнъ, дававшій въ 1894 г. меньше 300 милл. пудовъ, въ 1913 г. давалъ уже свыше полутора милліарда. За послѣдніе годы началась разработка новыхъ мощныхъ залежей Кузнецкаго бассейна въ Западной Сибири. Добыча угля по всей Имперіи за двадцать лѣтъ возросла болѣе, чѣмъ вчетверо.

Добыча нефти въ старомъ Бакинскомъ районѣ послѣ пожаровъ 1905 г. болѣе не достигла прежняго уровня, но новые нефтяные пріиски, какъ на томъ же Апшеронскомъ полуостровѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ (Грозный, Эмба), почти уравновѣсили этотъ ущербъ, и въ 1913 г. добыча нефти снова приблизилась къ 600 милл. пудовъ въ годъ (на двѣ трети больше, чѣмъ въ началѣ царствованія).

---

*) Въ 1890 г. почтовыхъ отправленій — 384 127 000; телеграммъ — 57 046 000; въ 1910 г. — 2 056 085 000 и 195 457 000.

Спросъ на топливо, въ связи съ ростомъ обрабатывающей промышленности, неизмѣнно возрасталъ. Наряду съ углемъ, нефтью и съ самымъ старымъ видомъ топлива — дровами, сохранявшими еще преобладаніе на сѣверѣ и сѣверо востокѣ Россіи, — разрабатывались также торфяные залежи, производились изысканія о горючихъ сланцахъ.

Съ открытіемъ изобильныхъ залежей желѣзной руды въ Кривомъ Рогѣ (югъ Россіи), марганцевой руды въ Никополѣ и Чіатурахъ (Закавказье), въ Россіи быстро вырастала металлургическая промышленность. Выплавка чугуна увеличилась за двадцать лѣтъ почти вчетверо; выплавка мѣди—впятеро; добыча марганцевой руды (шедшей въ большихъ количествахъ заграницу) — также въ пять разъ.

Если нѣкоторые виды машинъ, особенно фабрично-заводское оборудованіе, ввозилось еще изъ заграницы (гл. обр., изъ Германіи), то паровозы, вагоны, рельсы производились преимущественно на русскихъ заводахъ. Но и въ области машиностроенія за самые послѣдніе годы проявился быстрый ростъ: основной капиталъ главныхъ русскихъ машинныхъ заводовъ за три года (1911-1914) возросъ со 120 до 220 милл. руб.

Текстильная промышленность развивалась быстро, — еле поспѣвая за еще болѣе растущимъ спросомъ. Производство хлопчатобумажныхъ тканей съ 10,5 милл. пудовъ въ 1894 г. удвоилось къ 1911 г. и продолжало возрастать далѣе. Съ быстрымъ развитіемъ хлопководства въ Туркестанѣ, Россія становилась все менѣе зависимой отъ привозного хлопка; уже въ 1913 г. туркестанскій хлопокъ покрывалъ половину потребности русскихъ мануфактуръ: съ начала царствованія сборъ туркестанскаго хлопка увеличился въ шесть разъ. Льняная, шерстобитная и шелковая промышленность увеличили свой оборотъ на 75-80 процентовъ. Общее число рабочихъ, занятыхъ въ текстильной промышленности, съ полумилліона дошло до милліона. Вообще же число рабочихъ за двадцать лѣтъ съ двухъ милліоновъ приблизилось къ пяти*).

Подъемъ русскаго хозяйства былъ стихійнымъ и всестороннимъ. Ростъ сельскаго хозяйства — огромнаго внутренняго рынка — былъ во второе десятилѣтіе царствованія настолько могучимъ, что на русской промышленности совершенно не отразился промышленный кризисъ 1911-12 г.г., больно поразившій Европу и Америку: ростъ неуклонно продолжался. Не пріостановилъ поступательнаго развитія русскаго хозяйства и неурожай 1911 г.

Спросъ деревни на сельско-хозяйственныя машины, мануфактуру, утварь, предметы крашенія создавалъ соревнованіе между русской и

*) Включая военные и морскіе заводы и желѣзныя дороги. Средній заработокъ рабочихъ, въ 1912 г. по даннымъ фабричной инспекціи, составлялъ 255 р. въ годъ — отъ 447 р. (рабочіе электр. станцій) и 425 р. (машиностроительные заводы) до 180 р. (обработки льна, пеньки) и 156 р. (обработка пищевыхъ продуктовъ). Въ 1901 г. средній заработокъ былъ 201 р. Поденная плата чернорабочихъ (по оффиц. расчету страховыхъ присутствій для исчисленія пенсій при несчастныхъ случаяхъ), составлялъ въ 1913-14 г.г. отъ 1 р. 20 (Одесса) и 1.10 (С. Петербургъ) до 60 к. (Казанская, часть Саратовской губ.) и 54 к. (Тамбовская губ.) въ день.

иностранной, гл. обр., нѣмецкой промышленностью, которая выбрасывала на русскій рынокъ растущее количество дешевыхъ товаровъ. Иностранный дешевый товаръ достигалъ русской деревни и способствовалъ быстрому повышенію хозяйственнаго и бытового уровня.

Этотъ стихійный ростъ отражался и на доходѣ казны. Съ 1200 милл. въ началѣ царствованія бюджетъ достигъ 3,5 милліардовъ*). Изъ этой суммы болѣе половины приходилось на доходы отъ винной монополіи и отъ желѣзныхъ дорогъ. Годъ за годомъ сумма поступленій превышала смѣтныя исчисленія; государство все время располагало свободной наличностью. За десять лѣтъ (1904-1913) превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами составило свыше двухъ милліардовъ рублей. Золотой запасъ Гос. Банка съ 648 милл. (1894 г.) возросъ до 1604 милл. (1914 г.).

Бюджетъ возрасталъ безъ введенія новыхъ налоговъ, безъ повышенія старыхъ, отражая стихійный ростъ народнаго хозяйства. Увеличеніе оборота желѣзныхъ дорогъ, спроса на спиртные напитки, на сахаръ, на табакъ, ростъ поступленій отъ промысловаго налога, отъ таможенныхъ пошлинъ, — все это не означало увеличеніе налоговаго бремени, т.к. общій народный доходъ возросъ въ гораздо большей пропорціи, нежели бюджетъ.

Протяженіе желѣзныхъ дорогъ, какъ и телеграфныхъ проводовъ, болѣе чѣмъ удвоилось. Удвоился и рѣчной флотъ — самый крупный въ мірѣ.**)

Русская армія возросла приблизительно въ той же пропорціи, какъ и населеніе: къ 1914 году она насчитывала 37 корпусовъ (не считая казаковъ и нерегулярныхъ частей), съ составомъ мирнаго времени свыше 1 300 000 человѣкъ. Послѣ японской войны армія была основательно реорганизована.

Начальникъ германскаго главнаго штаба, ген. ф. Мольтке, въ докладѣ на имя статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ ф. Ягова, писалъ (24. II. 1914), такъ оцѣнивая результаты реформъ, проведенныхъ въ русской арміи за періодъ 1907-1913 г.г.: „боевая готовность Россіи со времени русско-японской войны сдѣлала совершенно исключительные успѣхи и находится нынѣ на никогда еще не достигавшейся высотѣ. Слѣдуетъ въ особенности отмѣтить, что она нѣкоторыми чертами превосходитъ боевую готовность другихъ державъ, включая Германію: а именно, устраненіемъ зимняго періода военной слабости вслѣдствіе задержанія призывныхъ подъ знаменами впредь до окончанія подготовки рекрутовъ; частыми провѣрками всего мобилизаціоннаго аппарата путемъ пробныхъ мобилизацій; возможностью необыкновеннаго ускоренія мобилизаціи при помощи періода подготовки къ войнѣ“.

---

*) Земскія и городскія смѣты увеличились значительно сильнѣе, чѣмъ государственныя: съ 60 до 300 милл. для земства, съ 60 до 300 милл. для городовъ.

**) Жел. дор. на 1. I. 1912 г.; 63972 в.; на 1. I. 1915 г.: 66165 в. (съ Восточно-Китайской, но безъ Финляндскихъ ж.д.). Въ 1894 г. было 32000 в. Телеграфныхъ проводовъ (въ 1910) 660000 в. (313000 в. въ 1895 г.). Пароходовъ въ 1895 г. было 2539, въ 1906 г. — 4317.

Генералъ ф. Мольтке также подчеркивалъ, что, благодаря переводу нѣсколькихъ корпусовъ изъ западной пограничной области вглубь страны (мѣра эта вызвала, какъ извѣстно, нѣкоторую тревогу во Франціи въ 1910 г.), Россія получила большую свободу развертыванія: „Въ то время, какъ раньше боевыя силы, предназначенныя противъ Австріи и противъ Германіи, были зафиксированы заранѣе, и перемѣщеніе центра тяжести въ ту или другую сторону было сопряжено съ большими трудностями, теперь образована центральная армія изъ войскъ Московскаго и Казанскаго округовъ, которая можетъ быть двинута, куда потребуется".

Русскій флотъ, такъ жестоко пострадавшій въ японскую войну, возродился къ новой жизни, и въ этомъ была огромная личная заслуга Государя, дважды преодолѣвшаго упорное сопротивленіе думскихъ круговъ. Четыре дредноута были почти готовы въ Балтійскомъ морѣ; четыре сверхъ-дредноута строились въ петербургскихъ верфяхъ.*) Въ Черномъ морѣ строились три дредноута, изъ нихъ первый близился уже къ окончанію.**) Изъ судовъ стараго типа имѣлось въ Балтійскомъ морѣ восемь броненосцевъ и бронированныхъ крейсеровъ, въ Черномъ морѣ — семь броненосцевъ. Строились также легкіе крейсера, миноносцы, подводныя лодки. За исключеніемъ нѣсколькихъ малыхъ судовъ, весь новый русскій флотъ строился на русскихъ верфяхъ (въ С.-Петербургѣ и въ Николаевѣ).

Происходящую въ Россіи перемѣну отмѣчали иностранцы. Въ концѣ 1913 г. редакторъ «Economiste Europien», Эдмонъ Тэри, произвелъ по порученію двухъ французскихъ министровъ обслѣдованіе русскаго хозяйства. Отмѣчая поразительные успѣхи во всѣхъ областяхъ, Тэри заключалъ: „Если дѣла европейскихъ націй будутъ съ 1912 по 1950 г. итти также, какъ они шли съ 1900 по 1912 г., Россія къ серединѣ текущаго вѣка будетъ господствовать надъ Европой, какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ и финансовомъ отношеніи.***)

Изслѣдователи аграрной реформы — датчанинъ Витъ-Кнудсенъ (въ 1913 г.) и нѣмецъ Прейеръ (въ мартѣ 1914 г.) отмѣчали успѣхи закона 9 ноября: „переворота, не отстающаго по своему значенію отъ освобожденія крестьянъ". „Это было смѣлое начинаніе, своего рода скачекъ въ неизвѣстность" — писалъ Прейеръ: „Это былъ отказъ отъ

---

*) Дредноуты «Гангутъ», «Петропавловскъ», «Полтава», «Севастополь», строющіеся крейсера-дредноуты «Бородино», «Измаилъ», «Кинбурнъ». «Наваринъ». Ко времени ихъ окончанія (около 1917 г.), русскій флотъ съ 11 новѣйшими линейными кораблями долженъ былъ снова достигнуть четвертаго мѣста въ ряду міровыхъ флотовъ (послѣ Англіи, Германіи и Соед. Штатовъ). Японія къ тому времени должна была имѣть 10 дредноутовъ.

**) «Императрица Марія», «Императоръ Александръ III», «Императрица Екатерина II».

***) Edmond Théry. La Transformation économique de la Russie. Парижъ 1914 г. Предисловіе, изъ котораго взяты вышеприведенныя строки, помѣчено январемъ 1914 г.

старой основы, съ замѣной чѣмъ-то неиспытаннымъ, неяснымъ. Столыпинъ взялся съ рѣшимостью и отвагой за эту великую задачу, и рзультаты показали, что онъ былъ правъ".*)

Морисъ Бэрингъ, извѣстный англійскій писатель, проведшій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и хорошо ее знавшій, писалъ въ своей книгѣ: „Основы Россіи" (весной 1914 г.): „Не было, пожалуй, еще никогда такого періода, когда Россія болѣе процвѣтала бы матеріально, чѣмъ въ настоящій моментъ, или когда огромное большинство народа имѣло, каз лось бы, меньше основаній для недовольства". Бэрингъ, наблюдавшій оппозиціонныя настроенія въ обществѣ, замѣчалъ: „У случайнаго наблюдателя могло бы явиться искушеніе воскликнуть: да чего же большаго еще можетъ желать русскій народъ?" Добросовѣстно изложивъ точку зрѣнія интеллигентскихъ круговъ, Бэрингъ отмѣчаетъ что недовольство распространено, гл. обр., въ высшихъ классахъ, тогда какъ „широкія массы, крестьянство, въ лучшемъ экономическомъ положеніи, чѣмъ когда либо . . . то, что вѣрно въ отношеніи крестьянъ, вѣрно въ извѣстной мѣрѣ въ отношеніи остальныхъ слоевъ населенія. Оно въ настоящій моментъ процвѣтаетъ, и причины его недовольства не настолько остры и сильны, не настолько обильны, чтобы температура этого недовольства поднялась до точки кипѣнія".

О матеріальной сторонѣ говорили больше всего, т. к. она рѣзче бросалась въ глаза. Но, быть можетъ, еще существеннѣе былъ сдвигъ, происшедшій въ области народнаго образованія.

„Снова болѣе и болѣе выпукло выступаетъ одна знаменательная черта" — писалъ въ „Вѣстникѣ Европы" (1913. XI.) б. лидеръ фракціи трудовиковъ въ I-ой Думѣ, И. Жилкинъ, — „стихійно растетъ дѣло народнаго образованія. Неслышно, почти неуслѣдимо (гл. обр., потому, что на поверхности громыхаютъ событія, сегодня волнующія насъ досадой, раздраженіемъ, ожиданіемъ, а завтра смѣняющіеся такими же скучными и дутыми явленіями и быстро забываемыя) совершается громадный фактъ: Россія изъ безграмотной становится грамотной . . . Вся почва громадной россійской равнины какъ бы разступилась и приняла въ себя сѣмена образованія — и сразу на всемъ пространствѣ зазеленѣла, зашелестѣла молодая поросль".

О ростѣ народнаго образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: къ 1914 г. расходы государства, земства и городовъ на народное образованіе составляли около 300 милл. рублей**) (въ началѣ царствованія — около 40 милл.). Докладчикъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія въ Гос. Думѣ, Е. П. Ковалевскій, указалъ (6. IV. 1914), что къ 1 января 1915 всеобщее обученіе будетъ достигнуто въ 51 уѣздѣ, къ 1920 г. — въ 218 уѣздахъ (всего въ Рос-

*) W. D. Preyer. Die russische Agrarreform. Jena1914.

**) Около 800 милл. зол. франковъ или 28 милл. англ. ф.; во Франціи въ томъ жэ году 347 милл. фр., въ Англіи — 18,5 милл. ф.

сіи было около 800 уѣздовъ). Число учащихся къ 1 января 1912 г. уже превышало 8 милл. (около 5 проц. населенія.*)

По даннымъ Е. П. Ковалевскаго**), число учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ достигало въ 1914 г. 80 000 человѣкъ (въ томъ числѣ 40 000 въ университетахъ); въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ было свыше 700 000 учащихся, въ ремесленныхъ и низшихъ техническихъ училищахъ — около 50 000. По настоянію III-ей Гос. Думы, былъ принятъ принципъ ежегоднаго увеличенія кредитовъ по народному образованію на 20 милл. (10 милл. на постройки новыхъ школъ, 10 милл. на ихъ содержаніе). Учительскихъ семинарій, готовившихъ преподавателей въ народныя школы, въ 1912 г. было уже 122, съ 20 000 учащихся.

Въ дѣлѣ народнаго образованія государственная власть, отрѣшившись отъ опасеній политическаго характера, оказала широкій „кредитъ" интеллигентскимъ кругамъ; сохраняя нѣкоторый надзоръ, стремясь не допускать открытой революціонной пропаганды въ школахъ, правительство въ то же время широко шло навстрѣчу почину Гос. Думы, земствъ и городовъ въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія.***)

На Рождествѣ 1913 г. въ С.Петербургѣ открылся первый всероссійскій учительскій съѣздъ. Оппозиціонныя газеты пророчили въ одинъ голосъ, что съѣздъ этотъ будетъ запрещенъ, что его закроютъ на первыхъ же шагахъ. Народные учителя считались съ давнихъ поръ элементомъ неблагонадежнымъ. Лѣвые круги недоумѣвали, какимъ образомъ, при министрѣ просвѣщенія Кассо и министрѣ внутреннихъ дѣлъ Маклаковѣ допускаются такія „скопища".

Число участниковъ съѣзда достигло семи тысячъ человѣкъ. Они засѣдали въ Народномъ Домѣ, самомъ большомъ театральномъ залѣ Петербурга. „На святкахъ Петербургъ былъ изумленъ невиданной и внушительной картиной: подлинная живая провинція нахлынула въ столицу", писалъ „Вѣстникъ Европы". „Значитъ, не аппатична и не мертвенна провинція, если съ такой отзывчивостью двинулись на съѣздъ учителя . . . Становится, наконецъ, и Россія на эту единственную вѣрную, единственно надежную дорогу культурнаго укрѣпленія страны", добавлялъ либеральный журналъ, напоминая извѣстныя слова о германскомъ школьномъ учителѣ, побѣдившемъ въ 1870 г.

Съѣздъ засѣдалъ десять дней; онъ раздѣлился на секціи; были прочитаны сотни докладовъ по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, связаннымъ съ педагогической дѣятельностью. Вынесено было около двухсотъ резолюцій. Руководители съѣзда старались тщательно избѣ-

---

*) Всего дѣтей школьнаго возраста (если исходить изъ четырехлѣтняго курса начальныхъ школъ) было въ 1912 г. около 14 милл.

**) „Лекціи о Россіи", гектограф. изданіе ген. Е. К. Миллера.

***) О числѣ книгъ и періодическихъ изданій въ Россіи за 1908 г. имѣются слѣдующія данныя: період. изданій было 2 028, въ томъ числѣ 440 ежедневныхъ. Книгъ и брошюръ (не считая отчетовъ о-въ и т. д.) издано 23 852 названія, 70 841 000 экземпляровъ, на сумму въ 25 милл. рубл. Болѣе дв хъ третей книгъ приходилось на большія издательства, изъ нихъ самое крупное — И. Д. Сытина (свыше 12 милл. книгъ, почти на три милл. рубл.)

гать политики, опасаясь закрытія. Но учительская масса, къ удивленію столичной печати, сама не проявила никакой склонности къ политическимъ выступленіямъ. Неумѣстной оказалась брошюра В. Пуришкевича „Школьная подготовка второй русской революціи“. К.-д. „Рѣчь“ почти съ разочарованіемъ замѣчала: „Вмѣсто закрытія съѣзда, къ нему проявили вниманіе, участіе и терпимость“, и добавляла: „Ужъ лучше бы, вмѣсто двухсотъ резолюцій — десять самыхъ главныхъ и внушительныхъ“ . . .

Оффиціальная газета „Россія“ (5. I. 1914.) такъ оцѣнивала съѣздъ: „Кружковщина напрягала всѣ усилія. Въ основной своей массѣ народные учителя пошли не за ней, а своей дорогой . . . Русская жизнь осложняется, требованія къ школѣ повышаются, видоизмѣняются и требованія къ учителямъ. Но, во всякомъ случаѣ, это не та дорога, на которую изо всѣхъ силъ тащатъ народнаго учителя дѣятели кружковщины“.

Одна только отрицательная черта обнаружилась на съѣздѣ: ростъ культурнаго сепаратизма среди не-русскихъ народностей. Въ секціи, обсуждавшей вопросы національныхъ школъ, раздавались рѣзкіе протесты противъ обрусительной политики, причемъ учителя—„украинцы“, татары, поляки и т. д. — вообще возражали противъ обязательности преподаванія русскаго языка и русской литературы. На эту сторону съѣзда обратили особое вниманіе, какъ недоброжелатели съѣзда справа, такъ и лѣвые, недовольные „отсутствіемъ политики“ въ остальныхъ секціяхъ. „Эти настроенія“, писала Е. Кускова въ „Современномъ Мірѣ“, „даютъ основанія ждать всякихъ случайностей во время великихъ народныхъ переживаній и потрясеній“.

Петербургскій съѣздъ былъ поучительнымъ опытомъ. Конечно, въ учительской массѣ преобладали соціалистическія воззрѣнія. Но реальная работа, въ рамкахъ существующаго строя, была возможной; она становилась все болѣе разнообразной и живой. На выборахъ учителя голосовали бы за партіи лѣвыя к.-д.; въ дѣловой работѣ они готовы были итти рука объ руку съ Н. А. Маклаковымъ и Л. А. Кассо. Въ заключительномъ засѣданіи съѣзда, какъ естественное окончаніе его работъ, была послана привѣтственная телеграмма Государю. За самыми малыми исключеніями, эта теоретически лѣвая масса оказывалась гораздо менѣе активно-оппозиціонной, чѣмъ думскіе прогрессисты, московскіе промышленники, или группа А. И. Гучкова, считавшіеся неизмѣримо „правѣе“.

Оплата народныхъ учителей была скромной; они получали меньше, чѣмъ рабочіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности. Однако, возникшая въ 1909 г. въ Москвѣ по частному почину (графини В. Н. Бобринской) организація учительскихъ экскурсій за границу за нѣсколько лѣтъ дала возможность многимъ тысячамъ русскихъ народныхъ учителей*) посѣтить, за самую скромную плату, Германію, Альпы, Италію, Францію и т. д. (Наибольшимъ успѣхомъ среди учителей

*) За первые три года, 1909—1911, было 4095 „экскурсантовъ“. Съ возрастающимъ успѣхомъ экскурсіи продолжались вплоть до лѣта 1914 г.

пользовался „итальянскій маршрутъ"). Русская власть содѣйствовала этимъ экскурсіямъ, освобождая отъ паспортныхъ сборовъ и предоставляя льготный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Въ январѣ 1914 г. русское земство праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей. Императорское правительство, несмотря на постоянное фрондированіе земцевъ, приняло самое близкое участіе въ этомъ чествованіи. Этимъ оно хотѣло подчеркнуть, что цѣнитъ полезную дѣятельность мѣстныхъ людей, проявлявшуюся въ улучшеніи условій хозяйственной жизни, въ прекрасной постановкѣ медицинской помощи, въ развитіи школьной сѣти и въ сооруженіи дорогъ.

Земскія торжества начались 7 января панихидой по Императорѣ Александрѣ II, отслуженной въ Петропавловскомъ соборѣ, и молебномъ, совершенномъ въ Казанскомъ соборѣ. Восьмого января, въ годовщину распубликованія Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ — Государю въ Зимнемъ дворцѣ представлялись земскіе дѣятели, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи. Предсѣдатель Московской губернской земской управы обратился къ Государю со слѣдующими словами: „Низко кланяемся Вамъ, Государь, просимъ принять нашу русскую хлѣбъ-соль и соизволить на приношеніе Наслѣднику Цесаревичу, надеждѣ вѣрноподданной Россіи, скромнаго дара, отражающаго поприща земской работы". Поднесенъ былъ при этомъ, „хуторокъ въ видѣ образцовой деревни", сдѣланный кустарями московскаго земства.

Государь, поблагодаривъ земцевъ, такъ закончилъ свое обращеніе къ нимъ: „Я выражаю твердую увѣренность, что всякая земская работа въ тѣсномъ единеніи съ Моимъ правительствомъ будетъ проникнута и воодушевлена безграничною заботою о безчисленныхъ мѣстныхъ нуждахъ населенія и о его благѣ. Разумное удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ является главнымъ залогомъ развитія и подъема благосостоянія всего государства. Духовному взору Моему ясно представляется спокойная, здоровая и сильная Россія, вѣрная своимъ историческимъ завѣтамъ, счастливая любовью своихъ благодарныхъ сыновъ и гордая беззавѣтной преданностью ихъ Нашему Престолу".

Девятаго января министромъ внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Маклаковымъ, устроенъ былъ раутъ, на которомъ присутствовали многочисленные земскіе дѣятели, не исключая и самыхъ либеральныхъ. 10 января Государь присутствовалъ на раутѣ въ дворянскомъ собраніи. Въ память юбилея былъ Высочайше установленъ особый нагрудный знакъ.

Фрондируя на мѣстахъ противъ губернаторовъ въ угоду лѣвымъ кругамъ, выносяя порою постановленія, явно не пріемлемыя для власти, тѣ же земцы проявляли въ столицѣ не рѣдко и настоящее государственное пониманіе и готовность работать въ положительномъ дѣлѣ рука объ руку съ консервативными министрами. Лучшимъ тому доказательствомъ была, напримѣръ, работа земцевъ въ созываемомъ періодически Совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, въ которомъ, со временъ П. А. Столыпина, разсматривались земцами и чинами министерства внутреннихъ дѣлъ подготовлявшіеся соотвѣтственными вѣдом-

ствами законопроекты, касавшіеся важнѣйшихъ сторонъ мѣстной жизни.

Празднованіе земскаго юбилея, подобно учительскому съѣзду, тоже было чрезвычайно характерно въ этомъ отношеніи.

Хозяйственная самодѣятельность широкихъ народныхъ массъ выразилась въ безпримѣрно быстромъ развитіи кооператіи. До 1897 г. въ Россіи было всего около сотни потребительскихъ обществъ съ небольшимъ числомъ участниковъ, и нѣсколько сотъ мелкихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Въ 1897 г. былъ изданъ нормальный уставъ потребительныхъ обществъ; для ихъ открытія было достаточно разрѣшенія мѣстныхъ властей. Въ томъ же году, были основаны первыя кредитныя товарищества при содѣйствіи государства или земства.

Уже къ 1904 г. было около тысячи потребительныхъ обществъ, около полутора тысячъ кооперативныхъ кредитныхъ учрежденій. Но настоящій расцвѣтъ кооперации начался уже послѣ 1906 г. Кооперація, какъ въ видѣ торговой организаціи, такъ и въ видѣ органовъ мелкаго кредита, изъ городовъ распространилась и въ деревни. Уже къ 1 января 1912 г. число потребительныхъ обществъ приближалось к семи тысячамъ, за пять лѣтъ увеличившись въ шесть разъ, причемъ сельскіе кооперативы составляли две трети общаго количества, а число ихъ возросло въ двѣнадцать разъ.

Отдѣльные кооперативы (напр., О-во Забайкальскихъ ж.-д. служащихъ) имѣли обороты по нѣсколько милліоновъ рублей. Московскій союзъ потребительныхъ о-въ къ 1914 г. объединялъ до 800 кооперативовъ, съ общимъ оборотомъ въ 10,5 милліоновъ рублей, и занималъ пятое мѣсто среди кооп ративныхъ объединеній Европы.

Кредитные кооперативы къ 1914 г. увеличили въ семь разъ свой основной капиталъ (противъ 1905 г.) и насчитывали до девяти милліоновъ членовъ. Въ маѣ 1912 г. открылся Московскій Народный Банкъ, акціонерами котораго на 85 проц. были кредитные кооперативы; кооперація получила новый толчокъ къ дальнѣйшему развитію.

Ростъ кооперации создавалъ спросъ на полуинтеллигентскій трудъ; создавался новый общественный слой, какъ и учительскіе круги, въ большинствѣ „народно-соціалистическій" по своимъ теоретическимъ взглядамъ; но теорія очень мало вліяла на ихъ практическую дѣятельность. Кооператоры, въ общемъ, чуждались „чистой политики". Въ ихъ средѣ создавалась даже особая идеологія, придававшая кооперации всеобъемлющее значеніе: она должна была преобразить экономическія отношенія, упразднить „эксплоатацію", основать народное хозяйство на общечеловѣческой солидарности.

Правительство не только не препятствовало развитію кооперации (какъ это, иногда, утверждали по поводу арестовъ отдѣльныхъ кооператоровъ, причастныхъ къ революціонной пропагандѣ), наоборотъ, только благодаря широкому финансовому содѣйствію государства, кредитная кооперація получила возможность такъ быстро развиваться. Ссуды Гос. Банка органамъ мелкаго кредита достигали сотенъ милліоновъ рублей. „Ни въ одной другой странѣ, за исключеніемъ, можетъ быть, Индіи, кредитная кооперація не пользовалась такой поддержкой

государства, какъ въ Россіи", писалъ впослѣдствіи извѣстный кооперативный дѣятель.*)

Россія становилась иной. Въ политическихъ рѣчахъ еще пестрѣли слова „реакція", „застой", „параличъ государственнаго организма". Но факты, противорѣчившіе этимъ фразамъ, становились слишкомъ краснорѣчивыми. Ихъ начинали замѣчать не одни иностранцы.

Въ концѣ 1913 г. въ „Русской Мысли" появилась статья кн. Е. Н. Трубецкого: „Новая Земская Россія". — „Два новыхъ факта въ особенности поражаютъ наблюдателя русской деревни за послѣдніе годы, — писалъ кн. Трубецкой, — „подъемъ благосостоянія и поразительно быстрый ростъ новой общественности". Улучшеніе техники, ростъ цѣнъ на рабочія руки, появленіе городской одежды (отъ „черепаховыхъ гребешковъ" до „калошъ и зонтиковъ") у крестьянъ, — все это идетъ параллельно съ поразительнымъ развитіемъ сельской кооперации. И этотъ ростъ идетъ не вопреки власти, а при ея прямой матеріальной поддержкѣ: „Правительство не жалѣло средствъ въ помощь земству для всякихъ мѣръ, клонящихся къ улучшенію крестьянскаго благосостоянія . . . Совершается то, что въ 1905 г. казалось невозможнымъ. Кооперативное движеніе происходитъ на почвѣ совмѣстной культурной „органической" работы интеллигенціи и массы и протекаетъ при благосклонномъ участіи правительства, которое финансируетъ это сближеніе . . . Крестьяне дѣйствительно пріобщаются къ благосостоянію и собственности. Имъ есть чѣмъ дорожить и что охранять".

Изъ этого кн. Е. Н. Трубецкой дѣлалъ выводъ, что старый „пугачевскій" соціализмъ отходитъ въ прошлое, что въ Россіи создалась основа „буржуазной демократіи", опирающейся на крестьянъ-собственниковъ.

„Да, отвѣчалъ на это И. Бунаковъ, видный публицистъ-народникъ**) — подъемъ крестьянскаго благосостоянія, въ связи съ ростомъ земледѣльческой культуры и развитіемъ крестьянской общественности, гл. обр., въ формѣ кооперативной организаціи — вотъ тѣ глубокіе соціальные сдвиги русской деревни, которые такъ обидно почти не замѣтила наша городская интеллигенція. . . Именно за эти годы, такъ называемой „реакціи" и „застоя, — въ русской деревнѣ, а слѣдовательно въ основномъ массивѣ русскаго соціальнаго строя, происходили сдвиги, значеніе которыхъ для будущаго страны должно быть громаднымъ".

И. Бунаковъ признавалъ, что „народники", предсказывавшіе въ 1905 году наступленіе „разложенія деревни", если не будетъ проведена (очевидно, народническая) земельная реформа, ошиблись: „Земельная реформа не удалась. Но и разложенія не наступило. Наоборотъ, деревня вступила на путь земледѣльческаго прогресса. Нѣтъ никакихъ

*) Проф. В. Тотоміанцъ „Кооперація въ Россіи". Прага 1922 г.
**) Въ іюньской книжкѣ журнала „Завѣты" за 1914 г.

основанiй думать, что она скоро можетъ сойти съ этого пути". Но И. Бунаковъ, въ отличiе отъ кн. Е. Н. Трубецкого, еще сомнѣвался въ томъ, возможна ли такая быстрая перемѣна „психики и идеологiи" въ русскомъ крестьянинѣ, „еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ непочтительно относившемся къ собственности. . . Бываютъ ли въ исторiи такiя внезапныя соцiальныя метаморфозы?" Сомнѣваясь поэтому въ прочности новыхъ теченiй въ деревнѣ, И. И. Бунаковъ, по крайней мѣрѣ, не отрицалъ ихъ, присматривался къ нимъ.

Рядовые интеллигенты вообще отказывались ихъ видѣть и по прежнему усматривали въ русской дѣйствительности только „гнетъ", „произволъ", „нищету", „подавленiе всякой самодѣятельности". П. Б. Струве указалъ на это въ „Русской Мысли" (1914. III), въ статьѣ: „Почему застоялась наша духовная жизнь?" Онъ отмѣчалъ, что раньше у русскаго интеллигента мысли опережали дѣйствительность, теперь же, наоборотъ, — „жизнь неуклонно, со стихiйной силой движется впередъ, а мысль, идейная работа безнадежно отстаетъ, ничего не производитъ, топчется на мѣстѣ".

Чѣмъ вызывалось это явленiе? Интеллигенцiя утратила увѣренность въ своихъ былыхъ идеалахъ. Она уже усомнилась въ матерiализмѣ, въ идеяхъ XVIII и XIX вѣка, даже во всеспасающемъ значенiи революцiи, но какъ бы не рѣшалась сама себѣ въ этомъ сознаться. Между тѣмъ, это разочарованiе шло очень глубоко, оно отражалось на молодомъ поколѣнiи, на студенчествѣ, даже на подросткахъ, только начинающихъ сознательно жить. „Авторитетъ старшаго поколѣнiя еще больше понизился въ глазахъ младшаго, чѣмъ это бываетъ обычно среди отцовъ и дѣтей. . . Онъ давно такъ низко не опускался въ Россiи, какъ въ эти годы политическаго и нравственнаго кризиса", писалъ проф. В. И. Бернадскiй въ к.-д. „Ежегодникѣ" газеты „Рѣчь" на 1914 годъ.

Упадокъ старыхъ интеллигентскихъ вѣрованiй породилъ въ перiодъ вокругъ 1910 г. волну самоубiйствъ среди учащейся молодежи. Эта волна затѣмъ начала спадать и замѣняться религiозными исканiями. Въ высшей школѣ, гдѣ политика совершенно замерла — не столько изъ-за энергичныхъ репрессивныхъ мѣръ Л. А. Кассо, сколько вслѣдствiе перемѣны настроенiй самого студенчества, — начали возникать, — явленiе доселѣ неслыханное, — различные религiозные кружки. Въ 1913 году русское студенчество впервые участвовало въ съѣздѣ мiровой организацiи христiанской молодежи въ Соед. Штатахъ. „Въ Россiи въ студенчествѣ ростъ религiозныхъ кружковъ есть актъ освобожденiя личности", — писалъ въ упомянутой статьѣ проф. Бернадскiй. „Еще недавно религiозное чувство здѣсь скрывалось, религiозная организацiя была немыслима. . . Цѣлью было благо массы и задачи экономическаго и политическаго освобожденiя ставились на первое мѣсто, давили все". . .

Новой чертой совершенно иного рода было пробужденiе интереса ко всѣмъ видамъ спорта. Еще недавно русская учащаяся молодежь считала спортъ „неинтеллигентнымъ" занятiемъ; теперь вездѣ выростали футбольные, теннисные клубы. Широкое развитiе начали получать

гимнастическія организаціи для дѣтей и подростковъ: „потѣшные“, названные такъ въ память первыхъ товарищей игръ Петра Великаго, занимавшіеся своего рода допризывной военной подготовкой; сокола, славянская спортивная организація, имѣвшая наибольшее развитіе у чеховъ; бой-скауты, по англійскому типу, созданному полковникомъ Баденъ-Поуэлемъ.

Государь съ особымъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ этихъ организацій, особенно потѣшныхъ. Онъ предоставлялъ на нихъ средства изъ находившагося въ Его распоряженіи десятимилліоннаго фонда и предполагалъ создать особое вѣдомство физическаго воспитанія; но В. Н. Коковцовъ указалъ, что Г. Дума врядъ ли захочетъ отпустить кредиты на новое вѣдомство. Въ этомъ вопросѣ (какъ и въ организаціи особаго министерства народнаго здравія) Гос. Дума значительно стѣсняла правительственную инициативу.

Русская молодежь становилась спортивной — это былъ тоже новый фактъ, вызывавшій, порою, сѣтованія въ радикальныхъ журналахъ, иронически отзывавшихся о „бицепсахъ“, о „рекордахъ“ и т.д. Въ газетахъ и журналахъ печатались старыя формулы; только очень немногіе, какъ авторы „Вѣхъ“, рѣшались открыто говорить о необходимости пересмотра интеллигентскаго міровоззрѣнія, но и въ молодежи, и на культурныхъ верхахъ интеллигенціи наблюдался глубокій идейный переломъ, и разочарованіе начинало смѣняться новыми исканіями.

Русское общество начинало сходить съ избитой тропы; оно уже не проповѣдывало съ прежней фанатической увѣренностью атеизмъ, матеріализмъ и соціализмъ. Но до широкой полуинтеллигентной массы эта перемѣна еще не доходила. Тамъ, наоборотъ, посѣвъ XIX вѣка только еще всходилъ; тамъ старые догматы считались еще безспорными, а съ ростомъ грамотности они быстро распространялись въ народной массѣ.

Деревня богатѣла; голодъ отходилъ въ область преданія; грамотность быстро распространялась; но въ то же время деревенская молодежь отрѣшалась отъ вѣковыхъ духовныхъ традицій. Огромное впечатлѣніе по своей неприкрашенной правдивости, произвелъ романъ И. А. Родіонова: „Наше преступленіе“, ярко рисовавшій ростъ безсмысленнаго, жестокаго озорства („хулиганства“) въ деревнѣ. Отовсюду шли свѣдѣнія объ упадкѣ религіозности въ крестьянской средѣ, особенно среди подрастающихъ поколѣній.

Кн. Е. Н. Трубецкой, въ той же статьѣ о „Новой земской Россіи“, писалъ: „Несомнѣнный, бросающійся въ глаза ростъ матеріальнаго благосостоянія пока не сопровождается сколько-нибудь замѣтнымъ духовнымъ подъемомъ. Духовный обликъ нашей мелкой буржуазной демократіи едва ли можетъ быть названъ симпатичнымъ. . . Растетъ какой-то могучій организмъ, но выраститъ ли изъ этого со временемъ человѣческое величіе или же могущество большого, но не интереснаго животнаго? . . . Если у насъ есть основаніе вѣрить въ будущее духовнаго величія Россіи, то это основаніе, скорѣе, въ прошломъ, чѣмъ въ настоящемъ“. . . Опасенія кн. Е. Н. Трубецкого были, по су-

ществу, того же порядка, какъ опасенія, высказанныя П. А. Столыпинымъ въ письмѣ къ Государю о „грубой демократіи“ въ Сибири.

„Движеніе кооперативное и движеніе религіозное идутъ рука объ руку“, отвѣчалъ на это въ той же „Русской Мысли“ Ф. Щербина. „Подъемъ благосостоянія массъ является необходимымъ условіемъ для того, чтобы онѣ могли подумать о душѣ и о предметахъ высшаго порядка“. . .

Пробужденіе религіозныхъ теченій въ интеллигенціи и упадокъ вѣры въ народныхъ массахъ совпали съ глубокимъ кризисомъ въ русской церкви. Церковный Соборъ, намѣченный въ началѣ 1905 г., такъ и не былъ созванъ. Первое предсоборное присутствіе закончило свои работы 15 декабря 1906 г.*) Затѣмъ, въ 1911 г., было созвано вторичное предсоборное присутствіе, въ значительно меньшемъ составѣ, почти исключительно изъ духовенства. Но вопросъ о помѣстномъ соборѣ такъ и не сдвигался съ мѣста, хотя его добивались многіе извѣстные церковные дѣятели.

Одной изъ главныхъ причинъ задержки созыва Собора и церковной реформы было, — какъ это ни кажется парадоксальнымъ на первый взглядъ, существованіе законодательныхъ учрежденій. Основные законы не предусматривали особаго порядка законодательства по церковнымъ дѣламъ; руководящіе церковные круги, въ то же время, испытывали колебаніе при мысли, что внутренніе вопросы церковнаго устройства будутъ рѣшаться голосами атеистовъ и иновѣрцевъ. Эти сомнѣнія раздѣлялъ и Государь. Гос. Дума, со своей стороны, относилась ревниво къ возможности изъятія изъ ея вѣдѣнія цѣлой области народной жизни, и вопросъ о порядкѣ прохожденія церковной реформы такъ и оставался открытымъ.

Однако, и въ самой церкви не было единодушія по самымъ существеннымъ вопросамъ церковнаго строительства, въ частности — въ вопросѣ о возстановленіи патріаршества. Роль церкви поэтому оставалась крайне пассивной, и въ странѣ замѣчалось усиленное развитіе всевозможныхъ сектъ, какъ мистическаго, такъ и раціоналистическаго характера (баптисты).

Религіозно-философское общество, въ началѣ 1900-хъ годовъ пытавшееся отыскать общій языкъ между интеллигенціей и церковью, уклонилось въ сторону политики; это проявилось въ той агитаціи, которую общество развило по поводу дѣла Бейлиса: такого крупнаго писателя, какъ В. В Розановъ, оно рѣшило исключить за то, что тотъ допускалъ возможность ритуальныхъ убійствъ. П. Б. Струве, назвавъ всю эту кампанію отвратительной шумихой, вышелъ изъ совѣта общества.

Большой интересъ и оживленную полемику вызвала зимой 1913-14 г. статья А. М. Рыкачева въ „Русской Мысли“: „О нѣкоторыхъ

---

*) Подробное изложеніе итоговъ предсоборнаго присутствія въ 1906 г см. „Ученыя записки Юрьевскаго Университета“, 1912 г., №1, статью Ф. Суетова.

нашихъ предубѣжденіяхъ". Авторъ ея, молодой ученый, доказывалъ, что наряду со стихійнымъ экономическимъ прогрессомъ въ Россіи, „чувствуется слабость организующихъ силъ, отсутствіе общественнаго подъема и радости созиданія". Причина этого явленія въ томъ, что въ русскомъ обществѣ сильны предубѣжденія противъ предпринимательской дѣятельности. Подъ вліяніемъ марксистскихъ теорій, интеллигенція считаетъ предпринимателей „эксплоататорами"; она готова служить имъ за жалованья, подчасъ даже очень высокія, но она не хочетъ сама браться за предпринимательскую дѣятельность. „Считается, что честнѣе быть агрономомъ на службѣ земледѣльческаго земства, чѣмъ землевладѣльцемъ; статистикомъ у промышленника, чѣмъ промышленникомъ. Бѣдность общественной культуры и приниженность личности — вотъ что проявляется въ этомъ пристрастіи къ третьимъ мѣстамъ, въ этомъ страхѣ передъ первыми ролями, въ этомъ отказѣ отъ неприкрытаго мужественнаго пользованія властью!".

А. М. Рыкачевъ указываетъ, что „фактически возможно быть преуспѣвающимъ и вліятельнымъ препринимателемъ, не поступаясь ни своими политическими убѣжденіями, ни своимъ пониманіемъ нравственнаго долга... Не здѣсь ли прекрасное пр ложеніе силъ для всѣхъ, кого не удовлетворяетъ окружающая дѣйствительность. . . кого влечетъ къ борьбѣ и творчеству? . . Хочется сказать дѣтямъ и внукамъ тѣхъ, кто когда-то „шли въ народъ": „идите въ торговлю и промышленность!"

Эти мысли, вызывавшія язвительныя нападки соціалистическихъ критиковъ, встрѣтили живой интересъ на верхахъ интеллигентской молодежи.

На русской художественной литературѣ особенно сильно отражался глубокій духовный кризисъ интеллигенціи. Это сказывалось не столько на болѣе крупныхъ писателяхъ, обычно свободныхъ отъ шаблона, — а на „писательской массѣ", на рядовыхъ сотрудникахъ „толстыхъ журналовъ". Прежніе обличительные разсказы, съ положительными типами изъ „борцовъ за народъ", стали замѣняться новеллами въ „стилѣ модернъ", съ разочарованными героями; личному давалось предпочтеніе передъ „общественнымъ".

Писателей, имѣвшихъ міровую извѣстность, послѣ смерти Л. Н. Толстого, не осталось. Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ замѣтно утратили популярность въ широкихъ кругахъ интеллигенціи (хотя Горькій за эти годы написалъ нѣсколько выдающихся романовъ автобіографическаго характера). Наибольшей извѣстностью пользовались И. Бунинъ, А. Купринъ; изъ новыхъ именъ — Б. Зайцевъ, гр. А. Н. Толстой, — Д. Мережковскій и З. Гиппіусъ — изъ области литературы все болѣе переходили къ политико-религіозной публицистикѣ.

Въ поэзіи общее признаніе получили „декаденты" — Бальмонтъ, Брюсовъ, Блокъ, Бѣлый (причемъ наибольшей популярностью пользовался Блокъ). Изъ новаго поколѣнія выдѣлялись своей острой личной лирикой Анна Ахматова и Марина Цвѣтаева; вокругъ Н. С. Гу-

милева создовалась группа поэтовъ-акмеистовъ, стремившихся улучшить культуру стиха. Посмертное признаніе получилъ Иннокентій Анненскій, почти незамѣченный при жизни. Выдѣлялись также изъ многочисленной плеяды поэтовъ начала XX вѣка В. Ходасевичъ, Осипъ Мандельштамъ, Б. Садовскій.

Новыя исканія въ области поэзіи приняли крайнія формы — отъ стиховъ Хлѣбникова и Бурлюка, лишенныхъ всякаго смысла, кромѣ звукового, до поисковъ новыхъ словъ и особенно новыхъ окончаній словъ у Игоря Сѣверянина,—имѣвшаго наибольшій успѣхъ у широкой читающей публики,—и до футуристовъ, пытавшихся создать причудливую смѣсь поэзіи и балаганнаго фиглярства; изъ футуристовъ несомнѣннымъ дарованіемъ обладалъ Вл. Маяковскій.

Ни у кого изъ писателей этого времени уже не чувствовалось той цѣльности интеллигентскаго міровоззрѣнія, которая преобладала въ 90-хъ годахъ и въ послѣдній разъ ярко проявилась въ пьесахъ А. П. Чехова. Изъ писателей старой школы В. Г. Короленко, отойдя отъ чистой литературы, писалъ свою автобіографію („Исторія моего современника“).

Въ живописи „передвижники“ и представители утилитарнаго искусства утратили всякое значеніе. Тенденціозныя, поучительныя картины признавались проявленіемъ дурного вкуса. Какъ въ поэзіи символисты, такъ и въ живописи центральное положеніе заняла группа „Міра Искусства“. Посмертная выставка картинъ В. А. Сѣрова въ началѣ 1914 г. показала, какого большого художника лишилась въ немъ Россія. Сомовъ, Шухаевъ, Серебрякова, Б. Григорьевъ, А. Н. Бенуа, какъ декораторы, Бакстъ, Добужинскій, — вотъ главныя имена этого періода.

Скульптура зато дала мало интереснаго; изъ многочисленныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ на площадяхъ и улицахъ русскихъ городовъ, своеобразной силой выдѣлялся памятникъ Императору Александру III на площади передъ Николаевскимъ вокзаломъ въ С.-Петербургѣ.

Въ архитектурѣ было мало оригинальнаго и новаго. Музей изящныхъ искусствъ (имени Имп. Александра III) въ Москвѣ, въ классическомъ стилѣ церкви Спаса на водахъ и Романовская „юбилейная“ въ Петербургѣ, Ѳедоровскій соборъ, въ Царскомъ Селѣ, созданныя по древне-русскимъ образцамъ—наиболѣе замѣтныя зданія этого періода. (Менѣе удачна была церковь Спаса на крови, построенная на мѣстѣ убіенія Императора Александра II, въ стилѣ Василія Блаженнаго).

Организованная въ 1913 г. въ Москвѣ Романовская церковно-археологическая выставка, устроенная въ 1913 г. въ Чудовомъ монастырѣ, и выставка древне-русскаго искусства Императорскаго Археологическаго Института, дали возможность широкимъ русскимъ кругамъ познакомиться съ русскимъ искусствомъ XIV—XVII вѣковъ, которое такъ цѣнилъ Государь. Художественное значеніе русской иконописи впервые получило должную оцѣнку. „Эти выставки (отмѣчалъ к.-д. „Ежегодникъ Рѣчи“) — самое крупное событіе въ русской художественной жизни за послѣдніе годы“.

Въ области театра также проявлялись новыя теченія. Московскій Художественный театръ, съ его совершенствомъ отдѣлки и сотнями репетицій, переставалъ быть „послѣднимъ словомъ"; начиналось увлеченіе „стилизаціями". Въ театрѣ Комиссаржевской выдвинулся режиссеръ Мейерхольдъ, ставившій пьесы въ упрощенныхъ декораціяхъ, съ условно подчеркнутой игрой артистовъ. Возникъ своеобразный и остроумный театръ пародій „Кривое Зеркало", подобныхъ которому не было въ Зап. Европѣ. „Старинный театръ" старался воскресить средневѣковыя мистеріи, пьесы Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона. Большой успѣхъ имѣли театры художественныхъ миніатюръ (самый извѣстный изъ нихъ „Летучая Мышь" Баліева). Въ „кабачкахъ поэтовъ" такія миніатюры соединялись съ декламаціей стиховъ, съ художественными танцами.

Міровую извѣстность получилъ въ эти годы русскій Императорскій балетъ; его гастроли за границей были подлиннымъ событіемъ художественной жизни; имена антрепренеровъ С. Дягилева, Анны Павловой, Нижинскаго, Фокина прославились далеко за предѣлами Россіи.

Россія 1914 г. была въ гораздо меньшей степени отравлена политикой, чѣмъ Россія 1904 г. Политическія партіи имѣли весьма малое значеніе. Партіей интеллигенціи оставались по премуществу к.-д.; партіей земцевъ — октябристы; промышленные круги за послѣдніе годы отъ октябристовъ передвинулись къ прогрессистамъ, тогда какъ болѣе правыя теченія не имѣли за собой (кромѣ развѣ помѣстнаго дворянства) какого-либо опредѣленнаго общественнаго слоя, но находили немало сторонниковъ въ русскихъ народныхъ массахъ, преимущественно городскихъ, въ западномъ краѣ.

Соціалисты-марксисты (с.-д.) пользовались значительнымъ вліяніемъ въ рабочей средѣ и обладали, пожалуй, наиболѣе совершенной партійной организаціей, несмотря на то, что не имѣли „легальнаго" существованія. Соціалисты-народники (с.-р., трудовики, нар. соціалисты) имѣли много сторонниковъ среди деревенской полуинтеллигенціи. Но, кромѣ, быть можетъ, с.-д., ни одна партія не развивала широкой планомѣрной пропаганды въ странѣ.

Ни интеллигенція, усумнившаяся въ своей прежней вѣрѣ и не нашедшая новой, ни примитивно-соціалистическая полуинтеллигенція не обладали ни политическимъ опытомъ, ни широкимъ государственнымъ кругозоромъ. Среди безформенной „общественности" попрежнему только Царская власть, опиравшаяся на крѣпкія традиціи и долгій опытъ правленія, обладавшая испытанными кадрами исполнителей своихъ предначертаній, могла направлять жизнь многообразной страны. Эта власть, стоявшая внѣ и выше интересовъ отдѣльныхъ группъ и слоевъ населенія, одна могла проводить глубокія реформы, какъ показалъ примѣръ закона 9 ноября. Законодательныя учрежденія могли служить ей не столько опорой, сколько порою полезнымъ т о р м а з о м ъ, а также измѣрительнымъ приборомъ, показывающимъ „температуру" и „высоту давленія" въ странѣ.

„ Царская власть—писалъ б. членъ Гос. Думы бар. А. Д. Мейендорфъ (какъ бы повторяя слова Пушкина въ его извѣстномъ письмѣ къ Чаадаеву)—представляется мнѣ наиболѣе европейскимъ изъ русскихъ учрежденій, м.б., единственнымъ европейскимъ . . . Россія была страной причудливыхъ мечтаній, въ которой императорская власть была наименѣе эксцентричнымъ центромъ“. *) Отмѣтивъ, какую малую роль играло происхожденіе при назначеніяхъ на высшія государственныя должности въ Россіи, бар. Мейендорфъ заключалъ: „Россійская Имперія была самой демократической монархіей въ мірѣ“.

Несмотря на ростъ народнаго богатства и просвѣщенія, еще оставались вѣрными слова К. Н. Леонтьева, написанныя почти полъ-вѣка передъ тѣмъ о глубокой подвижности всей почвы и всего строя въ Россіи.

„Особенно благопріятную почву для соціальныхъ потрясеній, — писалъ въ февралѣ 1914 г. П. Н. Дурново, — представляетъ, конечно, Россія, гдѣ народныя массы исповѣдуютъ принципы безсознательнаго соціализма. Несмотря на оппозиціонность русскаго общества, столь же безсознательную, какъ и соціализмъ широкихъ массъ населенія, политическая революція въ Россіи невозможна, и всякое революціонное движеніе неизбѣжно выродится въ соціалистическое. За нашей оппозиціей нѣтъ никого, у ней нѣтъ поддержки въ народѣ“ . . .

И Дурново указывалъ, что самой большой ошибкой, въ случаѣ возникновенія смуты, были бы уступки интеллигентскимъ кругамъ: этимъ правительство только ослабило бы себя въ борьбѣ съ соціалистическими элементами. „Хотя это и звучитъ парадоксально, но соглашеніе съ оппозиціей въ Россіи безусловно ослабляетъ правительство. Болѣе чѣмъ странно требовать, чтобы оно серьезно считалось съ оппозиціей и ради нея отказалось отъ роли безпристрастнаго регулятора соціальныхъ отношеній“.

Государь, безъ сомнѣнія, раздѣлялъ эти мысли. Онъ не имѣлъ намѣренія, безъ крайней государственной необходимости, отступать отъ дарованныхъ Имъ Самимъ Основныхъ Законовъ; въ этомъ отношеніи упорные слухи въ странѣ не имѣли подъ собой реальной почвы. Съ 3 іюня 1907 года, было допущено всего одно отступленіе, и то не отъ буквы, а отъ духа Основныхъ Законовъ: проведеніе П. А. Столыпинымъ закона о западномъ земствѣ по ст. 87-ой. Но Государь въ то время не считалъ возможнымъ увеличить вліяніе „общественности“ на ходъ государственныхъ дѣлъ: Онъ не видѣлъ ни въ Думѣ, ни въ русскомъ обществѣ вообще, такихъ элементовъ, которымъ Императорская власть *имѣла бы право передовѣрить судьбы Россіи*.

Съ перваго года своего правленія — и даже раньше, еще будучи Наслѣдникомъ, — Государь удѣлялъ особое, исключительное вниманіе азіатской миссіи Россіи. Это одинаково относилось и ко внѣшней, и къ внутренней политикѣ.

---

*) Baron Alexander Meyendorf. „The backgreund of the Russian revolution“. New York. 1928.

На фонѣ общей картины могучаго роста Россійской Имперіи, особо выдѣлялось развитіе ея азіатскихъ владѣній. Сбывались слова Ломоносова: „Россійское могущество прирастать будетъ Сибирью и Сѣвернымъ океаномъ".*) Конечно, сѣверныя пространства Сибири, съ ихъ тундрами и вѣчной мерзлотой, не открывали широкихъ возможностей; на ихъ восьми милліонахъ кв. верстъ, какъ было, такъ и оставалось всего около полумилліона жителей, на двѣ трети якутовъ и кочевыхъ сѣверныхъ инородцевъ.**) Но къ югу отъ 55—58 параллелей простиралась полоса въ нѣсколько сотъ верстъ шириной, от Урала до Тихаго океана, съ площадью свыше 4 милліоновъ кв. верстъ. Гористый характеръ мѣстности и отдаленность отъ морей дѣлали ея климатъ суровѣе европейскаго; ее скорѣе можно было сравнить съ Канадой, чѣмъ съ Соед. Штатами. Это былъ плодородный край, съ большими, почти неиспользованными, естественными богатствами. А дальше, за полосой пустынь, была еще Средняя Азія, сравнительно густо населенная инородческими племенами, область хлопка, плодовыхъ садовъ, виноградниковъ. Вассальныя княжества Хива и Бухара составляли какъ бы переходъ къ полосѣ сферъ вліянія — Сѣв. Манчжуріи и Монголіи, гдѣ русское преобладаніе было оффиціально признаннымъ, и Китайскаго Туркестана, гдѣ оно начинало пускать корни.

Д. И. Менделѣевъ, въ своей книгѣ „Къ познанію Россіи", писалъ, что хозяйственный центръ Россіи передвигается на востокъ, примѣрно на линію Самара — Саратовъ. Ростъ русскихъ азіатскихъ владѣній оправдывалъ предсказанія великаго ученаго. Населеніе Азіатской Россіи за двадцать лѣтъ возросло съ 12 до 21,5 милліоновъ. Но при этомъ населеніе центральной полосы увеличилось съ 4,5 милл. до 10 милл; а колонизаціонный районъ Западной Сибири ***) — съ неполныхъ трехъ до семи милліоновъ.

Центромъ этого главнаго колонизаціоннаго района былъ Алтайскій округъ составлявшій до 1906 г. личную собственность царствующаго Императора и состоявшій въ вѣдѣніи Кабинета Его Величества. Еще въ 1899 г. Государь издалъ положеніе о земельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ, поселившихся въ Алтайскомъ округѣ; указомъ 16. IX. 1906 г. Онъ повелѣлъ передать всѣ свободныя земли округа Переселенческому управленію для устройства безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ Евр. Россіи. На основаніи этихъ двухъ указовъ, изъ кабинетскихъ земель, пространствомъ въ 41 милл. десятинъ, было передано крестьянамъ (какъ старожиламъ, такъ и переселенцамъ) око-

*) „Азіатская Россия", т. II, стр. 616.

**) Сюда относятся области Якутская и Камчатская, сѣверная часть Тобольской и Енисейской губ., Киренскій и Олекминскій уѣзды Иркутской губ., Баргузинскій отдѣлъ Забайкальской об .

***) Томская и южная часть Енисейской губ. Акмолинская обл. и Кустанайскій уѣздъ Тургайской области.

ло 25 милл. десятинъ. *) (За кабинетомъ остались, гл. обр., лѣса и „неудобныя земли" — горные хребты, по высотѣ почти равные Альпамъ, — Монбланъ —. 4.800 м., Бѣлуха — 4.500 м.). Населеніе Алтайскаго округа въ 1914 г. превысило три милліона (свыше 10 чел. на кв. версту). Со сказочной быстротой росли на Алтаѣ города; Ново-Николаевскъ, основанный въ 1895 г., къ 1914 году насчитывалъ около 100.000 жителей; Славгородъ, гдѣ въ 1909 г. еще былъ на пустомъ мѣстѣ водруженъ деревянный крестъ, въ 1913 г. уже имѣлъ 7.000 жителей и развивалъ торговлю на 6 милл. руб. въ годъ.

За двадцать лѣтъ около 4 милліоновъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній нашли себѣ мѣсто въ Сибири — изъ нихъ болѣе трехъ милліоновъ въ центральной полосѣ, около полумилліона — на Д. Востокѣ (Приморье и Приамурье), около 100.000 въ Туркестанѣ. Ихъ размѣщеніемъ и устройствомъ занималось Переселенческое управленіе, бюджетъ котораго достигалъ въ 1914 г. 30 милл. руб. (въ 1894 г. — менѣе милліона).

Великій Сибирскій путь, законченный въ 1905 г., въ разгаръ японской войны, уже оказывался недостаточнымъ для растущихъ потребностей края. Амурская дорога, начавшая строиться въ 1908 г. (окончаніе было намѣчено на 1916 г.), проходила по районамъ, еще почти не заселеннымъ. Для основного колонизаціоннаго района были поэтому намѣчены: Южно-Сибирская магистраль, шедшая примѣрно въ 300 верстахъ параллельно Великому Сибирскому пути, отъ Орска къ Семипалатинску: три вѣтки въ Алтайскомъ округѣ (изъ нихъ одна отъ Ново-Николаевска черезъ Барнаулъ на Семипалатинскъ, одна къ Кузнецкому угольному бассейну); вѣтка Минусинскъ — Ачинскъ и, наконецъ, дорога къ Китайской границѣ въ Забайкальѣ (на Кяхту). Постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Алтайскомъ районѣ началась въ 1913 году; въ этомъ же году была закончена желѣзная дорога Тюмень — Омскъ, сильно сокращающая путь изъ Петербурга въ Сибирь. Концессія на постройку Южно-Сибирской магистрали была предоставлена лѣтомъ 1914 г. акціонерной компаніи, во главѣ съ б. членомъ Гос. Совѣта В. Ф. Треповымъ.

Въ Туркестанѣ, послѣ окончанія (въ 1906 г.) линіи Оренбургъ—Ташкентъ, соединявшей Среднюю Азію съ русской ж.д. сѣтью, были построены вѣтки мѣстнаго значенія; но уже разрабатывались планы линіи изъ Туркестана въ Сибирь, и начата была постройка линіи изъ Туркестана на Семирѣчье (на Вѣрный и Пишпекъ).

Недостаткомъ Сибирской р ѣ ч н о й системы было то, что всѣ большія рѣки — кромѣ Амура — текли параллельно, съ юга на сѣверъ. Образованная въ 1909 г. особая комиссія при министерствѣ путей сообщенія разработала грандіозный проектъ с и б и р с к о й в о д н о й м а г и с т р а л и отъ Урала до Владивостока, протяженіемъ свыше 10.000 верстъ, соединенной съ системой Камы и Волги путемъ канала со шлюзами въ районѣ южнаго Урала.

*) Земли переселенцамъ предоставлялись за почти номинальную плату 4 р. съ десятины, съ разсрочкой на 49 лѣтъ.

Съ 1910 г. начались попытки установить правильныя сношенія съ Сибирью черезъ Ледовитый океанъ. Изъ Владивостока экспедиціи доходили до устьевъ Лены и Колымы; наиболѣе успѣшнымъ было плаваніе кап. Вилькицкаго, открывшаго по пути въ 1913 г. большой неизвѣстный островъ, названный имъ Землей Императора Николая II. Въ томъ же году, норвежский пароходъ „Корректъ", съ извѣстнымъ полярнымъ путешественникомъ Нансеномъ прошелъ съ запада къ устью Енисея и поднялся на 300 верстъ вверхъ по рѣкѣ; тамъ его встрѣтилъ русскій пароходъ „Туруханскъ", и былъ произведенъ обмѣнъ грузами около 100.000 пудовъ. Тѣмъ же лѣтомъ 1913 г. на западно-сибирскомъ побережьѣ Ледовитаго океана заработали первыя радіо-станціи.

Сибирь уже давала хлѣбные избытки до 100 милл. пудовъ въ годъ (при посѣвной площади въ 12 милл. и урожаѣ въ 400 — 450 милл. пудовъ). Но главное ея значеніе для русскаго экспорта выражалось въ необыкновенно быстромъ развитіи вывоза масла (гл.обр., въ Англію), преимущественно изъ Алтайскаго округа: почти отъ нуля въ 1894 г. вывозъ поднялся къ 1913 году до 70 милл. рублей. *)

Крестьянство въ Сибири было замѣтно зажиточнѣе, чѣмъ въ Евр. Россіи. Такъ сѣнокосилокъ, конныхъ грабель, молотилокъ въ Сибири было всего вдвое меньше, чѣмъ въ Евр. Россіи, при населеніи меньшемъ въ двѣнадцать разъ. За послѣднія 15 лѣтъ Сибирь купила с.-х. инвентаря больше, чѣмъ на 150 милл. руб., причемъ въ первое пятилѣтіе покупала въ среднемъ на 2,3 милл. руб. въ годъ, а за послѣдніе годы — болѣе чѣмъ на 20 милл. рубл. **)

Туркестанъ, съ его сухимъ и жаркимъ климатомъ, ставилъ иныя задачи. Здѣсь главнымъ былъ вопросъ о водѣ. Государево Мургабское имѣніе показало, какъ много можно сдѣлать при правильной постановкѣ орошенія. На площади въ 104.000 десятинъ степи, гдѣ раньше росъ только рѣдкій колючій кустарникъ, были созданы водохранилища, въ которыя весной собиралась вода рѣки Мургабъ. Въ 15 лѣтъ (1895—1910) тамъ образовались хлопковыя плантаціи на 25.000 десятинъ, фруктовые сады, поселенія, освѣщаемыя электричествомъ (для чего использовалась сила паденія воды на запрудѣ).

Въ Самаркандской Голодной Степи въ октябрѣ 1913 г. открытъ былъ оросительный каналъ, получившій названіе Романовскаго; въ 1915 г. только изъ одного этого канала должно было быть орошено 45.000 десятинъ, тогда какъ, въ общей программѣ гидротехническихъ работъ министерства земледѣлія, въ Центральной Азіи было предусмотрѣно въ томъ же году орошеніе еще 35.000 десятинъ.

Въ ознаменованіе трехсотлѣтія Дома Романовыхъ, Госуд. Дума въ 1913 году постановила отпустить на орошеніе и другія сельско-хозяйственныя меліорации одинъ милліардъ рублей (постройка русской

---

*) 1894 г.: 400 п., 4.000 р.; 1904 г.: 2.003.000 п., 23,6 милл. рубл.; 1912 г.: 4.459.000 п., 68 милл. рублей.

**) „Азіатская Россія", т. II, стр. 407.

желѣзнодорожной сѣти стоила около 6 милліардовъ рублей), при чемъ программа использованія первой части этого кредита въ размѣрѣ 150 милліоновъ рублей была совершенно разработана и готова къ осуществленію.

Поистинѣ поразительный примѣръ того, какъ землеустройство, переселеніе, раскрѣпощеніе личности и развитіе промышленности вдохнули и въ русскую технику новую жизнь, блестяще развивая до тѣхъ поръ прозябавшія ея отрасли.

Вскорѣ послѣ отставки гр. Коковцова, въ февралѣ 1914 г. П. Н. Дурново представилъ Государю записку,*) въ которой высказывалъ опасенія за будущее Россіи въ случаѣ сохраненія прежняго курса внѣшней политики.**) Дурново писалъ, что чисто оборонительный франко-русскій союзъ былъ полезенъ: „Франція союзомъ съ Россіей обезпечивалась отъ нападенія Германіи, эта послѣдняя — испытаннымъ миролюбіемъ и дружбой Россіи отъ стремленій къ реваншу со стороны Франціи, Россія необходимостью для Германіи поддерживать съ нею добрососѣдскія отношенія — отъ чрезмѣрныхъ происковъ Австро-Венгріи на Балканахъ.

Это равновѣсіе было нарушено англо-русскимъ сближеніемъ. Австріи было бы легко осуществить свои балканскіе планы во время японской войны и революціи 1905 года, но тогда Россія „еще не связала своей судьбы съ Англіей", и Австро-Венгрія вынуждена была упустить моментъ. Наоборотъ, съ англо-русскаго соглашенія 1907 г. начались осложненія для Россіи.

П. Н. Дурново указывалъ, что даже побѣда надъ Германіей не дала бы Россіи ничего цѣннаго: „Познань? Восточная Пруссія? Но зачѣмъ намъ эти области, густо населенныя поляками, когда и съ русскими поляками намъ не такъ легко управиться?"... Галиція? Это разсадникъ опаснаго "малороссскаго сепаратизма". А „заключеніе съ Германіей выгоднаго торговаго договора вовсе не требуетъ предварительнаго разгрома Германіи". Наоборотъ, въ случаѣ таковаго разгрома, „мы потеряли бы цѣнный рынокъ". Къ тому же Россія попала бы въ „финансовую кабалу" къ своимъ кредиторамъ-союзникамъ.

---

*) Записка раздѣлена на главы; ихъ заголовки, прочтенные подрядъ, передаютъ ея суть:

„1) Будущая англо-германская война превратится въ вооруженное столкновеніе между двумя группами державъ. 2) Трудно уловить какія-либо реальныя выгоды, полученныя Россіей въ результатѣ ея сотрудничества съ Англіей. 3) Жизненные интересы Германіи и Россіи нигдѣ не сталкиваются. 4) Въ области экономическихъ интересовъ русскія польза и нужды не противорѣчатъ германскимъ. 5) Даже побѣда надъ Германіей сулитъ Россіи крайне неблагопріятныя перспективы. 6) Борьба между Россіей и Германіей глубоко нежелательна для обѣихъ сторонъ, какъ сводящаяся къ ослабленію монархическаго начала. 7) Россія будетъ ввергнута въ безпросвѣтную анархію, исходъ которой трудно предвидѣть. 8) Германіи, въ случаѣ пораженія, предстоитъ перенести не меньшія соціальныя потрясенія. 9) Мирному сожительству культурныхъ націй болѣе всего угрожаетъ стремленіе Англіи удержать ускользающее отъ нея господство надъ морями".

**) Записка Дурново была опубликована въ совѣтскомъ журналѣ „Красная Новь" въ 1922 г. и въ мюнхенскомъ русско-нѣмецкомъ журналѣ „Ауфбау" въ 1921 г.

Германіи также война не нужна; она могла бы отторгнуть отъ Россіи только малоцѣнныя для нея, густо населенныя области: Польшу и Остзейскій край. "Нѣмецкая колонизаціонная война идетъ на убыль. Недалекъ тотъ день, когда Drang nach Osten отойдетъ въ область историческихъ воспоминаній".

П. Н. Дурново далѣе предсказываетъ такой ходъ событій, если бы дѣло дошло до войны: Россія, Франція и Англія съ одной стороны, Германія, Австрія и Турція съ другой. Италія на сторонѣ Германіи не выступитъ: она даже можетъ присоединиться къ противогерманской коалиціи, „если жребій склонится въ ея пользу". Румынія также будетъ колебаться „пока не склонятся вѣсы счастья". Сербія и Черногорія будутъ противъ Австріи, Болгарія — противъ Сербіи. Участіе другихъ государствъ „явится случайностью", хотя Америка и Японія — враждебны Германіи и на ея сторонѣ, во всякомъ случаѣ, не выступятъ.

„Главная тяжесть войны выпадетъ на нашу долю. Роль тарана, пробивающаго толщу нѣмецкой обороны, достанется намъ... Война эта чревата для насъ огромными трудностями и не можетъ оказаться тріумфальнымъ шествіемъ въ Берлинъ. Неизбѣжны и военныя неудачи — будемъ надѣяться, частичныя — неизбѣжными окажутся и тѣ или другіе недочеты въ нашемъ снабженіи... При исключительной нервности нашего общества, этимъ обстоятельствамъ будетъ придано преувеличенное значеніе... Начнется съ того, что всѣ неудачи будутъ приписываться правительству. Въ законодательныхъ учрежденіяхъ начнется яростная кампанія противъ него... Въ странѣ начнутся революціонныя выступленія... Армія, лишившаяся наиболѣе надежнаго кадроваго состава, охваченная въ большей части стихійно общимъ крестьянскимъ стремленіемъ къ землѣ, окажется слишкомъ деморализованной, чтобы послужить оплотомъ законности и порядка. Законодательныя учрежденія и лишенные авторитета въ глазахъ населенія оппозиціонно-интеллигентскія партіи будутъ не въ силахъ сдержать расходившіяся народныя волны, ими же поднятыя, и Россія будетъ ввергнута въ безпросвѣтную анархію, исходъ которой не поддается даже предвидѣнію".

Нарисовавъ эту мрачную картину, П. Н. Дурново заключалъ: „Тройственное согласіе — комбинація искусственная, и будущее принадлежитъ не ей, а несравненно болѣе жизненному тѣсному сближенію Россіи, Германіи, примиренной съ нею Франціи, и связанной съ Россіей строго оборонительнымъ союзомъ Японіи... При томъ само собой разумѣется", — добавлялъ П. Н. Дурново, — „что и Германія должна пойти навстрѣчу нашимъ стремленіямъ... и выработать совмѣстно съ нами... условія нашего съ нею сожительства".

Нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ отнесся къ этой запискѣ Государь. Быть можетъ, она явилась запоздалой. Во всякомъ случаѣ, въ Германіи, въ это время, не замѣчалось никакого желанія „пойти навстрѣчу".

Въ Германіи сложилось убѣжденіе въ неопреодолимой враждебности Россіи. Этому способствовалъ въ извѣстной мѣрѣ тонъ русской печати (хотя на печать германскіе послы жаловались еще при

Александрѣ III); этому сильно содѣйствовала та демагогическая кампанія, которая велась въ Россіи по поводу возобновленія русско-германскаго торговаго договора.

Договоръ, заключенный въ 1904 г. (срокъ его истекалъ въ 1916 г.), несомнѣнно, былъ для Россіи менѣе выгоднымъ, нежели договоръ 1894 года: таможенныя ставки на русскіе сельско-хозяйственные продукты были значительно повышены. При всемъ томъ, Германія была не только главнымъ поставщикомъ, но и лучшимъ кліентомъ Россіи, русскій вывозъ въ Германію превышалъ полъ-милліарда рублей, балансъ все время оставался активнымъ въ пользу Россіи.*) Гр. Коковцовъ въ своихъ мемуарахъ отмѣчаетъ, что А. В. Кривошеинъ разослалъ, по поводу подготовки торговаго договора, циркуляръ, какъ бы призывающій земства, торговыя палаты и т. д. къ антигерманской кампаніи. Можетъ быть, съ точки зрѣнія торга при заключеніи договора такая тактика имѣла извѣстный смыслъ, — можно было добиваться болѣе выгодныхъ условій, ссылаясь на общественное мнѣніе — но въ напряженной обстановкѣ 1914 г. это способствовало тому, что въ Германіи укрѣпилось мнѣніе: „Наше дѣло въ Россіи проиграно, намъ остается только вооружаться, и затѣмъ, уповая на Бога, ждать, пока на насъ нападутъ“...**) А отъ „ждать нападенія“ до “предупредить нападеніе“ — одинъ шагъ...

Представленіе о томъ, будто Россія готовится напасть на Германію, подогрѣвалось въ германскомъ обществѣ сенсаціонными сообщеніями о французскомъ займѣ на постройку стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, заключенномъ въ началѣ 1914 г., о какой-то „военной партіи“ при русскомъ дворѣ, при чемъ въ нее обычно зачислялись „Великіе Князья“ безъ болѣе точнаго обозначенія...

Созданіе такого невѣрнаго представленія о русскихъ намѣреніяхъ не мало содѣйствовало позиціи германскихъ правящихъ круговъ, начиная съ Императора Вильгельма II (канцлеръ Бетманъ-Гольвигъ и нѣкоторые дипломаты, въ частности посолъ въ Петербургѣ гр. Пурталесъ, видимо, не вполнѣ раздѣляли эти анти-русскія предубѣжденія). Что касается германской печати, то въ вопросахъ внѣшней политики она всегда была несравненно „послушнѣе“ указаніямъ „сверху“, нежели „изъ принципа“ оппозиціонная русская печать.

Но и съ русской стороны находились также люди, „подливавшіе масло въ огонь“. И русскіе, и иностранные источники свидѣтельствуютъ объ антигерманской кампаніи Гучкова; рѣзкаго тона придерживалось „Новое Время“, помѣщавшее тирады, вродѣ: „Мы не противъ дружбы съ Германіей... но считаемъ, что она должна быть основана исключительно на признаніи нѣмцами на-

*) Обратное заключеніе для послѣднихъ лѣтъ получается только вслѣдствіе статистической ошибки: вывозъ въ Германію по морю черезъ устье рѣки Рейна у насъ числился подъ рубрикой „вывоза въ Голландію“, между тѣмъ, какъ около 90 проц. товаровъ просто слѣдовало транзитомъ въ Германію.

**) Впечатлѣнія члена Русскаго Собранія Ю. С. Карцова о германскихъ настроеніяхъ еще лѣтомъ 1910 г. („Новое Время“, 29.VI.1910).

шей силы“... Бывали выпады и слѣва: к.-д. Шингаревъ въ бюджетной комиссіи (въ февралѣ 1914 г.) высказывалъ предположенія, что Германія создаетъ для Россіи внѣшне-политическія затрудненія, чтобы заставить ее подписать невыгодный торговый договоръ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ на это возражалъ, но въ печати его слова были изложены такъ, будто онъ соглашался съ Шингаревымъ. Германскій посолъ протестовалъ; ему было обѣщано, что въ печати появится успокаивающее разъясненіе.

Однако, вмѣсто „успокаивающаго“ разъясненія, въ вечернихъ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ появилась (27 февраля) статья съ огромнымъ заголовкомъ: „Россія хочетъ мира, но готова къ войнѣ“. „Съ гордостью мы можемъ сказать, — говорилось въ ней, — что для Россіи прошло время угрозъ извнѣ. Россіи не страшны никакіе окрики. Русское общественное мнѣніе, съ благоразумнымъ спокойствіемъ относившееся къ поднятому за послѣдніе дни за границей воинственному шуму, было право: у насъ нѣтъ причинъ волноваться. Россія готова! Русская армія, бывшая всегда побѣдоносной, воевавшая обыкновенно на непріятельской территоріи, совершенно забудетъ понятіе „оборона“... Русскому общественному мнѣнію важно сознаніе, что наша родина готова ко всѣмъ случайностямъ, но готова исключительно во имя желанія мира“.

„Воинственный шумъ“, о которомъ говорилось въ этой статьѣ, былъ вызванъ сообщеніемъ петербургскаго корреспондента „Kölnische Zeitung“ (2.III-17.II), доказывавшаго, что Россія готовится къ войнѣ, и будетъ готова къ ней осенью 1917 г. Статья „Биржевыхъ Вѣдомостей“, которую общій голосъ (какъ оказалось, основательно) приписалъ военному министру Сухомлинову, вызвала шумную радость во французской печати; въ германской же воцарилось недоброе молчаніе.

Успокоительныя статьи оффиціозовъ — „Россіи“ и „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ — произвели послѣ этого мало впечатлѣнія, какъ и рѣчи представителей дипломатическаго вѣдомства — фонъ Ягова и и С. Д. Сазонова, которые — одинъ въ рейхстагѣ, 1 мая, другой въ Гос. Думѣ, 10 мая, говорили о неизмѣнности русско-германскихъ добрососѣдскихъ отношеній и о вредѣ несдержанности въ газетной полемикѣ между странами. „Въ Германіи — расхожденіе между правительствомъ, полнымъ разумныхъ намѣреній, и общественнымъ мнѣніемъ, обуреваемымъ страстными порывами“, замѣчалъ обозрѣватель „Revue des deux Mondes“ (15.V.1914).

И. Л. Горемыкинъ, послѣ своего назначенія на постъ премьера, сообщилъ предсѣдателю Гос. Думы Родзянко, что онъ желаетъ „сдвинуть законодательство съ мертвой точки“. 1 марта, подъ его предсѣдательствомъ, состоялось совѣщаніе представителей всѣхъ партій, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ, по вопросу о новой большой военной программѣ. Но думскіе круги оставались настороженными и недовѣрчивыми. То ихъ волновалъ вопросъ о депутатской неприкосновенности (привлеченіе къ суду депутата Чхеидзе за оскорбленіе Величества, — до-

пущенное въ думской рѣчи *); то возникала тревога изъ-за того, что при опубликованіи одного закона было произведено редакціонное измѣненіе заголовка въ принятомъ палатою текстѣ. Сенсацію вызвало заявленіе И. Л. Горемыкина о томъ, что запросы могутъ предъявляться только къ отдѣльнымъ министрамъ, а не къ предсѣдателю Совѣта Министровъ (хотя формальную правоту премьера никто не отрицалъ).

Въ мартѣ на рижскихъ и петербургскихъ заводахъ, изготовляющихъ резиновыя издѣлія (а затѣмъ и на другихъ) стали наблюдаться массовыя заболѣванія работницъ, выражавшіяся въ тошнотѣ, судорогахъ, обморокахъ. Такъ, на заводѣ „Треугольникъ" за шесть дней было отмѣчено свыше трехсотъ случаевъ, на табачной мануфактурѣ — за четыре дня свыше полутораста. Смертныхъ случаевъ при этомъ не было ни одного.

Печать забила тревогу; въ Думу были внесены запросы. Правые высказывали предположеніе, что это революціонеры устраиваютъ „химическую обструкцію", и въ Гос. Думѣ происходили бурныя сцены. Заболѣванія вскорѣ совершенно прекратились. Повидимому, первые случаи объяснялись духотой и испареніями резины, а затѣмъ дѣйствовала психологическая зараза. Но эта „эпидемія" послужила поводомъ для многочисленныхъ забастовокъ протеста. **) Вообще, забастовки становились все болѣе частыми: петербургскіе рабочіе бастовали по поводу непонравившейся имъ рѣчи тов. мин. внутреннихъ дѣлъ о Ленскихъ событіяхъ, по поводу конфискаціи номера газеты „Правда"; на 1 мая работу прекратили почти всѣ заводы.

22 апрѣля „Правда" праздновала двухлѣтіе своего выхода (ее нѣсколько разъ закрывали, но она тотчасъ выходила подъ другими названіями). На заводахъ производили сборъ въ „Фондъ рабочей печати". Въ этотъ самый день крайняя лѣвая Гос. Думы по поводу перваго выступленія И. Л. Горемыкина устроила обструкцію. Группа въ двадцать человекъ начала стучать пюпитрами и громко кричать, и скандалъ прекратился лишь послѣ того, какъ 21 депутатъ (съ лидеромъ с.-д. Чхеидзе и лидеромъ трудовиковъ, молодымъ адвокатомъ Керенскимъ во главѣ) были исключены на пятнадцать засѣданій. Горемыкинъ обратился къ Думѣ съ краткимъ привѣтствіемъ: „Положеніе мое самое простое, оно заключается въ совмѣстной и дружной съ вами работѣ... чтобы каждый изъ насъ могъ, въ предѣлахъ начертанныхъ ему законами обязанностей, посвятить свои силы служенію родинѣ".

Гос. Дума отнеслась къ новому премьеру сдержанно, а рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ Маклакова встрѣчена была недружелюбно; при обсужденіи смѣты его вѣдомства, думское большинство впервые

---

*) Государь повелѣлъ это дѣло прекратить, помѣтивъ на докладѣ: „Надѣюсь, что впредь предсѣдатель Гос. Думы не допуститъ сужденій, противныхъ закону и присягѣ".

**) А. И. Гучковъ, въ качествѣ гласнаго петербургской городской думы, внесъ предложеніе отпустить 100.000 рублей на помощь семьямъ бастующихъ, но это демонстративное предложеніе было опротестовано градоначальникомъ.

прибѣгло къ демонстративному отклоненію кредитовъ. Зная, что по закону, въ случаѣ отклоненія кредитовъ, остается въ силѣ цифра прошлой смѣты, думскія партіи рѣшили отвергнуть всѣ повышенія кредитовъ по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ ихъ числѣ были кредиты „на наемъ и содержаніе помѣщеній въ губ. городахъ". Правый октябристъ Танцовъ указалъ, что это невыгодно отразится на земскихъ смѣтахъ; земецъ-октябристъ Стемпковскій, признавая этотъ фактъ, возразилъ, что зато это „заставитъ министра призадуматься". Кредитъ былъ отклоненъ большинствомъ 159 противъ 147 голосовъ. Но, когда было предложено отклонить кредитъ на землеустройство въ польскихъ губерніяхъ, — поляки голосовали съ правымъ крыломъ, и кредитъ былъ спасенъ. Такъ и въ IV-й Думѣ могло случиться, что рѣшеніе зависѣло отъ польскихъ голосовъ...

Среди депутатовъ, исключенныхъ за обструкцію, былъ с.-д. большевикъ Малиновскій, состоявшій съ 1910 г. на службѣ въ тайной полиціи. Онъ пользовался довѣріемъ Ленина и былъ членомъ Центральнаго Комитета партіи; черезъ него министерство внутреннихъ дѣлъ было хорошо освѣдомлено о планахъ большевиковъ. Но его рѣзкія агитаціонныя рѣчи въ Гос. Думѣ возмутили новаго тов. мин. внутреннихъ дѣлъ Джунковскаго, который рѣшилъ прервать съ нимъ сношенія, и сообщилъ М. В. Родзянко объ истинной роли Малиновскаго, которому, разумѣется, пришлось сложить депутатскія полномочія и уѣхать за-границу.

Ленинъ долго отказывался признать, что Малиновскій былъ агентомъ полиціи; „Правда" объясняла его уходъ нервнымъ переутомленіемъ и порицала его за недостатокъ выдержки. Меньшевики, наоборотъ, злорадствовали. Съ этого момента правительство утратило свой главный источникъ освѣдомленія о внутреннихъ дѣлахъ партіи большевиковъ.

Такъ какъ правительство взяло курсъ въ сторону трезвости, — общество стало относиться къ этой проблемѣ съ ироніей. Дума отвергла кредитъ въ 300.000 на субсидіи обществамъ трезвости. „Если хотите трезвости — провозглашалъ Ф. И. Родичевъ — добывайте свободу!" Когда въ видѣ опыта, винныя лавки въ Петербургѣ были закрыты на второй и третій день Пасхи — рабочіе на многихъ заводахъ объявили забастовку, „такъ какъ вслѣдствіе закрытія мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ вь предшествующіе два дня они лишены были возможности привычнымъ образомъ провести праздничные дни".

Тѣмъ не менѣе, министръ финансовъ Баркъ уже въ апрѣлѣ могъ сообщить, что за послѣдніе мѣсяцы вынесено 416 приговоровъ сельскихъ сходовъ о закрытіи винныхъ лавокъ. Деревня отозвалась на кампанію въ пользу трезвости совершенно иначе, нежели городъ.

Соотношеніе партій въ Думѣ оставалось неопредѣленнымъ, прочнаго большинства не было. При рѣзкомъ столкновеніи октябриста Н. П. Шубинскаго съ П. Н. Милюковымъ, думское большинство исключило лидера к.-д., но противъ исключенія Шубинскаго получи-

лось большинство въ три голоса. Предсѣдательствовавшій въ этомъ засѣданіи прогрессистъ А. И. Коноваловъ вышелъ изъ президіума и на его мѣсто (303 голосами противъ 11) избранъ былъ товарищемъ предсѣдателя Гос. Думы октябристъ А. Д. Протопоповъ.

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ засѣданій (10 іюня) Дума, при закрытыхъ дверяхъ, полностью приняла военную программу. Государь поручилъ М. В. Родзянко „передать Гос. Думѣ изъявленіе Моего искренняго удовольствія по поводу принятаго Думой патріотическаго постановленія объ отпускѣ кредитовъ на усовершенствованіе обороны государства“.

Хотя И. Л. Горемыкинъ, вслѣдъ за В. Н. Коковцовымъ, отстаивалъ въ Гос. Совѣтѣ допущеніе польскаго языка въ городскихъ самоуправленіяхъ Царства Польскаго — Гос. Совѣтъ вторично отвергъ этотъ проектъ. Онъ также отклонилъ проектъ введенія волостного земства. При различіи настроеній обѣихъ палатъ, проводить новые законы становилось затруднительно.

„Въ наше, дѣйствительно, переходное время — говорилъ въ Гос. Думѣ тов. министра народнаго просвѣщенія, бар. М. А. Таубе, — писать органическіе уставы чрезвычайно нецѣлесообразно... Какое бы ни было правительство... при настоящей комбинаціи и констелляціи силъ и въ Гос. Думѣ, и въ Гос. Совѣтѣ законъ этотъ пройти не можетъ“. („Спасибо за признаніе, это вѣрно!“ — отозвались голоса слѣва). „Новое Время“ вспоминало послѣднія рѣчи Столыпина о „волшебномъ кругѣ“, создающемся для законодательства, о необходимости „трахеотоміи“...

Сессія Гос. Думы закрылась 14 іюня. „Подъ занавѣсъ“ она приняла т.н. „поправку Годнева“ къ государственной росписи, запрещающую министрамъ использовать по своему усмотрѣнію неупотребленные остатки кредитовъ по ихъ смѣтамъ. Гос. Совѣтъ эту поправку отвергъ, и лѣвая печать утверждала, что, слѣдовательно, отвергнутъ и весь бюджетъ; но дѣло ограничилось тѣмъ, что роспись была опубликована и введена въ дѣйствіе безъ вступительной части. 30 іюня на каникулы разошелся и Гос. Совѣтъ.

Въ международной политикѣ первая половина 1914 г. прошла довольно тихо. Много писали о злоключеніяхъ принца Вида, избраннаго княземъ Албаніи; ему никакъ не удавалось добиться признанія со стороны мѣстнаго населенія. Во Франціи парламентскіе выборы прошли подъ знакомъ борьбы противъ трехлѣтняго срока военной службы: большой успѣхъ имѣли соціалисты. Тѣмъ не менѣе, президентъ Пуанкаре не согласился предоставить власть противникамъ новаго военнаго закона, и послѣ неудачнаго опыта съ кабинетомъ Рибо (который былъ свергнутъ въ тотъ же день, какъ предсталъ передъ парламентомъ), премьеромъ былъ назначенъ независимый соціалистъ Вивіани, человѣкъ дипломатичный, удовлетворившій лѣвое крыло палаты обѣщаніемъ изучить вопросъ о способахъ замѣны трехлѣтней службы — а пока законъ оставленъ былъ въ силѣ. Кайо, считавшійся возможнымъ лидеромъ лѣваго большинства, былъ временно отстра-

ненъ отъ власти, т.к. предстоялъ процессъ его жены, убившей редактора „Фигаро“ Кальметта за опубликованіе личныхъ писемъ ея мужа къ ней.

Въ Англіи угрожающія формы принималъ ирландскій вопросъ. Законъ о „гомрулѣ“ долженъ былъ войти въ силу лѣтомъ 1914 г.; протестантское населеніе Ульстера готовилось къ вооруженному сопротивленію, а въ англійскомъ офицерствѣ проявлялось открытое нежеланіе итти противъ „вѣрныхъ Англіи“ ульстерцевъ ради „ирландскихъ сепаратистовъ“.

Австро русскія отношенія оставались натянутыми. Въ началѣ 1914 г. въ Мармарошъ-Сигетѣ (Карпатская Русь) и во Львовѣ разбирались дѣла о руссофильской пропагандѣ. Членъ Гос. Думы гр. В. А. Бобринскій ѣздилъ свидѣтелемъ защиты въ Мармарошъ-Сигетъ. Часть обвиняемыхъ была оправдана.

Столѣтіе рожденія малорусскаго поэта Тараса Шевченко было оффиціально отпраздновано въ Галиціи, тогда какъ въ Россіи ему пытались придать антирусскій характеръ. Въ петербургскихъ газетахъ даже появились свѣдѣнія, будто въ Кіевѣ малорусскими сепаратистами („мазепинцами“, какъ ихъ называли противники) устроена была демонстрація съ лозунгомъ „да здравствуетъ Австрія“. Кіевскій губернаторъ Н. І. Суковкинъ, однако, опровергнулъ эти сообщенія.

2 іюня Государь со всей Царской Семьей выѣзжалъ въ Румынію и въ Констанцѣ встрѣчался съ румынской королевской семьей (въ мартѣ въ Россію пріѣзжалъ наслѣдный принцъ Фердинандъ съ супругой и съ сыномъ). Ходили упорные слухи о предстоящей помолвкѣ Великой Княжны Ольги Николаевны съ молодымъ румынскимъ принцемъ Королемъ.

15/28 іюня въ Сараевѣ, столицѣ Босніи, былъ убитъ наслѣдникъ австрійскаго престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Онъ считался сторонникомъ превращенія Дунайской монархіи въ тріединое германо-венгро-славянское государство, съ расчетомъ на расширеніе въ сторону Балканъ, а то и за счетъ Россіи; нѣмецкіе и особенно венгерскіе націоналисты его не долюбливали.

„Русское общественное мнѣніе не считало покойнаго эрцгерцога въ числѣ друзей Россіи. Но оно не можетъ не испытывать чувства глубокой скорби передъ его трагической кончиной и негодованія къ убійцамъ, въ фанатическомъ ослѣпленіи сѣющимъ смерть направо и налѣво“, писало „Новое Время“. Государь выразилъ соболѣзнованіе престарѣлому Императору Францу-Іосифу; австрійскаго посла, гр. Чернина посѣтили Великіе Князья, министры, видные сановники.

Но уже 18 іюня „Новое Время“ указывало, что противъ Сербіи „началась очень опасная кампанія“. Хотя оба задержанныхъ участника убійства были австрійскіе подданные, австро-венгерская печать обвиняла въ организаціи убійства Сербію. Начались аресты среди сербовъ, живущихъ въ Босніи; происходили демонстраціи, толпы громили сербскіе магазины. Въ Россіи относились съ негодованіемъ къ этимъ попыткамъ использовать возмущеніе, вызванное убійствомъ

эрцгерцога, для политическихъ цѣлей Австро-Венгріи на Балканахъ.

Въ эти тревожные дни скоропостижно скончался русскій посланникъ А. А. Гартвигъ 28 іюня, въ кабинетѣ австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ). Его кончина была большимъ горемъ и для Сербіи, справедливо считавшей его своимъ горячимъ заступникомъ. Сербское правительство держало себя очень осторожно; оно даже запретило собранія протеста противъ сербскихъ погромовъ въ Босніи. Въ Петербургѣ надѣялись, что Германія окажетъ на Австрію умѣряющее вліяніе.

Къ началу іюля „злобой дня" въ Россіи стали забастовки, принявшія угрожающіе размѣры. Въ Баку около мѣсяца тянулась забастовка на нефтяныхъ пріискахъ. Соціалъ-демократическая печать въ Петербургѣ призывала рабочихъ поддержать бакинскихъ товарищей. 3 іюля въ Петербургѣ передъ Путиловскимъ заводомъ состоялся митингъ; полиція разсѣяла толпу, при чемъ въ свалкѣ было ранено камнями нѣсколько городовыхъ и ушиблено девять рабочихъ.

На слѣдующій день начались забастовки протеста, сопровождавшіяся уличными демонстраціями. С. д. и с.-р. выпустили прокламаціи, призывающія къ борьбѣ. 6 ію я было воскресенье; 7-го забастовка не только не прекратилась, но приняла боевой характеръ. Въ Петербургѣ бастовало уже свыше 100.000 рабочихъ; движеніе перекинулось въ Москву, въ Ревель. Въ рабочихъ кварталахъ Петербурга стали останавливать трамваи, разбирать мостовую, кидать камнями изъ оконъ въ полицію. Такъ какъ въ этотъ самый день въ Россію прибылъ французскій президентъ, Великій Князь Николай Николаевичъ (какъ отмѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ Пуанкаре) высказывалъ предположеніе, не устраиваются ли забастовки нѣмцами, чтобы испортить франко русскія манифестаціи.

8 іюля весь день шли нападенія на трамваи. Было испорчено 200 вагоновъ (изъ 500). Работали только казенные заводы; 9-го стали и они. На Приморской ж. д. рабочіе повалили телеграфные столбы поперекъ рельсъ. Въ ходу осталось только 40 трамвайныхъ вагоновъ. Но въ ночь на 9-ое въ помѣщеніи газеты „Правда" была задержана группа руководителей забастовки; газета „Трудовая Правда" была закрыта, типографія опечатана, и движеніе съ этого момента пошло на убыль. Оно, вообще, по телеграммамъ иностранной печати выглядѣло страшнѣе, чѣмъ было: такъ, безпорядки на окраинахъ ничуть не помѣшали франко русскимъ торжествамъ въ центрѣ города,—(Президентъ Пуанкаре посѣщалъ Петербургъ 8 іюля).

10-го было объявлено о закрытіи заводовъ, въ виду забастовки. Трамвайное движеніе зато возобновилось вездѣ, кромѣ рабочихъ кварталовъ. Забастовки, однако, еще распространялись въ провинціи,— на Ригу, на Николаевъ.

Президентъ Пуанкаре пробылъ въ Россіи съ 7 по 10 іюля. Въ Кронштадтѣ его встрѣтилъ Государь; онъ остановился въ Петергофѣ, на виллѣ „Александрія", въ гостяхъ у Царской Семьи. 9-го и 10-го были смотры въ Красномъ Селѣ. По традиціи были произнесены рѣчи

со взаимными завѣреніями въ дружбѣ и въ преданности идеалу мира. Вечеромъ 10-го іюля французская эскадра вышла въ море.

Въ тотъже вечеръ, 10-го, скончался въ Царскомъ Селѣ кн. В. П. Мещерскій; ему было за 75 лѣтъ, но онъ оставался дѣятельнымъ до конца и еще въ послѣднихъ числахъ іюня имѣлъ съ Государемъ последнюю продолжительную бесѣду. Государь всегда прислушивался къ его мнѣніямъ, хотя часто съ нимъ не соглашался.

На слѣдующее утро, 11 іюля, министерство иностранныхъ дѣлъ получило телеграмму изъ Бѣлграда: наканунѣ вечеромъ австрійскій посланникъ Гизль вручилъ сербскому правительству ультиматумъ съ требованіями, явно непріемлемыми для независимаго государства.

Часть IV

Міровая Война
(1914-1917 г.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Австрійскій ультиматумъ и русскій отвѣтъ. Единодушіе въ Россіи. Общая мобилизація. Германскій ультиматумъ и объявленіе войны.

Патріотическій подъемъ. Манифесты 20 и 26 іюля. Сближеніе общества съ властью. Воззваніе къ полякамъ. Запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ.

Французскія требованія помощи; походъ въ В. Пруссію; Сольдау. Договоръ 22 августа (5 сент.) 1914 г. Успѣхи въ Галиціи. Маневренная война въ Царствѣ Польскомъ. Война на морѣ. Выступленіе Турціи. Положеніе въ странѣ; агитація противъ нѣмцевъ. Процессъ депутатовъ с.-д. Надежды на голодъ въ Германіи.

Угроза снаряднаго голода. Январьская сессія Думы. Операціи союзниковъ у Дарданелъ. Взятіе Перемышля. Дѣло Мясоѣдова. Поѣздка Государя въ Галицію.

Прорывъ у Тарнова. Отходъ въ Галицію. Бѣженцы и „выселенцы". „Нѣмецкій погромъ" въ Москвѣ. Конференція к.-д., лозунгъ „министерства общественнаго довѣрія".

Ставка и правительство. Шаги навстрѣчу обществу: увольненіе четырехъ министровъ; созывъ Г. Думы.

Оставленіе Варшавы. Сдача Ковно. Лѣтняя сессія Думы. Созданіе особыхъ совѣщаній. Принятіе Государемъ Верховнаго Командованія.

Министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновъ получилъ телеграмму отъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ В. Н. Штрандтмана около десяти часовъ утра, 11 (24) іюля. Онъ тутъ же сказалъ: „C'est la guerre européenne". Таково было первое же впечатлѣніе отъ требованій Австріи. Оно еще усилилось, когда въ 10 ч. утра отъ австро-венгерскаго посольства былъ полученъ полный текстъ ноты. Тотчасъ же объ этомъ сообщили по телефону въ Царское Село Государю, который воскликнулъ: „Это возмутительно!", и повелѣлъ созвать экстренное засѣданіе Совѣта Министровъ. Оно состоялось въ 3 ч. дня. Было рѣшено снестись съ другими великими державами и дать Сербіи совѣтъ — не оказывать сопротивленія, чтобы не обострять конфликта. Но въ то же время, чтобы не создалось впечатлѣнія, будто Россія счи-

таетъ возможнымъ остаться въ сторонѣ, было составлено краткое сообщеніе, появившееся въ военномъ оффиціозѣ „Русскій Инвалидъ“ на слѣдующее утро 12 іюля:

„Правительство весьма озабочено наступившими событіями и посылкой Австро-Венгріей ультиматума Сербіи. Правительство зорко слѣдитъ за развитіемъ австро-сербскаго столкновенія, къ которому Россія не можетъ оставаться равнодушной“.

Этимъ краткимъ и сдержаннымъ сообщеніемъ русское правительство давало понять, что оно не намѣрено бездѣйствовать, если Австро-Венгрія попытается силой навязать Сербіи свою волю. Австрійскій ультиматумъ и русскій отвѣтъ по существу уже предрѣшали неизбѣжность войны.

Возможно, что Австрія, а также Германія, знавшая о предстоящемъ выступленіи своей союзницы, расчитывали добиться безкровнаго дипломатическаго успѣха, полагаясь на то, что Россія будетъ, во что бы то ни стало, избѣгать войны. Миролюбіе Государя было извѣстно; однако, хотя бы бывшій канцлеръ Бюловъ могъ припомнить и то предупрежденіе, которое самъ Государь ему далъ еще пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. *) Существовали традиціи, отъ которыхъ Россія не могла отступить, во всякомъ случаѣ, подъ внѣшней угрозой.

Издавна Россія считала себя преемницей Византіи и покровительницей остальныхъ славянскихъ народовъ. Она могла сама видоизмѣнить свою политику и сознательно перенести свой центръ на Востокъ. Въ этомъ отношеніи правительство даже шло впереди общества, которое никогда не понимало всего значенія дальневосточной политики Государя. Такъ называемое, „передовое“ общественное мнѣніе оставалось гораздо ближе къ традиціямъ середины XIX-го вѣка. Особенно за послѣдніе годы, послѣ боснійскаго кризиса, интересъ къ Ближнему Востоку, къ балканскимъ славянамъ, распространился и на широкіе слои интеллигенціи. Кромѣ того, событія послѣднихъ лѣтъ создали между Россіей и Сербіей связь взаимныхъ обязательствъ, хотя и не закрѣпленныхъ формальнымъ договоромъ. Сербія и въ боснійскомъ кризисѣ (1909 г.), и въ вопросѣ о выходѣ къ морю (1912 г.), и въ вопросѣ о Скутари (1913 г.) послѣдовала указаніямъ русскаго правительства и помогала ему избѣжать международныхъ осложненій. Россія, со своей стороны, этимъ самымъ обязывалась не допускать насилія надъ Сербіей. Въ этомъ сходились всѣ русскіе государственные дѣятели, не исключая тѣхъ, которые предпочли бы дружбу съ Германіей сближенію съ Англіей. Такъ П. Н. Дурново въ своей запискѣ прямо указывалъ, что для возможности сближенія Германія, со своей стороны, должна „пойти навстрѣчу нашимъ стремленіямъ“ и обезпечить Россію „отъ чрезмѣрныхъ происковъ Австро-Венгріи на Балканахъ“.

11 іюля сербскій королевичъ-регентъ Александръ, въ телеграммѣ

*) См. выше, I т., глава V., стр. 122.

на имя Государя, писалъ: „Мы не можемъ защищаться. Посему молимъ Ваше Величество оказать намъ помощь возможно скорѣе . . . Мы твердо надѣемся, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ Его славянскомъ и благородномъ сердцѣ“.

Государь на это отвѣтилъ 14 іюля: „Пока есть малѣйшая надежда избѣжать кровопролитія, всѣ наши усилія должны быть направлены къ этой цѣли. Если же, вопреки нашимъ искреннимъ желаніямъ, мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что ни въ коемъ случаѣ Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи“. Телеграмма эта была получена какъ разъ въ тотъ день, когда Австрія объявила Сербіи войну, и произвела огромное впечатлѣніе. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Никола Пашичъ „былъ настолько взволнованъ, что могъ говорить только урывками: „Господи, милостивый русскій Царь, какое утѣшеніе“. Онъ не былъ въ силахъ сдержать своихъ слезъ“. *)

„Тяжкія времена не могутъ не скрѣпить узъ глубокой привязанности, которыми Сербія связана со святой славянской Русью, и чувства вѣчной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будутъ свято храниться въ сердцахъ всѣхъ сербовъ“, писалъ (16 іюля) въ отвѣтной телеграммѣ королевичъ Александръ.

Иной позиціи Государь занять не могъ, и въ этомъ Онъ былъ поддержанъ всѣмъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Но и въ Австро-Венгріи создалось положеніе, при которомъ правительство не считало возможнымъ отступить и этимъ уронить свой престижъ въ глазахъ разноплеменнаго населенія Дунайской монархіи. Россія не могла предоставить Австро-Венгріи поступить съ Сербіей по своему усмотрѣнію; Австро-Венгрія поставила вопросъ такъ, что всякое вмѣшательство въ ея споръ съ Сербіей она разсматривала, какъ посягательство на ея честь.

Послѣ того, какъ Австрія зашла сразу такъ далеко, а Россія заявила, что есть вещи, на которыя она согласиться не можетъ,—международное положеніе стало, въ сущности, сразу безвыходнымъ, хотя переговоры еще продолжались нѣсколько дней. Былъ, пожалуй, только одинъ моментъ, когда Австрія еще могла отступить, въ то же время провозглашая свою побѣду: сербскій отвѣтъ, врученный 13 іюля, шелъ дальше въ удовлетвореніи австрійскихъ требованій, чѣмъ можно было ожидать; Сербія не принимала только вмѣшательства австро-венгерскихъ властей въ судебное слѣдствіе на ея территоріи; но даже и въ этомъ вопросѣ готова была вести дальнѣйшіе переговоры. Такъ, германскій Императоръ, прочтя сербскій отвѣтъ, счелъ, что онъ удовлетворителенъ. Но Австрія этого не сочла. Она въ тотъ же день (13-го) прервала съ Сербіей дипломатическія сношенія, а 15-го объявила ей войну.

Въ русскихъ правительственныхъ кругахъ сперва имѣлась надежда на то, что Германія окажетъ на Австрію умѣряющее дѣйствіе. Го-

*) „Международныя отношенія въ эпоху имперіализма“. Серія третья. Т. У. стр. 496.

сударь въ этомъ смыслѣ телеграфировалъ нѣсколько разъ Императору Вильгельму. Но Германія не считала возможнымъ отказать въ поддержкѣ Австро-Венгріи, своей единственной союзницѣ. Кромѣ того, дѣйствовалъ широко распространившійся фатализмъ, представленіе о томъ, что война, все равно, неизбѣжна. Даже такой радикальный германскій органъ, какъ „Frankfurter Zeitung" писалъ — сразу же послѣ австрійскаго ультиматума (11 — 24 іюля): „Если сейчасъ и удастся избѣжать европейской войны, то, къ сожалѣнію, приходится опасаться, что русскій націонализмъ черезъ нѣсколько лѣтъ попытается изгладить свое теперешнее униженіе" . . .

Такой же фатализмъ господствовалъ и во Франціи, и въ Англіи. Позиція Франціи была, при этомъ, проста. Непосредственно не заинтересованная въ конфликтѣ, она только строго придерживалась своихъ союзныхъ обязательствъ; при этомъ, тѣ круги, которые считали франко-германское столкновеніе неизбѣжнымъ, были скорѣе довольны, что данный конфликтъ начинается именно съ Россіи, которая уже не можетъ оказать умѣряющее вліяніе, какъ во время мароккскаго кризиса. Англія также знала, что германская пропаганда послѣднихъ лѣтъ толковала все происходящее, какъ англо-германское соперничество; и она не видѣла большого вреда въ томъ, чтобы въ открытую борьбу противъ Германіи втянулась Россія и за нею Франція.

При общей готовности принять войну и при отсутствіи гдѣ-либо твердой воли ее предотвратить, хотя бы цѣною жертвъ, всѣ державы только выполняли нѣкій обрядъ, продолжая переговоры о мирныхъ путяхъ ликвидаціи конфликта — и въ то же время выискивая способъ возложить на противоположную сторону отвѣтственность за войну.

Русское общественное мнѣніе было весьма единодушно въ отпорѣ австрійскому ультиматуму. Только к.-д. „Рѣчь" сперва отнеслась съ извѣстнымъ осужденіемъ позиціи русскаго правительства: „Что Сербія, особенно послѣ русскаго поощренія, не дастъ вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта (писала „Рѣчь" 12 іюля), это можно считать несомнѣннымъ. Поощреніе Сербіи уже оказано, и извѣстная доля отвѣтственности за послѣдствія нами уже взята. Т.о., остановить ходъ событій, повидимому, уже не въ нашей власти" . . . Но черезъ два дня и „Рѣчь" признавала, что сербскій отвѣтъ оказался болѣе, чѣмъ удовлетворительнымъ . . .

Въ воскресенье 13 іюля въ С.-Петербургѣ состоялись уличныя манифестаціи; толпа кричала: „Да здравствуетъ армія, да здравствуетъ война". — „Это необычный вечеръ, — писало „Новое Время" (14.VII) — это вечеръ народнаго ликованія, народнаго восторга передъ возможностью той войны, которая, быть можетъ, со времени Освободительной турецкой войны одна такъ популярна и такъ возвышенна".

Поскольку Россія рѣшила „не остаться равнодушной къ судьбѣ Сербіи", необходимо было принять подготовительныя военныя мѣры. 15 іюля Австрія объявила Сербіи войну; въ тотъ же день русское правительство рѣшило объявить мобилизацію четырехъ военныхъ ок-

руговъ (приблизительно половины арміи). Желая до послѣдней возможности не порывать съ Германіей, Госуд‹а›рь считалъ, что мобилизація должна коснуться тѣхъ войскъ, которыя сосредоточиваются къ австрійской границѣ.

Но начальникъ Генеральнаго Штаба, Н. Н. Янушкевичъ, и другіе военные авторитеты не безъ вѣскихъ основаній считали, что частичная мобилизація можетъ спутать всѣ планы и маршруты и помѣшать въ дальнѣйшемъ проведенію общей мобилизаціи, а было заранѣе ясно, что Германія не оставитъ Австрію безъ поддержки. Съ другой стороны, объявленіе общей мобилизаціи означало бы признаніе неизбѣжности общей войны.

Получилось роковое сцѣпленіе: Россія вынуждена была объявить хотя бы частичную мобилизацію, разъ Австрія начинала военныя дѣйствія противъ Сербіи, но частичная мобилизація могла въ качествѣ угрозы оказаться недостаточной. Тогда пришлось бы прибѣгнуть къ общей мобилизаціи. А ея проведеніе было весьма затруднено, если бы раньше начались уже частичныя. Опять таки общая русская мобилизація не могла не вызвать германской, а также французской мобилизаціи. А германскій мобилизаціонный планъ былъ въ то же время соединенъ съ быстрымъ началомъ военныхъ дѣйствій.

Государь не сразу согласился на общую мобилизацію; весь день 17-го іюля Онъ еще настаивалъ на проведеніи частичной. Какъ представитель военнаго вѣдомства, такъ и министръ иностранныхъ дѣлъ нѣсколько разъ обращались къ Нему съ настойчивыми уговорами. Къ вечеру 17-го Государь, наконецъ, согласился на замѣну частичной мобилизаціи общей. Онъ при этомъ, однако, телеграфировалъ Императору Вильгельму: „Технически невозможно остановить наши военныя приготовленія, ставшими неизбѣжными въ виду мобилизаціи Австріи. Мы далеки отъ того, чтобы желать войны. Пока будутъ длиться переговоры съ Австріей по Сербскому вопросу, мои войска не предпримутъ никакихъ военныхъ дѣйствій. Я торжественно даю тебѣ въ этомъ мое слово".

Со стороны Германіи соотвѣтственнаго обѣщанія, однако, не послѣдовало. Война была политически предрѣшена; но тотъ фактъ, что Россія первой объявила всеобщую мобилизацію, давалъ германскому правительству удобный предлогъ для того, чтобы изобразить въ глазахъ своего народа объявленіе войны, какъ актъ самозащиты. Въ полночь съ 18-го на 19-ое германскій посолъ Пурталесъ явился къ С. Д. Сазонову и предъявилъ ультимативное требованіе — немедленно пріостановить мобилизацію. Такое требованіе было, конечно, невыполнимо —ни по соображеніямъ государственнаго достоинства, ни по военно-техническимъ основаніямъ. Россія только повторила свое завѣреніе въ томъ, что ея войска не перейдутъ границу, пока длятся переговоры. Тогда, 19 іюля (1 августа), въ 7 ч. 10 м. вечера, германскій посолъ Пурталесъ вручилъ министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову оффиціальное объявленіе войны. Великая война началась.

Изъ вечернихъ газетъ 19 іюля Россія узнала о германскомъ ультиматумѣ, а на слѣдующій день она уже прочла про объявленіе вой-

ны. Огромныя толпы, во много разъ большія, чѣмъ при вѣсти о нападеніи японцевъ на Портъ-Артуръ, наводнили 20 іюля улицы столицы. Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ заполнилась народомъ; когда Государь вышелъ на балконъ, толпа опустилась на колѣни. Не смолкали крики „ура" и пѣніе народнаго гимна.

Въ большомъ залѣ Зимняго Дворца Государь принималъ высшихъ чиновъ арміи и флота: „Я здѣсь торжественно заявляю,—сказалъ Онъ, —что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Нашей".

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ, командующій войсками С.-Петербургскаго военнаго округа. Государь самъ предполагалъ стать во главѣ арміи; законъ о полевомъ управленіи войсками былъ составленъ въ предвидѣніи, что Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ самъ Императоръ. На засѣданіи Совѣта Министровъ, однако, почти всѣ высказались за назначеніе другого лица — имѣлось два кандидата, военный министръ, В. А. Сухомлиновъ, и Великій Князь, и выборъ Государя остановился на второмъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ быстро получилъ широкую извѣстность и популярность, какъ въ арміи, такъ и во всей странѣ. Начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго былъ назначенъ ген. Н. Н. Янушкевичъ, генералъ-квартирмейстеромъ — ген. Ю. Н. Даниловъ.

Въ теченіе перваго года войны армія дѣлилась на два „фронта" — юго-западный съ Главнокомандующимъ ген. Н. І. Ивановымъ во главѣ, и сѣверо-западный, гдѣ ген. Я. Г. Жилинскаго вскорѣ смѣнилъ ген. Н. В. Рузскій.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 20 іюля излагался ходъ переговоровъ, завершившихся объявленіемъ войны со стороны Германіи. „Нынѣ предстоитъ — говорилось въ заключеніе — уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ . . . Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага".

„Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе" — гласилъ манифестъ 26 іюля (о войнѣ съ Австріей) — „но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло... Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное намъ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ".

Объявленія войны слѣдовали одно за другимъ: 19 іюля Германія объявила Россіи; 21 іюля она объявила войну Франціи, такъ какъ по военно-техническимъ соображеніямъ она не могла долѣе задерживать свое наступленіе, а выполненіе Франціей союзнаго долга для нея сомнѣній не представляло. Тотъ фактъ, что Германія въ обоихъ случаяхъ

первая объявила войну, далъ Италіи формальное основаніе уклониться отъ выполненія военнаго договора; германское правительство, правда, пыталось внушить Италіи, будто русскія войска первыми перешли границу Германіи безъ объявленія войны,*) но Италія этихъ доводовъ не приняла.

Вслѣдъ за тѣмъ, изъ-за нарушенія бельгійскаго нейтралитета, внезапно и сразу въ борьбу вмѣшалась Англія: она ультимативно потребовала отъ Германіи уваженія неприкосновенности территоріи Бельгіи, когда германскія войска уже переходили границу, и въ ночь съ 22 на 23 іюля объявила Германіи войну.

Австро-Венгрія медлила нѣсколько дней, съ очевиднымъ расчетомъ, что Россія сама ей объявитъ войну и что это создастъ законный casus belli для Италіи; но Россія торопиться не стала, и Австріи пришлось самой объявить войну (24 іюля), чтобы не отстать отъ своей союзницы въ развитіи военныхъ операцій.

Война начиналась въ условіяхъ, весьма благопріятныхъ для державъ Согласія: къ Россіи, Франціи и Сербіи сразу же присоединилась Англія и (съ 11 августа) ея союзница Японія, тогда какъ Германія и Австро-Венгрія не встрѣтили поддержки ни со стороны Италіи, ни со стороны Румыніи (гдѣ коронный совѣтъ, вопреки мнѣнію короля Карла I, высказался за нейтралитетъ); нейтральной осталась и Швеція, на которую въ Германіи возлагали большія надежды.

Великая война застала русское общество врасплохъ. Но съ самаго начала конфликта, съ 11-го по 19-ое іюля, въ Россіи царило полное единодушіе; позиція правительства встрѣчала общее одобреніе, и когда Германія предъявила ультиматумъ о прекращеніи мобилизаціи, а затѣмъ объявила войну — въ Россіи это было всѣми встрѣчено, какъ необоснованное нападеніе; въ необходимости дать отпоръ ни у кого не возникало сомнѣній.

Какъ и во время Японской войны, Россія только отвѣчала на нападенія (въ 1904-мъ году даже еще болѣе грубое, чѣмъ въ 1914-мъ). Но на этотъ разъ русское общество приняло войну не только какъ отвѣтъ на вражеское нападеніе. Именно эта война была логическимъ слѣдствіемъ политики, встрѣчавшей полное одобреніе либеральныхъ интеллигентскихъ круговъ: союза съ Франціей, сближенія съ Англіей, болѣе активной политики на Балканахъ.

Слились воедино непосредственное патріотическое чувство отпора внѣшнему врагу и убѣжденіе въ томъ, что именно эта война — идеологически соотвѣтствуетъ стремленіямъ „передовой" части общества. Сторонники сближенія съ Германіей поневолѣ должны были умолкнуть, такъ какъ на лицо былъ фактъ австро-германскаго наступленія на Россію.

Въ городахъ почти вездѣ происходили большія патріотическія манифестаціи. Народныя массы, особенно въ деревняхъ, не проявляли, правда, особаго энтузіазма, но отнеслись къ участію въ войнѣ, какъ

---

*) „И тутъ ложь", помѣтилъ Государь на докладѣ объ этой германской нотѣ.

къ выполненію естественнаго долга передъ Царемъ и отечествомъ. Мобилизація прошла успѣшно, скорѣе, чѣмъ ожидалось; не только нигдѣ не было протестовъ, не было и нерѣдкихъ въ подобныхъ случаяхъ пьяныхъ безчинствъ: по Высочайшему повелѣнію на время мобилизаціи была воспрещена продажа спиртныхъ напитковъ.

Для русской интеллигенціи начало войны было огромнымъ душевнымъ сдвигомъ. Та смутная патріотическая готовность, которая въ ней накоплялась за послѣдніе годы, постепенно смѣняя вѣру въ революцію, нашла себѣ исходъ. Желаніе принять участіе въ общемъ дѣлѣ охватило и круги, враждебно державшіеся въ сторонѣ въ дни японской войны. „Что-то неописуемое дѣлается вездѣ. Что-то неописуемое чувствуешь въ себѣ и вокругъ. Какой-то приливъ молодости. На улицахъ народъ моложе сталъ, въ поѣздахъ — моложе" — писалъ о первыхъ дняхъ войны В. В. Розановъ. „Теперь дождались безработные— большихъ, торжественныхъ работъ. — Бодры и свѣтлы лица потныя, какъ въ ясный урожайный годъ". Эти слова одной „декадентской" поэтессы мѣтко опредѣляютъ основное настроеніе интеллигенціи въ первые мѣсяцы войны.

Когда 26 іюля открылась чрезвычайная сессія обѣихъ палатъ, единеніе законодательныхъ учрежденій съ властью было полнымъ. „Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ Родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ, да Я думаю и въ вашихъ, ручательствомъ въ томъ, что наша великая Матушка Россія доведетъ ниспосланную ей Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца", — говорилъ Государь на пріемѣ членовъ законодательныхъ палатъ. „Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланное испытаніе, и что всѣ мы, начиная съ Меня, исполнимъ свой долгъ до конца. Великъ Богъ земли Русской"!

Государственная Дума единогласно приняла всѣ кредиты и законопроекты, связанные съ веденіемъ войны. Даже трудовики, устами А. Ф. Керенскаго, заявили о своемъ присоединеніи къ большинству;*) соціалъ-демократы не стали голосовать за кредиты, но воздержались отъ голосованія.

На экстренной сессіи, открывшейся 25 іюля, московское земское собраніе рѣшило привлечь всѣ земства къ совмѣстной работѣ на нужды арміи, въ первую очередь для помощи раненымъ и больнымъ. Созванный для этого съѣздъ горячо одобрилъ эту идею, но только во главѣ общеземскаго союза стали не иниціаторы этого предложенія (Ф. В. Шлиппе и др.), а руководители старой полулегальной общеземской организаціи, съ кн. Г. Е. Львовымъ на посту предсѣдателя. Но это, въ ту минуту, не вызывало возраженій.

Представители общественности, безъ различія партій, провозгласили единеніе съ властью во имя борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Прави-

*) А. Ф. Керенскій сдѣлалъ, однако, характерную оговорку: „Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ, въ великихъ страданіяхъ, укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи и родится единая воля, которая освободитъ страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ".

тельство, со своей стороны, шло навстрѣчу своимъ недавнимъ противникамъ. Оно сразу же разрѣшило организацію Общеземскаго Союза, а также Союза городовъ, несмотря на ихъ к.-д. возглавленіе, и отпускало имъ значительныя казенныя средства.*) Оно прекратило процессы, связанные со старыми счетами (дѣло адвокатовъ, принявшихъ рѣзкую резолюцію по дѣлу Бейлиса, дѣло Шульгина). Московскимъ городскимъ головой былъ утвержденъ извѣстный к.-д. дѣятель М. В. Челноковъ. Газета „Рѣчь", закрытая было приказомъ Верховнаго Главнокомандующаго, была черезъ два-три дня вновь разрѣшена, т.к. ея редакція завѣрила власть въ своемъ искреннемъ желаніи всѣми силами содѣйствовать обще-національной цѣли.

Патріотическій подъемъ въ русской интеллигенціи былъ безспорнымъ и новымъ явленіемъ. Лѣвые круги, какъ бы стыдясь такихъ необычныхъ настроеній, „оправдали" ихъ соображеніями о томъ, что пораженіе Германіи приведетъ къ водворенію соціализма на развалинахъ монархіи Гогенцоллерновъ, что рѣчь идетъ о борьбѣ за демократію противъ „феодальнаго милитаризма". Протестовъ слышно не было. Ленинъ, котораго война застала въ Краковѣ, былъ почти одинокъ, когда еще въ августѣ 1914 г. писалъ въ своихъ „тезисахъ по поводу настоящей войны": „Съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудовыхъ массъ Россіи, наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи и ея войскъ" Въ этотъ періодъ войны не только старый соратникъ Ленина, Г. А. Плехановъ, горячо проповѣдовалъ борьбу противъ германскаго милитаризма, но и б. предсѣдатель петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, Л. Троцкій (Бронштейнъ) писалъ (въ эмигрантской газетѣ „Наше Слово"), что желать пораженія Россіи нельзя, ибо это значило бы — желать побѣды реакціонной Германіи.

Періодъ мобилизаціи и развертыванія армій продолжался недѣли двѣ; первыя вѣсти о бояхъ пришли съ западнаго фронта. Своевременно (въ 1910 г.) осуществленное перемѣщеніе мѣстъ сосредоточенія войскъ въ районы, болѣе удаленные отъ границы, оставляло русскому командованію значительный просторъ въ выборѣ объекта военныхъ дѣйствій. Но изъ Франціи настаивали на томъ, чтобы главныя операціи русской арміи были направлены не противъ Австріи, а противъ Германіи. Нѣмцы, со своей стороны, держались на восточномъ фронтѣ оборонительной тактики и заняли только нѣсколько незащищенныхъ городовъ въ западной части польскаго выступа (Калишъ, Ченстоховъ). Австрійцы, готовившіе наступленіе изъ Галиціи, въ направленіи на Люблинъ-Холмъ, нѣсколько расчитывали на возстаніе въ Царствѣ Поль-

---

*) Помощникъ управляющаго дѣлами совѣта министровъ, А. Н. Яхонтовъ, указываетъ, что къ концу ноября 1914 г. ассигнованія правительства союзамъ выразились въ суммѣ около 43 милліоновъ рубл. На 20 сентября 1916 г. сумма эта достигла 553.459.829 р. Цифры эти охватываютъ лишь ассигнованія, проведенныя черезъ совѣтъ министровъ, послѣ предварительнаго обсужденія ихъ совѣщаніемъ, состоявшемъ въ военномъ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ ген. Веденяпина. Сверхъ того, союзамъ выдавались авансы и командованіемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій („Возрожденіе" № 4038 отъ 8 августа 1936 г.).

скомъ; въ ихъ арміи имѣлись польскія добровольческія части въ особой формѣ, во главѣ которыхъ сталъ испытанный революціонеръ Іосифъ Пилсудскій.

Но Россія разрушила эти расчеты на поляковъ. Отъ имени Верховнаго Главнокомандующаго, Великаго Князя Николая Николаевича, 1 августа было обнародовано обращеніе къ польскому народу: „Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться. Полтора вѣка тому назадъ, живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла ея душа . . . Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя. Подъ скипетромъ этимъ да возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи. Одного ждетъ отъ васъ Россія — такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народовъ, съ которыми связала васъ исторія. Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ . . .

Этотъ призывъ, вмѣстѣ со старыми франко-польскими связями, привелъ къ тому, что всѣ видные общественные дѣятели русской части Польши громко провозгласили свою вѣрность союзникамъ; легіоны Пилсудскаго почти не нашли себѣ пополненія въ Царствѣ Польскомъ. Державы Согласія обѣщали полякамъ больше, чѣмъ ихъ противница, т.к. Австрія не могла дать имъ Познань и Поморье — провинціи, такъ усиленно колонизовавшіяся нѣмцами.

Всѣ прочія народности Имперіи въ минуту испытанія оказались лойяльными; въ началѣ войны не было племенныхъ различій. Исключеніе составляла только Финляндія, гдѣ недавніе законы объ общеимперскомъ законодательствѣ оставили въ населеніи затаенную обиду. Финляндцы, такъ и не призывавшіеся съ 1899 г. къ отбыванію воинской повинности, остались въ сторонѣ отъ борьбы и въ 1914 г.; больше того, нѣсколько тысячъ финскихъ молодыхъ людей окольными путями, черезъ Швецію, бѣжали за границу и составили добровольческіе „егерскіе“ батальоны въ рядахъ германской арміи. Однако, попытокъ возстанія въ самой Финляндіи не было, такъ какъ тамъ стояло большое количество русскихъ войскъ.

Въ первые дни войны самые трудные вопросы внутренней жизни казались легко разрѣшимыми. Государь воспользовался этой минутой для того, чтобы провести смѣлую реформу, которая была за послѣдніе годы особенно близка Его сердцу: запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ. Сначала запретъ былъ введенъ, какъ обычная мѣра, сопровождающая мобилизацію; затѣмъ (22 августа) было объявлено, что запретъ сохранится на все время войны; онъ былъ постепенно распространенъ не только на водку, но также и на вино, и на пиво. Наконецъ, въ началѣ сентября, принимая Великаго Князя Константина Константиновича, въ качествѣ представителя Союзовъ Трезвенниковъ, Государь сказалъ: „Я уже предрѣшилъ навсегда воспретить въ Россіи казенную продажу водки“. И эти слова монарха

соотвѣтствовали въ то время общему народному мнѣнію, принявшему запретъ спиртныхъ напитковъ, какъ очищеніе отъ грѣха; никому поэтому не приходило въ голову, что такая законодательная мѣра, предрѣшенная Царемъ, могла бы встрѣтить сопротивленіе въ представительныхъ учрежденіяхъ.

Только условія военнаго времени, опрокинувшія всякія нормальныя бюджетныя соображенія, позволили провести мѣру, которая означала отказъ государства отъ самаго крупнаго изъ своихъ доходовъ. Ни въ одной странѣ до 1914 г. еще не принималось такой радикальной мѣры борьбы съ алкоголизмомъ. Это былъ грандіозный, неслыханный опытъ. Конечно, черезъ нѣкоторое время развилось тайное винокуреніе и появились всевозможные суррогаты спиртныхъ напитковъ; но — особенно при отсутствіи ввоза изъ-за границы — можно сказать, что потребленіе спирта въ Россіи за первые годы войны уменьшилось въ нѣсколько разъ.

4 августа начались первыя крупныя боевыя столкновенія на восточномъ фронтѣ. Русскіе наступали съ востока въ предѣлы Германіи, вдоль желѣзной дороги Петербургъ—Берлинъ; австрійцы изъ Галиціи вели наступленіе съ юга къ линіи Люблинъ — Холмъ, тогда какъ русскіе готовили имъ ударъ во флангъ со стороны Волыни. Къ этому времени опредѣлилась неудача французскаго наступленія въ Эльзасѣ и Лотарингіи; бельгійская „плотина“ была прорвана и германскія арміи черезъ Бельгію предвигались въ сѣверную Францію.

Французскій посолъ Палеологъ, въ личной аудіенціи у Государя, настоятельно просилъ о скорѣйшемъ оказаніи помощи. Въ западныхъ странахъ вообще господствовало преувеличенное представленіе о возможностяхъ русской арміи, которую изображали въ видѣ „парового катка“, давящаго все передъ собой своей огромной массой. Не учитывались при этомъ ни медленность передвиженія, вслѣдствіе болѣе слабаго развитія желѣзныхъ дорогъ, ни германскій перевѣсъ въ артиллеріи, особенно въ тяжелыхъ орудіяхъ. Русская армія, вмѣстѣ съ призванными подъ знамена запасными и ратниками ополченія I разряда, насчитывала, правда, около пяти милліоновъ человѣкъ; изъ нихъ въ дѣйствующую армію входило около трехъ съ половиной милліоновъ. Все это количество могло быть сосредоточено на театрѣ военныхъ дѣйствій не раньше, чѣмъ черезъ два мѣсяца съ начала мобилизаціи. Союзники, однако, оцѣнивали русскія возможности весьма оптимистически. Французскій военный министръ (Мессими), говоря съ русскимъ военнымъ агентомъ въ началѣ августа, совершенно серьезно считалъ возможнымъ вторженіе русскихъ въ Германію и движеніе на Берлинъ со стороны Варшавы.

Западныя державы желали еще болѣе непосредственной помощи: 17 августа, въ разгаръ боевъ въ В. Пруссіи и въ Галиціи, англійское посольство просило черезъ Сазонова о посылкѣ 3 — 4 русскихъ корпусовъ на западный фронтъ и обѣщало доставить для этого въ Архангельскъ потребное количество судовъ.

„Въ виду нетерпѣнія, съ которымъ французское правительство относится къ нашему наступленію въ Германіи" — (писалъ 10 августа управляющій дипломатической канцеляріей при ставкѣ Н. А. Базили) — „начальникъ штаба Верх. Главнокомандующаго просилъ передать, что наступательное движеніе нашихъ войскъ противъ Германіи производится большими массами и выполняется съ наибольшей возможной скоростью, совмѣстно съ требованіями благоразумія". Но желаніе помочь союзникамъ въ трудную минуту заставило русское командованіе отойти отъ „требованій благоразумія" и предпринять ускоренное наступленіе противъ сильно укрѣпленнаго района Восточной Пруссіи. Желаніе помочь союзникамъ превозмогло всѣ прочія соображенія.

Кромѣ арміи ген. Ренненкампфа, двигавшейся въ В. Пруссію съ востока, въ германскіе предѣлы вторглась съ юга другая армія подъ командой ген. Самсонова. Нѣмцы начали отступать; большія пространства ихъ территоріи переходили въ русскія руки; но между обѣими русскими арміями еще оставалась сильно укрѣпленная полоса, снабженная густой сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Нѣмцы этимъ воспользовались, чтобы бросить всѣ свои силы противъ арміи, шедшей съ юга, оставивъ передъ арміей Ренненкампфа только заслонъ на укрѣпленныхъ позиціяхъ. Армія ген. Самсонова, продолжая наступать, попала въ кольцо, которое сомкнулось. Произошло сраженіе, извѣстное въ Россіи подъ названіемъ боя при Сольдау, а въ Германіи прозванное битвой подъ Танненбергомъ, какъ бы для того, чтобы изгладить память о быломъ пораженіи Тевтонскаго ордена.*) Армія ген. Самсонова была разгромлена, ея командующій покончилъ съ собой, десятки тысячъ русскихъ были взяты въ плѣнъ. На этой битвѣ создали себѣ имя генералы Гинденбургъ и Людендорфъ.

Послѣ этого нѣмцы перебросили освободившіяся силы навстрѣчу арміи ген. Ренненкампфа и заставили, въ свою очередь, и ее отойти къ границѣ. Первое форсированное наступленіе противъ Германіи, т.о., закончилось неудачей; но цѣль, о которой говорилъ французскій посолъ, была достигнута: изъ-за боевъ въ В. Пруссіи два корпуса были переброшены съ западнаго фронта на восточный и еще четыре корпуса задержаны въ пути. Это ослабило германскую армію въ самый рѣшающій моментъ похода на Францію, дало ген. Жоффру возможность дать бой на Марнѣ и сорвало весь планъ германскаго командованія, расчитывавшаго кончить войну на западѣ быстрымъ ударомъ.

Война уже продолжалась около мѣсяца, когда по предложенію англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ Грея (черезъ нѣсколько дней послѣ русской неудачи при Сольдау), союзныя великія державы подписали договоръ о незаключеніи сепаратнаго мира. Между Россіей и Франціей такое обязательство уже существовало на основѣ стараго союзнаго договора.

*) Подъ Танненбергомъ (Грюнвальдомъ) въ 1410 г. соединенныя польско-литовскія войска нанесли сокрушительное пораженіе нѣмецкимъ орденскимъ рыцарямъ. Объ этой битвѣ говорилось въ воззваніи Великаго Князя Николая Николаевича къ полякамъ.

„Россійское, англійское и французское правительства взаимно обязуются не заключать сепаратнаго мира въ теченіе настоящей войны“— гласила декларація 23 августа (5 сентября) 1914 г. „Всѣ три правительства соглашаются въ томъ, что, когда настанетъ время для обсужденія условій мира, ни одинъ изъ союзниковъ не будетъ ставить условій мира безъ предварительнаго соглашенія съ каждымъ изъ остальныхъ союзниковъ“.

Союзныя державы уже и раньше предпринимали совмѣстныя выступленія, въ частности, на Балканахъ и въ Турціи. Теперь возникла потребность обмѣна мнѣній насчетъ условій мира. Характерно, что эти цѣли войны слагались только постепенно; никакого заранѣе обдуманнаго плана не было. Кромѣ французскаго требованія о возвращеніи Эльзаса и Лотарингіи, остальныя цѣли выдвигались постепенно и неоднократно измѣнялись. Такъ, пока Турція оставалась нейтральной, союзники предлагали гарантировать ея территорію, и русскія требованія сводились къ Галиціи и Познани (во исполненіе извѣстнаго обращенія къ полякамъ). Со стороны Франціи и Англіи неоднократно проявлялось желаніе щадить Австро-Венгрію, чтобы оторвать ее отъ Германіи, тогда какъ Россія стояла за возможно болѣе радикальный раздѣлъ Дунайской монархіи.

Одновременно съ неудачами въ В. Пруссіи, Россія услышала совершенно иныя вѣсти съ австрійскаго фронта. Тамъ австрійцы, послѣ первыхъ успѣховъ, вынуждены были отступать, и русскія войска заняли 21 августа Львовъ, столицу Восточной Галиціи, и древній русскій городъ Галичъ. Австрійская армія была разбита наголову; число плѣнныхъ превосходило сотни тысячъ, русскія войска, продолжая двигаться впередъ, перешли р. Санъ, осадили крѣпость Перемышль. Къ первой половинѣ сентября побѣды въ Галиціи совершенно затмили для русскаго общественнаго мнѣнія неудачу при Сольдау, тѣмъ болѣе, что и на германскомъ фронтѣ русскія войска возобновили наступательныя дѣйствія, хотя и въ менѣе широкомъ масштабѣ.

Въ то время во Франціи центръ боевъ перемѣщался все сѣвернѣе, и постепенно создавалась застывшая укрѣпленная линія фронта. Положеніе Австріи сдѣлалось настолько угрожающимъ, что Германія рѣшила придти на помощь своей союзницѣ. Большія австро-германскія силы двинулись черезъ Царство Польское къ среднему теченію Вислы и подошли къ Варшавѣ на разстояніе нѣсколькихъ верстъ. Но послѣ боевъ, длившихся около недѣли (1 — 7 октября), это наступленіе было отбито, нѣмцы и австрійцы начали отступать.

Опять русскія арміи двигались впередъ; на этотъ разъ онѣ зашли много дальше, онѣ уже угрожали Кракову; онѣ достигли западныхъ предѣловъ Царства Польскаго; русскія кавалерійскія части проникали въ провинцію Познань. „Расширяя въ теченіе 18 дней нашъ успѣхъ по всему 500-верстному фронту (гласило русское сообщеніе 24 октября), мы сломили повсюду сопротивленіе врага, который находится въ полномъ отступленіи“.

Въ началѣ ноября со стороны Германіи послѣдовалъ, однако, новый контръ-ударъ „между Вислой и Вартой"; русскія передовыя части стали опять отходить; нѣмцы, подъ командой ген. Макензена, прорвали было фронтъ — но тутъ они, въ свою очередь, оказались окруженными. 13 ноября петербургскія вечернія газеты уже сообщали, что на фронтъ посланы поѣздные составы для эвакуаціи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ плѣнныхъ; но цѣной огромныхъ потерь, дивизіи Макензена вырвались изъ кольца подъ Бжезинами. Нѣмецкая контръ-атака была отражена; но уже не возобновилось и русское наступленіе. Начиналась зима. Къ концу ноября маневренная война закончилась, установился сплошной фронтъ — отъ Балтійскаго моря до Румыніи; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало ясно, что близкаго конца войны ожидать не приходится. Около того же времени „застылъ" и на западѣ твердый фронтъ отъ Сѣвернаго моря до Швейцаріи.

Русскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ, которымъ командовалъ адм. Эссенъ, былъ настолько численно слабѣе германскаго, что о наступательныхъ операціяхъ думать не приходилось. Но и германскій флотъ, который былъ замѣтно слабѣе англійскаго, не пытался предпринимать набѣговъ въ русскія воды, не желая рисковать потерей нѣсколькихъ крупныхъ боевыхъ единицъ. Боевыя дѣйствія ограничивались съ обѣихъ сторонъ встрѣчами небольшихъ судовъ. На минѣ взорвался германскій крейсеръ „Магдебургъ", что имѣло значеніе совершенно особаго порядка: русскіе нашли на немъ германскій секретный морской шифръ, который сообщили союзникамъ, и знаніе этого шифра сильно помогло имъ въ борьбѣ съ германскимъ шпіонажемъ. На минѣ взорвался и русскій крейсеръ „Паллада", пошедшій ко дну со всѣмъ экипажемъ.

Иное положеніе было на Черномъ морѣ. Два германскихъ новѣйшихъ судна — крейсеръ-дредноутъ „Гебенъ" и легкій крейсеръ „Бреслау", находившіеся въ Средиземномъ морѣ въ моментъ возникновенія войны, — избѣгли погони англійскаго и французскаго флота, укрывшись въ Дарданеллахъ. Турція сначала интернировала ихъ, какъ полагалось, но вслѣдъ за тѣмъ было объявлено, что эти суда продаются турецкому правительству, фиктивность этой продажи была ясна, хотя бы изъ того, что на судахъ остались германскіе экипажи.

Россія строила три дредноута въ Черномъ морѣ, но ни одинъ изъ нихъ еще не былъ готовъ; черноморскій флотъ состоялъ изъ устарѣвшихъ судовъ. Возможность имѣть хотя бы временный перевѣсъ въ Черномъ морѣ, вмѣстѣ съ расчетами на мусульманскія возстанія на Кавказѣ, побудила турецкіе военные круги пойти на рискъ выступленія противъ Россіи. Турція сначала закрыла Дарданеллы для русской торговли, а затѣмъ 16 октября, „Гебенъ" и „Бреслау" появились безъ всякаго предупрежденія передъ русскими черноморскими портами (Одесса, Ѳеодосія) и начали ихъ обстрѣливать. Великій визирь пытался утверждать, что начало военныхъ дѣйствій было „вызвано русскимъ флотомъ", но русское правительство немедленно по-

рвало дипломатическія сношенія съ Турціей, тѣмъ охотнѣе, что именно турецкія владѣнія могли быть для России наиболѣе желаннымъ „приростомъ“ въ случаѣ побѣдоноснаго окончанія войны (проливы, Арменія). На Кавказѣ возникъ, такимъ образомъ, новый фронтъ. Его командующимъ былъ назначенъ Намѣстникъ на Кавказѣ, ген.-адъютантъ, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, начальникомъ штаба — ген. Мышлаевскій, замѣненный вскорѣ ген. Н. Н. Юденичемъ.

Первыя наступательныя дѣйствія на сушѣ были начаты русскими, занявшими горную крѣпость Баязетъ. Но когда подошли турецкія подкрѣпленія, турецкій военный министръ Энверъ-паша, въ свою очередь, повелъ наступленіе; въ серединѣ декабря турки быстрымъ движеніемъ проникли глубоко на русскую территорію; въ грузинскихъ областяхъ уже начиналась паника, но русскія войска, несмотря на численный перевѣсъ противника, сломили его натискъ подъ Сарыкамышемъ и вытѣснили турокъ обратно черезъ границу.

Можно сказать, что въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ войны въ Россіи не было „внутренней политики“. Царило общее единодушное желаніе побѣды. Ждали скорой развязки, и всѣ спорные вопросы естественно откладывали до окончанія войны. Армія и ея вожди пользовались огромной популярностью. На общемъ ходѣ жизни „тыла“ война отражалась сравнительно мало — много меньше, чѣмъ во Франціи или въ Германіи. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ шли занятія; театры и кинематографы были переполнены; промышленность и торговля, такъ или иначе, приспосабливались къ новымъ условіямъ, получившимся вслѣдствіе закрытія всѣхъ главныхъ границъ.

Для сношения съ внѣшнимъ міромъ — особенно послѣ закрытія Дарданеллъ — оставались только далекій Владивостокъ и Архангельскъ, замерзающій больше, чѣмъ на полгода; провозъ черезъ нейтральныя страны (Швецію и Румынію) подвергался все больше возраставшимъ ограниченіямъ. Недостатка въ продовольствіи, конечно, не было и въ поминѣ. Въ то же время, запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ и широкое оказаніе помощи семьямъ запасныхъ, призванныхъ на войну, вызывали огромный притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы*): въ массахъ наблюдался несомнѣнный ростъ благосостоянія. Въ самомъ началѣ войны опасались, что прекращеніе вывоза хлѣба и другихъ продуктовъ (масла, яицъ, птицы) за границу приведетъ къ катастрофическому паденію цѣнъ, разоряющему производителей. Но это опасеніе не оправдалось: возросшій внутренній спросъ, особенно на нужды арміи, быстро замѣнилъ закрывшіеся внѣшніе рынки.

---

*) Въ декабрѣ 1914 г. въ сбер. кассы поступило 29,1 милл. рубл.; въ декабрѣ 1913 г. — всего — 0,7 милл. руб.; за первыя двѣ недѣли января 1915 г. — 15,3 милл. противъ 0,3 милл. руб. за тотъ же періодъ въ 1914 г. и т. д.

Съ самаго начала войны Императрица Александра Өеодоровна и Великія Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, пройдя курсъ сестеръ милосердія, работали въ качествѣ таковыхъ въ лазаретѣ Государыни въ Царскомъ Селѣ. Въ Зимнемъ Дворцѣ Императрицей былъ созданъ большой складъ бѣлья, отправлявшагося войскамъ на фронтъ. Такой же складъ имени Ея Величества образованъ былъ на средства чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Великая княжна Ольга Николаевна была поставлена во главѣ комитета помощи семьямъ запасныхъ. Когда же съ 1915 г. появились въ значительномъ числѣ бѣженцы, то по Высочайшему повелѣнію для завѣдыванія ими былъ образованъ особый комитетъ, во главѣ съ Великой Княжной Татьяной Николаевной.

„Всю первую половину минувшаго года оппозиціонное настроеніе общественности возрастало“ . . . отмѣчалъ въ обзорѣ на новый 1915 г. „Вѣстникъ Европы“. „Вспыхнула война и всѣ явленія наростанія оппозиціонности и недовольства вдругъ исчезли. Война, какъ магическій ножъ, отрѣзала первую половину года отъ второй . . . Война дала народу отрезвленіе. То, что въ условіяхъ мира было неосуществимо, осуществилось . . . На шестомъ мѣсяцѣ жестокой изъ жестокихъ войнъ, страна вступаетъ въ новый годъ безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія“.

Имѣлись, конечно, и оборотныя стороны. Война породила въ Россіи, какъ во всѣхъ воюющихъ странахъ, большую обличительную литературу. Дѣло началось съ жестокаго обращенія нѣмцевъ съ оставшимися въ Германіи иностранцами; затѣмъ пошли свидѣтельства о поведеніи нѣмцевъ въ Калишѣ и другихъ занятыхъ ими городахъ русской Польши; съ началомъ военныхъ дѣйствій въ крупномъ масштабѣ разсказы о „нѣмецкихъ звѣрствахъ“ только умножились. Были и случаи уличныхъ эксцессовъ, вродѣ разгрома зданія нѣмецкаго посольства въ Петербургѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, въ докладной запискѣ Государю, назвало этотъ фактъ „ужасающимъ и прискорбнымъ событіемъ“. Въ общемъ, однако, случаевъ насилія было меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Зато огульное отрицаніе всего нѣмецкаго перекинулось и на интеллигенцію: различныя научныя общества стали исключать изъ своей среды германскихъ и австрійскихъ ученыхъ; были философы, доказывавшіе, что Кантъ и Круппъ по существу — одно и то же . . .

Очень быстро это обличеніе всего нѣмецкаго обратилось и противъ нѣмецкихъ элементовъ внутри Россіи. Какъ балтійское дворянство, такъ и нѣмцы-колонисты, не исключая меннонитовъ, поселившихся на Волгѣ при Екатеринѣ II, начали подвергаться заподазриванію и обличеніямъ. Еще въ засѣданіи Гос. Думы 26 іюля представители русскихъ нѣмцевъ. бар. Фелькерзамъ и Люцъ, выступали съ такими же патріотическими заявленіями, какъ остальные.*) Черезъ нѣ-

*) „Нѣмцы, на еляющіе Россію, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь великой Россіи они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сложатъ свои головы“ — говорилъ Л. Г. Люцъ.

сколько мѣсяцевъ все нѣмецкое населеніе Россіи оказалось взятымъ на подозрѣніе. Закрывались всѣ нѣмецкія газеты, въ томъ числѣ существовавшая со временъ Петра Великаго „St. Petersburger Zeitung". Нѣкоторые органы печати, въ первую очередь „Вечернее Время", занимались разыскиваніемъ нѣмецкихъ фамилій по всѣмъ вѣдомствамъ. Эта кампанія была первымъ проявленіемъ внутренней розни во время Великой войны. Со стороны лѣвыхъ круговъ она не встрѣчала особаго протеста, т.к. нѣмцы считались всегда элементомъ консервативнымъ.

Сначала репрессивныя мѣры примѣнялись только къ подданнымъ непріятельскихъ державъ (для австрійскихъ славянъ и для эльзасцевъ дѣлались исключенія). Но 2 февраля 1915 г. былъ изданъ по 87-й ст. законъ о принудительномъ отчужденіи земель у выходцевъ изъ Германіи и Австро-Венгріи во всемъ 150-верстномъ приграничномъ районѣ; на добровольную ликвидацію оставлялись сроки отъ 10 до 16 мѣсяцевъ.

Сенатъ, большинствомъ 56 противъ 32 голосовъ, рѣшилъ, что подданные вражескихъ державъ не должны пользоваться судебной защитой. Для должниковъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ открывалась, такимъ образомъ, возможность освободиться отъ платежей; многіе, въ томъ числѣ и городскія учрежденія, этимъ воспользовались. Это распространеніе военныхъ законовъ на частно-правовыя отношенія вообще было новой чертой въ международной жизни: во время Крымской кампаніи, напр., Россія считала еще себя обязанной платить англичанамъ проценты по займамъ, хотя она и состояла съ Англіей въ войнѣ.

Великая война, подобно землетрясенію, перевернула психологію народовъ и опрокинула представленіе о правѣ и добрѣ, казавшимися незыблемыми. Наряду съ героизмомъ и жертвенностью, война порождала психологію: „добро есть то, что содѣйствуетъ успѣху". Такая „военная психологія" была преддверіемъ революціонныхъ перемѣнъ. Это сказывалось одинаково на обѣихъ сторонахъ, но только немногіе сознавали эту опасность. Къ ихъ числу принадлежала Императрица Александра Ѳеодоровна. При первыхъ вѣстяхъ о томъ, что и дѣйствія русскихъ войскъ тоже вызываютъ, иногда, нареканія въ занятыхъ мѣстностяхъ, Государыня писала Государю (20.X.1914); „Война подняла духъ, очистила много застоявшихся умовъ . . . Одного бы я только желала, чтобы наши войска вели себя примѣрно во всѣхъ отношеніяхъ, не грабили бы и не разбойничали; пусть эти гадости творятъ только прусскія войска. Во всемъ есть всегда уродливая и красивая сторона, то же самое и здѣсь. Такая война должна бы очищать душу, а не осквернять ее . . . Я хотѣла бы, чтобы имя нашихъ русскихъ войскъ вспоминалось впослѣдствіи во всѣхъ странахъ со страхомъ и уваженіемъ, но и съ восхищеніемъ".

Когда опредѣлилось къ концу года, что война затягивается, въ странѣ стали воскресать старыя настроенія. Въ оппозиціонныхъ кругахъ, каждый разъ, какъ мѣстныя власти принимали репрессивныя

мѣры противъ революціонной агитаціи, начинали говорить, что правительство недостаточно считается съ новымъ положеніемъ вещей. Во время процесса пяти депутатовъ-большевиковъ, обсуждавшихъ пораженческіе тезисы Ленина, въ обществѣ утверждали, будто соціалъ-демократы — только хотѣли протестовать противъ „интригъ крайнихъ правыхъ“. *)

Исподволь, изъ круговъ, враждебныхъ Верховной власти, начали распространяться слухи о томъ, будто какіе-то правые круги при дворѣ хотятъ сепаратнаго мира. Между тѣмъ, только графъ С. Ю. Витте, весьма далекій какъ отъ правыхъ, такъ и отъ придворныхъ круговъ, открыто высказывался за прекращеніе войны и пророчилъ великія бѣдствія въ случаѣ ея продолженія. Заявленія гр. Витте, хотя и не попадавшія въ печать, тревожили союзныхъ дипломатовъ; и когда (27 февраля 1915 г.) графъ Витте скончался — французскій посолъ Палеологъ отмѣтилъ съ удовольствіемъ въ своемъ дневникѣ: „Угасъ великій очагъ интригъ“. На самомъ дѣлѣ, бывшій премьеръ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія именно въ придворныхъ кругахъ.

Въ обывательскихъ массахъ, на ряду съ легкомысленнымъ оптимизмомъ, начинала замѣчаться нѣкоторая усталость отъ войны. Это чувствовалось, несмотря на военную цензуру, даже по нѣкоторымъ ноткамъ, проскальзовавшимъ въ печати.

Русскіе поэты сначала откликнулись на войну безчисленными стихами (которые по большей части не отличались, впрочемъ, ни силой, ни оригинальностью). Өедоръ Сологубъ предсказалъ: „Прежде, чѣмъ весна откроетъ — Лоно влажное долинъ, — Будетъ нашими войсками — Взятъ заносчивый Берлинъ“. Еще смѣлѣе выражался Игорь Сѣверянинъ:„ Германія, не забывайся. Ахъ, не тебя ли строилъ Бисмаркъ.—Но это тяжкое величье — Солдату русскому на высморкъ“. З. Н. Гиппіусъ, кажется, одна призывала къ сдержанности: „Поэты, не пишите слишкомъ рано — Побѣда еще въ рукѣ Господней. — Сегодня еще дымятся раны — Никакія слова не нужны сегодня“. Но къ серединѣ зимы настроеніе уже измѣнилось. Газеты печатали стихи (напр., того же Игоря Сѣверянина) о томъ, что „еще не значитъ быть измѣнникомъ — Быть радостнымъ и молодымъ, — Не причиняя боли плѣнникамъ — И не спѣша въ шрапнельный дымъ“... (Это стихотвореніе вызвало цѣлую полемику путемъ писемъ въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“). Обывательскія надежды возлагались въ это время не столько на чисто военные успѣхи, сколько на неизбѣжность голода въ Германіи. Введеніе германскимъ правительствомъ (въ январѣ 1915 г.) хлѣбныхъ карточекъ было воспринято, какъ признакъ

---

*) Пять депутатовъ большевиковъ и нѣсколько частныхъ лицъ—среди нихъ журналистъ Л. Б. Розенфельдъ (Каменевъ) — были задержаны 4 ноября 1914 г. на конференціи въ Озеркахъ. Принятое конференціей воззваніе къ студентамъ носило явно пораженческій характеръ: „Великія идеи панславизма и освобожденія народовъ изъ-подъ власти Германіи и Австріи и покореніе ихъ подъ власть русской нагайки явно мерзостны и гнусны . . . Организуйте массы, подготовляйте ихъ къ революціи. Время не терпитъ. Близокъ день. Вспомните, что было послѣ русско-японской войны“.

Попытки устроить забастовки протеста противъ суда надъ с.-д. не удались. 10 февраля они были приговорены къ ссылкѣ на поселеніе.

близкаго крушенія врага. Газеты перечисляли, какіе разнообразные сорта булокъ — сайки, плюшки, калачи, розанчики и т. д. — можно найти во всѣхъ русскихъ городахъ, и противоставляли русское изобиліе — германской скудости („Какъ бѣдны они въ своихъ шелкахъ и бархаткахъ, какъ богаты мы въ своемъ рубищѣ").

Между тѣмъ, если теоретически и можно было предвидѣть наступленіе въ Германіи извѣстнаго недостатка продовольствія — Германія ввозила часть продуктовъ изъ-за границы, въ томъ числѣ 15 процентовъ своего хлѣба — съ такой же, если не съ большей, очевидностью можно было ожидать для Россіи другого „голода", во время войны еще болѣе страшнаго—недостатка въ военномъ снабженіи. Потребность въ немъ — по словамъ ген. Данилова — сразу же „превысила самыя фантастическія ожиданія". Для короткой войны — а въ началѣ всѣ ожидали, что война будетъ короткой — русская армія оказалась снабженной довольно удовлетворительно. Было извѣстно, что производительность русскихъ военныхъ заводовъ весьма невелика, но къ лѣту 1914 г. имѣлись относительно большіе запасы.

Безспорно, что русское военное вѣдомство, съ В. А. Сухомлиновымъ, не проявило за первые мѣсяцы войны достаточной заботы объ усиленіи производства военнаго снабженія. Тутъ, прежде всего, сказывалось вліяніе все того же представленія о томъ, что война будетъ короткой. Казалось безполезнымъ тратить средства на постройку заводовъ, которые могли бы начать работать, въ лучшемъ случаѣ, черезъ полтора или два года. Въ Россіи, правда, военные заводы не останавливались изъ-за мобилизаціи рабочихъ, какъ, напр., случилось во Франціи, гдѣ въ первые мѣсяцы войны не было сдѣлано достаточныхъ изъятій для мобилизованныхъ рабочихъ военной промышленности; но все же, напр., русскіе ружейные заводы производили не больше, а порою и меньше, чѣмъ въ мирное время, т.к. были заняты починкой ружей, присылавшихся изъ арміи.

Такъ, въ 1914 г. Россія имѣла около пяти милліоновъ винтовокъ; уже и тогда ихъ не вполнѣ хватало на общее число мобилизованныхъ (6 съ половиной милл.). Русское производство достигало 600—700 000 ружей въ годъ. Еще много хуже обстояло дѣло съ орудіями и со снарядами. Уже 8 сентября 1914 г. Великій Князь Николай Николаевичъ отмѣчалъ, что на нѣкоторыхъ фронтахъ наблюдается недостатокъ снарядовъ, тормозящій операціи. Русское производство снарядовъ достигало около 100 000 штукъ въ мѣсяцъ, тогда какъ расходъ превышалъ милліонъ. Трагичность положенія была въ томъ, что за оставшійся до весенней кампаніи короткій срокъ, при почти полномъ отсутствіи сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, не было физической возможности восполнить недостатокъ въ снарядахъ. Оставалось только, по мѣрѣ возможности, скрывать его отъ врага и расчитывать на то, что продовольственный голодъ въ Германіи, или событія политическаго характера (напр., капитуляція Венгріи, вмѣшательство Италіи) прекратятъ войну раньше, чѣмъ проявится во всей силѣ

„снарядный голодъ“. Стараясь скрыть это слабое мѣсто отъ глазъ врага, руководители русскаго военнаго вѣдомства тѣмъ самымъ вынуждены были скрывать его и отъ русскаго общества и этимъ впослѣдствіи навлекли на себя тяжелыя нареканія, доходившія до обвиненія въ измѣнѣ.

Вся безвыходность положенія — для даннаго года — сознавалась только очень немногими. Тѣхъ, кто зналъ — оно давило, какъ кошмаръ. Начальникъ штаба, ген. Н. Н. Янушкевичъ, писалъ въ началѣ 1915 г. военному министру Сухомлинову: „Если бы могли сразу хлынуть новобранцы и прибыть въ армію лишніе 12 парковъ, то сразу инициатива была бы вырвана у нѣмцевъ. А сейчасъ это недостаточно, и на сердцѣ, прямо, тяжко. Мнѣ такъ по ночамъ и чудится чей-то голосъ: продалъ, продалъ, проспалъ“ . . .

Подвозъ извнѣ былъ затрудненъ отсутствіемъ и дальностью путей сообщенія. Россію не даромъ сравнивали съ домомъ, въ который можно было попасть только по дымоходамъ и водосточнымъ трубамъ; къ тому же, не только союзные, но и нейтральные заводы были уже „завалены“ заказами съ западнаго фронта, который союзники неизмѣнно считали главнымъ.

Недостатокъ снарядовъ и ружей сыгралъ немалую роль въ томъ замедленіи боевыхъ дѣйствій, которое ощущалось на фронтѣ съ конца ноября по начало марта. Были всѣ основанія опасаться, что во время лѣтней кампаніи 1915 г. этотъ недостатокъ дастъ себя почувствовать еще болѣе грозно.

Въ январѣ на три дня собралась Гос. Дума; передъ тѣмъ, недѣли двѣ работала бюджетная комиссія. Бюджетъ и всѣ кредиты были приняты безъ возраженій; министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову была устроена единодушная овація. „Прими, Великій Государь, земной поклонъ народа своего! Народъ твой твердо вѣритъ, что отнынѣ былому горю положенъ навѣки прочный конецъ!“, заявлялъ предсѣдатель Г. Думы Родзянко.

Предсѣдатель бюджетной комиссии М. М. Алексѣенко воздалъ хвалу запрещенію продажи спиртныхъ напитковъ: „Законодательныя палаты, говорилъ онъ, въ этомъ вопросѣ пошли на путь ухищреній... Вопросъ рѣшенъ иначе. Вопросъ рѣшенъ прямо, радикально . . . Это была атака въ лобъ. Эта мѣра вызвала въ странѣ одобреніе всѣхъ“.

И. Л. Горемыкинъ впервые открыто заговорилъ о Константинополѣ: „Все отчетливѣе обрисовывается передъ нами свѣтлое историческое будущее Россіи, тамъ, на берегахъ моря, у стѣнъ Царьграда“.

С.-д. на этотъ разъ голосовали противъ бюджета, а трудовики воздержались. Среди депутатовъ различныхъ національностей, выступавшихъ съ патріотическими заявленіями, на этотъ разъ уже не было представителя нѣмцевъ. Въ остальномъ январьская сессія сошла, какъ іюльская.

Въ концѣ февраля 1915 г. союзники предприняли военную операцію, которая могла проложить въ Россію путь „караванамъ“ со сна-

рядами и тѣмъ самымъ устранить опасность, грозившую восточному фронту. Союзный англо-французскій флотъ началъ обстрѣлъ Дарданелльскихъ фортовъ; передніе были быстро снесены огнемъ дредноутовъ. Но попытка флотомъ форсировать проливы, предпринятая 5 марта, привела къ тому, что нѣсколько крупныхъ военныхъ судовъ затонуло отъ пловучихъ минъ. Послѣ этого англичане не пожелали болѣе рисковать своими дредноутами; попытка форсированія Дарданеллъ была оставлена. Вышло такъ, что эта неудавшаяся операція только обратила вниманіе турокъ на грозившую въ этомъ мѣстѣ опасность, и когда весной союзники произвели дессантъ на Галлиполійскомъ полуостровѣ, они уже встрѣтили хорошо подготовленнаго противника.

9 марта сдалась австрійская крѣпость Перемышль на Санѣ, осаждавшаяся русскими войсками въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ; въ плѣнъ попало 117 000 человѣкъ. Паденіе Перемышля снова вызвало по всей Россіи большія патріотическія манифестаціи. Русская власть въ Восточной Галиціи казалась окончательно установившейся; область была раздѣлена на губерніи; во главѣ нея сталъ ген.-губернаторъ (гр. Г. А. Бобринскій). Велась усиленная борьба съ „украинскими" элементами, державшимися австрійской оріентаціи.

Въ мартѣ начали распространяться слухи о раскрытіи какой-то крупной шпіонской организаціи, во главѣ съ жандармскимъ полковн. Мясоѣдовымъ. Появилось оффиціальное сообщеніе о томъ, что этотъ Мясоѣдовъ приговоренъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни и повѣшенъ. Все это дѣло осталось окутано покровомъ военной тайны. *) Но въ обществѣ вспомнили, что этого самаго полк. Мясоѣдова нѣсколько лѣтъ назадъ обвинялъ въ измѣнѣ А. И. Гучковъ, что военный министръ Сухомлиновъ, наоборотъ, ему покровительствовалъ; и „дѣломъ Мясоѣдова", подробности котораго никто не зналъ, пользовались для своей агитаціи враги правительства, попутно подчеркивавшіе прозорливость А. И. Гучкова.

Въ началѣ апрѣля положеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій казалось вполнѣ благопріятнымъ. Русскія войска занимали болѣе двухъ третей Галиціи и Буковины; они владѣли хребтомъ Карпатъ на значительномъ протяженіи, пролагая себѣ путь къ венгерской равнинѣ. Считалось, что вторженіе въ Венгрію приведетъ къ ея отдѣленію отъ Австріи и къ быстрому крушенію Дунайской Монархіи. Фронтъ въ Царствѣ Польскомъ стоялъ почти неподвижно болѣе четырехъ мѣсяцевъ; попытки нѣмецкаго зимняго наступленія были отбиты подъ Прасньшемъ (къ сѣверу отъ линіи Бобръ-Наревъ). Сѣвернѣе, русскія

*) Оно такъ и осталось невыясненнымъ. Больше того, уже послѣ революціи въ печати появились данныя, возбуждающія серіозныя сомнѣнія въ виновности Мясоѣдова и изображающія все дѣло, какъ результатъ сложныхъ интригъ. — См. „Архивъ русской революціи" т. XIV. Судъ надъ Мясоѣдовымъ (впечатлѣнія очевидца). Капитанъ Б., бывшій свидѣтелемъ на судѣ надъ Мясоѣдовымъ, утверждаетъ, что противъ него не было никакихъ уликъ въ смыслѣ шпіонажа, и для основанія смертнаго приговора въ немъ было упомянуто о „мародерствѣ", выразившемся въ томъ, что Мясоѣдовъ взялъ двѣ статуэтки изъ брошеннаго дома въ В. Пруссіи: „его смерть была нужна толпѣ, подобно тому, какъ въ 1812 году московской толпѣ нужна была смерть купеческаго сына Верещагина".

войска находились у самой границы Пруссіи и еще въ началѣ марта совершили успѣшный налетъ на городъ Мемель и Таурогенъ.

Союзники, послѣ неудачной попытки форсировать Дарданеллы флотомъ, высадили въ апрѣлѣ десантъ на Галлиполійскомъ полуостровѣ. Съ Италіей заканчивались переговоры объ ея вступленіи въ войну на сторонѣ союзниковъ; для этого ей пришлось обѣщать обширныя территоріи Адріатическаго побережья, населенныя славянами.

Въ такой обстановкѣ Государь, по приглашенію Верховнаго Главнокомандующаго, прибылъ въ Галицію, чтобы осмотрѣть области, присоединеніе которыхъ къ Россіи, считалось уже безспорнымъ. 9 апрѣля Онъ былъ во Львовѣ, гдѣ ему представлялись новыя власти города; 10-е и 11-е Государь провелъ въ недавно отвоеванномъ Перемышлѣ, гдѣ подробно осматривалъ полуразрушенныя мощныя укрѣпленія. Во Львовѣ толпы мѣстнаго населенія привѣтствовали русскаго Царя.

17 апрѣля произошелъ взрывъ большого военнаго завода на Охтѣ, изготовлявшаго трубки для снарядовъ, сотрясеніе почувствовалось на десятки верстъ кругомъ Петербурга. Разрушеніе этого завода, произведенное вражескими агентами, было серіознымъ ударомъ для снабженія русской арміи.

Вечеромъ 18 апрѣля (1 мая н.ст.) на галиційскомъ фронтѣ началось большое австро-германское наступленіе, съ примѣненіемъ — въ первый разъ — новаго пріема борьбы, съ тѣхъ поръ вошедшаго въ правило, — „ураганнаго огня", особенно дѣйствительнаго въ отношеніи противника, страдавшаго недостаткомъ военнаго снабженія.

Ген. Н. Н. Головинъ*) даетъ такое картинное описаніе этого пріема: „Подползая, какъ огромный звѣрь, германская армія придвигала свои передовые части къ русскимъ окопамъ достаточно близко, чтобы приковать вниманіе противника и занять эти окопы немедленно по ихъ очищеніи. Затѣмъ гигантскій звѣрь подтягивалъ свой хвостъ — тяжелую артиллерію. Она занимала позиціи, находящіеся за предѣлами досягаемости для русской полевой артиллеріи, и тяжелыя орудія начинали осыпать русскіе окопы градомъ снарядовъ . . . Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока ничего не оставалось отъ окоповъ и ихъ защитниковъ. Затѣмъ звѣрь осторожно протягивалъ лапы — пѣхотныя части — занималъ разрушенные окопы. За это время русская артиллерія и русскій тылъ подвергался жестокому огню германскихъ тяжелыхъ орудій, тогда какъ германская полевая артиллерія и пулеметы должны были защищать наступающую пѣхоту отъ русскихъ контръ-атакъ.

. . . Окончательно завладѣвъ русскими окопами, звѣрь опять подтягивалъ свой хвостъ, и тяжелыя орудія начинали методически разрушать слѣдующую русскую оборонительную линію. Никакое препятствіе не мѣшало нѣмцамъ повторять этотъ пріемъ наступленія".

Это примѣненіе метода „ураганнаго огня" внезапно и рѣзко обнаружило огромное неравенство силъ: двумстамъ тяжелымъ ору-

*) Въ своей книгѣ „The Russian army in the world war", изданной въ Америкѣ институтомъ Карнэги, въ 1931 г.

діямъ на фронтѣ р. Дунаецъ, между Горлице и Тарновомъ, русская армія могла противопоставить всего четыре; на „ураганный огонь" русскіе могли отвѣчать всего пятью или десятью снарядами на орудіе въ день и ружейной стрѣльбой. „Вслѣдствіе превосходства непріятеля въ огнѣ тяжелой артиллеріи наши войска несутъ значительныя потери. Однако, и непріятель при своихъ атакахъ жестоко страдалъ отъ нашей шрапнели и ружейнаго огня" — краснорѣчиво говорилось въ оффиціальномъ сообщеніи отъ 23 апрѣля.

Газеты тогда же отмѣчали, что нѣмцы выбросили въ районѣ Дунайца 700 000 снарядовъ за нѣсколько часовъ, тогда какъ русскіе заводы производили такое количество за полъ года. Результатъ не замедлилъ сказаться.

Русскій фронтъ между Вислой и Карпатами былъ прорванъ; германская „фаланга", подъ командою ген. Макензена подвигалась впередъ почи безпрепятственно, и русскія войска, занимавшія хребетъ Карпатовъ, были вынуждены поспѣшно отступать; нѣкоторымъ частямъ путь отступленія былъ отрѣзанъ, настолько быстрымъ было продвиженіе противника по галицiйской равнинѣ. Съ остатками своей дивизіи попалъ въ плѣнъ и выдѣлившійся своей храбростью ген. Л. Г. Корниловъ.

Нѣмцы одновременно повели наступленіе на сѣверномъ участкѣ фронта. Ихъ передовыя части заняли Либаву еще раньше прорыва подъ Горлице. Но на сѣверѣ оборонительная линія рѣкъ Нѣмана, Бобра и Нарева оказалась серіознымъ препятствіемъ, которое такъ и не позволило нѣмцамъ съ обѣихъ сторонъ зажать въ тиски русскую армію, занимавшую Царство Польское.

Въ Галиціи наступленіе „фаланги" неуклонно развивалось. Къ началу мая русскіе уже отошли на линію р. Сана; но и эта линія продержалась всего двѣ-три недѣли. Въ ночь на 21 мая былъ оставленъ Перемышль, тріумфальное взятіе котораго было еще свѣжо въ памяти у всѣхъ. 9 іюня австро-венгерскія войска заняли Львовъ, столицу В. Галиціи, гдѣ всего за два мѣсяца передъ тѣмъ торжественно праздновали пріѣздъ Государя. Военныя событія какого-нибудь одного мѣсяца уничтожили плоды борьбы, тянувшейся три четверти года. Вѣсти съ фронта, одна трагичнѣе другой, распространялись въ столицахъ. Съ сѣвернаго фронта, изъ Ковенской, Гродненской, Курляндской губерній внутрь страны текла волна бѣженцевъ.

Недостатокъ снарядовъ, недостатокъ ружей проявились особенно ярко именно въ тотъ моментъ, когда автро-германцы перешли въ наступленіе. Это оказало самое деморализующее дѣйствіе на солдатскую массу. Начались всеобщіе толки о томъ, что это — измѣна, что армію нарочно оставляютъ безъ снарядовъ, что солдатамъ нарочно не выдаютъ ружей, что измѣнники—генералы, что измѣнники министры...*)

*) Представленіе о томъ, что недостатокъ снарядовъ былъ результатомъ какой-то „измѣны", было распространено даже въ высшихъ военныхъ кругахъ—примѣромъ можетъ служить хотя бы извѣстная рѣчь ген. А. И. Деникина о русскомъ офицерѣ въ 1917 г.; въ ней говорилось про „рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снярядовъ".

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе такой оборотъ событій долженъ былъ произвести на русское общество, уже и безъ того, по традиціи, готовое во всемъ обвинять власть. Особенное впечатлѣніе на широкіе круги населенія произвела утрата Перемышля. Въ Москвѣ 27—29 мая разразились серьезные безпорядки, въ которыхъ патріотическое негодованіе сочеталось съ революціонными и погромными настроеніями. Началось съ того, что кучки народа стали обходить заводы, фабрики, магазины и частные дома, чтобы „провѣрять", не имѣется ли тамъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ. Имущество таковыхъ тутъ же уничтожалось. Полиція сперва относилась совершенно пассивно къ происходящему. Но скоро кучки выросли въ толпы; „провѣрка" обратилась въ огульный разгромъ предпріятій, попавшихъ „подъ руку" расходившейся толпѣ; къ ночи безпорядки выродились въ массовый грабежъ. „Съ наступленіемъ толпы—говорилось въ правительственномъ сообщеніи — начали попадаться на улицѣ съ награбленными вещами даже прилично одѣтые люди"... Въ итогѣ, пострадало 475 торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, 207 квартиръ и домовъ. Пострадавшими оказались: 113 подданныхъ вражескихъ державъ; 489 русскихъ съ иностранными фамиліями и подданыхъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ, и даже 90 русскихъ съ русскими фамиліями. Убытки за три дня погрома опредѣлились въ суммѣ около 40 милл. рублей.

Наиболѣе грозной чертой этого взрыва народныхъ страстей было ярко проявлявшееся недовѣріе къ властямъ, подозрѣваемымъ въ „потворствѣ нѣмцамъ". Въ народѣ не могли объяснить иначе, какъ измѣной, внезапный поворотъ военнаго счастья.

Собравшійся въ той же Москвѣ, чуть ли не въ дни погрома, торгово-промышленный съѣздъ отразилъ въ иной формѣ тѣ же настроенія. Промышленные круги изъявляли готовность бороться до конца съ внѣшнимъ врагомъ, но требовали перемѣнъ во власти; тутъ же былъ организованъ военно-промышленный комитетъ, который долженъ былъ вѣдать вопросами добровольной „мобилизаціи промышленности" для нуждъ войны, и во главѣ комитета сталъ А. И. Гучковъ, отношеніе котораго къ правительству было достаточно извѣстно. *)

Конференція к.-д. партіи, собравшаяся 6 іюня, протекала подъ знакомъ той же тревоги. Депутаты, прибывшіе съ фронта, свидѣтельствовали объ озлобленіи въ арміи и въ то же время — объ ея патріотическомъ духѣ. Повторялись тѣ же обвиненія въ измѣнѣ. П. Н. Милюковъ на этотъ разъ занялъ нѣсколько умѣряющую позицію. „Врядъ ли здѣсь была измѣна—говорилъ онъ,—скорѣе причина была въ томъ, что иностранные заводы не могли выполнить въ срокъ сдѣланные имъ

*) Принимая (27 іюля) на себя предсѣдательство въ военно-промышленномъ комитетѣ, А. И. Гучковъ не скрывалъ, что видитъ основную задачу въ политическихъ перемѣнахъ. Онъ говорилъ, что у него „ослаблена и подорвана вѣра въ возможность плодотворныхъ результатовъ нашихъ усилій . . . Если не удастся достигнуть извѣстныхъ успѣховъ, то всѣ наши усилія и всѣ наши жертвы, весь нашъ энтузіазмъ, нашъ пылъ, вылетятъ въ трубу, какъ чадъ".

заказы. Возможно, что въ началѣ само правительство было увѣрено, что недостатка не будетъ". К.-д. конференція постановила настаивать на скорѣйшемъ созывѣ Г. Думы и выдвинула требованіе министерства общественнаго довѣрія. Въ своемъ очень показательномъ докладѣ П. Н. Милюковъ пояснялъ, почему именно такая формула наиболѣе пріемлема для оппозиціи: формула отвѣтственнаго министерства—будто-бы болѣе лѣвая—на самомъ дѣлѣ была бы менѣе выгодна: „Достаточно себѣ представить, чѣмъ было бы отвѣтственное министерство при правомъ большинствѣ IV Г. Думы . . . Правительству, которое уступаетъ, мы не говоримъ: вотъ тѣ, кто васъ замѣнитъ. Мы говоримъ, напротивъ; вотъ то, что вы должны дѣлать. Тѣ изъ насъ, которые по горькому опыту и убѣжденію партіи этого дѣлать не могутъ и не хотятъ—уйдите. Тѣ, кто ихъ замѣнитъ, пусть именемъ и дѣятельностью заслужатъ общественное довѣріе". Такимъ образомъ, „министерство общественнаго довѣрія" означало власть, которая слушалась бы указаній „партій" и „общественности", выражаемой печатью и, т.наз., „общественными организаціями", при этомъ, партія все же не принимала на себя—никакихъ обязательствъ. Легко понять, что такое правительство было бы для лѣвыхъ круговъ много пріемлемѣе, чѣмъ отвѣтственное министерство, которое бы формально опиралось на думское большинство; въ то же время такая формула казалась болѣе „безобидной" и пріемлемой для болѣе широкихъ круговъ. На к.-д. конференціи 7—9 іюня 1915 г., такимъ образомъ, впервые былъ выдвинутъ тотъ лозунгъ, вокругъ котораго затѣмъ начала развиваться широкая агитація по всей странѣ.

Съ самаго начала войны, возложивъ на Великаго Князя Николая Николаевича командованіе арміями, Государь сознательно воздерживался отъ непосредственнаго вмѣшательства въ ходъ военныхъ дѣйствій, чтобы избѣжать и тѣни двоевластія. Онъ нѣсколько разъ выѣзжалъ въ Ставку для ознакомленія съ положеніемъ на мѣстѣ. Онъ устраивалъ смотры войскамъ, отправляемымъ на фронтъ. Посѣщалъ Онъ и нѣкоторые участки фронта—напр., крѣпость Осовецъ, отразившую нѣсколько вражескихъ атакъ. Но управленіе боевыми операціями оставалось въ рукахъ Великаго Князя, который пріобрѣлъ въ арміи и въ странѣ огромную популярность. Возникали даже толки, что роль Великаго Князя Николая Николаевича въ происходящихъ событіяхъ порождаетъ „бонапартовскія настроенія" („эта популярность—не на пользу странѣ и династіи", писалъ, напр., В. К. Николай Михайловичъ). Извѣстную „ревность" испытывала и Государыня, не разъ упоминавшая въ своихъ письмахъ Государю, что Великій Князь, въ своихъ обращеніяхъ къ арміи и къ обществу, принимаетъ тонъ, который приличествуетъ только монарху.

Однако, Государь былъ увѣренъ въ преданности Верховнаго Главнокомандующаго и, пока положеніе на фронтѣ не стало угрожающимъ, отклонялъ всѣ предложенія о болѣе активномъ вмѣшательствѣ въ руководство военными дѣйствіями. Но когда фронтъ въ Галиціи

былъ прорванъ, Государь, 5 мая, пріѣхалъ въ Ставку и оставался тамъ болѣе недѣли. „Могъ ли Я уѣхать отсюда при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ?“ — писалъ Онъ Государынѣ, — „это было бы понято такъ, что Я избѣгаю оставаться съ арміей въ серьезные моменты. Бѣдный Н., разсказывая все это, плакалъ въ моемъ кабинетѣ и даже спросилъ Меня, не думаю ли я замѣнить его болѣе способнымъ человѣкомъ . . . Онъ все принимался меня благодарить за то, что я остался здѣсь, потому что мое присутствіе успокаивало его лично“. Въ минуту испытанія спокойная твердость Государя была нравственной поддержкой Верховному Главнокомандующему.

Но положеніе — и на фронтѣ, и въ тылу — требовало немедленныхъ мѣръ, выходившихъ за предѣлы чисто военныхъ задачъ. Многія дѣйствія Ставки создавали осложненія, отражавшіяся въ глубокомъ тылу. По инціативѣ начальника штаба, ген. Н. Н. Янушкевича, было предпринято массовое выселеніе евреевъ изъ Галиціи и изъ прилегающихъ къ фронту русскихъ областей. Штабъ установилъ, что именно среди еврейскаго населенія имѣлось наибольшее количество непріятельскихъ шпіоновъ, либо доставлявшихъ свѣдѣнія черезъ фронтъ или путемъ сигналовъ, либо поджидавшихъ прихода непріятеля съ готовыми данными о численности и вооруженіи русскихъ войскъ. Было весьма правдоподобно, что евреи, особенно въ Галиціи, — больше сочувствовали австро-германской арміи, нежели русской. Въ журналѣ “Новое Звено“ (весной 1915 г.), гр. М. М. Перовскій-Петрово-Соловово изложилъ причину такого отношенія въ видѣ статьи, якобы касавшейся Южной Америки: тамъ, будто-бы, шла война между Колумбіей и Венецуэлой, при чемъ въ одной изъ этихъ странъ индѣйское племя „ицкасрулейбасъ“ пользовалось всѣми правами, а въ другой подвергалось ограниченіямъ,—не трудно понять, которой странѣ сочувствовало это—индѣйское племя“... (Цензоръ эту статью пропустилъ, но затѣмъ этотъ номеръ былъ конфискованъ и журналъ „Новое Звено“ былъ закрытъ).

Въ то же время, огульное обвиненіе всего еврейскаго населенія въ шпіонажѣ было, конечно, необосновано; мѣры, принятыя Ставкой, едва ли были цѣлесообразными. Десятки тысячъ, а затѣмъ и сотни тысячъ евреевъ изъ Галиціи и западнаго края получили предписаніе въ 24 часа выселиться, подъ угрозой смертной казни, въ мѣстности, удаленныя отъ театра военныхъ дѣйствій; вся эта масса еврейскаго населенія, зачастую не знавшая русскаго языка, эвакуировалась принудительно вглубь Россіи, гдѣ она могла служить разсадникомъ сначала паники и эпидемій, а затѣмъ—жгучей ненависти къ властямъ.

Другія распоряженія Ставки — менѣе категорическія, носившія скорѣе характеръ поощренія, нежели прямого принужденія, касались эвакуаціи населенія другихъ народностей. Руководясь представленіемъ о томъ, что врагъ, попадая въ опустошенную мѣстность, долженъ испытывать затрудненія въ продовольствіи и расквартировкѣ войскъ, русское командованіе способствовало массовому исходу населенія на востокъ, при чемъ деревни сжигались такъ же, какъ и посѣвы, а скотъ убивался на мѣстѣ, либо погибалъ въ дорогѣ,—лишь бы ничего не

досталось врагу. Эта „тактика 1812 года“ подвергалась рѣзкой критикѣ въ Совѣтѣ Министровъ, но такъ какъ весь театръ военныхъ дѣйствій былъ подчиненъ Верховному Главнокомандующему, кабинетъ былъ безсиленъ что-либо предпринять.

Толки объ измѣнѣ, въ связи съ недостаткомъ снарядовъ, сдѣлались настолько всеобщими, что Государь распорядился въ концѣ мая образовать совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, съ участіемъ предсѣдателя Г. Думы Родзянко и нѣсколькихъ депутатовъ, для ознакомленія представителей общества съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Но изъ арміи шли вѣсти о невѣроятномъ возмущеніи офицерства; вина за недостатокъ снарядовъ возлагалась на военное министерство, и Государь, желая внести успокоеніе, рѣшилъ разстаться съ В. А. Сухомлиновымъ; Онъ считалъ, что военный министръ въ данномъ случаѣ только „козелъ отпущенія“ за неудачи, предотвратить которыя не было возможности, и, увольняя В. А. Сухомлинова, обратился къ нему съ ласковымъ прощальнымъ словомъ.

На очередь становился вопросъ о реорганизаціи правительства. Государь, во время перваго года войны, держался принципа: избѣгать всякихъ внутреннихъ обостреній, не мѣняя ничего по существу. Такъ, когда скончался (еще въ концѣ 1914 г.) Л. А. Кассо, столь ненавистный всѣмъ лѣвымъ кругамъ министръ народнаго просвѣщенія, его преемникомъ былъ назначенъ гр. П. Н. Игнатьевъ, который на посту товарища министра земледѣлія пріобрѣлъ популярность въ думскихъ кругахъ; это назначеніе было встрѣчено въ обществѣ сочувственно.

Когда на очередь стали вопросы о созданіи особаго совѣщанія по снабженію арміи, о „мобилизаціи промышленности“, когда стали раздаваться требованія скорѣйшаго созыва Г. Думы, Государь рѣшилъ сдѣлать новую попытку пойти навстрѣчу обществу, въ то же время твердо сохраняя всю полноту власти въ своихъ рукахъ. Одинъ за другимъ были уволены въ отставку тѣ министры, дѣятельность которыхъ особенно рѣзко критиковалась въ Г. Думѣ: министръ внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Маклаковъ (6 іюня), В. А. Сухомлиновъ (12-го); оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода В. К. Саблеръ (5 іюля), министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ (6 іюля). На ихъ мѣста были назначены: министромъ внутреннихъ дѣлъ—умѣренно правый кн. Н. Б. Щербатовъ; министромъ юстиціи — А. А. Хвостовъ членъ правой группы Г. Совѣта; оберъ-прокуроромъ Сѵнода — московскій предводитель дворянства А. Д. Самаринъ, въ свое время пріобрѣвшій извѣстность, какъ сторонникъ неограниченнаго самодержавія. Только на постъ военнаго министра былъ назначенъ человѣкъ, пользовавшійся болѣе „лѣвой репутаціей“: б. тов. военнаго министра А. А. Поливановъ, котораго въ арміи считали хорошимъ „техникомъ“ своего дѣла. Его близость къ А. И. Гучкову во времена комиссіи государственной обороны создавала противъ него нѣкоторое предубѣжденіе, но Государь счелъ возможнымъ пренебречь этимъ соображеніемъ послѣ продолжительной бесѣды съ А. А. Поливановымъ въ Ставкѣ.

14 іюня въ Ставкѣ состоялось засѣданіе Совѣта Министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, при участіи Вел. Кн. Николая

Николаевича и его ближайшихъ совѣтниковъ. Было рѣшено оказать довѣріе патріотизму общества, созвать въ ближайшее время Г. Думу, смягчить цензуру для печати.

На фронтѣ положеніе оставалось попрежнему тяжелымъ. Вездѣ, гдѣ только германскія войска производили рѣшительный нажимъ, русскій фронтъ обваливался, осѣдалъ. Почти вся Галиція была очищена къ концу іюня; на сѣверѣ нѣмецкія войска проникли вглубь Курляндіи; польскій выступъ оказался обойденнымъ съ обѣихъ сторонъ. Въ то же время, благодаря боевой стойкости русскихъ войскъ и умѣлой стратегіи командованія, удавалось, по крайней мѣрѣ, избѣжать „Седана" или „новаго Танненберга": весь фронтъ медленно откатывался назадъ, но прорывовъ не было; нѣмцамъ такъ и не удавалось окружить сколько-нибудь значительныя воинскія части. Территорію приходилось уступать, но живую силу, въ извѣстной мѣрѣ, удавалось сберечь. Конечно, потери при неравенствѣ въ артиллеріи были весьма велики и число плѣнныхъ сильно возросло: нерѣдки были случаи, когда отдѣльныя части сдавались, разстрѣлявъ всѣ свои снаряды и патроны. Упадокъ духа, особенно выражавшійся въ толкахъ объ измѣнѣ начальниковъ, былъ весьма ощутителенъ. И все же отступленіе совершалось въ порядкѣ, нигдѣ не переходя въ паническое бѣгство.

Смѣна министровъ и созывъ Г. Думы, назначенный на 19 іюля—годовщину объявленія войны—были, можно сказать, мѣрами „обоюдоострыми". Несомнѣнно, что онѣ были встрѣчены въ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ; онѣ вызвали и въ арміи надежду на перемѣну къ лучшему. Но, въ то же время, эти уступки—такъ и понимало оппозиціонное общество—не столько успокаивали, сколько создавали желаніе дальнѣйшихъ, болѣе крупныхъ перемѣнъ. Создавалось убѣжденіе, что подъ флагомъ войны можно добиться тѣхъ реформъ, въ которыхъ власть отказывала въ мирное время. Между Государемъ и обществомъ слагалось нѣкое недоразумѣніе: Государь считалъ нужнымъ, для цѣлей войны, сосредоточить власть въ своихъ рукахъ и управлять черезъ людей, которымъ О н ъ могъ безусловно довѣрять; для Него популярность или непопулярность этихъ людей въ обществѣ была на второмъ планѣ, хотя и оставалась существеннымъ соображеніемъ. Общество, наоборотъ, сочло, что насталъ моментъ, когда оно получаетъ возможность не только „свергать", но и „назначать" министровъ. Въ созданіи такого недоразумѣнія, почти одновременная отставка Н. А. Маклакова, В. К. Саблера и И. Г. Щегловитова сыграла не малую роль. Увольненіе Сухомлинова, съ другой стороны, было дѣйствительно неизбѣжнымъ—хотя бы, какъ „символическій жестъ", показывающій, что въ дѣлѣ снабженія арміи можно ожидать рѣшительныхъ перемѣнъ.

Расширительное толкованіе значенія смѣны нѣсколькихъ министровъ распространилось и за предѣлами Россіи; такъ Ллойдъ-Джорджъ, въ то время—министръ снабженія, въ своихъ рѣчахъ касался довольно смѣло русскихъ внутреннихъ дѣлъ и выражалъ радость по поводу

того, что отъ грома германскихъ пушекъ „рушатся тысячелѣтнія оковы русскаго народа", который теперь выпрямляется и встаетъ на борьбу съ врагомъ.

Сессія Г. Думы открылась 19 іюля. Въ рѣчахъ депутатовъ по прежнему звучала готовность продолжать войну до побѣднаго конца. Въ этомъ отношеніи общество, наоборотъ, всячески заподазривало власть и правые круги въ томъ, будто именно они хотятъ мира съ Германіей, и при томъ сепаратнаго мира. Но въ отличіе отъ прежнихъ „военныхъ" сессій, дѣйствія правительства на этотъ разъ подвергались весьма рѣзкой критикѣ. Мѣры противъ евреевъ, мѣры противъ нѣмцевъ, а, съ другой стороны, непринятіе достаточныхъ мѣръ противъ „нѣмецкаго засилья"; требованіе амнистіи для всѣхъ политическихъ заключенныхъ, требованіе „правительства народнаго довѣрія" —все это открыто обсуждалось въ засѣданіяхъ Думы и на столбцахъ газетъ; только изрѣдка наиболѣе рѣзкія выступленія задерживались военной цензурой, и на страницахъ газетъ въ такихъ случаяхъ появлялись бѣлыя мѣста.

Фронтъ продолжалъ „осѣдать". 22 іюля была оставлена Варшава. Говорили, что армія задержится на линіи Ковно — Брестъ-Литовскъ. Но Ковно было взято штурмомъ (комендантъ ген. Григорьевъ проявилъ полную неспособность и былъ преданъ за то суду), форты Бреста были взорваны, когда нѣмцы еще не подошли къ крѣпости; при этомъ были уничтожены большіе интендантскіе запасы, которые не успѣли эвакуировать. Непріятель подходилъ къ Западной Двинѣ; была объявлена спѣшная эвакуація Риги съ ея крупной промышленностью; ожидали, что австро-германцы изъ Галиціи пойдутъ на Кіевъ. Не было видно рубежа, на которомъ задержалась бы армія.

Въ странѣ,—не въ печати,—много говорили о бездѣйствіи союзниковъ. Западный фронтъ такъ и не двинулся съ апрѣля, тогда какъ восточный выносилъ на себѣ всю тяжесть германскаго натиска. Англійскій посолъ Бьюкененъ въ августѣ даже счелъ необходимымъ выступить въ „Новомъ Времени" съ большимъ интервью, объясняющимъ кажущееся бездѣйствіе союзниковъ: западный фронтъ, говорилъ посолъ, превратился въ цѣпь маленькихъ крѣпостей, и наступать тамъ возможно только при значительномъ перевѣсѣ въ военномъ снабженіи; союзники накапливаютъ орудія и снаряды, и когда они достигнутъ перевѣса, то перейдутъ въ наступленіе.

Италія, на которую возлагалось столько надеждъ, дѣйствительно, вмѣшалась въ войну еще въ самомъ началѣ галиційскаго разгрома (11 мая), но ея армія, оказавшаяся передъ сильно укрѣпленными горными позиціями — и въ Тиролѣ, и на путяхъ къ Тріесту, — не могла отвлечь достаточнаго количества австрійскихъ войскъ, чтобы это отразилось на положеніи русскаго фронта.

Въ эту трудную для Россіи минуту Государь принялъ рѣшеніе— стать во главѣ своихъ войскъ. Въ письмѣ къ Государынѣ, Онъ вспоминаетъ такъ эту минуту: ...„Хорошо помню, что когда стоялъ противъ большого образа Спасителя, наверху въ большой церкви (въ Ц. Селѣ), какой-то внутренній голосъ, казалось, убѣждалъ меня придти

къ опредѣленному рѣшенію и немедленно написать о моемъ рѣшеніи Ник . . .“

Съ распространеніемъ театра военныхъ дѣйствій на всю западную часть Россіи, двоевластіе между Ставкой и Совѣтомъ Министровъ должно было стать совершенно непереносимымъ. Въ Совѣтѣ Министровъ дѣйствія Ставки подвергались рѣзкой критикѣ; ген. А. А. Поливановъ, кн. Б. Н. Щербатовъ—новые министры—не уступали въ этомъ отношеніи А. В. Кривошеину или С. В. Рухлову. „Такъ или иначе, но бедламу долженъ быть положенъ предѣлъ. Никакая страна, даже многотерпѣливая Русь, не можетъ существовать при наличіи двухъ правительствъ“, говорилъ (въ засѣданіи 16 іюля) А. В. Кривошеинъ. — „Что творится съ эвакуаціей очищаемыхъ нами мѣстностей. Ни плана, ни согласованности дѣйствій. Все дѣлается случайно, на спѣхъ, безсистемно“. (А. А. Хвостовъ). — „Мы, министры, попали въ страшное положеніе передъ Ставкой. Это учрежденіе призвано руководить военными дѣйствіями и бороться съ врагомъ. А, между тѣмъ, оно проникаетъ во всю жизнь государства и желаетъ всѣмъ распоряжаться“ (С. В. Рухловъ).

Между тѣмъ, начальникъ штаба Н. Н. Янушкевичъ, повидимому, дѣйствительно, полагалъ, что на него падаетъ отвѣтственность за общую политику страны, и прислалъ министру земледѣлія А. В. Кривошеину цѣлый проектъ надѣленія землей солдатъ и конфискаціи земли у тѣхъ, кто дезертируетъ или сдается въ плѣнъ. Этотъ проектъ вызвалъ насмѣшки и негодованіе въ Совѣтѣ Министровъ.

„Отъ г. Янушкевича можно ожидать всего,—говорилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ.—Ужасно, что Великій Князь въ плѣну у подобныхъ господъ. Ни для кого не секретъ, что онъ загипнотизированъ Янушкевичемъ и Даниловымъ, въ карманѣ у нихъ“...

Такіе толки шли и въ арміи. Великій Князь продолжалъ пользоваться популярностью у солдатъ, ходили легенды про его храбрость, про его рѣзкое обращеніе съ „нерадивыми генералами“ — но Ставка, какъ таковая, утратила авторитетъ. Имена ближайшихъ помощниковъ Великаго Князя вызывали такую же вражду въ офицерствѣ, какъ еще недавно имя Сухомлинова. Тѣ же лица — особенно ген. Н. Н. Янушкевичъ—вызывали и въ обществѣ самую рѣзкую вражду, — главнымъ образомъ, изъ-за мѣръ по принудительному выселенію евреевъ.

Было необходимо устранить двоевластіе — Ставки и Совѣта Министровъ; было необходимо произвести перемѣны въ самой Ставкѣ. Между тѣмъ, Великій Князь Николай Николаевичъ не былъ склоненъ жертвовать своими ближайшими сотрудниками, которымъ онъ продолжалъ довѣрять. Въ то же время, замѣна Великаго Князя другимъ лицомъ, „меньшимъ“ по общественному рангу, имѣла бы характеръ обиды, немилости, и не отвѣчала бы ни намѣреніямъ Государя, ни настроеніямъ общества.

При такихъ условіяхъ, принятіе командованія самимъ Государемъ представлялось единственно возможнымъ исходомъ. Оно устраняло двоевластіе; недаромъ, какъ подчеркивалъ въ Совѣтѣ Министровъ А. В. Кривошеинъ, полевое управленіе войсками было составле-

но „въ предположеніи, что Верховнымъ Главнокомандующимъ будетъ самъ Императоръ; тогда никакихъ недоразумѣній не возникало бы, и всѣ вопросы разрѣшались бы просто; вся полнота власти была бы въ однѣхъ рукахъ“.

Въ то же время, уступая мѣсто своему Государю, который уже и ранѣе оговорилъ такую возможность, Великій Князь сходилъ со сцены съ почетомъ безъ какого-либо „урона“. А такъ какъ ближайшіе его совѣтники были тѣсно съ нимъ связаны всей работой, ихъ уходъ вмѣстѣ съ нимъ былъ только естественнымъ. Новые люди — среди нихъ наибольшей извѣстностью пользовался ген. М. В. Алексѣевъ, начальникъ штаба сѣв. фронта, котораго Государь называлъ „мой косоглазый другъ“—должны были занять мѣсто ген. Янушкевича и его помощниковъ.

Однако, когда Государь сообщилъ о своемъ намѣреніи военному министру А. А. Поливанову, тотъ „не счелъ себя въ правѣ скрыть“ это отъ кабинета, и рѣшеніе Государя вызвало сразу же рядъ возраженій. На нѣсколькихъ засѣданіяхъ кабинета, министры съ величайшимъ возбужденіемъ обсуждали это рѣшеніе Государя, хотя, казалось бы, оно только было логическимъ выводомъ изъ всѣхъ сужденій о соотношеніи между министерствомъ и Ставкой. Начались разговоры о томъ, что въ случаѣ дальнѣйшихъ пораженій—страна будетъ винить Самого Государя.

„Подумать жутко—говорилъ А. А. Поливановъ—какое впечатлѣніе произведетъ на страну, если Государю Императору пришлось бы отъ своего имени отдать приказъ объ эвакуаціи Петрограда или, не дай Богъ, Москвы“. Кн. Н. Б. Щербатовъ выдвигалъ нѣсколько странные доводы: „Черезъ гущу бѣженцевъ, по загроможденнымъ дорогамъ, царскій автомобиль не будетъ въ состояніи быстро двигаться. Какъ оберегать Государя отъ тысячъ бродящихъ въ придорожныхъ лѣсахъ дезертировъ, голодныхъ, озлобленныхъ людей?“...

А. В. Кривошеинъ говорилъ: „Народъ давно, со временъ Ходынки и японской кампаніи, считаетъ Государя царемъ несчастливымъ, незадачливымъ“. Не малую роль въ настроеніяхъ министровъ играли также слухи о томъ, будто это рѣшеніе, давно лелѣемое Государемъ, было внушено... пресловутымъ Распутинымъ.

И. Л. Горемыкинъ, со своей стороны, заявилъ: „Долженъ сказать совѣту министровъ, что всѣ попытки отговорить Государя будутъ, все равно, безъ результатовъ. Его убѣжденіе сложилось давно. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, что никогда не проститъ себѣ, что во время японской войны Онъ не сталъ во главѣ дѣйствующей арміи. По его словамъ, долгъ Царскаго служенія повелѣваетъ Монарху быть въ моментъ опасности вмѣстѣ съ войскомъ, дѣля и радость, и горе... Когда на фронтѣ почти катастрофа, Его Величество считаетъ священной обязанностью Русскаго Царя быть среди войска и съ нимъ либо побѣдить, либо погибнуть... Рѣшеніе это непоколебимо. Никакія вліянія тутъ не при чемъ. Всѣ толки объ этомъ — вздоръ, съ которымъ правительству нечего считаться“.

И. Л. Горемыкинъ оказался правъ; всѣ обращенія отдѣльныхъ министровъ, предсѣдателя Г. Думы, наконецъ, — коллективное письмо всѣхъ министровъ, за исключеніемъ премьера и министра юстиціи А. А. Хвостова—не могли поколебать рѣшенія, сознательно принятаго Государемъ. Всѣ эти шаги только показали Государю, на кого изъ своихъ сотрудниковъ Онъ можетъ безусловно положиться, и на кого только условно.

21 августа, наканунѣ отъѣзда Государя въ Ставку, министры еще разъ обратились къ Нему, на этотъ разъ съ письменнымъ заявленіемъ, повторяя просьбу не увольнять Великаго Князя и указывая на свое „коренное разномысліе" съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. „Въ такихъ условіяхъ — заканчивалось это письмо—мы теряемъ вѣру въ возможность съ сознаніемъ пользы служить Вамъ и Родинѣ".

И. Л. Горемыкинъ, со своей стороны, сказалъ: „Я не препятствую Вашему отдѣльному выступленію... Въ моей совѣсти—Государь Императоръ — помазанникъ Божій, носитель верховной власти. Онъ олицетворяетъ Собою Россію. Ему 47 лѣтъ. Онъ царствуетъ и распоряжается судьбами русскаго народа не со вчерашняго дня. Когда воля такого человѣка опредѣлилась и путь дѣйствій принятъ, вѣрноподданные должны подчиняться, каковы бы ни были послѣдствія. А тамъ дальше — Божія воля. Такъ я думаю и въ этомъ сознаніи умру".

22 августа состоялось торжественное открытіе особыхъ совѣщаній — новыхъ совѣщательныхъ учрежденій, съ участіемъ выборныхъ отъ обѣихъ палатъ и отъ общественныхъ организацій, подъ предсѣдательствомъ соотвѣтственныхъ министровъ, которые должны были обсуждать вопросы, связанные съ веденіемъ войны.

Совѣщанія открылъ самъ Государь. Онъ выразилъ увѣренность въ томъ, что всѣ участники совѣщаній будутъ дружно работать на побѣду Россіи.

„Оставимъ на время заботы о всемъ прочемъ, хотя бы и важномъ, государственномъ, но не насущномъ для настоящей минуты",— говорилъ Государь.—„Ничто не должно отвлекать мысли, волю и силы отъ единой теперь цѣли — прогнать врага изъ нашихъ предѣловъ".

Въ тотъ же день, 22 августа, Государь выѣхалъ въ Ставку, которая незадолго передъ тѣмъ была перенесена изъ Барановичей въ Могилевъ-Губернскій, чтобы принять на себя командованіе всѣми вооруженными силами Россіи.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Положеніе на фронтѣ въ августѣ 1915 г. Циммервальдская конференція. Образованіе прогрессивнаго блока. Атака противъ власти и закрытіе думской сессіи; Московскіе съѣзды.

Улучшеніе на фронтѣ. Положеніе тыла: ростъ цѣнъ. Отставка министровъ, стоявшихъ за уступки. Монархическій Съѣздъ. Австро-Германскій походъ на Сербію. Ростъ циммервальдскихъ настроеній.

Вопросъ о судьбѣ Думы. Отставка Горемыкина. Штюрмеръ и политика благожелательства. Государь въ Таврическомъ дворцѣ. (9.II.1916). Общественныя организаціи. Отставка А. Н. Хвостова и распутинская легенда; ея истинное значеніе. Арестъ Сухомлинова.

Согласованіе дѣятельности союзниковъ. Угроза Италіи. Русская побѣда на юго-западномъ фронтѣ („брусиловское" наступленіе). Русская парламентская делегація заграницей; еврейскій вопросъ и союзники. Отставка Сазонова. Инцидентъ съ Булацелемъ. Толки о диктатурѣ.

Выступленіе Румыніи. Возрастающія тяготы войны, — продовольственный вопросъ; забастовка деревни и товарный голодъ. Назначеніе Протопопова и кампанія противъ него.

Достиженія за 15 мѣсяцевъ: на театрѣ военныхъ дѣйствій; въ области военныхъ снабженій; Мурманская ж.д. Постройка флота. Усиленіе циммервальдизма; походъ „блока" противъ власти; совѣщаніе передъ открытіемъ думской сессіи.

„Мы узнали, что доблестная наша армія, истекая кровью и потерявъ уже свыше 4 000 000 убитыми, ранеными и плѣнными, не только отступаетъ, но, быть можетъ, будетъ еще отступать . . . Со стѣсненнымъ сердцемъ узнали мы, Государь, о томъ, что свыше 1 200 000 русскихъ воиновъ находится въ плѣну у врага" . . . говорилось въ запискѣ, составленной въ августѣ 1915 г. военно-морской комиссіей Г. Думы.

Данныя эти не были преувеличены. Въ дѣйствительности, общія потери русской арміи, къ моменту принятія командованія Государемъ, превышали четыре милліона воиновъ; число плѣнныхъ, на самомъ дѣлѣ, достигало 1 600 000 человѣкъ. За четыре мѣсяца отступленія, съ мая по августъ, армія теряла убитыми и ранеными около 300 000, а плѣнными до 200 000 человѣкъ въ мѣсяцъ. Несмотря на то, что подъ оружіе было призвано, съ начала войны, уже свыше 10 милліоновъ воиновъ, дѣйствующая армія была менѣе многочислен-

ной, чѣмъ въ началѣ войны; около полутора милліоновъ, призванныхъ въ августѣ, еще только начинали обученіе, и, кромѣ западнаго фронта, существовалъ еще и кавказскій.

Но и на эту армію имѣлось менѣе милліона винтовокъ. Кромѣ убыли чисто количественной, давало себя знать истребленіе офицерскаго состава и огромная убыль въ перволинейныхъ кадрахъ, такъ безпощадно растраченныхъ въ первые полгода, при наступленіи, спасшемъ Францію отъ германскаго натиска.

Русскій фронтъ отодвинулся глубоко въ предѣлы Россіи; бои шли на линіи Западной Двины, отъ окрестностей Риги до Двинска; германскія арміи на сѣверо-западномъ фронтѣ уже оставляли позади себя преграду Бѣловѣжской пущи и стояли въ районѣ Пинскихъ болотъ. Къ югу отъ нихъ австро-германскія войска, пройдя Царство Польское, проникли глубоко въ предѣлы Волыни и оттѣснили русскую армію въ Галиціи почти до государственной границы.

Слѣдя по картѣ за движеніемъ противника, русскіе граждане уже высчитывали разстояніе отъ фронта до столицъ; уже назначена была комиссія по эвакуаціи Кіева, и въ Совѣтѣ Министровъ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли увозить съ собою мощи и другія святыни изъ Кіево-Печерской лавры. „Псковъ, древній Псковъ укрѣпляется на скорую руку, кое-какъ, впопыхахъ, при общемъ безпорядкѣ и сумятицѣ“, говорилось въ упомянутой запискѣ думской военно-морской комиссіи.

Трудное наслѣдіе доставалось Государю, когда Онъ прибылъ въ Ставку 23 августа. „Сего числа — гласилъ его приказъ — я принялъ на себя предводительство всѣми сухопутными и морскими силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій. Съ твердой вѣрой въ помощь Божью и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской“.

Своимъ ближайшимъ помощникомъ — начальникомъ штаба — Государь избралъ ген. М. В. Алексѣева; фронтъ былъ раздѣленъ на три части (вмѣсто двухъ). Сѣвернымъ фронтомъ (на Двинѣ) командовалъ ген. Рузскій; западнымъ (отъ Двинска до Пинскихъ болотъ) — ген. Эвертъ; на юго-западномъ фронтѣ остался ген. Н. І. Ивановъ. Великій Князь Николай Николаевичъ, назначенный Намѣстникомъ на Кавказъ, отбылъ въ Крымъ на отдыхъ послѣ изнурительной, болѣе чѣмъ годовой, непрерывной работы въ Ставкѣ.

Государь хотѣлъ всѣ усилія сосредоточить на веденіи войны. Но какъ разъ въ тѣ дни, когда онъ принималъ на Себя командованіе, произошли политическія событія, существенно отразившіяся на всемъ дальнѣйшемъ ходѣ русской жизни.

23 августа (5 сентября) въ швейцарской деревнѣ Циммервальдъ собралась конференція представителей лѣвыхъ соціалистическихъ партій. Это была первая попытка возстановить разрушенный войной Интернаціоналъ. За годъ войны настроенія въ соціалистической средѣ перемѣнились очень сильно; стихійное патріотическое теченіе, увлекшее вождей вслѣдъ за массами, распылилось. Вожди, уже связавшіе себя

опредѣленными заявленіями, не могли отступить; но въ рядовой соціалистической средѣ протесты противъ войны раздавались все громче, и новые лидеры выдвигались на смѣну старымъ.

Этотъ процессъ коснулся, разумѣется, и русскихъ соціалистовъ. Тѣ изъ нихъ, которые, какъ Ленинъ, были съ самаго начала противъ войны, вдругъ стали пріобрѣтать огромное вліяніе въ своей средѣ.

По инициативѣ итальянскихъ и швейцарскихъ соціалистовъ, въ Циммервальдѣ собралось 33 делегата изъ десяти государствъ, — Германіи, Италіи, Россіи,*) Франціи, Голландіи и т.д. Конференція засѣдала четыре дня. Она вынесла резолюцію, въ которой выражалось осужденіе „имперіалистической войнѣ"; высказывалось порицаніе всѣмъ соціалистамъ, которые, подъ предлогомъ „защиты отечества", идутъ на сотрудничество съ буржуазіей, входятъ въ правительства, голосуютъ за бюджетъ и т.д. Цѣлью пролетаріата объявлялась борьба за немедленный миръ. Около трети делегатовъ, съ Ленинымъ во главѣ, считала и эту резолюцію недостаточной. Ленинъ говорилъ, что необходимо „имперіалистическую войну превратить въ гражданскую" и, воспользовавшись тѣмъ, что подъ оружіемъ десятки милліоновъ „пролетаріевъ", отважиться на захватъ власти въ цѣляхъ соціальнаго переворота. Однако, для начала, группа Ленина удовлетворилась циммервальдской резолюціей.

Послѣдствія Циммервальдской конференціи были весьма велики. Было сказано, отъ имени международнаго соціалистическаго центра, хотя и „самочиннаго", то слово, котораго во всѣхъ странахъ ждали соціалистическіе круги и вообще всѣ элементы, уставшіе отъ войны. Циммервальдская резолюція, запрещенная во всѣхъ воюющихъ странахъ, стала быстро извѣстна повсюду, включая Россію; и она дала сильный толчокъ революціонному движенію въ рабочей и полуинтеллигентской средѣ. Отдѣльные прежніе лидеры с.-д., какъ Плехановъ или б. членъ 2-й Думы Алексинскій, рѣзко ополчились противъ „Циммервальда"; но партійныя массы сразу схватились за резолюцію о мирѣ и только дѣлились на сторонниковъ „большинства" и „лѣвой".

25 августа была подписана программа т. н. прогрессивнаго блока. Съ начала лѣтней сессіи Г. Думы, представители к.-д. и прогрессисты вошли въ постоянныя сношенія съ думскими умѣренными фракціями: лѣвыми октябристами, земцами-октябристами и группой центра. Была сдѣлана попытка привлечь и націоналистовъ; большинство фракціи высказалось противъ сближенія съ лѣвыми, но лѣвое крыло, образовавъ особую фракцію подъ названіемъ прогрессивныхъ націоналистовъ, во главѣ съ В. В. Шульгинымъ и А. И. Савенко, продолжало переговоры о созданіи лѣво-центроваго большинства.

Основой для объединенія служило недовольство существующей в л а с т ь ю. Умѣренные круги объединялись съ оппозиціей, чтобы до-

*) Отъ Россіи были: с.-д. (большевики) Ленинъ и Зиновьевъ; с.-д. (меньшевики) Мартовъ и Аксельродъ; с.-р. Натансонъ и Черновъ; группа „Наше Слово" — Троцкій; кромѣ того, латышскій с.-д. Берзинъ. Отъ „Польши" былъ также Радекъ, а отъ „Балканъ" — Раковскій.

биться перемѣны правительства. Лѣвые группы предложили выработать общую программу, которая обсуждалась въ теченіе двухъ-трехъ недѣль на совѣщаніяхъ делегатовъ отъ фракцій. Участники блока исходили изъ двухъ основныхъ положеній: война должна быть доведена до побѣднаго конца; для этого необходимо единеніе между властью и обществомъ. Изъ этихъ общепризнанныхъ положеній руководители объединенія дѣлали выводъ: власть должна быть приведена въ соотвѣтствіе съ требованіями общества. Тутъ и начиналась наклонная плоскость: „обществомъ" называли либеральную интеллигенцію, и выраженіе его воли видѣли въ тѣхъ „общественныхъ организаціяхъ", которыя создались за время войны: общеземскомъ союзѣ, союзѣ городовъ и военно-промышленныхъ комитетахъ. Эти организаціи, созданныя первоначально для дѣловыхъ задачъ, связанныхъ съ войной, вдругъ пріобрѣли значеніе выразителей политической воли страны. Когда союзы возникали, никого особенно не заботило, что руководятъ ими по преимуществу „кадетскіе" элементы: лишь бы они исправно помогали раненымъ и больнымъ . . . Теперь сказывалась оборотная сторона односторонняго политическаго возглавленія союзовъ. Такъ, предсѣдателемъ центральнаго военно-промышленнаго комитета былъ А. И. Гучковъ; никто не отрицалъ ни его энергіи, ни его патріотическаго отношенія къ войнѣ; но было также извѣстно, что онъ непримиримый врагъ правительства, и больше того — онъ относится съ личной враждебностью къ носителю Верховной Власти.

Переходъ власти въ другія руки былъ главной цѣлью блока. Его программа, сама по себѣ, особаго значенія не имѣла; она была составлена, главнымъ образомъ, для того, чтобы „оправдать" въ глазахъ лѣвой общественности соединеніе к.-д. съ такими еще недавно „одіозными" элементами, какъ октябристы или націоналисты, вродѣ Шульгина. Первые пункты программы были даже уступкой болѣе лѣвымъ элементамъ, не вошедшимъ въ блокъ: требованія широкой политической амнистіи и возвращенія всѣхъ административно высланныхъ. Такія мѣры, при наличіи новыхъ настроеній въ средѣ соціалистовъ, могли только привести къ чрезвычайному усиленію агитаціи противъ войны: нельзя же было серьезно думать, что Каменевы и Сталины, возвращенные изъ ссылки, изъ благодарности заняли бы вдругъ патріотическую позицію.

Другими пунктами программы были: польская автономія, примиреніе съ Финляндіей, отмѣна репрессій противъ т.н. „украинцевъ" и „вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ" (этотъ послѣдній пунктъ особенно трудно „дался" правому крылу блока). Наконецъ, Г. Думѣ предлагалось заняться законопроектами: о равноправіи крестьянъ (законъ былъ уже проведенъ по 87 ст. въ 1906 г., но Думой еще не разсмотрѣнъ), о волостномъ земствѣ, о реформѣ земскаго и городского самоуправленія, о кооперативахъ и т.д. Все это были вопросы, говоря словами Государя, — „хотя и важные, государственные, но не насущные для настоящей минуты".

Программа блока еще не была подписана, когда въ странѣ начала развиваться агитація въ пользу „министерства довѣрія", согласно

формулѣ іюньской конференціи к.-д. партіи. А. И. Гучковъ, отъ военно-промышленнаго комитета, обратился къ И. Л. Горемыкину съ рѣзкимъ письмомъ, требуя ухода правительства. *) Затѣмъ московская городская дума, 18 августа, единогласно приняла резолюцію, требующую „правительства, облеченнаго довѣріемъ страны“. Другія думы, а также и земскія собранія, стали присоединяться къ московской резолюціи. О правительствѣ „изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями“ насчетъ программы работъ, говорилось и въ программѣ блока.

Шесть думскихъ фракцій — около 300 депутатовъ изъ 420 — вошли въ прогрессивный блокъ, къ которому примкнули также три группы Г. Совѣта (лѣвые, центръ и безпартійные). „Да будетъ мнѣ позволено назвать этотъ блокъ не краснымъ“—говорилъ 25 августа въ Г. Думѣ лидеръ правыхъ Н. Е. Марковъ — „ибо красные опредѣленно кроваваго цвѣта въ него не вошли . . . Его правильнѣе назвать желтымъ блокомъ“.—„Не желтымъ, а трехцвѣтнымъ“—возражалъ на это В. В. Шульгинъ. — „Немыслимо всѣхъ включить въ блокъ, — говорилъ извѣстный к.-д. дѣятель кн. Д. И. Шаховской. „Всегда останется кое-кто направо и океанъ — налѣво“.

Блокъ былъ орудіемъ борьбы за власть; имѣя большинство въ Г. Думѣ, онъ могъ наносить правительству чувствительные удары. Вошедшія въ него группы фактически подчинились руководству фракціи к.-д., наиболѣе политически опытной и яснѣе другихъ знавшей, чего она хочетъ. К.-д. нерѣдко оказывали сдерживающее вліяніе на своихъ болѣе „умѣренныхъ“ коллегъ, когда тѣ, въ порывѣ раздраженія, были готовы идти на рѣзкіе, необдуманные шаги; они берегли блокъ.

Нѣкоторые члены кабинета, въ моментъ образованія блока, сочли возможнымъ вступить съ нимъ въ переговоры и даже склонялись къ соглашенію на почвѣ отставки части министровъ и замѣны ихъ „общественными дѣятелями“. Но Государь отнесся къ этому съ рѣшительнымъ неодобреніемъ. Онъ считалъ, что власть должна быть единой; особенно во время войны недопустимо, чтобы министры „служили двумъ господамъ“: Монарху, на которомъ вся отвѣтственность, и „обществу“, неуловимому и измѣнчивому въ своихъ настроеніяхъ. Въ виду того, что Г. Дума закончила обсужденіе всѣхъ проектовъ, связанныхъ съ веденіемъ войны, Государь поручилъ И. Л. Горемыкину, пріѣзжавшему къ нему съ докладомъ въ Ставку, объявить перерывъ думской сессіи. Этотъ актъ былъ въ то же время отвѣтомъ на требованіе о передачѣ власти въ другія руки.

Думская сессія была прервана 3 сентября. Нѣкоторые депутаты хотѣли тутъ же „устроить скандалъ“, демонстративно уйти изъ всѣхъ особыхъ совѣщаній, но большинство рѣшило подчиниться, соблюдая строгую корректность. Зато на съѣздахъ земскаго и городского союза,

---

*) „Письмо и по тону и по существу столь неприлично, что я отвѣчать не намѣренъ“ — сказалъ въ Совѣтѣ Министровъ И. Л. Горемыкинъ, и остальные министры его одобрили.

открывшихся въ Москвѣ 6 сентября, оппозиціонные круги получили возможность выразить охватившія ихъ чувства. В. І. Гурко, воскрешая распутинскую легенду, восклицалъ: „намъ нужна власть съ хлыстомъ, а не власть, которая сама подъ хлыстомъ"; А. И. Гучковъ прославлялъ Г. Думу, „хилаго ребенка Саблеровъ и Харузиныхъ", поднявшагося до общегосударственнаго значенія. А. И. Шингаревъ говорилъ: „Послѣ севастопольскаго грома пало русское рабство. Послѣ японской кампаніи появились впервые ростки русской конституціи. Эта война приведетъ къ тому, что въ мукахъ родится свобода страны, и она освободится отъ старыхъ формъ и органовъ власти" . . . Это указаніе на „благія послѣдствія" проигранныхъ войнъ, помимо воли оратора, совпадало съ настроеніями пораженцевъ.

Оба съѣзда избрали депутаціи къ Государю для передачи резолюціи, требующей смѣны правительства. Государь, естественно, отказался ихъ принять.

15 сентября въ Ставкѣ состоялось засѣданіе кабинета, на которомъ Государь отчетливо выразилъ министрамъ Свою волю — посвятить всѣ силы веденію войны и не допускать политической борьбы, пока не достигнута побѣда. Тѣ изъ министровъ, которые стояли за уступки блоку, одинъ за другимъ должны были оставить кабинетъ; (первыми были уволены А. Д. Самаринъ и кн. Н. Б. Щербатовъ; вскорѣ за ними послѣдовали А. В. Кривошеинъ и П. А. Харитоновъ).

Пока въ тылу развивалась борьба за „министерство довѣрія", на театрѣ военныхъ дѣйствій произошли существенныя перемѣны. На юго-западномъ фронтѣ русскія войска имѣли крупный успѣхъ въ районѣ Тарнополя и Трембовли; было взято нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ, обратно отвоевана широкая полоска Галиціи: только недостатокъ снарядовъ не далъ возможности развить далѣе этотъ успѣхъ и двинуться на Львовъ.

На всемъ сѣверномъ фронтѣ, вдоль Двины, атаки непріятеля на русскіе теть-де-поны были отбиты. Только на западномъ фронтѣ нѣмцы нанесли въ началѣ сентября еще одинъ сильный ударъ, прорвавъ русскую линію около ст. Ново-Свѣнцяны на Варшавской жел. дор.; нѣмецкая кавалерія проникла далеко на востокъ, въ районъ Молодечно; нѣмецкіе разъѣзды достигли даже линіи Московско-Брестской ж.д. Русской арміи пришлось очистить Вильно; но германскіе части, прорвавшіяся на русскую линію, были частью уничтожены, остальныя оттѣснены обратно; клинъ, вбитый въ русскій фронтъ, былъ полностью ликвидированъ и „зарвавшемуся врагу былъ нанесенъ огромный уронъ", какъ гласило сообщеніе отъ 19 сентября . . .

Германское наступленіе на этомъ закончилось. Фронтъ началъ опять „застывать" — вдоль Двины, — по линіи озеръ, — немного впереди Минска, на линіи Пинскихъ болотъ — и южнѣе на р. Горыни и Стыри. Угроза Ригѣ-Пскову-Кіеву,—не говоря уже о столицахъ, отпадала. Начались осенніе дожди. Германскій техническій перевѣсъ уменьшался по мѣрѣ удаленія отъ базъ. Первые же успѣхи подняли духъ русскихъ войскъ. Великое отступленіе, наконецъ, нашло свой предѣлъ.

Въ арміи, вопреки паническимъ заявленіямъ въ столицахъ, смѣна Верховнаго командованія была воспринята, какъ должное. Солдатская масса раздѣлила мнѣніе Царя о томъ, что именно Онъ долженъ былъ взять на себя командованіе въ такую трудную минуту; а офицеры (по словамъ англійскаго генерала сэра А. Нокса, состоящаго при Ставкѣ) „были охотно готовы, цѣной отставки Великаго Князя, купить столь желанное для нихъ увольненіе Янушкевича и Данилова"...

Кампанія 1915 г. на восточномъ фронтѣ закончилась. „Россія въ настоящее время внесла свой вкладъ — и какой героическій вкладъ, въ дѣло борьбы за европейскую свободу" (писалъ Ллойдъ Джорджъ), „и въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мы не можемъ расчитывать, со стороны русской арміи, на ту активную поддержку, которой мы до сего пользовались . . . Кто займетъ мѣсто Россіи, пока ея арміи перевооружаются?". — „Какъ мы можемъ отплатить Россіи за все, что она сдѣлала для Европы?"—спрашивалъ „Times" (24.II.IX). Дѣйствительно, за 1915 г. Россія вынесла на себѣ главную тяжесть борьбы. Къ осени 1915 г. на восточномъ фронтѣ было сосредоточено 137 пѣхотныхъ австро-германскихъ дивизій и 24 кавалерійскихъ; на западномъ оставалось 85 пѣхотныхъ и одна кавалерійская. За все лѣто никакія боевыя дѣйствія на англо-французскомъ фронтѣ не доставили Россіи того облегченія, которое русскія арміи принесли союзникамъ за первые мѣсяцы войны.*) Это объяснялось, главнымъ образомъ, чрезвычайной трудностью продвиженія на сильно укрѣпленномъ западномъ фронтѣ. Въ сентябрѣ 1915 г. (12-25) союзники, однако, предприняли, наконецъ, сильныя атаки одновременно около Арраса и въ Шампани; они прорвали первыя германскія линіи, захватили около 25 000 плѣнныхъ. „Кажущееся бездѣйствіе союзниковъ — писало по этому поводу „Новое Время" (15.IX) — было періодомъ подготовки удара". Но дальнѣйшаго продвиженія не послѣдовало, и потери союзниковъ при этой атакѣ чуть не вдвое превысили германскія потери. Все же, это внезапное пробужденіе западнаго фронта сыграло, вѣроятно, извѣстную роль въ прекращеніи германскаго наступленія на Россію.

Жизнь страны въ сильнѣйшей степени зависѣла отъ событій на фронтѣ. Отступленіе 1915 г. потрясло, всколыхнуло широкія массы, далекія отъ всякой политики. „Весь народъ былъ возбужденъ, это настроеніе было неизбѣжно, я самъ переживалъ его во время военныхъ неудачъ" — свидѣтельствовалъ никто иной, какъ б. министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ. Это возбужденіе, однако, отнюдь не было тождественно съ той кампаніей противъ власти, которую пыталась на немъ построить оппозиція; агитація блока оставалась на поверхности; „Циммервальдъ", со своей стороны, пускалъ въ странѣ болѣе глубокіе корни по мѣрѣ роста усталости отъ войны.

---

*) „Союзники Россіи мало сдѣлали для того, чтобы отплатить за русскія жертвы, принесенныя ради нихъ въ 1914 г." — признаетъ Британская Энциклопедія. (Brit Encycl., 14 изд., статья World War).

Когда фронтъ застылъ, когда милліоны бѣженцевъ были, такъ или иначе, размѣщены въ тылу, *) и движеніе на желѣзныхъ дорогахъ вошло, болѣе или менѣе, въ норму, — въ странѣ вдругъ наступило успокоеніе. Экономическая жизнь была затронута еще сравнительно мало. Въ концѣ августа возникалъ, правда, кризисъ размѣнной монеты — серебряныя, а затѣмъ и мѣдныя деньги исчезли изъ оборота чуть не со дня на день,—но правительство выпустило вмѣсто нихъ размѣнныя марки, и публика, сначала поворчавъ на „деньги, которыя улетаютъ", быстро къ нимъ привыкла. Ростъ цѣнъ былъ сравнительно умѣренный—противъ довоеннаго уровня, хлѣбъ къ концу 1915 года вздорожалъ на 40 проц., масло на 45 проц., мясо на 25 проц., сахаръ на 33 проц. и т. д. Обиліе денегъ въ странѣ, повышеніе заработной платы дѣлали этотъ ростъ не особенно чувствительнымъ для широкихъ массъ, хотя и начали раздаваться жалобы на дороговизну. Губернаторы боролись съ ростомъ цѣнъ вводя таксировку продуктовъ; это, иногда, приводило къ перебоямъ въ снабженіи. Въ столицахъ временами ощущался недостатокъ сахара и мяса; это объяснялось тѣмъ, что потребленіе этихъ продуктовъ сильно возросло за годъ войны: запрещеніе спиртныхъ напитковъ, выдача усиленныхъ пайковъ въ арміи, обиліе денегъ въ деревнѣ—все это привело къ тому, что въ первый годъ войны русскія массы стали лучше питаться, чѣмъ въ до-военное время (напр., потребленіе сахара въ 1915 г. достигло 24,4 ф. на душу, противъ 18 ф. до войны).

Въ странѣ развивалась въ спѣшномъ порядкѣ военная промышленность; строились огромные новые казенные заводы, переоборудовались старые. Съ союзниками было достигнуто финансовое соглашеніе относительно оплаты большихъ заказовъ — преимущественно въ Америкѣ и въ Англіи.

Государь жилъ въ Ставкѣ, примѣрно, разъ въ мѣсяцъ пріѣзжая на нѣсколько дней въ Царское Село. Съ Нимъ вмѣстѣ, большей частью, находился Наслѣдникъ Цесаревичъ. Всѣ отвѣтственныя рѣшенія принимались Государемъ, который въ то же время поручалъ Императрицѣ поддерживать постоянныя сношенія съ министрами и держать Его въ курсѣ происходящаго въ столицѣ.

Императрица Александра Ѳеодоровна была наиболѣе близкимъ Государю человѣкомъ; только она бывала посвящена въ Его планы; Государыня полностью восприняла міросозерцаніе Своего Супруга, и Государь могъ всегда на нее положиться. Если, тѣмъ не менѣе, уѣзжая въ Ставку, Государь не возложилъ на Государыню никакихъ формальныхъ правъ и обязанностей — (какъ въ свое время Петръ Великій на Екатерину I, или Наполеонъ I — на Марію-Луизу, Наполеонъ III — на Императрицу Евгенію и т. д.)—это, скорѣе всего, объяснялось личной непопулярностью Императрицы въ широкихъ

*) Точное число бѣженцевъ не установлено. Называли цифру до 6 милліоновъ. Татіанинскій Комитетъ помощи бѣженцамъ зарегистрировалъ ихъ 3.306.051, но въ это число не вошли многочисленные бѣженцы, не прибѣгавшіе къ помощи Комитета.

кругахъ — вспоминали Ея нѣмецкое происхожденіе, Ея слѣпую вѣру въ Распутина. Самъ же Государь вполнѣ довѣрялъ Своей супругѣ, которая ежедневно писала Ему подробныя письма—„донесенія“, и это было хорошо извѣстно всѣмъ министрамъ; черезъ Государыню они часто сообщали Монарху свои соображенія по текущимъ вопросамъ.

Увольненіе министровъ, стоявшихъ за соглашеніе съ думскимъ блокомъ, придало кабинету болѣе — хотя и не вполнѣ — однородный характеръ. Министромъ путей сообщенія былъ назначенъ энергичный правый сановникъ А. Ф. Треповъ. Постъ министра внутреннихъ дѣлъ достался А. Н. Хвостову, б. нижегородскому губернатору, предсѣдателю фракціи правыхъ въ Г. Думѣ, котораго Государь намѣчалъ на постъ министра еще въ 1911 г., послѣ убійства П. А. Столыпина. Оберъ-прокуроромъ Сvнода сталъ политически безцвѣтный А. Н. Волжинъ, а министромъ земледѣлія — А. Н. Наумовъ, членъ Г. Совѣта по выборамъ отъ самарскаго земства. Назначеніе Наумова, человѣка умѣренно-либеральныхъ воззрѣній, должно было какъ бы смягчить впечатлѣніе отъ остальныхъ назначеній. Государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ Н. Н. Покровскій.

А. Н. Хвостовъ началъ развивать энергичную, нѣсколько даже демагогическую дѣятельность, подъ флагомъ борьбы съ дороговизной и борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ; оба эти лозунга были популярны въ широкой безпартійной средѣ.

Сессія Г. Думы первоначально была прервана до ноября; но затѣмъ, по предложенію И. Л. Горемыкина, было рѣшено отсрочить ея созывъ до окончанія работъ бюджетной комиссіи. Намѣченные на декабрь съѣзды общественныхъ организацій не были разрѣшены А. Н. Хвостовымъ. Дѣловой необходимости въ созывѣ этихъ съѣздовъ каждые три мѣсяца не было—они могли только служить ареной для агитаціи. Какъ отсрочка созыва Думы, такъ и запрещеніе съѣздовъ, было встрѣчено въ странѣ довольно спокойно. Перерывъ думской сессіи продолжался въ общемъ около пяти мѣсяцевъ (съ 3 сентября по 9 февраля).

Бюро прогрессивнаго блока скоро стало ощущать происшедшія перемѣны. „Я замѣчаю коллапсъ“ — говорилъ П. Н. Милюковъ (на засѣданіи 29 октября): „Общество реагируетъ вяло“. — „Измѣнилось настроеніе въ самой толщѣ общественности“ — признавалъ Н. И. Астровъ. „Политика рѣзваго министра (А. Н. Хвостова) имѣетъ успѣхъ“. А. И. Шингаревъ констатировалъ „рѣзкое паденіе настроенія въ гущѣ населенія“. В. А. Маклаковъ указывалъ и причину этой перемѣны: „Мы тогда говорили, что насъ ведутъ къ пораженію... Если будетъ полная побѣда, не воскресимъ злобу противъ Горемыкина, будемъ безъ резонанса“. Глава союза городовъ, М. В. Челноковъ, вообще высказывался за то, чтобы отложить счетъ съ властью до окончанія войны.

„Мы относились трагически къ перемѣнѣ командованія—заявлялъ (на засѣданіи 28 окт.) гр. Д. А. Олсуфьевъ. „Всѣ мы ошиблись. Государь видѣлъ дальше. Перемѣна повела къ лучшему... Мы предлагали для войны смѣстить министровъ. Самый нежелательный (Горе-

мыкинъ) остался, а война пошла лучше. Прекратился наплывъ бѣженцевъ, не будетъ взята Москва, и это безконечно важнѣе, чѣмъ кто будетъ министромъ и когда будетъ созвана Дума". — „Положеніе улучшается, — соглашался гр. В. А. Бобринскій. „Появились снаряды, мы остановили непріятеля". Фактически получалось, что улучшеніе на фронтѣ и успокоеніе въ странѣ были пораженіями думскаго блока, пророчившаго катастрофу.

Блокъ, тѣмъ не менѣе, рѣшилъ продолжать „безпощадную войну" съ правительствомъ, при чемъ В. I. Гурко заявилъ: „Обращеніе къ улицѣ? Можетъ быть, въ крайнемъ случаѣ" *) А. И. Гучковъ стоялъ даже за отклоненіе бюджета, но члены Г. Думы на это не соглашались.

Въ концѣ ноября въ Петроградѣ состоялся съѣздъ правыхъ организацій, подъ предсѣдательствомъ И. Г. Щегловитова. Съѣздъ единодушно высказался за войну до побѣднаго конца, но отнесся съ осужденіемъ къ требованіямъ блока. „Монархистъ, идущій съ требованіемъ министерства общественнаго довѣрія,—не монархистъ", говорилъ Щегловитовъ. Профессоръ Левашовъ протестовалъ противъ „вакханаліи лжи". Лѣвая печать отнеслась къ съѣзду съ большимъ раздраженіемъ, но Государь отвѣтилъ на его резолюцію благодарственной телеграммой. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" извѣстный дворянскій дѣятель Н. А. Павловъ выступилъ со статьей: „Не мѣшайте", доказывая, что, т. н., общественныя организаціи и политическія партіи служатъ не поддержкой, а помѣхой правительству въ дѣлѣ веденія войны.

Когда русская армія остановилась на новой линіи фронта и только начинала возстанавливать свои силы, германо-австрійская коалиція воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы нанести ударъ Сербіи. Въ Болгаріи въ это время находилось у власти правительство Радославова, державшееся „австрійской" оріентаціи; правда, оно вело переговоры и съ союзниками, стремясь добиться черезъ нихъ обѣщанія уступки македонскихъ земель, доставшихся Сербіи послѣ балканскихъ войнъ; и нѣкоторые русскіе дѣятели были склонны упрекать сербовъ за „несговорчивость". Однако, и царь Фердинандъ, и Радославовъ руководились не столько обѣщаніями воюющихъ сторонъ, сколько положеніемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Ослабленіе Россіи открывало болгарскимъ политикамъ возможность „реванша за 1913-й годъ".

Когда только выяснилось, что Болгарія дѣлаетъ приготовленія къ нападенію на Сербію, русское правительство попыталось оказать дипломатическое воздѣйствіе, но голосъ его не былъ услышанъ, и 23 сентября Россія прервала съ Болгаріей дипломатическія сношенія.

Въ этотъ же день, 23 сентября, австро-германская армія начала наступленіе на Сербію на Дунайскомъ фронтѣ и одновременно болгары ударили сербамъ въ тылъ. Государь, несмотря на трудное положеніе русской арміи, распорядился сосредоточить въ Бессарабіи пять

*) Совѣщанія блока воспроизводятся изъ записей П. Н. Милюкова, напечатанныхъ въ „Красномъ Архивѣ", т. 50-51 и 52.

корпусовъ, чтобы черезъ Румынію двинуться на Болгарію. Но для этой арміи не хватило ружей. Союзники, сначала обѣщавшіе немедленно доставить 500.000 винтовокъ, затѣмъ сообщили, что могутъ дать только 300.000, и то не ранѣе декабря. Румынія, ссылаясь на угрозу австро-германскихъ армій, отказывалась пропустить русскія войска черезъ свою территорію, а Греція заявила, что ея союзъ съ Сербіей обязываетъ ее только къ вмѣшательству въ болгаро-сербскую войну, а не къ участію въ великой міровой схваткѣ . . .

Высадка союзныхъ войскъ въ Салоникахъ оказалась запоздалой и недостаточной. Въ теченіе октября и ноября Сербія (а въ декабрѣ и Черногорія) были завоеваны противникомъ; сербская армія вынуждена была отступить къ морю по горнымъ тропамъ черезъ Албанію. Государь предписалъ русскому посланнику (кн. Г. Н. Трубецкому) сопровождать при отступленіи сербское правительство и раздѣлить его судьбу; Россія настояла передъ союзниками на томъ, чтобы сербскую армію доставили на островъ Корфу, гдѣ она получила возможность отдохнуть и возстановить свою боевую силу.

Къ концу года (27 декабря) союзники очистили Галлиполійскій полуостровъ, гдѣ имъ за восемь мѣсяцевъ такъ и не удалось овладѣть главными турецкими позиціями. Англичане хотѣли оставить и Салоники; но по настоянію русскаго правительства (поддержаннаго новымъ французскимъ премьеромъ Бріаномъ) было рѣшено сохранить этотъ опорный пунктъ на Балканахъ, чтобы не дать вражеской коалиціи овладѣть всѣмъ полуостровомъ.

1915-й годъ далъ союзникамъ тяжелыя разочарованія; застой на западѣ, германское продвиженіе на востокѣ, завоеваніе Сербіи. Но ни въ одной изъ странъ Согласія не наблюдалось склонности заключить миръ. Не было въ этомъ отношеніи никакихъ колебаній и у Государя. Не проявляли наклонности къ миру и думскіе оппозиціонные круги. Наоборотъ, „блокъ" все время заподазривалъ власть и правыхъ въ желаніи заключить „сепаратный миръ". Слухи объ этомъ проникли и въ западную печать. „Revue de France" утверждала въ концѣ 1915 г., будто И. Г. Щегловитовъ, Н. А. Маклаковъ и другіе правые „интригуютъ" въ пользу прекращенія войны. Это сообщеніе было рѣшительно опровергнуто. Но представленіе о какихъ-то „реакціонерахъ", стремящихся къ сепаратному миру, стало, повидимому, однимъ изъ шаблоновъ союзной пропаганды. Тутъ, быть можетъ, былъ извѣстный психологическій расчетъ: толками о козняхъ „реакціонеровъ" союзники думали вызвать въ лѣвыхъ и либеральныхъ кругахъ отталкиваніе отъ мысли о возможности мира. Такой пріемъ, поскольку этимъ слухамъ начинали вѣрить, извращалъ перспективу и приводилъ къ тому, что дѣйствительную опасность слѣва замалчивали и игнорировали.

Въ широкихъ массахъ, особенно рабочихъ, идея мира — „Циммервальдскаго" мира—дѣйствительно пускала все болѣе глубокіе корни. Когда еще въ сентябрѣ 1915 года должны были происходить въ Петербургѣ выборы делегатовъ рабочей группы военно-

промышленнаго к-та (отъ заводовъ съ 219.000 рабочихъ), большинство неожиданно получила партія с.-д. большевиковъ; собраніе выборщиковъ (27.IX.) вообще отказалось выбирать делегатовъ и приняло резолюцію, въ которой говорилось: „Лозунгъ защиты отечества и его разновидностей—защиты свободы, культуры, національныхъ интересовъ, правъ, морали и т. д. . . . . есть лишь прикрытіе хищническихъ притязаній правящихъ классовъ и приманка, при помощи которой рабочій превращается въ слѣпое орудіе ихъ имперіалистическихъ интересовъ“ . . .

Только на два мѣсяца позже (29.XI.), при помощи сочетанія репрессій и отбора выборщиковъ, удалось добиться избранія делегатовъ рабочей группы, при чемъ члены ея, чувствуя непрочность своего положенія въ рабочей средѣ, старались „загладить“ свое отношеніе къ войнѣ рѣшительнымъ отстаиваніемъ крайнихъ экономическихъ требованій рабочихъ и усиленными нападками на власть. Такъ, руководитель группы, К. А. Гвоздевъ, говорилъ (на собраніи 29.XI. 1915 г.), что единеніе необходимо „для борьбы съ нападающей Германіей и для борьбы съ нашимъ страшнымъ внутреннимъ врагомъ—самодержавнымъ строемъ. Для достиженія этихъ двухъ цѣлей необходимо дѣятельное участіе въ работахъ Военно-промышленнаго Комитета“ . . .

„Циммервальдскія“ настроенія распространялись и въ студенческой средѣ. Значительная часть студентовъ ушла на войну добровольцами; тѣ, кто остались, были настроены иначе. Когда былъ объявленъ призывъ студентовъ въ дѣйствующую армію, то (въ началѣ 1916 г.) во многихъ учебныхъ заведеніяхъ были митинги протеста, на которыхъ ораторы заявляли, что, если они и пойдутъ въ армію, то исключительно съ цѣлью революціонной пропаганды.

Въ декабрѣ 1915 г. началъ выходить журналъ „Лѣтопись“, подъ редакціей Максима Горькаго. Въ немъ, какъ и въ другихъ лѣвыхъ журналахъ, сквозь цензурныя преграды опредѣленно пробивалась „циммервальдская“ тенденція. Не имѣя возможности открыто нападать на власть, лѣвые публицисты изощряли свою иронію за счетъ дѣятелей „блока“ и тѣхъ соціалистовъ, которые продолжали отстаивать лозунгъ „война до побѣднаго конца“.

Въ обывательской массѣ—но отчасти и въ арміи—начинало проявляться недовольство союзниками. Возникла весьма популярная формула: „Англія и Франція рѣшили воевать до послѣдняго русскаго солдата“. Ген. Ноксъ отмѣчаетъ въ то же время, что никто иной, какъ ген. Лебедевъ, ген.-квартирмейстеръ западнаго фронта, говорилъ ему самому (въ октябрѣ 1915 г.): „Исторія отнесется съ презрѣніемъ къ англичанамъ и французамъ, которые мѣсяцъ за мѣсяцемъ сидятъ, точно кролики, въ своихъ норахъ, оставляя на Россіи всю тяжесть войны“.

Подобное ощущеніе, только въ противоположномъ смыслѣ, видимо, было и у французовъ: въ декабрѣ 1915 г. ген. Жоффръ гово-

рилъ ген. Жилинскому: „Войну ведетъ только одна Францiя, остальные только просятъ у нея содѣйствiя". *)

Осенью 1915 г. въ Царскую Ставку прибылъ извѣстный французскiй политическiй дѣятель Поль Думеръ, впослѣдствiи президентъ республики; онъ настаивалъ на томъ, чтобы Россiя присылала на западный фронтъ по 40.000 человѣкъ въ мѣсяцъ; ихъ доставку и вооруженiе союзники брали на себя. („Помогите намъ, чѣмъ вы богаты, помогите намъ людьми", говорилъ впослѣдствiи А. И Шингареву французскiй министръ финансовъ Рибо).

Государь отклонилъ посылку крупныхъ войсковыхъ частей и согласился только отправить во Францiю „символическiе" отряды — первая партiя была намѣчена въ 8.000 человѣкъ. Такой жестъ подчеркивалъ солидарность союзниковъ, не ослабляя въ то же время многострадальный восточный фронтъ.

Въ началѣ 1916 г. передъ Государемъ стоялъ вопросъ: какой политики держаться въ отношенiи Г. Думы? Положенiе власти было несравненно крѣпче, чѣмъ осенью. Она могла, не рискуя крупными осложненiями, отложить созывъ Г. Думы до окончанiя войны; (въ Австрiи, напр., рейхстагъ такъ и не собирался съ 1914 по 1917 годъ). Чрезвычайныя обстоятельства небывалой по своимъ размѣрамъ войны оправдывали бы такое отступленiе отъ обычныхъ законныхъ нормъ. Срокъ полномочiй IV-й Думы истекалъ черезъ полтора года; данный составъ въ такомъ случаѣ могъ бы уже и не собираться болѣе; а исходъ выборовъ въ новую Думу зависѣлъ бы всецѣло отъ исхода войны.

Но Государь не былъ склоненъ къ такому рѣшенiю. Онъ предпочиталъ среднiй путь. Считая исключенной передачу власти въ руки думскаго большинства,—которое Онъ, въ полномъ согласiи съ оцѣнкой „общества" въ извѣстной запискѣ П. Н. Дурново, вообще не считалъ реальной силой, способной оказать поддержку правительству,—Государь, въ то же время, не хотѣлъ обострять положенiя, создавать новые поводы для агитацiи въ странѣ. Кампанiя „общественныхъ круговъ" была направлена, въ первую очередь, противъ И. Л. Горемыкина. („Если старецъ придетъ—нельзя ручаться за спокойствiе", говорилъ А. И. Шингаревъ въ бюро блока). Самъ Горемыкинъ полагалъ, что думскую сессiю — если она вообще состоится — надо свести къ нѣсколькимъ днямъ и ограничить разсмотрѣнiемъ бюджета. Государь, наоборотъ, рѣшилъ сдѣлать шагъ навстрѣчу Думѣ и, не мѣняя политики по существу, „сгладить острые углы".

20 января 1916 г. И. Л. Горемыкинъ былъ уволенъ въ отставку — съ теплымъ благодарственнымъ рескриптомъ и пожалованiемъ ранга „особы I-го класса". Его преемникомъ былъ назначенъ Б. В. Штюрмеръ, членъ правой группы Г. Совѣта. Менѣе опредѣленный въ своихъ воззрѣнiяхъ, въ то же время готовый всецѣло подчиниться указанiямъ Государя, человѣкъ культурный и обходительный, Б. В. Штюрмеръ первымъ дѣломъ заявилъ о своемъ благожелатель-

*) „Международныя отношенiя въ эпоху имперiализма" т. IX. Донесенiе ген. Жилинскаго ген. Алексѣеву отъ 18-31. XII. 1915.

номъ отношенiи къ Г. Думѣ и къ „общественнымъ организацiямъ“, о готовности считаться съ ихъ „прiемами, навыками и традицiями“. Было объявлено, что Дума соберется въ началѣ февраля и будетъ засѣдать, сколько сама сочтетъ нужнымъ.

Смѣна премьера, несомнѣнно, разрядила напряженную атмосферу и привела въ замѣшательство руководителей блока. На засѣданiи бюро (28.I.) большинство высказалось за возможность сотрудничества. Увольненiе Горемыкина разсматривалось, какъ побѣда Г. Думы: „Будетъ протянута рука—будемъ совмѣстно работать“ (членъ. Г. Сов. Меллеръ-Закомельскiй). „На первое время будетъ легче вести переговоры, чѣмъ съ Горемыкинымъ“ (С. И. Шидловскiй). — „Нельзя въ первый день сказать, что правительству не вѣримъ. Разъ Горемыкина нѣтъ—нельзя“ (В. А. Маклаковъ). П. Н. Милюковъ предлагалъ выждать, уживется или не уживется новый премьеръ съ Думой, а В. В. Шульгинъ заключалъ: „Мы должны быть мягче Штюрмера“ . . .

Государь, однако, не ограничился смѣной премьера. Онъ Самъ прибылъ съ фронта въ столицу къ открытiю думской сессiи, 9 февраля присутствовалъ на молебнѣ въ Таврическомъ Дворцѣ и обратился къ депутатамъ—впервые послѣ открытiя I-й Думы—съ привѣтственнымъ словомъ:

„Счастливъ находиться посреди васъ и посреди Моего народа, избранниками котораго вы здѣсь являетесь,—сказалъ Государь.—Призывая благословенiе Божiе на предстоящiе вамъ труды, въ особенности въ такую тяжкую годину, твердо вѣрую, что всѣ вы, и каждый изъ васъ, внесете въ основу отвѣтственной передъ Родиной и передо Мной вашей работы весь свой опытъ, все свое знанiе мѣстныхъ условiй и всю свою горячую любовь къ нашему отечеству, руководствуясь исключительно ею въ трудахъ своихъ. Любовь эта всегда будетъ помогать вамъ и служить путеводной звѣздой въ исполненiи долга передъ Родиной и Мной. Отъ всей души желаю Г. Думѣ плодотворныхъ трудовъ и всякаго успѣха“.

Въ своихъ мемуарахъ М. В. Родзянко пишетъ, будто, послѣ этой рѣчи, онъ сказалъ Государю: „воспользуйтесь этимъ свѣтлымъ моментомъ, Ваше Величество, и объявите здѣсь же, что даете отвѣтственное министерство“, — на что Государь кратко отвѣтилъ: „объ этомъ Я еще подумаю“. Такое обращенiе, по всей обстановкѣ, представлялось, просто на просто, неумѣстнымъ. . . .

Прiѣздъ Государя въ Думу, смѣна Горемыкина и радостно всколыхнувшiя страну вѣсти съ Кавказскаго фронта, гдѣ только что была одержана большая побѣда надъ турками—пала (4 февраля) мощная крѣпость Эрзерумъ—все это создавало атмосферу, весьма мало подходящую для оппозицiонныхъ выступленiй. С. И. Шидловскiй, тѣмъ не менѣе, огласилъ заранѣе составленную декларацiю блока, въ которой снова требовалось „созданiе правительства изъ лицъ, способныхъ и знающихъ, сильныхъ довѣрiемъ страны, готовыхъ рѣшительно измѣнить примѣнявшiеся до сихъ поръ способы управленiя и могущихъ работать въ согласiи съ народнымъ представительствомъ“.

Думскія пренія, однако, теперь далеко не вызывали того интереса въ странѣ, какъ во время сессіи 1915 г. К.-д. газеты, разумѣется, защищали дѣйствія блока, но лѣвые надъ ними иронизировали, а умѣренно-правые, нѣкогда привѣтствовавшіе его возникновеніе, теперь иронически говорили, что борьба продолжается „по преемству отъ осенней сессіи".—„Всѣ они застыли въ старыхъ своихъ рамкахъ. Все, что они говорятъ, такъ знакомо, такъ старо, и такъ безпросвѣтно сѣро!" — писали „Московскія Вѣдомости". Еще рѣзче, разумѣется, выражались органы крайнихъ правыхъ („Земщина", „Русское Знамя").

Правое крыло Г. Думы, насчитывавшее до ста депутатовъ, вело постоянную борьбу противъ блока. Главными ораторами справа были Н. Е Марковъ, Г. Г. Замысловскій, проф. Левашовъ и П. А. Сафоновъ. Думское большинство относилось къ нимъ весьма нетерпимо и постоянно прерывало ихъ рѣчи шумомъ и возгласами съ мѣстъ.

Въ засѣданіи 11 февраля, Н. Е. Марковъ выступилъ съ рѣзкими нападками на „общественныя организаціи": „Всѣ эти общественные военно-промышленные комитеты, — говорилъ онъ, — ничего до сихъ поръ для арміи не сдѣлали: ни одного ружья, ни одной пушки. Вы не дали снарядовъ, вы не дали пушекъ, вы не дали ружей, и этого вы никакими криками не уничтожите!"

На слѣдующій день М. В. Родзянко, Н. В. Некрасовъ и А. И. Коноваловъ выступили съ обстоятельными рѣчами въ защиту общественныхъ организацій. Эти пренія дали возможность подойти ближе къ истинѣ. Если справа были склонны п р е у м е н ь ш а т ь пользу этихъ организацій, — печать „блока", дѣйствительно, ее б е з м ѣ р н о п р е у в е л и ч и в а л а. („Военно-промышленные комитеты — писала „Рѣчь" — опоясали всю страну и покрыли ее лязгомъ и грохотомъ машинъ и станковъ, вырабатывающихъ снаряженіе").

Обще-земскій союзъ, какъ и союзъ городовъ, широко развили дѣло помощи раненымъ и больнымъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — напр. по доставкѣ раненыхъ съ фронта въ тыловые лазареты, по устройству питательныхъ пунктовъ — ихъ заслуги были велики. Обще-земскій союзъ взялъ на себя нѣкоторыя интендантскія поставки (напр., кожи) и выполнялъ ихъ вполнѣ успѣшно. Наоборотъ, въ области чисто в о е н н а г о снабженія дѣятельность этихъ союзовъ была весьма скромной. Т. И. Полнеръ, *) одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ кн. Г. Е. Львова, прямо признаетъ, что „Земгоръ"—(комитетъ по военному снабженію, организованный обоими союзами 10.VII.1915 г.) далъ на дѣлѣ очень мало: большинство учрежденій Земгора не имѣло оборудованія и мало понимало въ техникѣ дѣла; мѣстные комитеты были еще безпомощнѣе, чѣмъ центральный; ихъ поставки запаздывали, оказывалось до 50 проц. брака.

П. Н. Милюковъ, въ отвѣтъ на слова Н. Е. Маркова („вы не дали ни одного снаряда"...) крикнулъ: „Но мы з а с т а в и л и дать";

*) Въ книгѣ, изданной Институтомъ Карнеги, „Russian local gowernment during the war and the Union of Zemstvos".

такъ и Т. И. Полнеръ видитъ заслугу „Земгора“ не въ собственной работѣ, а въ томъ, что онъ побудилъ (?) военное министерство „стать менѣе беззаботнымъ“: въ 1916 г. „количество военнаго снабженія стало почти достаточнымъ“.

Размѣры дѣятельности обоихъ союзовъ лучше всего опредѣляются цифрами. Общеземскій союзъ насчитывалъ около 8.000 учрежденій съ сотнями тысячъ служащихъ, получавшихъ освобожденіе отъ воинской повинности. (Правые иронически называли ихъ „земгусарами“). Какъ и союзъ городовъ, онъ существовалъ на средства, отпускавшіяся казной. Оба союза, за первые 25 мѣсяцевъ войны (по I.IX. 1916 г.) получили отъ государства 464 милл. рубл., кромѣ того, земства и города ассигновали имъ около 9 милл. Если учесть, что къ этому времени сумма военныхъ расходовъ Россіи достигала, примѣрно, 20.000 милліоновъ, будетъ ясно, что „общественныя организаціи“ играли несравненно болѣе скромную роль въ обслуживаніи нуждъ арміи, чѣмъ это принято было считать во время войны.*)

Что касается военно-промышленныхъ комитетовъ, то они занимались, главнымъ образомъ, размѣщеніемъ заказовъ, а также производствомъ различныхъ анкетъ—о потребностяхъ арміи, о производительныхъ силахъ страны и т. д. Военное вѣдомство неоднократно жаловалось, что комитеты недостаточно заботятся о томъ, чтобы поставки производились по цѣнамъ, выгоднымъ для казны.**) Это соображеніе, впрочемъ, не имѣло особаго вѣса въ періодъ быстраго общаго роста цѣнъ. Съ другой стороны, „общественныя организаціи“ играли не малую политическую роль. „Блокъ“ склоненъ былъ ихъ считать своими кадрами въ странѣ; на самомъ дѣлѣ, составъ служащихъ въ большинствѣ былъ еще гораздо лѣвѣе. Комитеты земскаго и городского союза, ссылаясь на то, что имъ хорошо знакомы настроенія арміи, пытались даже говорить отъ ея имени. На засѣданіи бюро блока (2.11.1916) обсуждалась записка, про которую сначала было заявлено, что она „отъ арміи“, но затѣмъ выяснилось, что она составлена комитетомъ Земгора на юго-западномъ фронтѣ. Въ ней положеніе арміи изображалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Это вызвало протестъ А. И. Шингарева, который, какъ предсѣдатель военно-морской комиссіи, былъ болѣе освѣдомленъ о положеніи вещей: „Въ 1917 г., говорилъ онъ, — мы достигнемъ апогея. Это — годъ крушенія Германіи... Архангельская дорога перешита, Мурманская кончается осенью. Приходятъ всѣ паровозы и вагоны изъ Америки, снабженные ружьями, патронами, тяжелыми снарядами. Количество бомбъ измѣряется десятками милліоновъ“. Возражая Шингареву, Н. И. Астровъ сказалъ: „Объективное изображеніе — не наше дѣло“. Цѣлью записки было

*) До 1. I. 1916 г. Общеземскій Союзъ получилъ отъ казны 115 милл. р.: Союзъ Городовъ — 32 милл. р. За январь—августъ 1916 г. было отпущено, такимъ образомъ, 317 милл. рубл. (и 93 милл. руб. — петроградской и московской городскимъ думамъ). Правительство Штюрмера, т. о., широко отпускало средства „общественнымъ организаціямъ“.

**) По сообщенію А. Н. Яхонтова, военно-промышленный комитетъ, по настоянію его предсѣдателя, А. И. Гучкова, получилъ право отчислять на свои нужды не свыше 1 проц. со стоимости передаваемыхъ при его посредствѣ заказовъ на оборону.

показать, что при этомъ правительствѣ все должно пойти прахомъ. „Общественныя организаціи“ въ политическомъ отношеніи вели упорную борьбу съ властью, не особенно стѣсняясь въ средствахъ.

Продолжая свою „политику благожелательности“, Б. В. Штюрмеръ разрѣшилъ устроить въ Москвѣ съѣзды Земскаго и Городского Союзовъ. Съѣзды состоялись въ серединѣ марта. Они повторили резолюцію о призывѣ къ власти „людей, пользующихся довѣріемъ страны“. Но подъема не было. „Въ кулуарахъ отмѣчали—писала к.-д. „Рѣчь“, — что съѣздъ былъ сѣрый, скучный; говорили объ упадкѣ настроенія, объ обывательской усталости“.

А. Н. Хвостовъ уже не былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ къ моменту открытія московскихъ съѣздовъ. Его увольненіе было вызвано причинами особаго порядка. А. Н. Хвостовъ долженъ былъ уйти, т. к. проникся вѣрой въ значеніе „распутинской легенды“ и увлекся мыслью ее уничтожить — при помощи уничтоженія самого Распутина.

Тщательно подготовленная враждебными Государю кругами еще въ 1911-12 годахъ эта легенда, какъ извѣстно, приписывала Распутину огромное закулисное вліяніе на государственныя дѣла, „на смѣну направленій и даже смѣну лицъ“, выражаясь словами Гучкова, одного изъ главныхъ творцовъ этой легенды — (если не главнаго). Съ этого времени въ извѣстныхъ кругахъ вошло въ обычай приписывать вліянію Распутина всѣ „непопулярныя“ увольненія и назначенія, всѣ неугодныя „обществу“ дѣйствія власти. Эта пропаганда, которая велась умѣло и упорно, находила не мало легковѣрныхъ слушателей; и отъ упорнаго повторенія, распутинская легенда понемногу пріобрѣтала въ умахъ многихъ характеръ нѣкоего “общепризнаннаго факта“.

Могло случиться, что эта легенда такъ бы и осталась недоказанной, но и не опровергнутой. Тѣ, кто увѣровали въ нее, передавали свою вѣру другимъ, и ни за что не хотѣли признать, что на самомъ дѣлѣ они жестоко заблуждались. Но переписка Государя и Государыни, — опубликованная совѣтской властью, — даетъ возможность документально установить, насколько невѣрно было представленіе о властномъ вліяніи Распутина на ходъ государственныхъ дѣлъ. Эти письма показываютъ съ очевидностью, что, если Государыня дѣйствительно вѣрила Распутину, какъ „Божьему человѣку“, и готова была бы слѣдовать его указаніямъ, Государь совершенно съ этими указаніями не считался.*) Представленіе о полити-

*) Приводимъ ниже тѣ „совѣты“, которые Распутинъ передавалъ черезъ Государыню:

Распутинъ (6.IV.1915) не совѣтуетъ Государю ѣхать въ Галицію до окончанія войны: поѣздка состоялась.

Р. (17.VI.1915) не совѣтуетъ созывать Г. Думу: Дума созывается.

Р. совѣтуетъ (15.XI.1915) „начать наступленіе около Риги“. Нечего и говорить, что никакого наступленія не происходитъ.

ческомъ вліяніи Распутина было поэтому легендой--вредной легендой. Она вносила смуту въ умы, сбивала съ толку людей правыхъ взглядовъ.

Не находя другого способа борьбы съ этой легендой, А. Н. Хвостовъ рѣшилъ попытаться устранить то лицо, вокругъ котораго она создавалась. Онъ предлагалъ нѣкоторымъ чинамъ своего вѣдомства заняться „устраненіемъ“ Распутина. Тѣ были смущены подобнымъ предложеніемъ, однако, сперва не рѣшались возражать. Но организація убійства совершенно не соотвѣтствовала нравамъ русской полиціи. Какъ выразился товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ С. П. Бѣлецкій, правительственная власть не могла превращаться „въ какую-то маффію“. Одни чины перелагали непріятное порученіе на другихъ; въ поискахъ исполнителя вошли даже въ сношенія съ пресловутымъ Иліодоромъ, проживавшимъ за границей. Дѣло затянулось, планы Хвостова стали извѣстны самому Распутину, а черезъ него и Государынѣ. За Хвостовымъ и его агентами было поручено слѣдить контръ-развѣдкѣ, зависѣвшей отъ военнаго вѣдомства. Въ это время Государь какъ разъ находился въ Царскомъ Селѣ. Онъ возмутился такимъ образомъ дѣйствій министра и тотчасъ же уволилъ А. Н. Хвостова отъ должности, возложивъ на предсѣдателя Совѣта Министровъ Б. В. Штюрмера завѣдываніе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Причины отставки А. Н. Хвостова стали извѣстны въ обществѣ, —и это только способствовало росту распутинской легенды. Между тѣмъ, министры, какъ и товарищи министровъ, относившіеся къ Ра-

---

Р. (15 и 29 XI.1915), наоборотъ, убѣждаетъ созвать Г. Думу: „теперь всѣ желаютъ работать, нужно оказать имъ немного довѣрія“. — Созывъ Думы откладывается на февраль.

Р. умоляетъ (12.X.16) „остановить безполезное кровопролитіе“—атаки на Ковельскомъ направленіи; въ этомъ онъ сходился съ весьма широкими кругами, включая дѣятелей „блока“; на военныхъ операціяхъ эти „мольбы“, опять таки, не отразились никакъ.

Р. „предлагаетъ“ въ министры финансовъ гр. Татищева (19.XII.15), въ военные министры—ген. Иванова (29.I.16), въ мин. путей сообщенія—инж. Валуева (10.XI.16); Государь просто игнорируетъ эти „предложенія“, Онъ даже не отвѣчаетъ на нихъ Государынѣ. Ген. Н. I. Ивановъ, кстати, около того же времени увольняется съ должности командующаго юго-западнымъ фронтомъ . . .

Р. проситъ: не назначать Самарина (16.VI.15); не назначать Макарова (23.V.16). Такое же игнорированіе со стороны Государя.

Р. предлагаетъ въ товарищи министра къ Протопопову кн. Оболенскаго и „недолюбиваетъ“ Курлова; фактически назначается именно Курловъ.

Всѣ эти „совѣты“ Государь отвергаетъ молчаливо, не желая задѣвать чувства Государыни. Иногда у Него, однако, прорывается и нѣкоторое раздраженіе. „Мнѣніе нашего Друга о людяхъ бываютъ иногда очень странными, какъ ты сама это знаешь“ (9.XI.16). „Пожалуйста, не примѣшивай сюда нашего Друга“ . . .

Эти примѣры, взятые изъ переписки за какіе-нибудь два года, показываютъ, до какой степени нелѣпы утвержденія о „царствѣ Распутина“. Конечно, не было и обратнаго: Государь не отвергалъ всякое рѣшеніе, всякое назначеніе, на томъ только основаніи, что въ ихъ пользу высказался Распутинъ. Такъ, Р. въ іюнѣ 1915 г. высказывался противъ призыва ратниковъ II разряда, и созывъ былъ отложенъ до сентября, но по слѣдующимъ весьма вѣскимъ основаніямъ: 1) не было ружей и на дѣйствующую армію; 2) Совѣтъ Министровъ призналъ, что для призыва нужно провести соотвѣтственный законъ черезъ Г. Думу; 3) рѣшено было, что призывъ лучше провести по окончаніи сельскихъ работъ . . .

спутину отрицательно, не желавшіе его принимать и отвергавшіе его „записочки“ съ просьбами и рекомендаціями, продолжали пользоваться довѣріемъ Государя; тѣ же, кто, увѣровавъ въ распутинское вліяніе, пытались, по слабости, ему угождать, ничуть не упрочивали этимъ свое положеніе. Можно сказать, что въ это трудное время свой долгъ до конца исполнили тѣ министры, которые нашли въ себѣ нравственную силу игнорировать не столько самого Распутина — это было сравнительно легко, — сколько распутинскую легенду: которые своему Государю служили такъ, какъ-будто никакого Распутина на свѣтѣ не было. Къ чести русскаго служилаго сословія, такихъ министровъ оказалось большинство. Это, впрочемъ, не мѣшало кругамъ, враждебнымъ власти, приклеивать кличку „распутинцевъ“ чуть ли не ко всѣмъ неугоднымъ для нихъ государственнымъ дѣятелямъ.

Государь пошелъ навстрѣчу настроеніямъ общества и еще въ одномъ вопросѣ, для него весьма болѣзненномъ: Онъ согласился на производство слѣдствія о дѣятельности б. военнаго министра В. А. Сухомлинова, хотя самъ Государь былъ совершенно убѣжденъ въ

Р. „сочувствовалъ“ назначеніямъ А. Н. Хвостова, Штюрмера и Протопопова; но для всѣхъ этихъ назначеній имѣлись политическія основанія, совершенно независимыя отъ желаній „старца“.

Наконецъ, Распутинъ, самъ весьма заботившійся о томъ, чтобы поддержать легенду о своемъ вліяніи (она давала ему „вѣсъ“ и многія мелкія выгоды), — и не имѣвшій опредѣленныхъ воззрѣній, обычно старался „говорить въ тонъ“ Государю и Государынѣ, приспособлялся къ ихъ воззрѣніямъ, къ ихъ желаніямъ. Если же ему удавалось узнать о какомъ-нибудь еще не опубликованномъ рѣшеніи Государя, онъ спѣшилъ приписать его своему вліянію. Такъ Р. „высказывался“ за борьбу съ пьянствомъ; противъ „отвѣтственнаго министерства“; за принятіе Государемъ командованія. Ничто не даетъ какихъ-либо основаній полагать, что въ этихъ важныхъ государственныхъ вопросахъ мнѣніе Распутина имѣло для Государя какое-либо значеніе. Въ случаѣ съ верховнымъ командованіемъ имѣется прямое опроверженіе Самого Государя въ Его письмѣ къ Государынѣ отъ 8.VIII.1916 г. Распутину также, опять безъ малѣйшихъ основаній, приписывали пріѣздъ Государя въ Г. Думу 9 февраля. Государь принялъ рѣшеніе, когда Онъ находился въ Ставкѣ, и въ письмахъ Государыни ничего объ этомъ не говорилось.

Характерна для Распутина, не желавшаго „оказываться неправымъ“, его позиція передъ войной. Онъ прислалъ 16 іюля, черезъ А. А. Вырубову, слѣдующую двусмысленную телеграмму: „не шибко безпокойтесь о войнѣ, время придетъ, надо ей накласть, а сейчасъ еще время не вышло, страданія увѣнчаются“. Изъ этой телеграммы затѣмъ заключали, что Распутинъ „умолялъ не объявлять войну“. На самомъ дѣлѣ, не зная, чего въ данное время хочетъ Государь, Распутинъ просто боялся опредѣленно высказаться.

Было, конечно, другое. Распутинская легенда оказывала на людей парализующее вліяніе. Тѣ, кто попадали подъ ея власть, начинали сомнѣваться въ побужденіяхъ Государя, ловили въ Его словахъ отголоски чужихъ „вліяній“ и неожиданно перечили Его волѣ, подозрѣвая, что за нею стоитъ Распутинъ. Такіе люди, какъ бы добросовѣстно ни было ихъ заблужденіе, долѣе не могли вѣрно служить Царю; съ ними приходилось разставаться. Наиболѣе извѣстный „случай“ такого рода — А. Д. Самаринъ, личная безупречность и безкорыстіе котораго, разумѣется, выше всякихъ сомнѣній.

Государь Император с Наследником Цесаревичем, Великими Княжнами и офицерами Личного Конвоя

Выход Их Величеств из Троицкого собора Ипатьевского монастыря

Государь Император Николай II с Наследником Цесаревичем Алексеем Николаевичем

Государыня Императрица Александра Феодоровна

Государь Император Николай II и Великий Князь Николай Николаевич

Государь Император Николай II с членами Совета Министров

Их Величества и Президент Пуанкарэ на маневрах в Красном Селе

Государь Император Николай II и Президент Франции Пуанкарэ обходят почётный караул

Государь Император Николай II посещает раненых

Спальня Государя и Наследника Цесаревича в Ставке в г. Могилёве

Наследник Цесаревич Алексей Николаевич

Государь Император Николай II в Ставке с генерал-адъютантом Алексеевым и генералом Пустовойтенко

его невинности. *) Нападки на Сухомлинова настолько вошли въ обычай, что въ Г. Думѣ правый націоналистъ Л. В. Половцовъ назвалъ его „злодѣемъ“ и требовалъ его немедленнаго преданія суду. Разрѣшивъ производство слѣдствія, Государь уже не считалъ возможнымъ вмѣшиваться въ судебную процедуру; и когда первый департаментъ Г. Совѣта высказался за преданіе Сухомлинова суду, когда — 20 апрѣля — б. военный министръ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость — Государь ощущалъ это, какъ большую несправедливость. Сухомлиновъ могъ быть повиненъ въ нераспорядительности, въ нерадѣніи; не было никакихъ основаній считать его измѣнникомъ. Однако, только уже осенью, и то послѣ большихъ колебаній, Государь поручилъ подлежащимъ министрамъ измѣнить мѣру пресѣченія и перевести Сухомлинова изъ крѣпости подъ домашній арестъ.

Преданіе суду по обвиненію въ измѣнѣ (какъ оказалось, на основаніи явно недостаточныхъ данныхъ) — б. военнаго министра, занимавшаго этотъ постъ весь пе́рвый годъ войны,—оффиціальное признаніе возможности подобнаго факта — было мѣрой, которая вызвала недоумѣніе въ кругахъ союзниковъ; эта мѣра расшатывала духъ страны, сѣяла въ народѣ сомнѣнія въ высшихъ носителяхъ власти и способствовала зарожденію толковъ о дальнѣйшихъ „измѣнахъ“. Эта уступка „общественному мнѣнію“ имѣла только самыя вредныя послѣдствія.

Думская сессія тянулась (съ перерывомъ въ одинъ мѣсяцъ) съ 9 февраля по 20 іюня. Интересъ къ засѣданіямъ слабѣлъ у самихъ депутатовъ; не разъ оказывалось, что нѣтъ кворума. Блокъ, — какъ выразился въ засѣданіи его бюро Н. Н. Щепкинъ, — считалъ, что „нужно сохранить хотя бы видимость работы Г. Думы, ради свободной каѳедры“. Мѣсяца два заняло обсужденіе бюджета (Дума разсматривала только обычный бюджетъ, въ который не входили расходы по веденію войны). Было принято нѣсколько запросовъ — о министерскомъ циркулярѣ противъ евреевъ, о проектѣ введенія предварительной цензуры и т.д. Подвергся разсмотрѣнію законъ о крестьянскомъ равноправіи, проведенный Столыпинымъ по 87-й статьѣ еще въ октябрѣ 1906 года. Нѣкоторое оживленіе въ пренія внесла к.-д. фракція, неожиданно предложившая въ крестьянскій проектъ ввести статью о томъ, что равноправіе предоставляется и евреямъ. Это вызвало возраженія не только среди другихъ фракцій блока, но даже со стороны докладчика по законопроекту, к.-д. В. А. Маклакова; поправка была отвергнута. Правые настаивали на томъ, чтобы былъ поставленъ на очередь вопросъ о нѣмецкомъ засильѣ: они знали, что внутри блока

*) Извѣстный англійскій государственный дѣятель В. Черчилль, въ своей книгѣ о войнѣ на восточномъ фронтѣ („The unknown war“ New-York, 1932) пишетъ о ген. Сухомлиновѣ: „Пять лѣтъ онъ трудился надъ улучшеніемъ русской арміи . . . Безспорно, онъ былъ только козломъ отпущенія за неудачи. Нѣтъ сомнѣній въ томъ, что русская армія въ 1914 г. была несравненно выше той, которая сражалась въ манчжурскую кампанію“.

большія разногласія на этотъ счетъ; Г. Дума, однако, рѣшила отложить вопросъ до осени. Въ общемъ, сессія Думы прошла такъ же тускло, какъ московскіе съѣзды.

Въ апрѣлѣ делегація, состоявшая изъ видныхъ членовъ обѣихъ палатъ, во главѣ съ тов. предсѣдателя Г. Думы, А. Д. Протопоповымъ, выѣхала въ союзныя страны (Англію, Францію, Италію) и вернулась только къ концу сессіи. Делегацію всюду принимали весьма торжественно. 12 (25) мая на большомъ собраніи въ Парижѣ рѣчами обмѣнялись Эрріо, Думеръ и Протопоповъ. Эрріо въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, о Государѣ: „Во всѣ моменты Онъ воплощалъ народный духъ, и, какъ во внѣ, такъ и внутри, Онъ защищалъ его съ непоколебимой вѣрностью, которая вызываетъ восхищеніе и внушаетъ уваженіе". А. Д. Протопоповъ заявилъ, что франко-русскій союзъ нерушимъ и что „во время этой страшной войны для всякаго русскаго всякій французъ сталъ братомъ".

Для настроеній начала 1916 г. характерны выборы въ петроградскую городскую думу. Въ 1913 г. въ ней образовалось значительное большинство изъ „обновленцевъ"; дума, по предложенію А. И. Гучкова, принимала нѣсколько разъ политическія резолюціи. На выборахъ въ февралѣ 1916 г. „обновленцы" понесли полное пораженіе: по 1 разряду прошло 27 стародумцевъ: по II му — 35 стародумцевъ и 19 обновленцевъ. Вмѣстѣ со старыми членами (переизбиралась только половина состава думы), стародумцы получили большинство (93 голоса изъ 160). Петроградская городская дума перестала быть однимъ изъ опорныхъ пунктовъ „блока"; городскимъ головой · былъ избранъ безпартійный Леляновъ, нѣкогда уже занимавшій этотъ постъ.

Вскорѣ по принятіи Государемъ Верховнаго командованія была сдѣлана первая серьезная попытка согласованія военныхъ дѣйствій на отдѣльныхъ союзныхъ фронтахъ. Начальникъ штаба ген. М. В. Алексѣевъ выработалъ смѣлый стратегическій планъ, который былъ доложенъ ген. С. Г. Жилинскимъ на совѣщаніи представителей союзныхъ штабовъ въ Шантильи, въ декабрѣ 1915 г. По алексѣевскому плану, союзники должны были въ 1916 г. предпринять общее наступленіе на Венгрію, — русскіе со стороны Карпатовъ, англо-французская (и сербская) арміи — отъ Салоникъ, съ тѣмъ, чтобы „встрѣтиться въ Будапештѣ"; такой ударъ лишилъ бы Германію всѣхъ ея союзниковъ и отрѣзалъ ее отъ источниковъ снабженія. Планъ этотъ былъ отвергнутъ союзниками, продолжавшими считать французскій фронтъ главнымъ, а остальные вспомогательными. Вмѣсто этого, было рѣшено, накопивъ силы, одновременно начать наступленіе на западномъ и на восточномъ фронтахъ въ серединѣ лѣта 1916 года.

Нѣмцы, однако, предупредили это наступленіе, начавъ уже въ февралѣ атаку противъ Вердена. Въ разгаръ первыхъ боевъ на верденскомъ фронтѣ, русская армія, — впервые послѣ отступленія 1915 г., проявила наступательный починъ — въ районѣ озеръ Нарочь и Вишневское къ югу отъ Двинска. (Бои шли съ 5 по 17 марта). Это про-

бужденіе русской арміи настолько обезпокоило нѣмцевъ, что они, примѣрно, на недѣлю пріостановили свои атаки противъ Вердена, пока не убѣдились, что это операція мѣстнаго значенія.

Пока подъ Верденомъ продолжалась изнурительная борьба, истощившая резервы обѣихъ сторонъ, — французы несли не меньшія потери, чѣмъ нѣмцы, — австрійскій главнокомандующій Конрадъ фонъ Гетцендорфъ предпринялъ смѣло задуманный походъ на Италію. Австрійскія войска, наступая изъ Южнаго Тироля, продвигались къ равнинѣ рѣки По, и грозили отрѣзать отъ базы всѣ главныя итальянскія силы, боровшіяся въ горахъ Карсо, на путяхъ къ Тріесту.

Какъ въ 1914 г., союзники обратились къ Россіи, — и русская армія, пополнившая свои потери, значительно усилившаяся количественно, если не качественно, снова, ранѣе намѣченнаго срока перешла въ наступленіе.

22 мая арміи юго-западнаго фронта подъ начальствомъ ген. А. А. Брусилова (который незадолго передъ тѣмъ смѣнилъ ген. Иванова) прорвали въ нѣсколькихъ мѣстахъ непріятельскій фронтъ на Волыни и въ Галиціи и начали быстро продвигаться впередъ, занимая города Луцкъ, Дубно, захватывая сотни тысячъ плѣнныхъ.

Блестящая русская побѣда надъ австрійцами сразу же ликвидировала итальянскій походъ ген. Конрадъ фонъ Гетцендорфа,—который къ тому же былъ обвиненъ въ томъ, что не предусмотрѣлъ русскаго наступленія; онъ вынужденъ былъ сложить командованіе. Италія была спасена отъ страшной угрозы. Но „брусиловское" наступленіе отразилось и на боѣ подъ Верденомъ: нѣмцы вынуждены были спѣшно отправить подкрѣпленія на восточный фронтъ, и у нихъ больше не осталось резервовъ для продолженія верденской „борьбы на истощеніе".

Русская побѣда на Волыни была первымъ крупнымъ успѣхомъ союзниковъ послѣ долгой полосы неудачъ. Она сильно подняла духъ во всѣхъ союзныхъ странахъ и поколебала у нейтральныхъ слагавшуюся было увѣренность въ томъ, что война кончится „въ ничью".

Наступленіе на юго-западномъ фронтѣ успѣшно развивалось изъ Волыни оно распространилось на Галицію и Буковину. Уже за первыя три недѣли наступленія число плѣнныхъ (главнымъ образомъ австрійцевъ) превысило 200 000.

Атака на Верденъ прекратилась. Союзники, въ свою очередь, перешли въ наступленіе на Соммѣ; они продвигались впередъ очень медленно, съ огромными жертвами, „какъ нѣмцы подъ Верденомъ", но все же продвигались. Если нѣмцамъ удалось предотвратить одновременное общее наступленіе союзниковъ — они уже не могли помѣшать тому, что къ серединѣ лѣта иниціатива попала въ руки ихъ противниковъ: на обоихъ фронтахъ Германія вынуждена была перейти къ оборонѣ.

Россія и союзники были связаны желѣзной необходимостью побѣды. Они были другъ другу о д и н а к о в о н у ж н ы. Договоръ 23 августа, не допускавшій сепаратнаго мира, всецѣло соотвѣтствовалъ взглядамъ Государя, который не признавалъ возможности иного окон-

чанія войны, кромѣ общей побѣды. Ради общаго дѣла Онъ готовъ былъ на огромныя жертвы — и считалъ, что въ правѣ ждать того же и отъ союзниковъ.

Въ переговорахъ между Россіей, Англіей и Франціей за время войны шла поэтому рѣчь о распредѣленіи военнаго снабженія, о согласованіи военныхъ операцій, о тѣхъ цѣляхъ, которыя себѣ ставитъ каждая изъ союзныхъ державъ. Союзники добивались отъ Россіи присылки солдатъ, доставки золота; *) Россія стремилась получить отъ нихъ военное снабженіе и кредиты на закупки въ нейтральныхъ странахъ.

Какъ англійское, такъ и французское правительство знали, что Государь не допуститъ вмѣшательства въ русскія внутреннія дѣла, и тщательно отъ него воздерживались. Въ двухъ вопросахъ — польскомъ и еврейскомъ — русская политика, быть можетъ, не удовлетворяла союзниковъ, но тактъ и лойяльность не позволяли имъ вмѣшиваться во внутренніе вопросы русской живни. Какъ русскому правительству не приходило въ голову совѣтовать Англіи ввести гомруль въ Ирландіи, или Франціи — отмѣнить законъ противъ монашескихъ орденовъ, такъ и союзныя правительства не считали умѣстнымъ требовать отъ Россіи какихъ-либо внутреннихъ реформъ.

Попытки косвеннаго воздѣйствія, однако, бывали. Нѣкоторые англійскіе финансовые круги, съ лордомъ Ротшильдомъ во главѣ, съ самаго начала войны пытались добиться черезъ русскаго посла въ Лондонѣ, графа Бенкендорфа, измѣненія законовъ относительно евреевъ; но Государь тогда же — осенью 1914 г. — категорически запретилъ давать какія-либо обѣщанія. Указанія въ этомъ смыслѣ повторялись затѣмъ неоднократно.

Когда русская парламентская делегація была въ Лондонѣ, ея предсѣдатель А. Д. Протопоповъ, нѣсколько смѣло, завѣрилъ лорда Ротшильда на одномъ банкетѣ, что еврейское равноправіе будетъ вскорѣ осуществлено въ Россіи. По возвращеніи въ Петроградъ, А. И. Шингаревъ сдѣлалъ 19 іюня докладъ въ военно-морской комиссіи, въ которомъ доказывалъ, что въ цѣляхъ облегченія выпуска союзныхъ займовъ въ Америкѣ необходимо провести реформы въ пользу евреевъ; извѣстный банкиръ Яковъ Шиффъ, считавшійся германофиломъ, обѣщалъ въ такомъ случаѣ самъ выпустить заемъ для русскаго правительства. П. Н. Милюковъ, ссылаясь на свидѣтельство французскаго дѣятеля, Виктора Баша, подтверждалъ впечатлѣнія Шингарева.

Такая постановка вызвала возмущенный протестъ представителя правыхъ, Н. Е. Маркова: „Вопросъ ясенъ: Его величество еврейское, его величество Яковъ Шиффъ, приказываетъ союзникамъ заставить Росссію провести внутри своего государства желательныя его величеству реформы . . . Намъ приказываютъ. Хорошо, если эти реформы вамъ нравятся; но вѣдь могутъ приказать и то, что вамъ не нравится . . . Вы вѣдь не говорите, что Яковъ Шиффъ правъ, а вы го-

*) Количество русскаго золота, отправленнаго въ Англію, составило за время войны около 700 милл. зол. рублей.

ворите, что иначе вамъ не дадутъ денегъ. Значитъ, вамъ приказываютъ, иначе васъ заставятъ! . . . Вотъ постановка, которая должна намъ показаться мало пріемлемой, — не только для сторонниковъ самодержавія, но даже для приверженцевъ конституціонной монархіи, даже для республиканцевъ!"

Возникли бурныя пренія. А. Ѳ. Керенскій съ нѣкоторымъ злорадствомъ предсказывалъ, что союзники еще и не то потребуютъ; онъ признавалъ, что „Марковымъ достоинство и самолюбіе не позволяютъ дать подъ ударами кулака то, что они не давали по свободному убѣжденію", и дѣлалъ изъ этого выводъ, что нужно удалить отъ власти „единомышленниковъ Маркова". А. И. Шингаревъ счелъ нужнымъ подчеркнуть, что его докладъ — только изложеніе фактовъ, а не его собственные аргументы: „Я такого аргумента не могу вынести, что подъ давленіемъ требованій Россія должна уступить . . ."

Государь продолжалъ считать, что всякія внутреннія реформы должны быть отложены до окончанія войны.*) Онъ былъ увѣренъ, что союзники сами слишкомъ заинтересованы въ безопасности Россіи, что бы изъ-за „еврейскаго вопроса" задерживать поставку военнаго снабженія: разница была только въ томъ, что союзные займы въ Америкѣ выпускалъ Пирпонтъ Морганъ, а не Яковъ Шиффъ.

Сложнѣе было отношеніе къ польскому вопросу. Поляки, съ самаго начала войны, стремились добиться м ѣ ж д у н а р о д н о й г а р а н т і и для обѣщанной имъ русскимъ Царемъ широкой автономіи. Такъ какъ возсоединеніе Польши зависѣло отъ общей побѣды союзниковъ, тѣ имѣли извѣстныя основанія интересоваться польскимъ вопросомъ. Но Государь и здѣсь стоялъ на точкѣ зрѣнія полной суверенности Россіи. Онъ готовъ былъ дать Царству Польскому весьма широкія права, — но не считалъ возможнымъ вмѣшивать иностранныя державы въ отношенія между русскими и поляками.

Весной 1916 г. польскій вопросъ былъ выдвинутъ министромъ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазоновымъ, который считалъ, что въ интересахъ союзниковъ было бы объявить с в о й проектъ польской автономіи, дабы привлечь симпатіи польскаго населенія и не дать Германіи и Австріи использовать его для своихъ военныхъ цѣлей. (Въ это время распространялись упорные слухи о предстоящемъ наборѣ въ Царствѣ Польскомъ для австро-германской арміи).

Государь, наоборотъ, счелъ, что нельзя придавать окончательную форму будущему Царству Польскому, пока оно цѣликомъ находится подъ властью противника: широкіе посулы были бы сочтены признакомъ слабости; съ другой стороны, пріемлемый для Россіи проектъ автономіи могъ показаться полякамъ недостаточнымъ. Расхожденіе по польскому вопросу было рѣшающимъ поводомъ отставки С. Д. Сазонова;

*) Фактически положеніе евреевъ за время войны было замѣтно улучшено: такъ процентная норма была отмѣнена для участниковъ войны и ихъ родственниковъ; при всеобщей мобилизаціи это было почти равносильно полной отмѣнѣ. Проф. Левашовъ въ Г. Думѣ указывалъ (14.III.16), что на первый курсъ Медиц. Фак. Одесскаго Ун-та поступило на 586 человѣкъ 390 евреевъ. Евреи-бѣженцы получили возможность селиться не только въ чертѣ осѣдлости и т.д.

Государь, впрочемъ, уже и ранѣе былъ недоволенъ его позиціей въ вопросахъ внутренней политики (о Верховномъ командованіи, объ отношеніи къ „блоку"). Получалось такъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ скорѣе отстаивалъ взгляды союзниковъ передъ русской властью, нежели взгляды русской власти передъ союзниками.

10 іюля С. Д. Сазоновъ былъ уволенъ въ отставку. Государь не нашелъ ему въ тотъ моментъ подходящаго преемника, и завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было возложено на того же премьера Штюрмера (его, впрочемъ, „разгрузили" при этомъ отъ обязанностей министра внутреннихъ дѣлъ, которыя были переданы министру юстиціи А. А. Хвостову; того, въ свою очередь, замѣнилъ б. министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Макаровъ).

Русская внѣшняя политика съ назначеніемъ Штюрмера не претерпѣла никакихъ измѣненій: иначе и быть не могло, разъ эта политика опредѣлялась самимъ Государемъ, — при Штюрмерѣ, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ при Сазоновѣ. Но увольненіе министра, занимавшаго этотъ постъ шесть лѣтъ, хорошо знакомаго всѣмъ иностраннымъ посламъ, не могло не вызвать извѣстнаго сожалѣнія въ кругахъ союзной дипломатіи.

Въ русской печати только к.-д. органъ выразилъ неудовольствіе по поводу ухода Сазонова. „Новое Время" рѣзко критиковало дѣятельность ушедшаго министра и, въ частности, обвиняло его въ томъ, что онъ не сумѣлъ предвидѣть и предотвратить разгромъ Сербіи.

За первый мѣсяцъ пребыванія Б. В. Штюрмера на посту министра иностранныхъ дѣлъ произошелъ любопытный инцидентъ. Англійскій премьеръ Асквитъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о возможности привлеченія къ суду правителей центральныхъ державъ. Эта рѣчь вызвала скептическія замѣчанія и въ части англійской печати (напр. въ журналѣ „Экономистъ"). Русскій правый публицистъ, П. Ѳ. Булацель, въ мало распространенномъ журналѣ „Русскій Гражданинъ", выразилъ по этому поводу возмущеніе: „Итакъ, Асквитъ обѣщаетъ осуществить мечту масоновъ о международномъ трибуналѣ изъ парламентскихъ дѣльцовъ и адвокатовъ, которому будетъ отданъ на судъ самъ вѣнценосный глава Германской имперіи"... Англичане, „продвинувшіеся за два года войны на своемъ фронтѣ на нѣсколько сотъ метровъ", этого не могутъ сдѣлать сами . . . Намъ вмѣняютъ въ обязанность воевать не только до тѣхъ поръ, пока наши упорные, храбрые и сильные враги — германцы признаютъ себя сломленными и согласятся на почетный и выгодный для Россіи миръ, а до тѣхъ поръ, пока царствующая въ Германіи династія Гогенцоллерновъ не будетъ низложена русскимъ штыкомъ".

Англійскій посолъ усмотрѣлъ въ этой статьѣ чуть ли не проявленіе какой-то новой внѣшней политики Штюрмера; онъ забилъ тревогу, обратился съ протестомъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Б. В. Штюрмеръ тотчасъ же далъ сэру Дж. Бьюкенэну полное удовлетвореніе: онъ добился того, что русскій публицистъ Булацель самъ отправился въ англійское посольство, принесъ извиненія и смиренно

выслушалъ строгій выговоръ посла. „Русскій Гражданинъ“ былъ взятъ подъ предварительную цензуру.

Проблема согласованія дѣйствій отдѣльныхъ вѣдомствъ сильно заботила Государя, а также и его начальника штаба, ген Алексѣева, который выдвигалъ планъ учрежденія „военной диктатуры“—фактическаго подчиненія кабинета Ставкѣ. Къ этому времени ген. А. А. Поливановъ, къ большому негодованію думскаго блока, былъ уже замѣненъ ген. Д. С. Шуваевымъ, до этого хорошо организовавшимъ интендантское вѣдомство. *) Въ Ставкѣ 28 іюня состоялось совѣщаніе посвященное вопросу о „диктатурѣ“. Государь, однако, не захотѣлъ производить крупную ломку существующаго аппарата, и дѣло свелось къ расширенію полномочій премьера (Штюрмера) при разрѣшеніи конфликтовъ между отдѣльными вѣдомствами.

Около того же времени вышелъ въ отставку министръ земледѣлія А. И. Наумовъ. Поводомъ къ тому послужилъ его конфликтъ съ министромъ путей сообщенія Треповымъ и съ Штюрмеромъ по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли выступить въ Г. Совѣтѣ съ разъясненіями по продовольственному вопросу (другіе министры считали это излишнимъ). О болѣе глубокихъ причинахъ говорится въ письмѣ Государыни (23.VI.16) (со словъ Штюрмера): . . . „Держась совсѣмъ иныхъ взглядовъ, онъ не раздѣляетъ политики правительства. Хотя онъ честный и очаровательный человѣкъ, все же онъ упрямъ и приверженецъ Думы, земства и т.д., и надѣется больше на нихъ, чѣмъ на правительство, что не особенно удобно въ министрѣ и весьма затрудняетъ работу съ нимъ“.

Преемникомъ Наумова (22 іюля) былъ назначенъ гр. А. А. Бобринскій, б. предсѣдатель фракціи правыхъ въ III-й Думѣ. Кабинетъ постепенно пріобрѣталъ болѣе однородный — правый характеръ.

Успѣхи русскаго оружія, занятіе почти всей Буковины, побудили, наконецъ, долго колебавшуюся Румынію выступить на сторонѣ державъ Согласія. Во время предварительныхъ переговоровъ Государь обѣщалъ поддерживать румынскія притязанія на Трансильванію, но рѣшительно отказался уступить хотя бы часть русской территоріи — (юго-западную Бессарабію). Россія неособенно поощряла выступленіе Румыніи; военные круги даже считали удлиненіе фронта невыгоднымъ и не очень вѣрили въ силу Румынской арміи. Съ другой стороны, вмѣшательство державы, такъ долго колебавшейся, должно было произвести немалый психологическій эффектъ, наглядно показывая, что „зрители“ считаютъ дѣло Германіи проиграннымъ.

---

*) Ген. Поливановъ былъ уволенъ 13 марта, въ день опубликованія отчета закрытаго засѣданія Г. Думы, посвященнаго забастовкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Государь счелъ, что разрѣшеніе публиковать этотъ отчетъ было ошибкой. Кромѣ того, въ письмѣ къ Поливанову, Государь указалъ, что недоволенъ его близостью къ военно-промышленнымъ комитетамъ (которые возглавлялъ Гучковъ): „Дѣятельность послѣднихъ не внушаетъ Мнѣ довѣрія, а руководство Ваше этой дѣятельностью въ Моихъ глазахъ недостаточно властно“.

Недооцѣнивая силу сопротивленія центральныхъ державъ, Румынія 14 (27) августа объявила войну Австро-Венгріи и, пренебрегая совѣтами русскаго командованія, широкимъ фронтомъ двинула свои войска въ предѣлы Трансильваніи. (Русскій штабъ рекомендовалъ оборону на Трансильванскихъ Альпахъ и движеніе въ Болгарію, навстрѣчу Салоникской арміи союзниковъ).

Германская коалиція напрягла послѣднія силы. Ген. Гинденбургъ былъ назначенъ командующимъ всѣми фронтами. Германія, Болгарія, Турція объявили Румыніи войну, и сборная германо-болгаро-турецкая армія, подъ командой ген. Макензена, вторглась въ Добруджу, вбивая клинъ между Румыніей и Чернымъ моремъ. Въ то же время румынская армія, „съ налету" проникшая въ Трансильванію на 150 клм., вынуждена была вскорѣ отступить къ границѣ подъ ударами австро-германскихъ контръ-атакъ.

Румынія со своимъ выступленіемъ въ 1916 г. нѣсколько запоздала: наступательный порывъ русскихъ армій былъ въ августѣ уже почти истраченъ; нѣмцы уже сосредоточили на восточномъ фронтѣ большія силы, и продолжавшіяся упорныя русскія атаки — въ направленіи на Ковель и Владиміръ-Волынскій, стоившія огромныхъ жертвъ, уже не давали результатовъ. Потери гвардіи, при этомъ, были настолько велики, что Государь счелъ нужнымъ отрѣшить отъ должности ея командира, ген. В. М. Безобразова. Давали себя знать осенніе дожди; долины рѣкъ на низменности Припяти превращались въ болота. Въ русской арміи — небывалое доселѣ явленіе — отмѣчено было нѣсколько случаевъ, когда цѣлый полкъ отказывался идти въ атаку. Кровопролитная борьба, тѣмъ не менѣе продолжалась; но — какъ на Западѣ, на Соммѣ, — продвиженіе дѣлалось все менѣе замѣтнымъ на картѣ. Становилось ясно, что и въ этомъ году нельзя ждать рѣшающихъ успѣховъ.

Къ осени 1916 г. тяготы войны уже ощущались всѣмъ населеніемъ Россіи. Мобилизація „вычерпала" изъ страны 15 милліоновъ взрослыхъ мужчинъ;*) не считая 2 съ половиной милліоновъ, которые были заняты работой, необходимой для обороны, на заводахъ, въ шахтахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, при „общественныхъ организаціяхъ" и т.д. Въ сельскомъ хозяйствѣ начиналъ ощущаться недостатокъ рабочихъ рукъ. Призывъ инородцевъ въ Средней Азіи (которымъ была нѣкогда обѣщана свобода отъ воинской повинности) привелъ въ іюлѣ 1916 г. къ кровавымъ возстаніямъ въ Туркестанѣ; пришлось ввести военное положеніе, назначить генералъ-губернаторомъ знатока мѣстныхъ условій, ген. А. Н. Куропаткина, отмѣнить наборъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Продовольственное положеніе еще оставалось сноснымъ—не только армія не испытывала ни на одинъ день затрудненій въ снабженіи, но и въ тылу нигдѣ не ощущалось недостатка съѣстныхъ припасовъ,— но цѣны начинали быстро расти, а въ населеніи возникалъ страхъ,

*) По октябрь 1916 г. — 14 648 000.

какъ бы зимой не пришлось испытать голодъ. Къ іюлю-августу 1916 г. ростъ оптовыхъ цѣнъ, противъ до-военнаго уровня, достигалъ: для хлѣба 91 проц., для сахара 48 проц., для мяса 138 проц., для масла 145 проц., для соли 256 проц. и т.д. Розничныя цѣны мѣстами повысились еще больше. Это отчасти объяснялось ростомъ количества бумажныхъ денегъ, но въ еще большей мѣрѣ — своего рода забастовкой деревни. Крестьяне — а имъ принадлежало семь восьмыхъ русскаго хлѣба — все менѣе охотно продавали свои продукты; изъ опасенія реквизиціи, они начинали прятать зерно, зарывать его въ землю.

Такая „забастовка производителей" не имѣла ничего общаго съ политическими причинами. Она объяснялась тѣмъ, что въ странѣ ощущался товарный голодъ. Крестьяне, взамѣнъ своихъ продуктовъ, не могли получить того, что имъ было нужно. Не хватало тканей, обуви, желѣзныхъ издѣлій; цѣна на всѣ эти товары возросла внѣ всякой соразмѣрности съ ростомъ цѣнъ на с.-х. продукты.

„За пудъ желѣза давали раньше 1,5 пуда пшеницы, а теперь 6; за пудъ пшеницы можно было купить 10 аршинъ ситца, а теперь 2", говорилъ на продовольственномъ совѣщаніи въ Петроградѣ, въ концѣ августа, членъ Кіевской управы Григоровичъ-Барскій. Цѣны на желѣзныя издѣлія, напр., гвозди возросли въ восемь разъ.

Вопросы продовольствія и снабженія — уже не только фронта, но и тыла—вызывали оживленные споры. Одни требовали властнаго государственнаго вмѣшательства, введеніе хлѣбной монополіи, карточекъ на продукты, борьбы съ дороговизной при помощи „твердыхъ цѣнъ"; такую позицію занимали представители союза городовъ, во главѣ съ В. Г. Громаномъ. Въ лѣвыхъ кругахъ замѣчалось большое увлеченіе германскимъ „военнымъ соціализмомъ". Другіе, наоборотъ, считали, что необходима свобода хозяйственнаго оборота, иначе продукты вовсе исчезнуть съ рынка, а твердыя цѣны должны примѣняться только въ отношеніи казенныхъ заготовокъ. Нѣкоторые экономисты, какъ напр., П. Б. Струве, полагали, что необходимы твердыя цѣны при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ, но что онѣ не должны быть искусственно пониженными, что слѣдуетъ принимать во вниманіе себѣстоимость продуктовъ.

Раздавались жалобы и на „разруху на желѣзныхъ дорогахъ". Этой осенью 1916 г. транспортъ былъ, видимо, повсюду слабымъ мѣстомъ: французская Палата посвятила нѣсколько закрытыхъ засѣданій тому же вопросу о „кризисѣ перевозокъ".

Предсѣдатель русской парламентской делегаціи, А. Д. Протопоповъ, по возвращеніи изъ-за границы сдѣлалъ обстоятельный докладъ министру иностранныхъ дѣлъ (это еще былъ Сазоновъ), изложивъ, какъ свои впечатлѣнія отъ Англіи и Франціи, такъ и свой разговоръ— на частной квартирѣ одного шведскаго дѣятеля — съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ, изъ словъ котораго можно было заключить, что настроеніе въ Германіи далеко не побѣдоносное, и что ея единственная надежда — на расхожденіе между Россіей и Анг-

ліей. Сазоновъ счелъ эти впечатлѣнія интересными; Протопоповъ былъ приглашенъ въ Ставку и повторилъ ихъ Государю. При этой встрѣчѣ, Государь почувствовалъ симпатію къ А. Д. Протопопову, который, въ свою очередь, былъ совершенно „обвороженъ“ Государемъ. Когда въ началѣ сентября А. А. Хвостовъ изъявилъ желаніе уйти съ поста министра внутреннихъ дѣлъ, Государь рѣшилъ сдѣлать смѣлый шагъ — предложилъ этотъ постъ А. Д. Протопопову, поручивъ Б. В. Штюрмеру переговорить съ нимъ.

А. Д. Протопоповъ былъ виднымъ членомъ „блока“, товарищемъ предсѣдателя Г. Думы, членомъ военно-промышленнаго комитета, симбирскимъ предводителемъ дворянства; онъ былъ земскимъ дѣятелемъ и въ то же время промышленникомъ. Предсѣдатель Г. Думы, убѣждая Государя еще лѣтомъ 1916 г. дать „министерство довѣрія“, предлагалъ назначить Протопопова министромъ торговли и промышленности. Назначая Протопопова, Государь продолжалъ принятую Имъ политику: „сглаживать углы“, не мѣняя ничего по существу. Онъ полагалъ, что Протопопову, какъ видному члену Г. Думы, будетъ легче убѣдить своихъ единомышленниковъ въ необходимости отложить политическія требованія до окончанія войны. Самъ Протопоповъ — по его словамъ — со своей стороны, расчитывалъ получить согласіе Государя на нѣсколько „угодныхъ блоку“ реформъ: улучшеніе положенія евреевъ, установленіе судебной отвѣтственности министровъ, расширеніе правъ земствъ, а также назначеніе постояннаго содержанія духовенству.

Но „блокъ“ ставилъ себѣ опредѣленную задачу: переходъ власти въ руки людей, зависящихъ отъ „общества“, а не отъ монарха. Къ этому времени уже имѣлись готовые кандидаты чуть ли не на всѣ посты, при чемъ въ премьеры намѣчали кн. Львова или Родзянко. Назначеніе министромъ одного изъ членовъ „блока“, помимо общей передачи власти въ другія руки, было воспринято не какъ уступка, а, наоборотъ, какъ угроза, какъ маневръ, расчитанный на расколъ блока. Къ Протопопову была примѣнена тактика, которою еще въ 1904 г., въ „Освобожденіи“, П. Н. Милюковъ грозилъ всякому общественному дѣятелю, согласившемуся сотрудничать съ властью во время „весны“ кн. Святополкъ-Мирскаго: „Если кто-нибудь изъ насъ вамъ скажетъ, что онъ можетъ вамъ открыть кредитъ, не вѣрьте ему; онъ или обманываетъ, или самъ обманывается. Вы можете, если сумѣете, переманить его на вашу сторону; но знайте, съ той минуты, какъ онъ станетъ вашимъ, онъ уже перестанетъ быть нашимъ и, стало быть, перестанетъ быть нуженъ и вамъ“.

Извѣстный публицистъ Дорошевичъ сказалъ Протопопову: „васъ гонятъ въ правый уголъ и загонятъ“. Тотъ сначала не повѣрилъ, но вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, какъ легко, владѣя печатью и „общественными организаціями“, поднять кампанію клеветы и загипнотизировать общественное мнѣніе. Протопоповъ былъ членъ президіума Думы, глава заграничной парламентской делегаціи, одинъ изъ кандидатовъ блока въ министры, уже не говоря о другихъ его „общественныхъ“ должностяхъ; въ нѣсколько недѣль, онъ былъ въ глазахъ

всей Россіи „превращенъ" въ человѣка ненормальнаго, страдающаго прогрессивнымъ параличемъ; человѣка лично нечестнаго; „германофила", а то и прямо измѣнника (изъ-за его бесѣды съ Варбургомъ). Оставалось только удивляться, почему же „блокъ" такого человѣка намѣчалъ въ министры, а Дума избрала его товарищемъ предсѣдателя.

Такія чрезвычайныя усилія были примѣнены, чтобы предотвратить дальнѣйшіе переходы изъ „лагеря блока" въ „лагерь власти". („Сколько среди насъ еще сидитъ Протопоповыхъ!", спрашивалъ Шульгинъ въ бюро блока 3.X.). Злобная кампанія произвела дѣйствіе на самого Протопопова. Онъ потерялъ спокойствіе духа, увѣренность въ себѣ, сталъ нервничать, метаться слѣва направо.

Въ то время былъ на очереди вопросъ о передачѣ продовольственнаго дѣла изъ министерства земледѣлія въ министерство внутреннихъ дѣлъ; въ случаѣ необходимости ограничить потребленіе — путемъ введенія карточекъ и т.д. — это было, вѣроятно, наиболѣе цѣлесообразно, т.к. только у вѣдомства внутреннихъ дѣлъ былъ достаточно развѣтвленный — полицейскій — аппаратъ на мѣстахъ. Дѣло было доведено до Государя, который подписалъ указъ о передачѣ, но Протопоповъ не рѣшился его опубликовать наканунѣ открытія думской сессіи, боясь нареканій. Въ помощь себѣ онъ взялъ, въ качествѣ знающаго полицейское дѣло П. Г. Курлова. Но въ думскихъ кругахъ противъ него царило крайнее предубѣжденіе: въ свое время на него пытались взвалить отвѣтственность за убійство Столыпина; Протопоповъ не рѣшился опубликовать назначеніе Курлова и этимъ поставилъ его въ нелѣпое, ложное положеніе. Въ общемъ, при наличіи несомнѣнной доброй воли, А. Д. Протопоповъ легко далъ себя „загнать въ уголъ" и не оказался на высотѣ возложенной на него миссіи; онъ былъ не болѣе, хотя быть можетъ, и не менѣе приспособленъ къ задачамъ управленія въ столь трудное время, чѣмъ остальные его коллеги по прогрессивному блоку и „общественнымъ организаціямъ".

Русская Императорская власть, оглядываясь на годъ упорной работы, могла съ гордостью убѣдиться въ томъ, какъ много перемѣнилось за пятнадцать мѣсяцевъ. Не только не было уступлено лишней пяди русской земли, но, наоборотъ, у врага удалось отвоевать широкую полосу территоріи на Волыни, въ Галиціи и Буковинѣ (площадью около 30 000 кв. верстъ). На Кавказѣ русская армія глубоко проникла въ предѣлы Турціи, на Анатолійское плоскогорье. Почти вся Арменія была въ русскихъ рукахъ. Было захвачено около милліона плѣнныхъ, преимущественно австрійцевъ. (Общее число приблизилось къ двумъ милліонамъ). *)

Уже во время кампаніи 1916 г., армія была снабжена удовлетворительно. Къ концу 1916 г. производство военнаго снабженія увеличилось въ огромныхъ, поразительныхъ размѣрахъ. Производство ружей — удвоилось противъ

*) 1.737.000 австрійцевъ, 159.000 нѣмцевъ, 65.000 турокъ. (Число плѣнныхъ на 1.IX.1917 г.; но за 1917 годъ ихъ, какъ извѣстно, почти не было взято).

1914 г. (110 000 въ мѣсяцъ противъ 55 тысячъ); производство пулеметовъ возросло въ шесть разъ (900 въ мѣсяцъ противъ 160 въ 1914 г.); для легкихъ орудій отмѣчалось увеличеніе въ девять разъ (665 вмѣсто 70); для 3-хъ дюймовыхъ снарядовъ—въ шестнадцать разъ (1 600 000 въ мѣсяцъ, вмѣсто 100 000).*) Въ четыре раза возросло производство тяжелыхъ орудій, утроилось число аэроплановъ (716 противъ 263) и т.д. . .

И это было еще не все. Съ конца 1915 г., Россія начала получать въ возрастающихъ размѣрахъ военное снабженіе изъ-за границы: такъ, пулеметовъ получено было вь 1915 — 1 057, — въ 1916 г. уже— 9 428; 3-хъ дюймовыхъ снарядовъ въ 1915 г. — около милліона, — въ 1916 г. восемь милліоновъ; 4—6 дюймовыхъ — 129 000 и 1 692 000. Въ 1916 г. было также ввезено 446 тяжелыхъ (осадныхъ) орудій и 46 000 снарядовъ къ нимъ.

„Мало эпизодовъ Великой Войны",—писалъ В. Черчилль,—болѣе поразительныхъ, нежели воскрешеніе, перевооруженіе и возобновленное гигантское усиліе Россіи въ 1916 г. Это былъ послѣдній славный вкладъ Царя и русскаго народа въ дѣло побѣды . . . Къ лѣту 1916 г. Россія, которая 18 мѣсяцевъ передъ тѣмъ была почти безоружной, которая въ теченіе 1915 года пережила непрерывный рядъ страшныхъ пораженій, дѣйствительно, сумѣла, собственными усиліями и путемъ использованія средствъ союзниковъ, выставить въ поле—организовать, вооружить, снабдить — 60 армейскихъ корпусовъ, вмѣсто тѣхъ 35, съ которыми она начала войну" . . .

Для обезпеченія возможности обильнаго ввоза иностраннаго снабженія и оборудованія была продѣлана огромная работа въ отношеніи путей сообщенія. Къ началу войны были начаты постройкой около 16 000 км. желѣзныхъ дорогъ. Изъ нихъ было достроено къ концу 1917 г. около 12 000 км. Кромѣ того, на театрѣ военныхъ дѣйствій были созданы совершенно новыя стратегическія ж. д. вѣтки, позволявшія быстро перебрасывать войска съ одного участка фронта на другой.

Для сношеній съ внѣшнимъ міромъ Россіи оставались Владивостокъ и Архангельскъ. Была начата укладка второй колеи на Сибирской дорогѣ. За время войны была закончена постройка Амурской дороги. Узкая колея пути Вологда—Архангельскъ была замѣнена болѣе широкой, допускавшей сквозное движеніе. Но Архангельскій портъ замерзалъ почти на полгода. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, была построена — начатая только въ мартѣ 1915 г. — Мурманская желѣзная дорога. Длиною въ 1 050 км. (съ Олонецкой, достроенной въ началѣ войны, — 1 440), эта дорога проходила по тундрамъ, болотамъ и скалистымъ горамъ Кольскаго полуострова, черезъ край вѣчной мерзлоты и полярной ночи; она шла далеко за полярный кругъ. (Это, вообще, самая сѣверная желѣзная дорога на землѣ; она заходитъ за 69-й градусъ.

*) Эти цифры скорѣе преуменьшены; взята средняя производительность за мѣсяцъ. Ген. Н. Н. Головинъ прямо пишетъ, что производство 3-хъ дюйм. снарядовъ возросло съ 50.000 въ мѣсяцъ передъ войной до 2.000.000, т.е. въ сорокъ разъ.

Огромныя трудности ея постройки были преодолѣны въ двадцать мѣсяцевъ. Кладка рельсъ, для скорости, производилась на десяти отрѣзкахъ пути одновременно. Къ 15 ноября 1916 г. министръ путей сообщенія, А. Ѳ. Треповъ, уже могъ открыть временное движеніе поѣздовъ на Мурманской ж.д. Постройка была закончена въ рекордный срокъ, пробито было новое „окно" во внѣшній міръ

Цѣной немалыхъ усилій и заботъ, добычу топлива въ Россіи удалось не только поддержать на прежнемъ уровнѣ, но и увеличить: добыча угля съ 1 946 милл. пудовъ въ 1914 г. до 2 092 милл. пуд. въ 1916 г.; нефти съ 550 милл. пуд. въ 1914 г. до 602 милл. въ 1916 г. (высшая цифра со времени бакинскихъ пожаровъ 1905 г.). Площадь посѣва подъ хлопкомъ въ Туркестанѣ возросла съ 430 000 до 534 000 въ 1916 г.

Заканчивалась постройка четырехъ крейсеровъ сверхъ-дредноутовъ; къ осени 1917 г. русскій флотъ уже долженъ былъ обладать въ Балтійскомъ морѣ восемью первоклассными боевыми единицами. Кромѣ того, три дредноута заканчивались въ Черномъ морѣ. (Одинъ изъ нихъ „Императрица Марія" затонулъ въ севастопольской гавани, вслѣдствіе несчастнаго случая, но уже были начаты работы, чтобы его поднять).

Въ области внѣшней политики Россія добилась отъ союзниковъ, послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, окончательнаго признанія своихъ правъ на Константинополь и проливы (какъ Босфоръ, такъ и Дарданеллы).

Слѣдуетъ также отмѣтить, что русскій финансовый аппаратъ блестяще справлялся съ неимовѣрно трудной задачей — финансированія величайшей изъ войнъ. Боевые расходы до конца 1916 г. достигли 25 милліардовъ рублей. Изъ этой суммы внутренними и внѣшними займами было покрыто двѣ трети; *) и только остающаяся треть, около 8 милліардовъ, приходилась на „инфляцію", т.е. на выпускъ бумажныхъ денегъ.

Но русская власть никогда не отличалась умѣніемъ саморекламы, и это въ особенности давало себя чувствовать осенью 1916 г. Огромное большинство населенія совершенно не отдавало себѣ отчета въ гигантскихъ достиженіяхъ этого года. Правда, многія цифры въ то время составляли военную тайну. Населеніе не отдавало себѣ яснаго отчета въ томъ, что плуговъ, какъ и гвоздей, не хватало, такъ какъ почти все желѣзо шло на военное снабженіе. Оно не знало, что армія — возросшая до восьми милліоновъ, включая тыловыя части, поглощала отъ двухъ третей до трехъ четвертей всего русскаго производства тканей. Сочувственно внимая лозунгу „все для войны", населеніе не въ достаточной мѣрѣ сознавало, что этотъ лозунгъ сулилъ суровыя ограниченія для тыла.

---

*) Внутренніе составили до 1.I.1917 г. немного болѣе 10 милліардовъ р., внѣшніе немного менѣе 7 милліардовъ. (1 млд.—во Франціи, 5,5 млд. въ Англіи, остальное въ Соед. Штатахъ, Японіи и Италіи).

Осень третьяго года войны была порой упадочныхъ настроеній. Какъ всегда, немалую роль въ томъ играли событія на фронтѣ. Успѣхи первой половины лѣта забывались быстро; фронтъ опять застылъ на мѣстѣ, а въ то же время шли бои, болѣе кровавые, чѣмъ въ 1915 г. Кампанія 1916 г. обошлась русской арміи въ два милліона человѣкъ — при томъ плѣнные въ этой цифрѣ составляли уже не 40 проц., какъ при великомъ отступленіи, а всего 10 проц. Съ западнаго фронта доходили вѣсти о такихъ же тяжелыхъ потеряхъ, о такомъ же „топтаніи на мѣстѣ".

Казалось, что войнѣ не будетъ конца; что Германія окончательно справилась съ продовольственными затрудненіями, на которыя такъ надѣялись весной 1915 г. Въ рабочей, въ студенческой, въ полуинтеллигентской средѣ все болѣе распространялось циммервальдское возрѣніе: это — имперіалистическая война, ее надо прекратить. Появилась новая формула „оборончества", позволявшая сочетать недавнія патріотическія настроенія съ „Циммервальдомъ"; да, мы готовы защищать родину, но мы не хотимъ завоеваній, мы — за миръ „безъ аннексій и контрибуцій", поэтому мы — противъ власти, которая затягиваетъ войну ради имперіалистическихъ цѣлей. Въ различныхъ оттѣнкахъ, это настроеніе захватывало и лѣвыя думскія фракціи: трудовиковъ (Керенскаго), соціалъ-демократовъ (Чхеидзе) и рабочую группу военно-промышленнаго комитета. Газета „День", журналы „Русское Богатство", „Лѣтопись", „Сѣверныя Записки" и т. д. отражали тѣ же настроенія.

Никакая п р о п а г а н д а не могла преодолѣть этой усталости отъ войны; побороть ее — на извѣстный срокъ — могла только желѣзная дисциплина, только строгая цензура. Только царская власть, только твердая власть могла сдержать, затормозить эти явленія распада. „Блокъ" былъ связанъ слишкомъ неразрывно, черезъ „общественныя организаціи", вобравшія въ себя огромное количество крайнихъ лѣвыхъ, съ „оборонческими" элементами, въ свою очередь, не отличимыми отъ умѣренныхъ циммервальдскихъ элементовъ. Блокъ собирался бороться съ „пораженчествомъ" не репрессіями, — а амнистіей и ослабленіемъ цензуры.

Россія была б о л ь н а в о й н о й. Всѣ воюющія страны въ разной степени переживали эту болѣзнь. „Вездѣ, въ парижскомъ населеніи и въ Палатахъ, чувствуется смутное безпокойство. Пораженцы съ каждымъ днемъ выигрываютъ почву. Въ воздухѣ носятся подозрительные міазмы", отмѣчалъ (6. XI. - 24. X. 16) президентъ Пуанкаре. Но русское общество, вмѣсто того, чтобы осознать причины неудачи, прониклось убѣжденіемъ, будто все дѣло — въ недостаткахъ власти. Дѣятели думскаго блока участвовали въ особыхъ совѣщаніяхъ; они знали то, что было скрыто отъ обывателя; знали, какъ много въ дѣйствительности было сдѣлано. Тѣмъ не менѣе, они продолжали утверждать, что правительство „никуда не годится". Допустить обратное—

значило бы сознаться въ своей ошибкѣ, а этого политическія партіи дѣлать не любятъ и не умѣютъ.

А. И. Гучковъ — въ августѣ 1916 г. — писалъ ген. Алексѣеву: „Власть гніетъ на корню.... Вѣдь нельзя же ожидать исправныхъ путей сообщенія въ завѣдываніи г. Трепова, — хорошей работы нашей промышленности на попеченіи кн. Шаховского — процвѣтанія нашего сельскаго хозяйства и правильной постановки продовольственнаго дѣла въ рукахъ гр. Бобринскаго... Вся эта власть возглавляется г. Штюрмеромъ, у котораго (и въ арміи, и въ народѣ) прочная репутація, если не готоваго уже предателя, то готоваго предать (?)"... А. И. Гучковъ, конечно, не могъ не знать фактическихъ огромныхъ достиженій 1916 г., но въ своей пропагандѣ противъ власти на самыхъ верхахъ арміи, онъ, очевидно, настолько же мало стремился къ „объективности изображенія", какъ „общественныя организаціи" въ своихъ запискахъ, якобы исходившихъ „отъ арміи".

Съ начала октября возобновило свои работы бюро блока. Въ засѣданіи 3 октября гр. В. А. Бобринскій говорилъ: „Положеніе въ прошломъ году было опаснѣе. Если мы прежде много терпѣли, теперь можемъ насѣсть. Нашествіе врага остановлено: надо взяться за правительство". П. Н. Милюковъ, какъ наиболѣе опытный тактикъ, предложилъ „сосредоточить напоръ на Штюрмерѣ". Предсѣдатель Совѣта Министровъ, человѣкъ довольно безцвѣтный, пассивный исполнитель царской воли, самъ по себѣ давалъ мало поводовъ для нападокъ. Но онъ формально возглавлялъ правительство; для перемѣны власти, надо было въ первую очередь свалить его. Противъ Штюрмера поэтому начали вести кампанію съ двухъ сторонъ: используя его нѣмецкую фамилію, премьера старались изобразить, какъ сторонника сепаратнаго мира; въ то же время утверждали, будто онъ „ставленникъ Распутина" и во всемъ слушается его указаній.

Въ кругахъ блока не чувствовалось большой увѣренности въ себѣ. У нѣкоторыхъ членовъ бюро, напр., у В. В. Шульгина, даже появлялись сомнѣнія: критиковать Штюрмера — хорошо, но надо же и „указать, что дѣлать". А никакой общей дѣловой программы у блока не оказывалось, особенно въ остро стоявшемъ продовольственномъ вопросѣ. Настроенія страны также не вызывали особыхъ надеждъ; члены блока вполнѣ отдавали себѣ отчетъ, что страна устала отъ войны. „Не вѣрю, что сепаратный миръ вызоветъ революцію", говорилъ А. И. Шингаревъ. „Масса усталыхъ людей скажетъ; дайте выспаться, вымыться и поѣсть. Это говорятъ въ деревнѣ, и въ арміи, и при дворѣ (?)". „Въ деревнѣ будутъ рады миру, не разбирая, какой", соглашался гр. Капнистъ.

Но срокъ созыва Думы, назначенный на 1 ноября, приближался, и бюро начало вырабатывать свою декларацію; Милюковъ и Шульгинъ заготовили каждый по проекту. Текстъ Милюкова былъ составленъ въ рѣзкихъ тонахъ. Прямо говорилось, что подборъ министровъ указываетъ на „ направляющую руку", работа которой все болѣе представляется „прямымъ продолженіемъ работы нашихъ враговъ". „Увѣренностъ въ измѣнѣ родинѣ ея оффиціальныхъ

вождей крѣпла и становилась всеобщей“ . . . „Съ сокрушеніемъ сердца Г. Дума присутствовала при безцѣльномъ расточеніи собранныхъ по ея почину военныхъ запасовъ и, что еще гораздо печальнѣе, при безплодномъ пролитіи народной крови“: такая оцѣнка давалась кампаніи 1916 г., спасшей Италію, остановившей натискъ на Верденъ, толкнувшей Румынію на выступленіе. Шульгинскій проектъ былъ болѣе сдержаннымъ; слова „измѣна“ въ немъ не встрѣчалось.

Вопросъ о томъ, можно ли обвинять правительство въ измѣнѣ, не имѣя противъ него никакихъ данныхъ, кромѣ недовольства его политикой, вызвалъ большія разногласія даже въ средѣ блока. Прогрессивные націоналисты и земцы-октябристы противъ этого возражали. „Бороться надо, правительство — дрянь“, говорилъ В. В. Шульгинъ. „Но такъ какъ мы не собираемся итти на баррикады, то не можемъ подзуживать и другихъ“. — „Мы не желаемъ никого звать на баррикады, нельзя говорить теперь такъ, чтобы возбуждать еще болѣе толпу“, говорилъ октябристъ Стемпковскій. (Онъ же замѣчалъ: „Вдругъ за нашимъ актомъ ничего не послѣдуетъ бурнаго, а петроградская погода? Вдругъ общественность перенесетъ издѣвательства, и война окончится благополучно?... Скажутъ: „мы побѣдили безъ Думы“).

Въ концѣ концовъ, слова объ измѣнѣ были изъ декларацій исключены — (это вызвало заявленіе о выходѣ изъ блока фракціи прогрессистовъ) — но рѣшено было нападки сосредоточить на Штюрмерѣ, во вторую очередь — на Протопоповѣ, и принять рѣзкій, обличающій тонъ. Кажется, въ этотъ моментъ только П. Н. Крупенскій (представитель фракціи центра) пытался затормозить начало открытой атаки противъ власти.

Дѣятели блока едва ли сознавали, какую отвѣтственность они брали на себя. Нервы страны были напряжены до крайности. Невозможно было учесть, какъ отзовется неосторожное эффектное слово. Тѣ, кто стремились довести войну до побѣднаго конца,—и при этомъ знали, какъ много именно для войны было сдѣлано, — тройной печатью должны были бы заградить уста для всякой публичной критики: а рѣшено было какъ разъ обратное...

Въ передовой статьѣ „Новаго Времени“ отъ 31 октября 1916 г. говорилось: „... Настроеніе страны также трудно учесть, какъ разглядѣть сквозь окно жизнь чужой неосвѣщенной квартиры... Характернымъ признакомъ момента является неясность общей цѣли и утрата сознательнаго отношенія къ переживаемому моменту“.

. . . „Эта Дума будетъ скверная (rotten)“, — писала 30 октября Государыня Государю.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Усталость отъ войны. Два призрака: „министерство довѣрія“ и „темныя силы“. Роль сознательныхъ враговъ Государя. В. Маклаковъ о „шофферѣ“.

Засѣданіе Г. Думы 1-го ноября: рѣчь Милюкова. Выступленіе военнаго и морского министровъ. Отставка Штюрмера. Попытка Трепова. Усиленіе кампаніи противъ власти: Резолюція Г. Думы, Г. Совѣта и съѣзда объединеннаго дворянства. Протестъ Маркова; рѣчь Н. Маклакова (26. XI. 1916).

Позиція Государя передъ лицомъ растущей смуты. Германское предложеніе мира. Приказъ по арміи 12 декабря 1916 г. Убійство Распутина. Созданіе однороднаго кабинета. Мѣры противъ „шатанія умовъ“ на верхахъ. Планъ дворцоваго переворота; проектъ Гучкова.

Резолюція курскаго дворянства (19. I. 1917). Русская атака на рижскомъ фронтѣ. Междусоюзная конференція въ Петроградѣ; записка лорда Мильнера.

Февральская сессія Думы; рѣчь Керенскаго (15 февраля).

Осенью 1916 г. въ Россіи царила смутная тревога. Главной, быть можетъ, рѣшающей чертой положенія была усталость отъ войны, стихійно разлившаяся въ широкихъ массахъ. Страхъ передъ голодомъ, скорбь объ огромныхъ потеряхъ, безнадежное ощущеніе „войнѣ не видно конца“, все это создавало у людей, далекихъ отъ всякой политики, растущее раздраженіе противъ власти, которая эту войну вела.

Въ рабочей средѣ, въ кругахъ полуинтеллигенціи, гдѣ соціалистическія теченія были сильны еще до войны, ихъ вліяніе чрезвычайно возросло; на столичныхъ заводахъ получила преобладаніе партія с.-д.—большевиковъ.

Армія, въ которой уже почти не оставалось старыхъ кадровъ, держалась даже не традиціей, а тѣнью традиціи. Подавляющее большинство низшаго команднаго состава образовали офицеры военнаго времени — молодые люди изъ интеллигенціи и полуинтеллигенціи, наскоро окончившіе военныя училища.

Но духъ воинскаго устава, духъ старой царской арміи былъ крѣпокъ, даже тѣнь традиціи оказывалась еще достаточной, чтобы поддерживать дисциплину въ восьмимилліонной солдатской массѣ. Число дезертировъ, вопреки тревожнымъ слухамъ, оставалось ничтожнымъ. Случаи неповиновенія на фронтѣ были рѣдчайшимъ исключеніемъ. Престижъ Царской власти въ народной массѣ и въ арміи еще противостоялъ явленіямъ распада. На третьемъ году міровой войны Россія держалась „на Царскомъ словѣ". Но въ столичной рабочей средѣ этотъ престижъ уже почти исчезъ; а общество, вплоть до высшихъ слоевъ, съ самоубійственнымъ рвеніемъ работало надъ разрушеніемъ вѣры въ Царскую власть, раздувая недочеты, повторяя сплетни и навѣты, подавая примѣръ неуваженія. Сказывалась горькая правда словъ К. Леонтьева о русскихъ высшихъ слояхъ: „У насъ духъ охраненія слабъ. Наше общество, вообще, расположено итти по теченію за другими" . . .

Та среда, которая была всегда наиболѣе политически активной, была охвачена страстнымъ желаніемъ добиться перемѣны строя. Общество соединило старыя интеллигентскія стремленія съ патріотическими настроеніями первыхъ дней войны, при помощи формулы: „это нужно для побѣды". Борьбу за власть вели подъ знакомъ патріотизма: поскольку это дѣлалось искренне, участники этой борьбы были, конечно, благороднѣе пораженцевъ 1904—05 годовъ; фактически, они были опаснѣй. Грани между патріотами, „оборонцами" и „пораженцами" на практикѣ стерлись зимой 1916—17 года. Общей очередной задачей была смѣна власти, война отошла куда-то на второй планъ, хотя ею и пользовались, чтобы обличить правительство: вѣдь и для пораженцевъ — цѣлью было не пораженіе, какъ таковое, а сверженіе Царской власти. Иные наивно воображали, что подобную перемѣну можно произвести, оставивъ старыя декораціи, что можно было вырвать власть изъ рукъ монарха подъ видомъ „единенія Царя съ народомъ" . . .

Русское общество осенью 1916 г. жило вѣрою въ два призрака, одинаково нереальные: въ „министерство довѣрія", котораго не могло быть, и въ „темныя силы", которыхъ на самомъ дѣлѣ не существовало.

„Министерство довѣрія" каждому рисовалось по-своему: либеральнымъ „бюрократамъ" въ видѣ кабинета съ авторитетнымъ и популярнымъ сановникомъ во главѣ; дѣятелямъ „блока"—въ видѣ правительства, состоящаго изъ членовъ его бюро; у болѣе лѣвыхъ — эта формула вообще вызывала только насмѣшки: авторитетное для однихъ было безсодержательнымъ для другихъ. Въ концѣ концовъ, „министерство довѣрія", о которомъ толковали въ обществѣ, означало бы

правительство, не имѣющее ни довѣрія Царя, ни довѣрія народныхъ массъ.

„Темныхъ силъ“ — не было. Въ эту тяжелую годину русской жизни Россіей правилъ самъ Государь. Никто ему не „нашептывалъ“; никто на него не вліялъ; „темныя силы“ были плодомъ клеветы или больного воображенія. О нихъ твердили вездѣ и всюду, но когда нужно было указать, кто же именно эти „темныя силы“,—либо повторяли: „Распутинъ“, либо произносили случайныя имена людей, не имѣвшихъ на самомъ дѣлѣ никакого вліянія. (Гучковъ впослѣдствіи договорился до какихъ-то „темныхъ биржевыхъ акулъ!“).

Но эти два призрака возникли не случайно; это были орудія борьбы опредѣленныхъ круговъ. Въ „революціонной ситуаціи“ 1916 года, кромѣ стихійныхъ факторовъ, проявилась также борьба двухъ сознательныхъ воль.

На одной сторонѣ былъ Государь Императоръ Николай Александровичъ. Онъ твердо вѣрилъ, что Россіи нужна сильная Царская власть; Онъ былъ убѣжденъ, что только такая власть можетъ вывести Россію на путь побѣды. Онъ былъ почти одинокъ въ этомъ убѣжденіи; вѣрной подругой и помощницей Ему была Государыня, какъ и Онъ, проникнутая вѣрой въ историческую миссію Царской власти, вѣрой, которую Онъ сумѣлъ въ Нее вселить. Государь не считалъ возможнымъ итти въ уступкахъ дальше извѣстнаго предѣла; Онъ не считалъ себя въ правѣ, въ военную бурю, отдать государственный руль въ другія руки; Онъ не вѣрилъ, что эти другіе справятся.

На другой сторонѣ была группа людей, знавшихъ, что, пока у власти Императоръ Николай II, Россія останется, въ основѣ, самодержавной монархіей, хотя бы и съ частичными ограниченіями полномочій власти. И эти люди поставили себѣ задачей — смѣнить Царя. Они использовали войну, какъ удобную обстановку для борьбы, ведшейся уже ранѣе.

„Къ вопросу объ отреченіи Государя я сталъ ближе не только въ дни переворота, но задолго до этого, — свидѣтельствуетъ А. И. Гучковъ. „Когда я и нѣкоторые мои друзья, въ предшествовавшіе перевороту мѣсяцы, искали выхода изъ положенія, мы полагали, что въ какихъ-нибудь нормальныхъ условіяхъ, въ смѣнѣ состава правительства, въ обновленіи его общественными дѣятелями, обладающими довѣріемъ страны, въ этихъ условіяхъ выхода найти нельзя, что надо итти рѣшительно и круто, итти въ сторону смѣны носителя Верховной власти. На Государѣ и Государынѣ и тѣхъ, кто неразрывно съ ними былъ связанъ, на этихъ головахъ накопилось такъ много вины передъ Россіей, свойства ихъ характеровъ не давали никакой надежды ввести ихъ въ здоровую политическую комбинацію: изъ всего этого для меня было ясно, что Государь долженъ покинуть престолъ“.*)

---

*) Показанія А. И. Гучкова въ Верховной слѣдственной комиссіи Временнаго Правительства, 2 августа 1917 г.

Распутинская легенда, кампанія противъ „нѣмки“, ураганный огонь клеветы по отдѣльнымъ министрамъ: все это были только маски, за которыми скрывалась истинная цѣль — сверженіе Самого Монарха. Конечно, лишь немногіе поставили себѣ эту цѣль такъ открыто и такъ заранѣе, какъ А. И. Гучковъ и „нѣкоторые его друзья“. Даже партія к.-д., съ П. Н. Милюковымъ, не преслѣдовала эту цѣль столь опредѣленно. (Однако, напр., князь Львовъ, судя по нѣкоторымъ его заявленіямъ, былъ близокъ къ позиціи Гучкова).

В. А. Маклаковъ (еще въ сентябрѣ 1915 г.) помѣстилъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ символическую статью о „шофферѣ“: „... Вы несетесь на автомобилѣ по крутой и узкой дорогѣ; одинъ невѣрный шагъ — и вы безвозвратно погибли. Въ автомобилѣ близкіе вамъ люди, родная ваша мать. И вдругъ вы видите, что шофферъ править не можетъ; потому ли, что онъ вообще не владѣетъ машиной на спускахъ, или онъ усталъ и уже не понимаетъ, что дѣлаетъ, но онъ ведетъ къ гибели и васъ, и себя“... Дальше В. Маклаковъ ставилъ вопросъ: какъ удалить шоффера отъ руля, если онъ самъ уйти не хочетъ?—„Можно ли сдѣлать это на бѣшеномъ спускѣ, по горной дорогѣ?“ Одинъ невѣрный поворотъ и машина погибла...

Этотъ образъ часто повторяли въ тѣ дни. Но то же сравненіе слѣдуетъ повернуть по другому: „шофферъ“ былъ убѣжденъ, что только онъ, искушенный въ этомъ дѣлѣ, могъ спасти „автомобиль“. Онъ яснѣе другихъ видѣлъ путь, онъ зналъ объ его трудностяхъ много больше, чѣмъ пассажиры; онъ одинъ могъ провести автомобиль по „крутой и узкой дорогѣ“ между двумя пропастями. Ошалѣвшіе пассажиры, согласные между собой только въ одномъ: въ желаніи забрать руль въ свои руки, — требовали, чтобы „шофферъ“ уступилъ имъ мѣсто; вправѣ ли онъ былъ на это согласиться, хотя и зналъ, что его могли столкнуть?“

„Николай II, въ глубокой скорби, оставался непоколебимъ. Онъ видѣлъ такъ же ясно, какъ и другіе, возраставшую опасность. Онъ не зналъ способа ее избѣжать. По Его убѣжденію, только самодержавіе, созданіе вѣковъ, дало Россіи силу продержаться такъ долго наперекоръ всѣмъ бѣдствіямъ. Ни одно государство, ни одна нація не выдерживали доселѣ подобныхъ испытаній въ такомъ масштабѣ, сохраняя при этомъ свое строеніе. Гигантская машина скрипѣла и стонала. Но она продолжала работать. Еще одно усиліе и побѣда должна придти. Измѣнить строй, отворить ворота нападающимъ, отказаться хотя бы отъ доли своей самодержавной власти — въ глазахъ Царя это значило вызвать немедленный развалъ. Досужимъ критикамъ, никогда не стоявшимъ передъ такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорятъ, какъ о чемъ-то легкомъ и простомъ, о перемѣнѣ основъ русской государственности въ разгаръ войны, о переходѣ отъ самодержавной монархіи къ англійскому или французскому парламентскому строю... Самая негибкость строя придавала ему мощь... Самодержавный Царь, какія бы ни бывали прискорбныя упущенія, повелѣвалъ Россіей. Никто не можетъ доказать, что власть на три четверти или на половину царская,

а на остальную долю парламентская, могла бы чѣмъ-либо вообще повелѣвать въ подобныя времена“, (пишетъ англійскій парламентскій дѣятель Черчилль въ своей книгѣ о войнѣ на восточномъ фронтѣ).

Дѣйствовали въ Россіи, конечно, и другія силы: несомнѣнно, что германскіе агенты, въ мѣру возможности, работали противъ существующей власти и всячески стремились вызвать смуту. Въ правыхъ кругахъ ходили слухи, что въ пользу революціи работаютъ и англійскіе агенты: говорили также объ американскихъ евреяхъ („Яковъ Шиффъ“), о международномъ масонствѣ. Весьма вѣроятно, что еврейскіе круги, какъ и въ 1905 г., поскольку могли, содѣйствовали революціонному движенію противъ Царской власти. Извѣстно также, что нѣкоторые видные дѣятели блока были масонами.*) Съ другой стороны, весьма мало правдоподобно, чтобы Англія, особенно въ такой моментъ, когда исходъ войны еще не опредѣлился, отважилась бы пойти на страшный рискъ — крушеніе союзной великой державы.

Нѣтъ возможности точно учесть дѣйствительное значеніе всѣхъ этихъ закулисныхъ факторовъ смуты. Надо также имѣть въ виду, что запрещеніе спиртныхъ напитковъ, радикально уменьшившее ихъ потребленіе, тоже въ какой-то степени вліяло на психику массъ, нарушая стародавніе навыки. Во всякомъ случаѣ, и „явныхъ“ факторовъ, поддающихся учету, было достаточно для того, чтобы положеніе представлялось чрезвычайно грознымъ.

Засѣданіе Г. Думы 1 ноября началось, по обычаю, съ рѣчи предсѣдателя, говорившаго объ арміи, о союзникахъ и о войнѣ до побѣднаго конца. Министры, во главѣ съ Б. В. Штюрмеромъ, знавшіе, что предстоятъ рѣзкіе выпады, покинули залъ тотчасъ послѣ рѣчи Родзянко; ихъ примѣру послѣдовалъ дипломатическій корпусъ. Съ рѣчью, направленной, главнымъ образомъ, противъ блока, выступилъ с.-д. Чхеидзе; затѣмъ правый С. В. Левашовъ говорилъ о продовольственномъ вопросѣ и о борьбѣ съ нѣмецкимъ засильемъ... Вслѣдъ за Керенскимъ, на трибуну вышелъ октябристъ С. И. Шидловскій; онъ огласилъ декларацію блока. Наиболѣе острыя мѣста были изъ нея исключены. Министрамъ ставились въ укоръ „неосвѣдомленность, некомпетентность въ ввѣренной имъ области и враждебность къ общественности“. Упоминалось, что еще не состоялся судъ надъ Сухомлиновымъ, что „печать зажата въ тиски“; высказывался укоръ новому руководителю министерства иностранныхъ дѣлъ; правительству предлагалось „уступить мѣсто людямъ, готовымъ въ своей дѣятельности опираться на большинство Г. Думы и провести въ жизнь его программу“. Засѣданіе шло тускло; В. А. Маклаковъ, проходя мимо ложи журналистовъ, замѣтилъ, „а настоящаго подъема нѣтъ“.

Все перемѣнилось съ минуты, когда заговорилъ П. Н. Милюковъ. По общему отзыву, онъ въ этотъ день „превзошелъ себя“ въ ораторскомъ отношеніи. Лидеръ к.-д. не только выполнялъ задачу оче-

*) Объ этомъ подробнѣе говорится въ книгѣ С. М. Мальгунова «На путяхъ къ дворцовому перевороту» (Парижъ 1913 г.), стр. 180-198.

редного выступленія противъ власти. Ему нужно было уберечь отъ распада блокъ и укрѣпить свое положеніе лидера, поколебленное нападками слѣва. „Ничего серьезнаго не будетъ, — предупреждалъ онъ за два дня до засѣданія французскаго посла Палеолога, — но нѣкоторыя вещи придется сказать съ трибуны. Иначе мы потеряемъ вліяніе у нашихъ избирателей и они перейдутъ къ крайнимъ лѣвымъ“.

П. Н. Милюковъ, согласно имъ же самимъ намѣченной тактикѣ, удары свои направилъ противъ Штюрмера. Онъ говорилъ о подозрительныхъ личностяхъ, окружающихъ премьера; обильно цитировалъ германскія и австрійскія газеты, иронически отзывавшіяся о томъ, что „панславистскую“ политику призванъ проводить „нѣмецъ“ Штюрмеръ; упомянулъ по-нѣмецки, что „Neue Freie Presse“ еще въ іюлѣ причисляла Штюрмера къ партіи мира, группирующейся вокругъ молодой царицы.*) Приводя свои разговоры съ иностранными дѣятелями, бросая намеки на какіе-то „германофильскіе салоны“, которые „изъ Флоренціи перекочевали въ Монтре“, называя чиновниковъ, пріѣзжающихъ въ Швейцарію, якобы отъ Штюрмера, П. Н. Милюковъ умѣло создавалъ впечатлѣніе, будто ему извѣстно много больше того, что онъ говоритъ.

Только разъ, когда онъ упомянулъ о запискѣ правыхъ въ пользу сепаратнаго мира, которая будто-бы, сильно смутила союзниковъ,— справа рѣчь перебили возгласами: „клеветникъ! назовите имена!“ П. Н. Милюковъ отвѣтилъ, что въ иностранной печати онъ прочелъ объ этомъ съ ссылкой на „московскія газеты“ ...

Рѣчь Милюкова слушали съ огромнымъ интересомъ и волненіемъ; слушателямъ казалось, что передъ ними пріоткрывается завѣса надъ тайнами закулисной правительственной политики.

„Мы будемъ бороться съ вами, пока вы не уйдете“, говорилъ лидеръ к.-д. „Говорятъ, одинъ членъ Совѣта Министровъ, услыхавъ, что на этотъ разъ Г. Дума собирается говорить объ измѣнѣ, взволнованно воскликнулъ: „Я, можетъ быть, дуракъ, но я не измѣнникъ“.**)

„Да развѣ не всѣ равно, господа, ради практическаго результата, — имѣемъ ли мы дѣло съ глупостью или съ измѣной. Когда все съ большей настойчивостью Дума напоминаетъ, что надо организовать тылъ для успѣшной борьбы, а власть продолжаетъ твердить, что организовать страну, значитъ организовать революцію, и сознательно предпочитаетъ хаосъ и дезорганизацію,***) что это, глупость или измѣна?“

---

*) „... Friedenspartei, die sich um die junge Zarin gruppiert“. Neue Freie Presse, 25 іюля 1916 г.

**) Эти слова приписывались военному министру, ген. Д. С. Шуваеву

***) Самъ П. Н. Милюковъ допускалъ законность той точки зрѣнія: „Я не знаю, — говорилъ онъ въ Г. Думѣ (4. III. 16) — приведетъ ли насъ правительство къ пораженію... Но я знаю навѣрное, что революція въ Россіи приведетъ насъ къ пораженію непремѣнно... Если бы мнѣ сказали, что организовать Россію для побѣды, значитъ организовать ее для революціи, — я сказалъ бы: лучше оставьте ее на время войны такъ, какъ она есть — неорганизованной“.

Постоянно прерываемый бурными аплодисментами, Милюковъ закончилъ: „Именно во время войны и во имя войны, во имя того самаго, что насъ заставило соединиться, мы съ ними теперь боремся. Мы имѣемъ много, очень много отдѣльныхъ причинъ быть недовольными правительствомъ... Но всѣ частныя причины сводятся къ этой одной общей: къ неспособности даннаго состава правительства". (Аплодисменты). Это наше главное зло, побѣда надъ которымъ будетъ равносильна выигрышу всей кампаніи"...

На оваціи, устроенной П. Н. Милюкову большинствомъ депутатовъ, засѣданіе закрылось. Своей рѣчью П. Н. Милюковъ достигъ поставленныхъ цѣлей: оживилъ блокъ, укрѣпилъ свое положеніе лидера, нанесъ тяжелый ударъ правительству Штюрмера. Можно, однако, думать, что дѣйствительный эффектъ этой рѣчи далеко превзошелъ истинныя намѣренія оратора.

Неопредѣленность обвиненій — при всей рѣзкости тона — была чрезвычайно характерна. Въ сущности, „блокъ" ни въ чемъ серьезномъ не могъ обвинить правительство, кромѣ нежеланія уступить мѣсто его кандидатамъ. Въ области внѣшней политики всего громче раздавались обвиненія въ томъ, что русское правительство не опубликовало свой проектъ польской автономіи раньше, чѣмъ Германія (въ концѣ октября) опубликовала свой. Практическаго значенія это не имѣло, т. к. поляки, болѣе чѣмъ обѣщаніями, интересовались реальнымъ соотношеніемъ силъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Русскую дипломатію также обвиняли въ томъ, что она поддерживаетъ греческаго короля Константина: Государь, дѣйствительно, считалъ, что несправедливо и нецѣлесообразно принуждать Грецію къ вмѣшательству въ войну. Но русскій посланникъ поддерживалъ въ то же время всѣ шаги союзниковъ, направленные къ обезпеченію интересовъ салоникской арміи.

Во внутренней политикѣ протестовали противъ того, что больной старикъ Сухомлиновъ изъ крѣпости былъ переведенъ подъ домашній арестъ. Говорили о „продовольственной разрухѣ", но по существу большинство Г. Думы (правая часть блока и правые) одобряло политику министерства земледѣлія. Жаловались на цензуру, забывая, что въ союзныхъ странахъ, особенно во Франціи, цензура была много строже.*) Но дѣло было не въ частностяхъ. Никто о нихъ не думалъ. Въ страну, съ думской трибуны, было брошено по адресу власти слово „измѣна". Было дано подтвержденіе, по внѣшности вѣское, зловѣщимъ слухамъ, роившимся въ народѣ. Этого слова, какъ-будто, только ждали. Правительство распорядилось задержать

---

*) Парижскій эмигрантскій листокъ „Начало" писалъ (12.X. 1916): „Такъ какъ русская пресса не подчинена цензурѣ, ежедневно уродующей столбцы „Начала", то изъ доходящихъ до насъ разрозненныхъ номеровъ русскихъ газетъ можно себѣ составить нѣкоторое представленіе о томъ, что происходитъ на нашей родинѣ. Мы, разумѣется, далеки отъ дерзкой попытки перенести на страницы парижскаго изданія сообщенія и сужденія московскихъ, самарскихъ, кіевскихъ или томскихъ газетъ. То, что допустимо на варварскомъ меридіанѣ Томска, совершенно несовмѣстимо съ темпераментомъ цензуры въ странѣ четырехъ революцій и правъ человѣка и гражданина".

рѣчи Милюкова, Чхеидзе, Керенскаго, и газеты вышли съ пустыми мѣстами на мѣстѣ думскаго отчета: тотчасъ же заработали въ „общественныхъ организацiяхъ“, въ частныхъ домахъ и даже въ правительственныхъ учрежденiяхъ, тысячи пишущихъ машинокъ и ротаторовъ; запрещенныя рѣчи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ стали распространяться по странѣ. Порою, эти рѣчи даже „дополнялись“ и „усиливались“. Упрощавшая молва въ народѣ и въ армiи гласила: членъ Думы Милюковъ доказалъ, что Царица и Штюрмеръ предаютъ Россiю императору Вильгельму...

П. Н. Милюковъ этого отнюдь не утверждалъ. Его рѣчь была построена искусно: онъ только спрашивалъ, намекалъ, недоумѣвалъ; это не было обвиненiе, это не была клевета; это былъ скорѣе всего рядъ инсинуацiй. „Историческая рѣчь, но она вся построена на лжи“, отзывался о ней В. Л. Бурцевъ. Самъ авторъ, давая впослѣдствiи объясненiя,*) призналъ, что у него никакихъ реальныхъ данныхъ не было: онъ сказалъ не меньше, а много больше, чѣмъ зналъ на самомъ дѣлѣ.

Правительство поспѣшило разослать союзнымъ державамъ циркулярную телеграмму, опровергающую слухи о сепаратномъ мирѣ. Оно продолжало запрещать въ газетахъ помѣщенiе рѣзкихъ думскихъ рѣчей; но когда 3 ноября выступали В. В. Шульгинъ и В. А. Маклаковъ, ихъ рѣчи были распространены тѣми же кустарными способами. Листки „нелегальныхъ“ думскихъ рѣчей проникли широко и въ армiю черезъ органы „Земгора“.

Въ засѣданiи 4 ноября, военный министръ Шуваевъ и морской министръ Григоровичъ (будто по совѣту министра народнаго просвѣщенiя гр. Игнатьева), взяли слово для заявленiя о томъ, что война, согласно воли Императора, будетъ доведена до побѣды. Ген. Шуваевъ привелъ цифры поразительнаго увеличенiя военнаго производства. „Если сравнить съ январемъ 1915 г., говорилъ онъ, производство 3-дюймов. орудiй возросло въ 8 разъ, гаубицъ — въ 4 раза, винтовокъ — въ 4 раза, тяжелыхъ снарядовъ — въ 9 разъ, 3-дюймов. — въ 19,7 разъ, взрывателей въ 19 разъ, бомбъ — въ 16 разъ, взрывчатыхъ веществъ — въ 40 разъ, газовъ — въ 69 разъ... Низко кланяться надо нашимъ артиллеристамъ... Гг.. врагъ сломленъ и надломленъ... Нѣтъ такой силы, которая могла бы одолѣть русское царство“.

Члены Г. Думы горячо привѣтствовали обоихъ министровъ, но тотчасъ же придали ихъ выступленiю особый смыслъ: „Военный и морской министры — сказалъ Милюковъ — на сторонѣ Г. Думы и народа“... „Рѣчь“ писала, будто ген. Шуваевъ, подойдя къ Милюкову, сказалъ ему: „Благодарю васъ“... Вѣроятнѣе, что военный министръ просто благодарилъ всѣхъ депутатовъ, окружившихъ его съ привѣтствiями...

„Бѣдный старикъ“, писала о Штюрмерѣ Государыня, „какъ подло о немъ и съ нимъ говорятъ въ Думѣ“ (4. XI.). „Но — добавляла Она — (7. XI.) — „т. к. онъ играетъ роль красной тряпки въ этомъ сумасшедшемъ домѣ, лучше ему на время исчезнуть“.

*) „Паденiе царскаго режима“, т. VI. стр. 343-347.

Государь находился въ Ставкѣ. Думскія событія дошли до Него не сразу. Военный и морской министры выступили безъ Его полномочій; Онъ ихъ, однако, не осудилъ. Государь счелъ, что Штюрмеръ явно не въ силахъ справиться съ положеніемъ. „Я упрекаю его въ излишней осторожности“ — писалъ Онъ Государынѣ (8. XI.). „Я боюсь, что съ нимъ дѣла не пойдутъ гладко... Я не понимаю, въ чемъ дѣло, но никто не имѣетъ довѣрія къ нему“.

Обходительный, отнюдь не волевой человѣкъ, Б. В. Штюрмеръ, пришедшій къ власти подъ знакомъ благожелательности къ Думѣ и къ общественнымъ организаціямъ, не былъ способенъ дать надлежащій отпоръ натиску думскаго блока. Государь рѣшилъ замѣнить его А. Ѳ. Треповымъ, человѣкомъ болѣе твердымъ и энергичнымъ.

Дума, между тѣмъ, прервала свои засѣданія, ожидая, что за выступленіемъ военнаго и морского министра послѣдуютъ дальнѣйшіе шаги. Блокъ уже становился на точку зрѣнія бойкота кабинета Штюрмера. А. Ѳ. Треповъ пожелалъ сдѣлать военно-морской комиссіи сообщеніе о Мурманской ж. д.; А. И. Шингаревъ созвалъ комиссію, и она больше двухъ часовъ обсуждала, допустить ли министра въ свое засѣданіе; большинство, наконецъ, на это согласилось, но около половины членовъ комиссіи ушло.

Когда, 11 ноября, въ газетахъ появился указъ объ увольненіи Штюрмера, въ думскихъ кругахъ стали говорить, что первый успѣхъ достигнутъ, но что нельзя почить на лаврахъ. „Случившееся грозитъ затемнить смыслъ совершающагося“, писала „Рѣчь“ и ставила дальнѣйшія условія: увольненіе Протопопова, возвращеніе къ власти Сазонова; Трепову к.-д. органъ давалъ понять, что думская комиссія достаточно ясно показала свое отношеніе къ нему... „Московскія Вѣдомости“ Л. Тихомирова (11.XI) предсказывали: „Уходомъ неугодныхъ думской оппозиціи министровъ дѣло не ограничится: пойдетъ еще болѣе яростная агитація за то, чтобы портфели были отданы никому, какъ генераламъ отъ революціи. На меньшемъ не примирятся ни въ коемъ случаѣ“.

Въ бюро блока, однако, возникли споры. Прогрессивные націоналисты готовы были удовлетвориться достигнутымъ. Но делегаты общественныхъ организацій настаивали на продолженіи борьбы. „Самый фактъ побѣды Думы вызвалъ большое удовлетвореніе“, говорилъ кн. Львовъ (16. XI.), но — „удовлетвореніе не полное“, говорилъ А. И. Коноваловъ (военно-промышленный комитетъ). „Власть должна опираться на общественные круги, а Треповъ — сподвижникъ Штюрмера“. „Насъ ни въ чемъ не удовлетворили: тотъ же Штюрмеръ, только болѣе ласковый“ (И. В. Годневъ). П. Н. Милюковъ стоялъ за выжидательную тактику. Онъ былъ доволенъ. „1 ноября — эра“, говорилъ онъ; „теперь и у рабочихъ впечатлѣніе — руководящая роль Думы“.

Эти настроенія и толки были извѣстны и Государю. Въ Ставку, куда 13 ноября прибыла Государыня, были вызваны Треповъ и Протопоповъ. Туда же прибылъ и предсѣдатель Г. Думы Родзянко. Государь сначала предполагалъ замѣнить управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но при создавшейся обстановкѣ Онъ счелъ, что это

было бы всѣми воспринято, какъ полная капитуляція передъ требованіями блока и только вызвало бы ускоренный штурмъ власти. А. Ѳ. Трепову, который высказывался за отставку Протопопова, Государь повелѣлъ работать съ тѣми коллегами, которыхъ Онъ выбралъ.

19 ноября, А. Ѳ. Треповъ прочелъ свою декларацію въ Г. Думѣ. Какъ и Штюрмеръ при своемъ первомъ выступленіи, новый министръ говорилъ о желаніи сотрудничать съ Думой и общественными организаціями. Онъ также впервые сообщилъ, что союзники согласились предоставить Россіи Константинополь и проливы. Но историческіе завѣты и національные интересы Россіи въ тотъ моментъ оставляли почти всѣхъ совершенно равнодушными.

Въ началѣ засѣданія крайніе лѣвые пытались устроить Трепову обструкцію, и восемь депутатовъ было исключено. Лѣвые рѣзко протестовали. „Мы остаемся на посту вѣрными служителями народа" — воскликнулъ Керенскій — „и говоримъ: страна гибнетъ, и въ Думѣ больше нѣтъ спасенія!" — „Народъ, котораго здѣсь не видно", заявилъ с.-д. Чхеидзе, „имѣетъ свое мнѣніе о происходящихъ событіяхъ, и я предостерегаю васъ, что это мнѣніе не только противъ власти, но и противъ васъ!".

Націоналистъ гр. В. А. Бобринскій всю свою рѣчь посвятилъ нападкамъ на Протопопова, который, послѣ отставки Штюрмера, сдѣлался очередной мишенью блока. Сенсаціей дня была рѣчь Пуришкевича. Этотъ извѣстный правый депутатъ, издавна извѣстный своей неуравновѣшенностью, набрался на фронтѣ и въ столицѣ всевозможныхъ слуховъ и сплетенъ и предполагалъ выступить противъ власти отъ имени правыхъ. Фракція, ознакомившись заранѣе съ его рѣчью, единогласно, закрытой баллотировкой, отказалась признать Пуришкевича выразителемъ ея мнѣній; тогда онъ вышелъ изъ фракціи, и одна изъ группъ блока предоставила ему свое мѣсто въ спискѣ ораторовъ, но для широкой публики Пуришкевичъ, все равно, остался „представителемъ крайней правой".

Въ горячей и сумбурной рѣчи, обвиняя самыхъ разнообразныхъ лицъ — кого въ корысти, кого въ интригахъ, кого въ потворствѣ нѣмцамъ, Пуришкевичъ въ заключеніе призывалъ министровъ отправиться въ Ставку, пасть къ ногамъ Царя и умолять Его избавить Россію отъ Распутина. „Ночи послѣднія спать не могу, даю вамъ честное слово, лежу съ открытыми глазами и мнѣ представляется цѣлый рядъ телеграммъ, свѣдѣній, записокъ, то одному, то другому министру"...

И Меньшиковъ, вообще поддерживавшій кампанію блока, отозвался иронически о рѣчи Пуришкевича, указавъ, что ему не хватаетъ „политической грамотности", что онъ совершаетъ „явно школьныя ошибки". На его обвиненія послѣдовалъ цѣлый рядъ фактическихъ опроверженій. Но сторонники блока, разумѣется, широко использовали это выступленіе депутата, котораго всѣ знали, какъ крайняго праваго. Лѣвые относились съ ироніей къ этой демагогіи. А. Ѳ. Керенскій писалъ: „Притупилось чувство мѣры, стерлись грани между

дозволеннымъ и недозволеннымъ, стали путать Родичева и Пуришкевича, лишь бы на страхъ врагамъ, „здорово вышло“ ... *)

Когда, черезъ три дня, представитель правыхъ, Н. Е. Марковъ, сталъ ѣдко возражать на рѣчи ораторовъ блока, его все время перебивали возгласами съ мѣстъ, а Родзянко сталъ дѣлать ему замѣчанія и, въ концѣ концовъ, лишилъ его слова. Марковъ, возмущенный, бросилъ въ лицо предсѣдателя нѣсколько крѣпкихъ словъ. **) Думское большинство исключило его на 15 засѣданій; депутаты даже выражали сожалѣніе о томъ, что наказъ не допускаетъ болѣе долгаго срока исключенія.

Попытка Трепова была отвергнута думскимъ блокомъ; кампанія противъ власти достигла высшаго напряженія. 22 ноября Г. Дума приняла резолюцію о томъ, что „вліяніе темныхъ безотвѣтственныхъ силъ должно быть устранено“, и что всѣми средствами надо добиваться, чтобы былъ образованъ кабинетъ, готовый опереться на Г. Думу и провести въ жизнь программу ея большинства“. Послѣ отставки Штюрмера, многимъ казалось, что власть уже переходитъ въ другія руки.

Г. Совѣтъ, въ свою очередь, послѣдовалъ за Г. Думой. Кн. Е. Н. Трубецкой вспоминалъ 1812 годъ, указывая, что Александръ I внялъ народному голосу и назначилъ Кутузова, хотя самъ больше сочувствовалъ Барклаю. „Вы скажете: такихъ героевъ нѣтъ. Нѣтъ, г.г... Они существуютъ. Мы знаемъ ихъ имена. Государь Императоръ найдетъ возможнымъ назначить ихъ, и эти люди приведутъ насъ къ побѣдѣ“. В. С. Карповъ рѣзко критиковалъ Протопопова. Извѣстный юристъ Н. С. Таганцевъ воскликнулъ: „Отечество въ опасности!“

Лишь гр. А. А. Бобринскій — только что покинувшій постъ министра земледѣлія — нашелъ рѣшимость выступить противъ легенды „о темныхъ силахъ“: „Свобода слова — великое дѣло, — говорилъ онъ, — но когда каѳедра служитъ бронированной площадкой для ложныхъ и бездоказательныхъ обвиненій и нападокъ въ расчетѣ на безнаказанность, тогда на обязанности разумныхъ элементовъ государства громко высказать: довольно, знайте мѣру, игра эта опасна, вы доиграетесь, и вы, и Россія, до несчастья“.

Г. Совѣтъ большинствомъ 94 противъ 34 принялъ резолюцію, въ основномъ повторявшую формулу блока о „безотвѣтственныхъ силахъ“ и о „правительствѣ, опирающемся на довѣріе страны“.

Въ этихъ преніяхъ 26 ноября выступилъ Н. А. Маклаковъ, мнѣніе котораго представляетъ особый интересъ, т. к. по своему міровоззрѣнію онъ былъ близокъ къ Государю. „Съ самаго начала войны, — сказалъ Н. А. Маклаковъ, — началась хорошо замаскированная святыми словами, тонкая, искусная работа... русскому народу стали прививать и внушать, что для войны и побѣды нужно то, что въ

---

*) „Сѣверныя Записки“, январь 1917 (А. Ѳ. Керенскій „Нѣчто о демагогіи“).

**) Н. Е. Марковъ, въ своемъ объясненіи, сказалъ, что сдѣлалъ это сознательно, т. к. съ думской трибуны допускались безнаказанныя оскорбленія высокихъ особъ; „въ лицѣ вашего предсѣдателя, пристрастнаго и непорядочнаго, я хотѣлъ оскорбить васъ“, крикнулъ онъ думскому большинству.

дѣйствительности должно было вести насъ къ разложенію и распаду... Это была ложь, г.г., для большинства безсознательная, а для меньшинства, стремившагося захватить руководство политической жизнью страны, ложь сознательная и едва ли не преступная... Все это дѣлалось для войны, для побѣды, и правительство скромно опускало глаза" ... По мѣрѣ того, какъ организовывалась общественность, росла разруха русской жизни. На московскихъ съѣздахъ „выковывались очертанія главнаго штаба русской воинствующей общественности" ... Изъ центра разсылались приказы, съ мѣстъ получались отвѣты и создавалось впечатлѣніе единодушія. Идетъ борьба за власть, за народоправство. Общество, „не переставая говорить о войнѣ, о значеніи ея постоянно забываетъ; оно дѣлаетъ все для войны, но для войны съ порядкомъ; оно дѣлаетъ все для побѣды — но для побѣды надъ властью".

Н. А. Маклаковъ критиковалъ политику уступокъ: „Власть изо дня въ день принижалась, поносилась, развѣнчивалась, срамилась, и она ушла... Мы погасили свѣтъ и жалуемся, что стало темно... Мы почитаемъ, что уступка отдѣльныхъ фортовъ — очень плохое средство для спасенія самой крѣпости". Н. А. Маклаковъ рѣшительно опровергъ слухи о томъ, будто правые желаютъ мира: „Это ложь. Міровое положеніе великой Россіи для насъ, правыхъ, превыше всего... Оно даетъ ей право жить своей собственной, самобытной русской жизнью".

„Отечество въ опасности. Это правда, но опасность испарится, какъ дымъ, исчезнетъ, какъ навожденіе, если власть, законная власть, будетъ пользоваться своими правами убѣжденно и послѣдовательно, и если мы всѣ, каждый на своемъ мѣстѣ, вспомнимъ нашъ долгъ передъ Царемъ и Родиной... Съ этой вѣрой мы будемъ бороться и съ этой вѣрой мы умремъ".*)

Государь прибылъ 25 ноября въ столицу и вмѣстѣ съ Государыней присутствовалъ на Георгіевскомъ праздникѣ. Онъ остался въ Царскомъ дней десять. За это время къ кампаніи блока присоединился и дворянскій съѣздъ. Уже годъ передъ тѣмъ, выборы въ Г. Совѣтъ показали, что дворянство отходитъ отъ настроеній, воспреобладавшихъ подъ впечатлѣніемъ революціи 1905 г., и возвращается къ болѣе давнимъ умѣренно-либеральнымъ традиціямъ. На съѣздѣ, собравшемся въ концѣ ноября 1916 г., было выражено неодобреніе предсѣдателю Совѣта А. П. Струкову, который въ августѣ 1915 г. высказался противъ отвѣтственнаго министерства. Была принята — 30 ноября—резолюція, повторяющая думскую формулу о „темныхъ си-

*) Н. А. Маклаковъ — разстрѣлянный большевиками лѣтомъ 1918 г. — былъ одинъ изъ немногихъ, имѣвшихъ мужество заявить въ Слѣдственной Комиссіи вскорѣ послѣ революціи: „Простите, я не знаю, въ чемъ собственно я шелъ въ своихъ взглядахъ противъ народа. Я понималъ, что ему можетъ быть хорошо при томъ строѣ, который былъ, если строй этотъ будетъ правильно функціонировать... Я думалъ, что до послѣдняго времени Россія не падала, что она шла впередъ и росла подъ тѣмъ самымъ строемъ, который до послѣдняго времени существовалъ и который теперь измѣненъ. Я никогда не могъ сказать, что этотъ строй былъ могилой для Россіи, для ея будущаго" ... („Паденіе царскаго режима", т. III. стр. 97).

лахъ" и „министерствѣ, пользующемся довѣріемъ страны" (съ оговоркой, „отвѣтственное только передъ Государемъ"). 25 делегатовъ (около пятой части съѣзда) отказались присоединиться къ резолюціи и послали Государю отдѣльную вѣрноподданническую телеграмму.

Изъ Г. Думы, изъ Г. Совѣта, съ дворянскаго съѣзда то же настроеніе распространялось на свѣтскіе и придворные круги, вплоть до членовъ Императорской фамиліи. Всюду говорили „о темныхъ силахъ" и о „министерствѣ довѣрія".

Государь, „полный скорби, оставался непоколебимъ". Онъ убѣдился за полтора года, что уступки только порождаютъ новыя требованія, и отдавалъ теперь Себѣ ясный отчетъ въ истинныхъ цѣляхъ сознательныхъ вдохновителей этой кампаніи. Онъ могъ увольнять министровъ, вызывавшихъ рѣзкіе нападки (Маклаковъ, Сухомлиновъ, Саблеръ, Щегловитовъ лѣтомъ 1915 г.; Горемыкинъ въ январѣ 1916 г.; Штюрмеръ и гр. А. А. Бобринскій—въ ноябрѣ 1916 г.); Онъ могъ созывать Г. Думу (какъ въ первой половинѣ 1916 г.) на продолжительныя сессіи, хотя бы она только сохраняла „видимость работы ради свободной трибуны"; Онъ согласился, вопреки внутреннему убѣжденію, на преданіе суду Сухомлинова; Онъ не разъ назначалъ министровъ, „пріемлемыхъ" для блока; либо они становились орудіемъ дальнѣйшихъ требованій, либо ихъ „предавали анаѳемѣ", какъ Протопопова. При назначеніи министровъ Государь, вообще, стремился, по мѣрѣ возможности, избѣгать нареканій и охотно выбиралъ „нейтральныя" имена: такъ въ началѣ декабря были назначены: на мѣсто гр. Бобринскаго—А. А. Риттихъ; министромъ иностранныхъ дѣлъ—Н. Н. Покровскій, государственный контролеръ, — котораго на этомъ посту замѣнилъ С. Г. Феодосьевъ; всѣ эти три имени ни у кого не вызывали протеста. Но Государь въ то же время считалъ, что предѣлъ уступокъ достигнутъ.

А. Ѳ. Треповъ настаивалъ на увольненіи Протопопова, но Государь не желалъ итти на это, во всякомъ случаѣ, до перерыва думской сессіи, чтобы „блокъ" не принялъ уходъ Протопопова за новую свою побѣду и тотчасъ же не направилъ свои удары противъ слѣдующей „жертвы". Таковой явно уже намѣчался самъ Треповъ.*)

Военныя дѣйствія замирали и на западномъ, и на восточномъ фронтѣ. Только въ Румыніи шли большіе бои. Подъ ударами съ трехъ сторонъ рушился румынскій фронтъ. 22 ноября былъ взятъ Бухарестъ, и къ концу мѣсяца болѣе половины Румыніи уже находилось въ рукахъ противника.

Для русской арміи создался новый румыскій фронтъ (его командующимъ былъ назначенъ ген. В. В. Сахаровъ). Переброска войскъ

*) П. Н. Милюковъ уже въ засѣданіи Г. Думы 16.XII.1916 г., исходя изъ предположенія, что Протопоповъ, вѣроятно, уйдетъ, цитировалъ слова Трепова и говорилъ: „Съ нами эти люди не умѣютъ говорить, у насъ нѣтъ общаго языка... Они остаются внѣ Россіи со своей феноменальной самоувѣренностью и феноменальнымъ невѣдѣніемъ... На мѣстѣ предсѣдателя Совѣта Министровъ сидитъ тотъ самый Треповъ, который, вмѣстѣ съ Штюрмеромъ провалилъ польскій проектъ Сазонова".

въ Румынію сильно задерживалась недостаткомъ путей сообщенія: сказывалось, что до 1914 г. Румынію причисляли къ вражеской коалиціи, а также ея долгія колебанія, не позволявшія раньше наладить сотрудничество.

Но отдѣльные военные эпизоды уже мало волновали русскія массы. Война ощущалась, какъ гнетущая, тупая боль. „Былыя мечты поблекли, былые страхи разсѣялись. Въ Константинополь или Берлинъ никто въ ближайшее время не собирается, и въ Петроградъ или въ Москву никто врага не ждетъ“ — писали (въ концѣ ноября 1916 г.) народническія „Русскія Записки“.

О войнѣ вдругъ вспомнили, когда получено было извѣстіе, что германскій канцлеръ, въ засѣданіи рейхстага 29 ноября, заявилъ о готовности Германіи начать мирные переговоры. Въ Россіи это извѣстіе было опубликовано на сутки позже, чѣмъ въ другихъ странахъ, — одновременно съ рѣшительнымъ заявленіемъ о томъ, что миръ послѣ германскаго успѣха (взятіе Бухареста) совершенно непріемлемъ. Н. Н. Покровскій, только что назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, 2 декабря выступилъ въ Г. Думѣ съ твердой рѣчью о недопустимости мира безъ побѣды, а Г. Дума „единодушно присоединилась къ рѣшительному отказу союзныхъ правительствъ вести какіе бы то ни было переговоры о мирѣ при настоящихъ условіяхъ“.

Думское большинство, открывшее сессію нападками на власть, якобы склонную къ сепаратному миру, не могло, конечно, отозваться иначе. Въ населеніи эти толки о мирѣ вызвали, все же, смутныя надежды; газеты на улицахъ раскупались нарасхватъ въ тѣ дни, когда появилось сообщеніе о германскомъ предложеніи и — черезъ десять дней — объ американскомъ посредничествѣ. Но и власть, и ея враги одинаково рѣзко отвергали миръ: создавалось впечатлѣніе единодушія.

Въ этотъ моментъ, дѣйствительно, никакія сознательныя политическія силы въ Россіи не желали мира. Даже циммервальдисты, даже „пораженцы“ — и тѣ не хотѣли упустить случай добиться крушенія власти: они были въ принципѣ за прекращеніе войны, — но только *на слѣдующій день* послѣ крушенія монархіи. Въ правыхъ кругахъ было хорошо извѣстно, что Государь стоитъ за доведеніе войны до полной побѣды; возможно, что были люди, считавшіе, наоборотъ, что только миръ можетъ спасти Россію отъ революціи и развала; однако, вопреки упорнымъ слухамъ, никакихъ „записокъ правыхъ“ въ пользу мира, насколько можно установить, Государю, вообще, не подавалось.

Государь зналъ больше, чѣмъ, политическіе дѣятели, и видѣлъ общее положеніе гораздо яснѣе, чѣмъ они; Онъ зналъ, что матеріальное соотношеніе силъ становится все благопріятнѣе для державъ Согласія, и считалъ, что Германія едва ли выдержитъ кампанію 1917 г. При такихъ условіяхъ, союзная держава, которая въ подобный моментъ проявила бы слабость и этимъ сорвала общую побѣду — оказалась бы *не выдержавшей экзамена исторіи*.

Государь съ начала войны неизмѣнно говорилъ, что не положитъ оружія, пока хоть одинъ непріятельскій воинъ находится на русской землѣ. Если можно себѣ представить, что Германія предложила бы

Россіи очистить всю ея территорію и обѣщала бы ей Константинополь за счетъ своей союзницы Турціи — (такіе слухи распускались германскими агентами и охотно повторялись врагами власти) — Государь былъ до щепетильности лойяльнымъ въ отношеніи даннаго слова и не допускалъ и мысли о сепаратномъ мирѣ, о нарушеніи франко-русскаго договора и пакта 23 августа 1914 г.

Обращеніе къ союзникамъ, съ указаніемъ на желательность мира, въ виду внутренняго положенія Россіи, не только было бы унизительнымъ, не только лишило бы Россію ея доли въ ожидавшихся плодахъ побѣды: оно было бы, вѣроятно, и безполезнымъ, т.к. ни англійское, ни французское правительство въ то время не были склонны итти на миръ. Въ Англіи, какъ разъ въ эти дни (27.XI), къ власти пришелъ Ллойдъ Джоджъ, смѣнившій Асквита подъ лозунгомъ болѣе энергичнаго веденія войны. Можно было ожидать, что на какія-либо указанія о желательности мира со стороны Россіи союзники только бы отвѣтили ссылками на думскія рѣчи о войнѣ до конца и совѣтами насчетъ внутреннихъ реформъ.

Противники царской власти въ свое время, еще до 1905 г., опасались, что Государь объявитъ о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель крестьянамъ и этимъ надолго „задавитъ" конституціонныя теченія. Но Государь не пошелъ на такую мѣру, которую считалъ и несправедливой, и экономически вредной. Такъ теперь враги монархіи трепетали при мысли о томъ, что Государь, заключивъ сепаратный миръ, могъ бы сохранить власть въ рукахъ, опираясь на уставшія отъ войны широкія массы. Но Государю и въ голову не приходила мысль — ради сохраненія своей власти пойти на дѣйствія, которыя Онъ считалъ безчестными и не соотвѣтствующими достоинству Россіи, какъ великой державы.

При создавшейся обстановкѣ Государь считалъ, что нѣтъ иного пути, кромѣ войны до побѣды. Онъ зналъ, что эта побѣда вѣроятна и, быть можетъ, уже близка. Онъ видѣлъ, что главная опасность грозила изнутри самой Россіи, но отвергалъ мысль о мирѣ изъ страха передъ революціей. Онъ считалъ, что на этотъ рискъ приходится итти. Въ 1917 г. русская военная мощь должна была достигнуть высшей точки. Долго выдерживать такое напряженіе Россія не могла; быть можетъ, четвертая зима войны уже была бы ей не подъ силу. Но Государь считалъ, что протянуть третью зиму и выдержать лѣтнюю кампанію 1917 г. Россія въ состояніи.*) Оставалось додержаться нѣсколько мѣсяцевъ.

---

*) Въ „Голосѣ Минувшаго" (1926 г., № 2) сообщается (со словъ М. А. Рыссъ, видѣвшей А. Д. Протопопова въ качествѣ предсѣдательницы „Политическаго Краснаго Креста" незадолго до его разстрѣла большевиками), будто министръ внутреннихъ дѣлъ въ декабрѣ 1916 г. совѣтовалъ Государю обратиться къ союзникамъ съ нотой, указывающей, что Россія можетъ выдержать войну не долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и что этимъ временемъ слѣдуетъ воспользоваться для заключенія общаго мира. Никакихъ слѣдовъ такого совѣта, кромѣ этихъ словъ Протопопова, сказанныхъ уже при совѣтской власти, — во всякомъ случаѣ, не было обнаружено.

Въ приказѣ по арміи 12 декабря 1916 г. говорилось, что время для мира еще не наступило, „врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ имъ областей, достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, равно какъ и созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ нынѣ разрозненныхъ ея областей — еще не обезпечено“. Заключить теперь миръ — значило бы не использовать труды русскихъ воиновъ: „Труды эти, и тѣмъ болѣе священная память погибшихъ на поляхъ доблестныхъ сыновъ Россіи, не допускаютъ и мысли о мирѣ до окончательной побѣды надъ врагомъ, дерзнувшимъ мыслить, что, если отъ него зависѣло начать войну, то отъ него же зависитъ въ любое время ее кончить . . . Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ, и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неувядаемой славой и даруетъ намъ миръ, достойный нашихъ геройскихъ подвиговъ, славныя войска Мои, миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословлять вашу священную для нихъ память“.

По иниціативѣ Вел. Кн. Николая Михайловича, еще лѣтомъ 1916 г., была учреждена комиссія по подготовкѣ будущей мирной конференціи, дабы заранѣе опредѣлить, каковы будутъ пожеланія Россіи. Насколько извѣстно, Россія должна была получить Константинополь и проливы, а также турецкую Арменію. Польша должна была возсоединиться въ видѣ королевства, состоящаго въ личной уніи съ Россіей. Государь заявилъ (въ концѣ декабря) гр. Велепольскому, что свободную Польшу Онъ мыслитъ, какъ государство съ отдѣльной конституціей, отдѣльными палатами и собственной арміей (повидимому, имѣлось въ виду нѣчто, вродѣ положенія Царства Польскаго при Александрѣ І-мъ). Восточная Галиція, сѣверная Буковина и Карпатская Русь подлежали включенію въ составъ Россіи. Намѣчалось созданіе чехословацкаго королевства; на русской территоріи уже формировались полки изъ плѣнныхъ чеховъ и словаковъ. Государь, видимо, сочувствовалъ мысли объ ослабленіи Пруссіи и объ усиленіи, за ея счетъ, другихъ германскихъ государствъ. Наконецъ, Россія обѣщала поддерживать требованія Франціи относительно Рейнской области.

9 (22) ноября скончался престарѣлый императоръ Францъ-Іосифъ; его преемникъ, императоръ Карлъ II, былъ женатъ на принцессѣ французской крови, братья которой сражались въ рядахъ бельгійской арміи. Можно было ожидать перемѣнъ въ политикѣ Австро-Венгріи и приходилось учитывать тотъ фактъ, что Англія и Франція болѣе склонны пойти навстрѣчу Австріи, нежели Россіи, Италіи и Сербіи.

4 декабря Государь уѣхалъ обратно въ Ставку „Эти дни, проведенные вмѣстѣ, были тяжелыми, — писалъ Онъ Государынѣ, — но только благодаря тебѣ я ихъ перенесъ болѣе или менѣе спокойно. Ты такая сильная и выносливая — восхищаюсь тобой больше, чѣмъ могу выразить“.

Государь отвергъ домогательства блока и его сторонниковъ. Онъ условился съ Треповымъ, что думская сессія вскорѣ будетъ прервана; если же, по ея возобновленіи, кампанія противъ власти не прекра-

тится, IV-ая Дума будетъ распущена — (въ началѣ 1917 г. до истеченія срока ея полномочій оставалось всего полгода). Эта „черная работа", какъ выразился Государь, возлагалась на А. Ѳ. Трепова, хотя Государыня и писала, что не довѣряетъ ему. „Треповъ былъ смиренъ и не затрагивалъ имени Протопопова", писалъ Государь (13 декабря).

„Общественныя организаціи" опять созвали въ Москвѣ свои съѣзды, но власти приняли мѣры. Попытки устроить 9 и 11 декабря, несмотря на запретъ, самочинныя засѣданія съѣздовъ, были быстро прекращены полиціей. Въ резолюціи распространенной отъ имени союза городовъ, говорилось объ отвѣтственномъ министерствѣ; въ ней также стояло: „Г. Дума должна съ неослабѣвающей энергіей и силой довести до конца свою борьбу съ постыднымъ режимомъ. Въ этой борьбѣ вся Россія съ ней".

Г. Дума откликнулась на этотъ призывъ и назначила засѣданіе по вопросу о запрещеніи московскихъ съѣздовъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, пользуясь статьей 44-й положенія о Г. Думѣ, потребовало закрытія дверей при обсужденіи этого вопроса: депутаты предпочли отложить обсужденіе. Но 16 декабря, въ день закрытія сессіи, Дума неожиданно перешла къ вопросу о съѣздахъ. П. Н. Милюковъ отмѣчалъ, что послѣ 1 ноября „данный отсюда толчокъ разошелся по странѣ широкой волной", что „самыя рѣзкія предложенія на общественныхъ съѣздахъ дѣлаются самыми правыми элементами". „Русское политическое движеніе пріобрѣтало снова то единство фронта, которое оно имѣло до 17 октября . . . Атмосфера насыщена электричествомъ, въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы. Никто не знаетъ, г.г., гдѣ и когда грянетъ ударъ".

Правые на этотъ разъ давали отпоръ. „Если въ 1905 г. безпокойный тылъ далъ намъ безславный миръ, то теперь этотъ безпокойный тылъ создаетъ крушеніе государства!" — воскликнулъ П. А. Сафоновъ, и Г. Г. Замысловскій добавилъ: „Когда во время войны вы занимаетесь революціонными митингами, правительство должно бы васъ спросить: глупость это или измѣна?" Вопросъ о съѣздахъ былъ принятъ 123 голосами противъ 47, при 6 воздержавшихся: если бы правые покинули залъ, вмѣсто того, чтобы голосовать противъ, — въ Думѣ не оказалось бы кворума . . .

Въ ночь послѣ закрытія думской сессіи — съ 16 на 17 декабря — произошло событіе, которое, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ быть поставлено наравнѣ съ думскими рѣчами 1 ноября. Въ особнякѣ кн. Ф. Ф. Юсупова былъ убитъ Распутинъ; его заманили туда въ гости и, послѣ неудачной попытки отравленія, застрѣлили; тѣло было увезено на острова и сброшено съ моста въ полынью. Въ убійствѣ принималъ участіе В. М. Пуришкевичъ, рѣчь котораго толкнула на это дѣло нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ высшаго общества.

Увѣровавъ въ распутинскую легенду, участники убійства полагали, что они устраняютъ источникъ зла и спасаютъ Россію и династію. На самомъ дѣлѣ, они только припечатали распутинскую легенду кровавымъ клеймомъ, укрѣпили и увеличили ея значеніе въ глазахъ ши-

рокихъ массъ. Реакція въ народѣ, впрочемъ, не всегда была тою же, что на верхахъ общества. Сторонній свидѣтель, французскій посолъ Палеологъ, со словъ костромского помѣщика, князя О., пишетъ, что среди крестьянъ стали говорить: вотъ былъ при Царѣ человѣкъ изъ народа, онъ защищалъ народъ противъ придворныхъ, они его и убили. Это подтверждалъ редакторъ „Колокола" Скворцовъ, говорившій, что въ народѣ убійство Распутина считаютъ „дурнымъ предзнаменованіемъ".

Далѣе, убійство Распутина сразу показало, что его „вліяніе" было чистѣйшимъ мифомъ; ничего не перемѣнилось въ политикѣ власти; не прекратились и разговоры о „темныхъ силахъ", только эти силы стали искать уже выше. „День" (20.XII) писалъ: „Темныя силы — это стало псевдонимомъ Распутина. Въ дѣйствительности, среди темныхъ силъ Распутинъ былъ величиной ничтожной, и темныя силы, какъ были, такъ и остались. Распутинъ давалъ возможность не замѣчать ихъ". Для враговъ императорской власти главной „темной силой" былъ Самъ Государь, въ Которомъ эта власть воплощалась и Которымъ она держалась.

Если бы Распутинъ имѣлъ то значеніе, которое ему приписывалось, его убійство должно было успокоить страсти; произошло обратное; всѣмъ вдругъ стало ясно, что дѣло вовсе не въ „старцѣ", и борьба разгорѣлась съ новой силой. Именно съ этого дня начали множиться слухи о заговорахъ среди высшихъ представителей общества, среди офицеровъ гвардіи. Движеніе теперь направлялось прямо противъ Императорской Четы: маска была сброшена. Тутъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ про рѣчь Милюкова, можно сказать: участники убійства не этого хотѣли . . .

Государь получилъ телеграмму Государыни объ исчезновеніи Распутина въ Ставкѣ 18 декабря, во время совѣщанія командующихъ всѣми фронтами. Онъ немедленно выѣхалъ въ Царское Село. Онъ понималъ, что дѣло отнюдь не въ Распутинѣ: если вблизи престола начались убійства съ „патріотическими цѣлями", нельзя учесть, докуда дѣло можетъ дойти. Опасность могла грозить и Царской Семьѣ.

Прибывъ въ Петроградъ 19 декабря (утромъ въ этотъ день было найдено въ рѣкѣ тѣло Распутина), Государь взялъ на Себя руководство общимъ положеніемъ. Прежде всего, необходимо было составить правительство изъ людей, которымъ Государь считалъ возможнымъ лично довѣрять. Опасность была реальной; убійство Распутина показало, что отъ мятежныхъ толковъ начинаютъ переходить къ дѣйствіямъ. Оцѣнка людей, поневолѣ, становилась иной. Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на мѣстѣ, могли принести вредъ, если бы они оказались ненадежными. Нужно было обставить власть такъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ дворцовый переворотъ или террористическій актъ на верхахъ. Въ этихъ условіяхъ Протопоповъ, хотя и технически слабый, становился необходимымъ, такъ какъ его личная преданность была внѣ сомнѣній: изъ управляющаго министерствомъ онъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Протопоповъ имѣлъ также одно безспорное преимущество пе-

редъ своими коллегами: онъ одинъ хорошо зналъ противника, съ которымъ приходилось имѣть дѣло. Его было трудно обмануть. „Онъ явный и открытый нашъ противникъ", сказалъ о немъ Гучковъ, бывшій въ ту пору явнымъ и открытымъ врагомъ Государя.

Министромъ юстиціи, вмѣсто А. А. Макарова, сталъ правый сенаторъ Н. А. Добровольскій, сотрудникъ Щегловитова. А. Ѳ. Треповъ, въ новыхъ условіяхъ, возобновилъ свою просьбу объ отставкѣ: на этотъ разъ она была принята. Премьеромъ былъ назначенъ кн. Н. Д. Голицынъ, пожилой сановникъ, ранѣе не занимавшій высокихъ постовъ, но имѣвшій одно неоцѣнимое достоинство: и Государь, и Государыня знали его лично и были абсолютно увѣрены въ его лойяльности къ Нимъ.

Ген. Шуваевъ былъ замѣненъ б. товарищемъ военнаго министра М. А. Бѣляевымъ, человѣкомъ европейски образованнымъ (это было существенно, въ виду предстоявшей международной конференціи) и лично преданнымъ Императорской Четѣ.

Либеральный министръ народнаго просвѣщенія, гр. П. Н. Игнатьевъ, два года сохранявшій свой постъ, несмотря на рѣзкія нападки правыхъ, подалъ прошеніе, въ которомъ умолялъ снять съ него „непосильное бремя служенія противъ велѣній совѣсти". Государь, который незадолго передъ тѣмъ самъ убѣждалъ гр. Игнатьева остаться на посту по соображеніямъ патріотизма, внялъ его просьбѣ.*) Въ эту грозную минуту Онъ не хотѣлъ никого принуждать ему служить.

Остальные министры (среди нихъ находились къ этому времени не мало выдающихся спеціалистовъ своего дѣла) пребыли вѣрными до конца.**)

Учитывая колебанія, обнаружившіяся въ средѣ Г. Совѣта, Государь, при опубликованіи списка присутствующихъ по 1917 г., назначилъ 18 новыхъ членовъ Совѣта, переведя въ разрядъ неприсутствующихъ 16 старыхъ членовъ. Всѣ назначенные были правые, — они замѣнили 8 членовъ центра, 4 безпартійныхъ и 4 правыхъ (въ томъ числѣ Штюрмера). Предсѣдателемъ Г. Совѣта былъ назначенъ И. Г. Щегловитовъ. Правые и правый центръ вновь получили преобладаніе

---

*) Гр. Игнатьева замѣнилъ одинъ изъ помощниковъ Кассо, Н. К. Кульчицкій.

**) Составъ послѣдняго правительства Императора Николая II

Предсѣдатель Совѣта Министровъ: кн. Николай Дмитріевичъ Голицынъ.
Министръ внутреннихъ дѣлъ: Александръ Дмитріевичъ Протопоповъ.
„ иностранныхъ дѣлъ: Николай Николаевичъ Покровскій.
„ финансовъ: Петръ Львовичъ Баркъ.
„ путей сообщенія: Эдуардъ Брониславовичъ Войновскій-Кригеръ.
„ земледѣлія: Александръ Александровичъ Риттихъ.
„ торговли и промышленности: кн. Всеволодъ Николаевичъ Шаховской.
„ юстиціи: Николай Александровичъ Добровольскій.
„ народнаго просвѣщенія: Николай Константиновичъ Кульчицкій.
„ Императорскаго Двора: гр. Владиміръ Борисовичъ Фредериксъ.
Военный министръ: ген. Михаилъ Алексѣевичъ Бѣляевъ.
Морской министръ: адм. Иванъ Константиновичъ Григоровичъ.
Оберъ-прокуроръ Сѵнода: Николай Павловичъ Раевъ.
Государственный контролеръ: Сергѣй Григорьевичъ Феодосьевъ.
Главноуправляющій Государств. Здравоохраненіемъ: Георгій Ермолаевичъ Рейнъ.

въ верхней палатѣ. Два сановника, исключенныхъ изъ списка присутствующихъ, въ видѣ протеста, сложили съ себя званіе членовъ Г. Совѣта.

Государь съ горечью видѣлъ, какъ смута въ умахъ распространяется на самую близкую Ему среду. Верхи русскаго общества, державшіеся обычно далеко отъ политики, почувствовали тревогу за будущее, но не находили другихъ путей, какъ послушное повтореніе требованій „блока". Отдѣльные Великіе Князья обращались къ Государю съ совѣтами — назначить „болѣе популярныхъ" министровъ сотрудничать съ Думой. По поводу мѣръ, связанныхъ съ убійствомъ Распутина (лица, заподозрѣнныя въ соучастіи, были сначала подвергнуты домашнему аресту, а затѣмъ высланы въ свои имѣнія, Великій Князь Дмитрій Павловичъ былъ отправленъ на персидскій фронтъ)— члены Императорской фамиліи составили на имя Государя коллективное обращеніе съ просьбой „перемѣнить свое рѣшеніе и положить гнѣвъ на милость".

Негодованіе и скорбь въ отвѣтѣ Государя: „Никому не дано право заниматься убійствами. Знаю, что совѣсть многимъ не даетъ покоя. Удивляюсь вашему обращенію ко мнѣ".

В. К. Николаю Михайловичу было предписано выѣхать въ его имѣніе Грушевку (Херсонской губ.); В. К. Кириллъ Владиміровичъ былъ командированъ на Мурманъ, В. К. Борисъ Владиміровичъ — на Кавказъ. Мѣры эти были приняты потому, что политическое головокруженіе на верхахъ общества достигло высшей точки въ періодъ Новаго Года. Дошло до того, что представитель Союза Городовъ, тифлисскій городской голова Хатисовъ, ѣздилъ на Кавказъ предлагать Вел. Кн. Николаю Николаевичу произвести переворотъ и провозгласить себя царемъ (б. Верховный Главнокомандующій отвергъ это предложеніе, ссылаясь на монархическія чувства арміи). Другіе члены Императорской фамиліи открыто говорили съ французскимъ посломъ о желательности дворцоваго переворота.

Настроеніе общества, не говоря уже о широкихъ массахъ, не благопріятствовало перевороту. Предсѣдатель центральнаго комитета к.-д. партіи, кн. П. Д. Долгоруковъ писалъ (въ январѣ 1917 г.): „Дворцовый переворотъ не только нежелателенъ, а скорѣе гибеленъ для Россіи, т.к. среди дома Романовыхъ нѣтъ ни одного, кто бы могъ замѣнить нашего Государя. Дворцовый переворотъ не можетъ дать никого, кто явился бы общепризнаннымъ преемникомъ монархической власти на русскомъ престолѣ". Долгоруковъ заключалъ, что переворотъ только превратилъ бы монархистовъ въ республиканцевъ.

Измѣна бродила вокругъ престола,—измѣна, оправдывавшая себя патріотическими соображеніями. Но къ чести высшаго общества, къ чести гвардейскаго офицерства, можно сказать: эта измѣна *такъ и не воплотилась въ жизнь*: очевидно, какой-то остатокъ монархической лойяльности удерживалъ одурманенные умы на порогѣ преступленія.

Въ концѣ концовъ, только та группа, которая заранѣе поставила себѣ цѣлью сверженіе Императора Николая II, продолжала разрабатывать планы дворцоваго или военнаго переворота. Объ этихъ пла-

нахъ разсказывалъ тотъ же А. И. Гучковъ: „. . . Я вѣдь не только платонически сочувствовалъ этимъ дѣйствіямъ, я принималъ активныя мѣры . . . Провести это было трудно технически . . . планъ заключался въ томъ (я только именъ называть не буду), *) чтобы захватить по дорогѣ между Царскимъ Селомъ и Ставкой Императорскій поѣздъ, вынудить отреченіе, затѣмъ одновременно, при посредствѣ воинскихъ частей, на которыя въ Петроградѣ можно было расчитывать, арестовать существующее правительство и затѣмъ объявить какъ о переворотѣ, такъ и о лицахъ, которыя возглавятъ собой правительство . . . Надо было найти часть, которая была бы расположена для цѣлей охраны ж.д. пути, а это было трудно“. Трудности, по словамъ Гучкова, были не только техническія: „у многихъ были извѣстные принципы, вѣрованія и симпатіи, для многихъ это представляло трагедію . . . требовалась съ нашей стороны извѣстная осторожность“. **)

Мягкій и привѣтливый по природѣ, Государь могъ быть рѣзкимъ и язвительнымъ, когда это требовалось. М. В. Родзянко при одномъ изъ послѣднихъ докладовъ сталъ повторять Ему сплетни объ „окруженіи Государыни“, о „темныхъ силахъ“ — Государь прямо спросилъ его: „Что же, по-вашему, Я — первый измѣнникъ?“ — и предсѣдатель Г. Думы долженъ былъ смущенно пролепетать въ отвѣтъ: „Ваше Величество — Помазанникъ Божій“ . . .

Послы союзныхъ державъ пытались на Него вліять въ сторону уступокъ блоку. М. Палеологъ (25 декабря 1916 г.) нѣсколько разъ пробовалъ навести разговоръ на внутреннія условія Россіи, говорилъ о сомнѣніяхъ „въ лучшихъ умахъ“ . . . Государь отвѣтилъ: „Я знаю, что въ салонахъ Петрограда царитъ большое возбужденіе“, и не давая послу возразить, небрежно спросилъ: „А что дѣлается съ нашимъ пріятелемъ, Фердинандомъ Болгарскимъ?“ давая понять, что о р у с с к и х ъ дѣлахъ говорить больше не намѣренъ.

Англійскій посолъ, сэръ Дж. Бьюкененъ, въ особой аудіенціи (30 декабря) просилъ Государя его выслушать. Государь сухо отвѣтилъ: „Я слушаю“. Англійскій посолъ сталъ говорить о „германскихъ интригахъ“, о „вредномъ вліяніи Протопопова“, о необходимости „заслужить довѣріе народа“ . . . Государь отвѣтилъ — это было въ разгаръ кампаніи заговоровъ—„а не такъ ли обстоитъ дѣло, что моему народу слѣдовало бы заслужить М о е довѣріе?“ О „вліяніяхъ“ Онъ сказалъ: „Вы, очевидно, думаете, что я слѣдую чьимъ-то совѣтамъ, выбирая своихъ министровъ; вы совершенно неправы; я ихъ выбираю самъ, безъ посторонней помощи . . . До свиданія, г. посолъ“.

Сессія Г. Думы была прервана до 12 января; но указомъ 5 января ее открытіе было отложено до 14 февраля. Одновременно Государь обратился съ рескриптомъ къ князю Н. Д. Голицыну, указывая, что первыя задачи правительства — упорядоченіе продовольственныхъ дѣлъ и транспорта. „Хочу вѣрить, что дѣятельность Совѣта Минист-

*) Впослѣдствіи было названо одно имя: ген. Крымова.
**) Паденіе царскаго режима, т. VI., стр. 277 — 279.

ровъ встрѣтитъ помощь въ средѣ Г. Совѣта и Г. Думы, объединенныхъ единодушнымъ и горячимъ желаніемъ довести войну до побѣды. Благожелательное, прямое и достойное отношеніе къ законодательнымъ установленіямъ Я ставлю въ прямую обязанность призванныхъ Мною къ государственному служенію лицъ".

Въ январѣ состоялся рядъ дворянскихъ собраній. Большинство присоединилось къ резолюціи Дворянскаго съѣзда отъ 30 ноября. Исключеніе составило Курское дворянское собраніе, которое 18 января (большинствомъ 119 противъ 6 голосовъ) приняло адресъ Государю, въ которомъ говорилось: „смущены слабыя сердца, мятутся страсти, и легковѣрные умы пытаются искать виновныхъ въ неудачахъ среди поставленнаго Вами правительства, въ его перемѣнахъ видятъ залогъ грядущаго успѣха . . . Въ эти черные дни присоединимъ ли мы нашъ голосъ" (къ этимъ требованіямъ) . . . „Забудемъ ли мы завѣты исторіи, примѣры недавняго прошлаго? Нѣтъ, Государь . . . Твоимъ довѣріемъ, а ничьимъ инымъ, невѣдомымъ и непостояннымъ, должны быть облечены призванные къ верховному управленію люди" . . . *) Государь отвѣтилъ, что это обращеніе „глубоко Его тронуло".

Монархическія организаціи многихъ городовъ присылали Государю свои записки и челобитныя, высказываясь за роспускъ Г. Думы и за строгій контроль надъ общественными организаціями". Русское Собраніе исключило изъ своей среды В. Пуришкевича, который оказался отвергнутымъ всѣми своими прежними единомышленниками; „Земщина" назвала его „выжатымъ лимономъ".

Правые круги не имѣли большого вліянія въ странѣ; но въ сущности не имѣлъ его и блокъ. Въ странѣ дѣйствовали стихійныя силы: „расходились широкіе круги" послѣ думскихъ рѣчей объ „измѣнѣ" и убійства Распутина — событій, глубоко поразившихъ народную психологію.

Къ этому времени — концу 1916 года — относится Высочайшее повелѣніе о назначеніи сенаторской ревизіи учрежденій, вѣдающихъ предоставленіемъ отсрочекъ лицамъ, призывавшимся на военную службу. Дѣло въ томъ, что временныя отсрочки давались не только должностнымъ лицамъ, работа которыхъ была необходима для правильнаго функціонированія правительственныхъ учрежденій, но и многимъ лицамъ, работавшимъ въ рядѣ общественныхъ организацій. Послѣднія, получившія вскорѣ въ военной средѣ названіе „земгусаровъ", часто развивали на фронтѣ противоправительственную дѣятельность и являлись разносителями вредныхъ слуховъ. Государь рѣшилъ положить всему этому конецъ, пожелавъ, прежде всего, провѣрить основательность льготъ, даваемыхъ этимъ лицамъ, освобождавшимся отъ несенія прямыхъ обязанностей воиновъ на фронтѣ. Во главѣ ревизіи Имъ былъ поставленъ извѣстный членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, помощ-

---

*) Адресъ подписанъ губ. предв. дворянства, кн. Л. И. Дондуковымъ-Изъѣдиновымъ. „Земщина", 24.I.1917.

никами же его были назначены сенаторы—А. В. Степановъ и В.Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитъ.

Война шла своимъ ходомъ. Въ концѣ декабря русскіе предприняли наступленіе на рижскомъ фронтѣ („единственное наступленіе, бывшее для насъ неожиданнымъ", отмѣчаетъ германскій генералъ Гофманъ). При сильномъ морозѣ, черезъ замерзшія болота, русскіе продвинулись въ сторону Митавы. Но послѣ недѣли боевъ, наступленіе прекратилось. По слухамъ, въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ опять проявилось нежеланіе итти въ атаку. Военные обозрѣватели объяснили, что этотъ „ударъ на короткѣ" долженъ былъ отвлечь германскія силы отъ румынскаго фронта, и эта задача, дѣйствительно, была отчасти достигнута. Это было послѣднее наступленіе Императорской арміи.

19 января въ Петроградѣ открылась междусоюзная конференція. Англію представляли лордъ Мильнеръ и лордъ Ревельстокъ, Францію — Думергъ и ген. Кастельно, Италію — сенаторъ Шалойя; въ конференціи также участвовали послы соотвѣтственныхъ странъ. Въ русскую делегацію входили Н. Н. Покровскій, ген. М. А. Бѣляевъ, ген. В. І. Гурко (замѣнявшій М. В. Алексѣева на посту начальника штаба во время его болѣзни), П. Л. Баркъ, Э. Б. Войновскій-Кригеръ. Конференція продлилась до 7 (20) февраля. Ея задачей было установленіе общаго плана для кампаніи 1917 г.

Въ русскомъ обществѣ, которое за эти мѣсяцы расцѣнивало всѣ событія съ точки зрѣнія внутренней политики, ходили самые невѣроятные слухи. Говорилось, что союзники рѣшили взять русскую власть „подъ опеку", назначить своихъ представителей въ русскій главный штабъ, потребовать „отвѣтственнаго министерства", и т.д. Союзныхъ делегатовъ усиленно чествовали; въ Москвѣ имъ устраивались торжественные банкеты; въ публикѣ распространялись якобы произнесенныя ими апокрифическія рѣчи.

На банкетѣ въ Петроградѣ (30 января) лордъ Мильнеръ далъ остроумный отвѣтъ на эти ожиданія. Указавъ, что русское хлѣбосольство подвергаетъ серьезному испытанію иностранныхъ гостей, англійскій делегатъ выразилъ надежду на то, что „и умственныя способности наши выйдутъ изъ испытанія также блестяще. Въ этой с т р а н ѣ и з у м и т е л ь ы х ъ с л у х о в ъ такой довѣрчивый человѣкъ, какъ я, можетъ кончить чуть ли не сумасшествіемъ. Я часто вспоминаю анекдотъ Бисмарка, который разсказывалъ про одного пріятеля, что, просыпаясь каждый день, онъ говорилъ: „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ", ибо, будучи человѣкомъ слабаго характера, онъ боялся, что въ теченіе дня онъ согласится на что-нибудь вредное для себя. У меня такое же чувство по отношенію къ вашимъ слухамъ". Лордъ Мильнеръ завѣрилъ слушателей, что въ „нашей конференціи ничего сенсаціоннаго нѣтъ".

Союзники, на самомъ дѣлѣ, не отважились дѣлать Государю прямыхъ указаній во внутренней политикѣ; тѣмъ болѣе они не могли ничего т р е б о в а т ь. Но въ секретной запискѣ лорда Мильнера, поданной

Государю 4 февраля, имѣлись пожеланія, которыя, видимо, и дали основанія для преувеличенныхъ слуховъ.

Касаясь распредѣленія военнаго снабженія между союзниками, лордъ Мильнеръ писалъ: „Мы всѣ сидимъ въ одной лодкѣ и мы вмѣстѣ выплывемъ или вмѣстѣ потонемъ. Мысли объ отдѣльныхъ интересахъ какой-либо изъ союзныхъ націй быть не можетъ“... Средства союзниковъ ограничены; есть предметы, которые Россія могла бы производить сама, а не получать отъ союзниковъ; „для этого нужна лучшая организація“. Воздавая хвалу работѣ земскаго и городского союзовъ, лордъ Мильнеръ, ссылаясь на примѣръ Англіи, говоритъ о желательности привлеченія лучшихъ спеціалистовъ и „назначенія ихъ, совершенно несчитаясь съ оффиціальными традиціями, на высшіе правительственные посты“. Кромѣ того, лордъ Мильнеръ указывалъ, что всякій военный матеріалъ, поступающій въ Россію отъ союзниковъ, долженъ былъ бы сопровождаться „нѣсколькими людьми“, опытными въ обращеніи съ даннымъ матеріаломъ. „Тутъ не можетъ быть рѣчи о вмѣшательствѣ въ дѣла русской военной власти“: дѣло только въ томъ, что „мы передаемъ Россіи не только машины, но и нашъ опытъ въ обращеніи съ этими машинами.

Въ какую форму могло вылиться такое техническое содѣйствіе, объ этомъ подробнѣе не говорилось. Практическаго осуществленія эти пожеланія, вообще, не получили.

Союзники, въ особенности французы, настаивали на возможно болѣе раннемъ и одновременномъ весеннемъ наступленіи. Называли 15 (2) апрѣля. Ген. В. І. Гурко указывалъ, что русская армія находится сейчасъ въ періодѣ реорганизаціи — созданія 60-ти новыхъ дивизій (путемъ перехода отъ 4-хъ батальонныхъ полковъ къ 3-хъ батальоннымъ); проведеніе этой реформы требуетъ времени. Французскіе делегаты заручились письменнымъ подтвержденіемъ обѣщанія Россіи — поддерживать притязанія Франціи на Рейнскую границу. Вернувшись въ свои страны около 20 февраля, союзные делегаты сообщили въ печати, что въ Россіи царитъ полное единодушіе насчетъ войны. („Споры касаются только административныхъ мѣръ, что можно наблюдать и въ Англіи“, говорилъ лордъ Мильнеръ).

Германія настолько опасалась предстоящей кампаніи 1917 г., что рискнула на отчаянный шагъ безпощадной подводной войны, надѣясь „уморить англичанъ съ голоду“ и прервать сообщеніе между Англіей и материкомъ раньше, чѣмъ начнется рѣшающее наступленіе союзниковъ. Германія объявила объ этомъ 19 января; уже 30 января Соедин. Штаты порвали съ ней дипломатическія сношенія. Дѣло быстро шло къ вмѣшательству Америки въ войну; шансы союзниковъ повышались еще болѣе. *)

---

*) „Еще мѣсяцъ — писалъ Черчиль — и присоединеніе Соед. Штатовъ принесло бы новый приливъ энергіи, ободренія, нравственной поддержки русскому обществу... Одинъ мѣсяцъ и міръ могъ быть избавленъ отъ испытаній двухъ самыхъ тяжелыхъ лѣтъ войны“...

Въ концѣ января были арестованы члены рабочей группы военно-промышленнаго комитета. Эта группа служила связующимъ звеномъ между революціонными рабочими организаціями (которыя подчасъ „клеймили“ эту группу за „соглашательство“, но пользовались ея услугами) и „буржуазными“ противоправительственными силами. Со стороны общественности тотчасъ же послѣдовали протесты. А. И. Гучковъ обратился къ кн. Голицыну и добился смягченія репрессій въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ. Захваченные документы, однако, не оставляли сомнѣнія въ революціонномъ характерѣ дѣятельности рабочей группы.

Въ первыхъ числахъ февраля Государь принималъ Н. А. Маклакова и поручилъ ему составить проектъ манифеста на случай роспуска Г. Думы. Онъ не оставлялъ плана, намѣченнаго еще при Треповѣ: распустить IV-ую Думу, если она пойдетъ по пути рѣшительной и открытой борьбы съ властью.

Сессія Г. Думы открылась 14 февраля. Ожидали демонстрацій, ходили слухи о шествіяхъ къ Таврическому Дворцу, но день открытія прошелъ спокойно. Въ первомъ засѣданіи, тотчасъ послѣ М. В. Родзянко, взялъ слово министръ земледѣлія А. А. Риттихъ и сдѣлалъ обстоятельный докладъ по продовольственному вопросу. Публика, ждавшая сенсацій, была недовольна. Только въ концѣ засѣданія говорили — Пуришкевичъ, на этотъ разъ не имѣвшій особаго успѣха,— и прогрессистъ Ефремовъ, высказывавшій убѣжденіе въ томъ, что „отвѣтственное министерство можетъ совершать чудеса“.

„Блокъ“ стоялъ въ недоумѣніи на порогѣ событій, и Милюковъ, въ общемъ, только повторилъ свою рѣчь отъ 16 декабря. Интересъ засѣданія 15 февраля былъ въ рѣчи А. Ѳ. Керенскаго, выступившаго съ призывомъ — перейти къ открытой борьбѣ съ властью. Керенскій говорилъ, что дѣло не въ „злоумышленной волѣ отдѣльныхъ лицъ“. „Величайшая ошибка—стремленіе вездѣ и всюду искать измѣнниковъ, искать какихъ-то тамъ нѣмецкихъ агентовъ, отдѣльныхъ Штюрмеровъ, подъ вліяніемъ легендъ о темныхъ силахъ, о нѣмецкихъ вліяніяхъ. У васъ есть гораздо болѣе сильный врагъ, чѣмъ нѣмецкое вліяніе — это система“ . . .*) Керенскій, отъ имени революціонныхъ силъ, обращался къ блоку: „Если у васъ, г.г., нѣтъ воли къ дѣйствіямъ, тогда не нужно говорить слишкомъ отвѣтственныхъ и слишкомъ тяжкихъ по послѣдствіямъ словъ. Вы, произнося діагнозъ болѣзни страны, считаете, что ваше дѣло исполнено. Но вѣдь есть наивныя массы, которыя слова о положеніи государства воспринимаютъ серьезно, которыя на дѣйствія одной стороны хотятъ отвѣтить солидарными дѣйствіями другой, которыя въ своихъ наивныхъ заблужденіяхъ вамъ, большинству Г. Думы, хотятъ оказать поддержку“ . . .

Керенскій отвергалъ позицію блока въ вопросѣ о войнѣ: „Васъ, г.г., объединяетъ идея имперіалистическихъ захватовъ, вы одинаково съ властью мегаломаны. Мы полагаемъ, что конфликтъ долженъ быть

*) Слова Керенскаго цитируются по отчету „Рѣчи“ (16.II.1917). Видимо, цензура смягчила это мѣсто: Керенскій говорилъ не о „системѣ“, а прямо о Царской власти.

ликвидированъ. Я утверждаю, что провозглашеніе безграничныхъ завоевательныхъ тенденцій не можетъ встрѣтить поддержки". (Шингаревъ съ мѣста: „Не вѣрно". Шумъ). „Вы не хотите слышать никого, кромѣ себя, а вы должны услышать, потому что, если вы не услышите предостерегающихъ голосовъ, то вы встрѣтитесь уже не съ предостереженіями, а съ фактами".

Правительство потребовало у предсѣдателя Г. Думы стенограмму рѣчи Керенскаго; Родзянко въ этомъ отказалъ. Вопросъ о привлеченіи оратора къ суду за революціонные призывы остался открытымъ. А въ Думѣ продолжались обычныя пренія. Былъ внесенъ запросъ объ арестѣ рабочей группы. Продовольственный вопросъ служилъ предметомъ спора внутри „блока". Савичъ и Шульгинъ возражали Милюкову и защищали политику Риттиха, стремившагося пойти навстрѣчу сельскому хозяйству и по возможности избѣгать принудительныхъ мѣръ. Шульгинъ даже говорилъ, что Риттиху, если онъ избавитъ Россію отъ голода, можно простить „грѣхъ" участія въ одномъ правительствѣ съ Протопоповымъ.

Съ 13 по 18 февраля происходилъ судъ надъ Манасевичемъ-Мануйловымъ, б. чиновникомъ особыхъ порученій при Штюрмерѣ; Манасевичъ за шантажъ былъ приговоренъ къ полутора годамъ арестантскихъ ротъ; („безнаказанность" Манасевича во время осенней сессіи была однимъ изъ главныхъ обвиненій противъ правительства).

Въ Г. Совѣтѣ новый предсѣдатель, И. Г. Щегловитовъ, твердо пресѣкалъ всѣ попытки дѣлать политическіе выпады подъ видомъ „внѣочередныхъ заявленій".

Художественная, культурная и свѣтская жизнь шла своимъ обычнымъ ходомъ. Въ началѣ 1917 года въ Петроградѣ открылся сезонъ „Дома Пѣсни" Олениной-д'Альгеймъ. Въ январьской книжкѣ „Русской Мысли" появилось начало новой поэмы А. Блока „Возмездіе". 22 февраля въ Петроградскомъ Университетѣ защищалъ свою диссертацію „Хозяйство и Цѣна" академикъ П. Б. Струве, удостоенный за нее сразу званія доктора. 25-го февраля, при многочисленномъ стеченіи публики, состоялась въ Александринскомъ театрѣ премьера Лермонтовскаго „Маскарада" въ новой постановкѣ Мейерхольда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Состояніе петроградскаго гарнизона. Вопросъ о вызовѣ гвардейской кавалеріи. Отъѣздъ Государя въ Ставку. Уличныя демонстраціи и думскія рѣчи. Перерывъ думской сессіи для достиженія компромисса.

Безпорядки въ Павловскомъ полку. Военный бунтъ 27-го февраля. Захватъ Таврическаго дворца возставшей толпой. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Использованіе революціонерами Думскаго комитета.

Отправка войскъ съ фронта. Выѣздъ Государя въ Царское. Ложная информація Ставки о положеніи въ столицѣ. „Приказъ № 1". Спокойствіе въ провинціи.

Движеніе вѣрныхъ войскъ на Петроградъ. Государь въ Псковѣ. Ночной разговоръ Государя съ ген. Рузскимъ. Отмѣна движенія войскъ. Родзянко о необходимости отреченія. Телеграммы ген. Алексѣева и командующихъ фронтами. Согласіе Государя на отреченіе; фактическая безвыходность.

Программа Временнаго Правительства. Милюковъ о „старой династіи". Гучковъ и Шульгинъ въ Псковѣ. Манифестъ 2-го марта 1917 года. „Крушеніе на порогѣ побѣды".

За время войны уличные безпорядки были, сравнительно, рѣдки. Сдерживало представленіе о законахъ военнаго времени. Кромѣ возстанія туземцевъ въ Туркестанѣ (лѣтомъ 1916 г.) и московскаго антинѣмецкаго погрома (въ маѣ 1915 г.), съ начала войны въ Россіи крупныхъ волненій не было. Осенью 1916 г. въ Петроградѣ, во время одной демонстраціи въ фабричномъ районѣ, солдаты одного запаснаго батальона стали стрѣлять по казакамъ, разгонявшимъ толпу. Но этотъ инцидентъ не привлекъ къ себѣ особаго вниманія, и въ печать — изъ-за цензуры — вообще не попалъ.

Между тѣмъ, въ Петроградѣ и окрестностяхъ къ началу 1917 г. скопилась солдатская масса около 200.000 человѣкъ. Большей частью это были новобранцы, не видавшіе огня:*) имѣлись также команды выздоравливающихъ. Предполагалось, что ко времени весенняго наступленія, къ концу марта, эти части будутъ почти цѣликомъ отправ-

*) Призывъ новобранцевъ, родившихся въ 1898 г., состоялся 7 февраля 1917 г. (почти на три года раньше нормальнаго срока); казармы, т.о., были полны молодыми людьми 18-и и 19-и лѣтъ. По всей Россіи призывъ прошелъ безъ какихъ-либо инцидентовъ...

лены на фронтъ. Это были запасные батальоны гвардейскихъ полковъ, ничего, кромѣ названія и двухъ-трехъ офицеровъ, не имѣвшіе общаго съ находившимися на юго-западномъ фронтѣ славными воинскими частями. Въ казармахъ царила невѣроятная тѣснота: нары для спанья были поставлены въ три ряда. Ученье производилось на улицахъ и площадяхъ города. Солдатская масса жила столичными слухами, общалась съ рабочимъ населеніемъ, настроеннымъ пораженчески. Въ газетахъ солдаты читали рѣчи и резолюціи противъ правительства. Убійство Распутина привлекло ихъ вниманіе ко всѣмъ грязнымъ сплетнямъ, связаннымъ съ этимъ именемъ. Вышедшіе изъ лазаретовъ разсказывали объ ураганномъ огнѣ, о газахъ, о страшныхъ потеряхъ. Солдатская масса была проникнута однимъ страстнымъ желаніемъ — чуда, которое избавило бы ее отъ необходимости „итти на убой". Эту массу, почти не знавшую своихъ офицеровъ, держалъ въ повиновеніи только желѣзный обручъ дисциплины. „Что страшнѣе нѣмецкой пули? Только своя пуля": эта фраза была характерна для солдатскихъ настроеній . . .

Ни градоначальникъ, ген.-м. Балкъ, ни командующій войсками округа, ген. штаба ген.-лейт. Хабаловъ, назначенные въ концѣ 1916 г., не считали, однако, положеніе угрожающимъ. Только министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Д. Протопоповъ, получавшій обильныя свѣдѣнія отъ охраннаго отдѣленія, былъ обезпокоенъ состояніемъ умовъ въ столицѣ и затребовалъ данныя о наличіи силъ для поддержанія порядка. Ему было сообщено, что полиція, конныя части и учебныя команды полковъ насчитываютъ 10.000 человѣкъ. Этого было мало для города, населеніе котораго достигло 2 съ половиной милліоновъ за время войны—даже если не имѣть въ виду возможности волненій среди солдатъ.

А. Д. Протопоповъ доложилъ объ этомъ Государю въ срединѣ января. Государь поручилъ исполняющему обязанности начальника штаба, ген. В. І. Гурко, принять мѣры для пополненія петроградскаго гарнизона гвардейскими частями съ фронта, поочередно отводимыми на отдыхъ. Въ первую очередь предполагалось вызвать 1-ю гвардейскую кавалерійскую дивизію и гвардейскій экипажъ. Ген. Гурко, однако, встрѣтилъ возраженіе со стороны ген. Хабалова, заявившаго, что въ казармахъ совершенно нѣтъ мѣста, и что запасные батальоны сейчасъ некуда вывести. Ген. Гурко, не придавая, очевидно, этой мѣрѣ первостепеннаго значенія, не настоялъ на ея проведеніи въ жизнь, кавалерію такъ и не вызвали, ограничившись гвардейскимъ флотскимъ экипажемъ, который было легче размѣстить. По словамъ Протопопова,*) Государь былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что гвардейскую кавалерію не привели въ Петроградъ.

Проведя въ столицѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, Государь счелъ необходимымъ побывать на нѣкоторое время въ Ставкѣ. Государыня и А. Д. Протопоповъ убѣждали Его не уѣзжать — (у Наслѣдника въ это время какъ разъ начиналась корь, которою затѣмъ заболѣли и

*) „Предсмертная записка" Протопопова, написанная въ августѣ 1918 г., была передана М. А. Рыссъ и опубликована въ „Голосѣ Минувшаго на чужбинѣ", 1926 г., № 2.

другія Царскія дѣти). Государь обѣщалъ вернуться возможно скорѣе, и 22 февраля выѣхалъ изъ Царскаго. Дня за три до возвращенія Государя въ Ставку, туда прибылъ ген. М. В. Алексѣевъ, который провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на излеченіи въ Крыму. Пріѣздъ начальника штаба былъ для Ставки неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что ген. Алексѣевъ вернулся еще явно больнымъ.

Въ Думѣ шла, казалось, обычная парламентская борьба. Она рѣшила отклонить проведенный по 87-й ст. законъ о главномъ управленіи государственнаго здравоохраненія. Это вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ проф. Г. Е. Рейнъ, должно было объединить и согласовать мѣры по борьбѣ съ эпидеміями и съ антисанитарными условіями жизни; оно было создано по настоянію Государя, вопреки желанію кабинета Штюрмера, желавшаго избѣжать новаго конфликта съ Г. Думой. Когда думская комиссія отвергла проектъ, Г. Е. Рейнъ взялъ его обратно, и Г. Дума особой резолюціей выразила мнѣніе, что это означаетъ упраздненіе вѣдомства здравоохраненія. *)

Отъѣздъ Государя точно послужилъ сигналомъ для враговъ порядка; на слѣдующій же день, 23 февраля, начались серьезныя уличныя манифестаціи.

Въ серединѣ февраля сильные снѣжные заносы замедлили движеніе поѣздовъ. А. И. Гучковъ въ Г. Совѣтѣ 20 февраля выступилъ съ рѣчью, обращавшей вниманіе на разстройство транспорта, угрожающее снабженію столицы. По городу ходили слухи, что скоро хлѣба не будетъ. Обыватели начали дѣлать запасы, печь сухари,—и въ результатѣ, дѣйствительно, получилось, что запасы хлѣба во многихъ пекарняхъ и булочныхъ не удовлетворяли всего спроса. Изъ „хвостовъ", такъ и не дождавшихся хлѣба, стали образовываться первыя кучки недовольныхъ, бродившія по улицамъ съ криками: „хлѣба! хлѣба!" Эти кучки, разраставшіяся въ толпы, состоявшія сначала, главнымъ образомъ, изъ женщинъ и дѣтей, не вызывали особаго безпокойства. Но 23 февраля бастовало уже 90.000 рабочихъ; и комитетъ партіи с.-д. большевиковъ Выборгской стороны постановилъ использовать народное движеніе для организаціи всеобщей забастовки.

Манифестаціи стали принимать политическій характеръ; появились красные флаги и плакаты: „долой самодержавіе" и „долой войну".

24 февраля въ газетахъ было помѣщено оффиціальное сообщеніе: „хлѣбъ есть", въ которомъ объяснялось, что запасы муки вполнѣ достаточны; военное вѣдомство удѣлило для нуждъ гражданскаго населенія часть интендантскихъ запасовъ, и недостатокъ хлѣба былъ устра-

*) Проф. Г. Е. Рейнъ, въ своей книгѣ: „Изъ пережитаго" (т. II, стр. 190-271) даетъ обстоятельное и точное изложеніе событій 23 февраля—1 марта; это—единственное подробное описаніе происшедшаго со стороны члена послѣдняго императорскаго правительства.

ненъ. Движеніе, однако, не утихло, а продолжало разростаться. Казаки и другія конныя части, вызванныя въ помощь полиціи, разсѣивали толпы; тѣ разбѣгались,—и собирались вновь на ближайшей же улицѣ. Къ демонстрантамъ было снисходительное отношеніе; говорили: „вѣдь они только просятъ хлѣба“... Однако, случаи насилія толпы надъ полиціей учащались: за 23 и 24 февраля было избито 28 городовыхъ.

Г. Дума видѣла въ этихъ безпорядкахъ только лишній поводъ для обличенія продовольственной политики власти. Совѣтъ министровъ не придавалъ демонстраціямъ особаго значенія и въ засѣданіи 24-го февраля, вообще, ихъ не касался. Онъ былъ занятъ конфликтомъ съ Г. Думой; часть министровъ считала, что слѣдовало бы произвести перемѣны въ кабинетѣ и пойти на соглашеніе съ думскимъ „блокомъ“.

25 февраля волненія распространились на Невскій и на всю центральную часть города. Знаменская площадь передъ Николаевскимъ вокзаломъ превратилась въ арену непрерывнаго митинга. Съ пьедестала памятника Имп. Александру III-му произносились революціонныя рѣчи, главнымъ содержаніемъ которыхъ было: „долой войну!“ Въ толпѣ, слушавшей рѣчи, было немало солдатъ. Настроеніе толпы было неустойчивымъ. Отдѣльные жесты оказывались рѣшающими. На Знаменской площади приставъ Крыловъ, попытавшійся вырвать у демонстрантовъ красный флагъ, былъ убитъ выстрѣломъ изъ револьвера; митинги невозбранно продолжались. На Трубочномъ заводѣ, наоборотъ, поручикъ Госсе застрѣлилъ одного агитатора, который угрожалъ ему кулакомъ: толпа тотчасъ разбѣжалась, побросавъ флаги и плакаты.

Поздно вечеромъ состоялось засѣданіе кабинета; снова начались разговоры о томъ, что слѣдовало бы просить Государя назначить другихъ министровъ: думскія настроенія еще казались гораздо серьезнѣе уличныхъ безпорядковъ. Было извѣстно, что 28 февраля ожидаются новыя рѣзкія выступленія въ Думѣ — должна голосоваться резолюція, осуждающая продовольственную политику Риттиха. Въ правительствѣ было два теченія: одни, какъ А. Д. Протопоповъ, Н. А. Добровольскій, считали, что Г. Думу слѣдуетъ распустить послѣ рѣзкихъ выступленій, какъ предполагалъ еще Треповъ. Другіе стояли за уступки, вели переговоры съ думскимъ большинствомъ И тѣ, и другіе сошлись на томъ, что слѣдуетъ объявить перерывъ думской сессіи на нѣсколько недѣль: это было единогласно рѣшено въ засѣданіи 25-го февраля. Перерывъ сессіи, на срокъ не позднѣе апрѣля, былъ рѣшенъ по предложенію сторонниковъ компромисса съ Думой, въ цѣляхъ избѣжанія рѣзкаго конфликта, ведущаго къ роспуску, послѣ разговора Риттиха и Покровскаго съ представителями думскаго блока. Сторонники уступокъ — ихъ было, видимо, большинство — надѣялись, что за время перерыва будетъ достигнуто соглашеніе и что сессія возобновится уже при другомъ кабинетѣ. Кн. Голицынъ отправилъ Государю телеграмму въ этомъ смыслѣ.

Между тѣмъ, Государь въ Ставкѣ получилъ только 25 февраля сообщеніе о томъ, что безпорядки въ столицѣ разрастаются. Онъ

сразу понялъ необходимость самыхъ энергичныхъ мѣръ и телеграфировалъ командующему войсками, ген. Хабалову: „Повелѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны противъ Германіи и Австріи“. Когда въ Совѣтѣ Министровъ было объ этомъ доложено, нѣкоторые члены кабинета высказали сомнѣніе, настолько ли серьезны эти безпорядки, чтобы требовались энергичныя мѣры. Но всѣ признали, что, если, дѣйствительно, на улицахъ начинають убивать приставовъ и стрѣлять по казакамъ,— репрессіи необходимы.

Движеніе развивалось безъ видимаго плана. Его разжигали самые разные элементы. Несомнѣнно, и германскіе агенты работали весьма активно. Крайніе лѣвые пользовались случаемъ для произнесенія зажигательныхъ рѣчей; по заводамъ распространялся лозунгъ: „Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ“. Обыватель злорадствовалъ, видя, что власть никакъ не можетъ справиться съ „кучками“; казаковъ хвалили за вялость при разгонѣ демонстрацій. А въ думскихъ кругахъ надѣялись, что эти безпорядки заставятъ власть пойти имъ навстрѣчу . . .

26 февраля было воскресенье. Демонстраціи начались нѣсколько позже — (Хабаловъ уже поспѣшилъ сообщить въ Ставку, что утромъ наблюдается успокоеніе) — но затѣмъ столкновенія толпы съ полиціей, казаками и вызванными имъ въ помощь учебными командами нѣкоторыхъ полковъ приняли кровавый характеръ. Во многихъ мѣстахъ раздавалась стрѣльба. Имѣлись убитые и раненые — число ихъ установлено не было. Къ вечеру въ кругахъ сторонниковъ движенія наблюдали, однако, упадокъ духа. Собравшіеся на квартирѣ Керенскаго представители крайнихъ лѣвыхъ группъ приходили къ заключенію, что „правительство побѣдило“. Публика была во власти самыхъ фантастическихъ слуховъ: 26 февраля газеты уже не вышли.

Но въ этотъ день 26-го, около 4-хъ часовъ дня, произошло весьма серьезное событіе. 4-ая рота запаснаго батальона Павловскаго полка (въ ней было 1500 человѣкъ), столпившись на улицѣ около своихъ казармъ, неожиданно открыла безпорядочный огонь по войскамъ, разгонявшимъ толпу. Началась перестрѣлка. Были спѣшно вызваны нѣсколько ротъ сосѣднихъ полковъ. Районъ столкновенія былъ оцѣпленъ. Прибыли командиръ полка, а также полковой священникъ, чтобы „урезонить“ солдатъ. Тѣ, отчасти подъ вліяніемъ увѣщаній, отчасти потому, что оказались окружены, ушли обратно въ казармы и сдали оруж е (впрочемъ, 21 винтовки не досчитались); 19 зачинщиковъ было арестовано и отвезено въ Петропавловскую крѣпость.

Вечеромъ Родзянко отправилъ ген. Алексѣеву длинную телеграмму, прося доложить Государю, что причина волненій — „полное недовѣріе къ власти“, и настаивалъ на образованіи „правительства, пользующагося довѣріемъ всего населенія“. „Иного выхода на свѣтлый путь нѣтъ“, писалъ предсѣдатель Г. Думы, очевидно, все еще полагавшій, что революціонныхъ рабочихъ и бунтующихъ солдатъ могло бы успокоить думское министерство. Не всѣ дѣятели блока раздѣляли такую увѣренность Родзянко: „Я чувствовалъ ихъ, моихъ товарищей по блоку“ — вспоминаетъ объ этомъ днѣ Шульгинъ. „Мы были

рождены, чтобы подъ крылышкомъ власти хвалить или порицать. Мы способны были, въ крайнемъ случаѣ, безболѣзненно пересѣсть съ депутатскихъ креселъ на министерскія скамьи . . . Подъ условіемъ, чтобы Императорскій караулъ охранялъ насъ. Но передъ возможнымъ паденіемъ Власти, передъ бездонной пропастью этого обвала, — у насъ кружилась голова и нѣмѣло сердце. Безсиліе смотрѣло на меня изъ-за бѣлыхъ колоннъ Таврическаго дворца. И былъ этотъ взглядъ презрителенъ до ужаса"...

Государь, всегда отличавшійся исключительной выдержкой, сохранялъ и теперь внѣшнее спокойствіе; но Онъ предчувствовалъ бѣду. Впервые, послѣ пораженія при Сольдау, затѣмъ нѣсколько разъ во время отступленія 1915 г., „старое сердце"—какъ Онъ называлъ это въ письмахъ Государынѣ — давало себя знать. Такъ и въ эти дни: 26 февраля Онъ писалъ: „Сегодня утромъ во время службы я почувствовалъ мучительную боль въ груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоялъ, и лобъ мой покрылся каплями пота".

Всю ночь съ 26 на 27 февраля командующій войсками, ген. Хабаловъ, и военный министръ, ген. Бѣляевъ, получали тревожныя сообщенія изъ казармъ. Слухи провѣрялись и оказывались ложными; имъ уже переставали вѣрить, когда они получили страшное подтвержденіе: въ 7 час. утра возсталъ запасный батальонъ Волынскаго полка. Унтеръ-офицеръ Кирпичниковъ (сынъ профессора, студентъ, призванный въ армію въ 1915 г.) ночью собралъ солдатъ и убѣдилъ ихъ возстать противъ „самодержавія"; когда на утро въ казармы прибылъ начальникъ учебной команды, капитанъ Лашкевичъ, то солдаты отказались повиноваться, убили его и высыпали толпой на улицу.

Для солдатъ „выступленіе" было много страшнѣе, чѣмъ для рабочихъ: „вы вернетесь къ себѣ домой, а мы подъ разстрѣлъ", говорили солдаты рабочимъ-агитаторамъ, которые звали ихъ на демонстраціи. Выйдя съ оружіемъ на улицу, солдаты знали, что совершали преступленіе и что только успѣхъ можетъ обезпечить имъ безнаказанность.

Утромъ, кромѣ волынцевъ, возстали еще и павловцы (ихъ призывали спасти арестованныхъ товарищей), а также литовцы. Вся Выборгская сторона была уже во власти рабочихъ. Черезъ Литейный мостъ революціонныя толпы перешли на лѣвый берегъ Невы, гдѣ онѣ встрѣтились и слились въ одну массу съ возставшими полками.

Ген. Хабаловъ и ген. Бѣляевъ стали спѣшно вызывать болѣе надежныя воинскія части для защиты центра города. Отрядъ около 1000 человѣкъ, подъ командой полк. л.-гв. Преображенскаго полка, А. П. Кутепова, былъ двинутъ въ сторону очага возстанія, но ему не удалось проникнуть дальше Кирочной улицы. Огромное большинство войскъ считалось ненадежнымъ и ихъ предпочитали оставлять въ казармахъ.

Къ серединѣ дня возставшіе овладѣли почти всей правобережной частью города, а также Литейной и Рождественской частями. Въ ихъ

же рукахъ были южные рабочіе кварталы. На Невскомъ слышалась безпорядочная стрѣльба. Таврическій дворецъ, въ которомъ обычно засѣдала Г. Дума, оказался въ районѣ, захваченномъ возставшими.

Съ утра въ зданіи Г. Думы собралось довольно много депутатовъ. Такъ какъ газетъ не было, большинство еще не слышало о перерывѣ сессіи. Начались частныя совѣщанія. Никто не зналъ въ точности, что происходитъ: говорили о солдатскихъ бунтахъ. Настроеніе было подавленное. „Словесная борьба кончилась... — отмѣчаетъ Шульгинъ. — Она не предотвратила революціи... А, можетъ быть, даже ее ускорила“.

Совѣщаніе депутатовъ признало, что Г. Дума, въ виду перерыва сессіи, засѣдать не можетъ, но рѣшено было пока не расходиться и ждать событій. Былъ образованъ „Временный Комитетъ“ изъ представителей фракцій блока и крайнихъ лѣвыхъ. Въ это время толпа, достигшая Таврическаго дворца, ворвалась во дворъ и проникла внутрь зданія. „Съ перваго же мгновенія этого потопа отвращеніе залило мою душу. Пулеметовъ — вотъ чего мнѣ хотѣлось. Ибо я чувствовалъ, что только языкъ пулеметовъ доступенъ уличной толпѣ“ — пишетъ Шульгинъ и констатируетъ: „С ъ э т о й м и н у т ы Г. Д у м а, с о б с т в е н н о г о в о р я, п е р е с т а л а с у щ е с т в о в а т ь“.

Но если Г. Дума уже 27 февраля перестала существовать, какъ реальная величина, — ее имя оказалось весьма сильнымъ орудіемъ въ рукахъ революціонныхъ силъ. Отъ имени Временнаго Комитета по всей странѣ разсылались телеграммы, изображавшія положеніе въ совершенно искаженномъ видѣ.

Рабочая группа военно-промышленнаго комитета, освобожденная изъ тюрьмы „Кресты“ революціонной толпой, тотчасъ отправилась въ зданіе Г. Думы и тамъ, вмѣстѣ съ депутатами-соціалистами и нѣсколькими представителями крайнихъ лѣвыхъ партій, образовала первый „И с п о л н и т е л ь н ы й К о м и т е т ъ С о в ѣ т а Р а б о ч и х ъ Д е п у т а т о в ъ“. По всѣмъ заводамъ были разосланы „вѣрные люди“; рабочимъ предлагалось немедленно произвести выборы въ Совѣтъ (по одному делегату на тысячу рабочихъ), — засѣданіе котораго назначалось на 7 час. вечера. Этотъ „самочинный“ исполнительный комитетъ принялъ еще одно важное практическое рѣшеніе: сообразивъ, что возставшіе солдаты скоро почувствуютъ голодъ и жажду, комитетъ тотчасъ же занялся реквизиціями запасовъ продовольствія для „революціонной арміи“; Таврическій дворецъ превращался не только въ боевой штабъ, но и въ п и т а т е л ь н ы й п у н к т ъ. Это сразу создавало практическую связь между „Совѣтомъ“ и солдатской массой.

Къ наступленію темноты власти еще владѣли мостами черезъ Неву (кромѣ Литейнаго), но на лѣвомъ берегу не было сплошного заградительнаго кордона, — отъ окраинъ къ центру продвигались толпы. Слышалась стрѣльба изъ ружей и пулеметовъ.

Въ 6 час. вечера въ Маріинскомъ дворцѣ собрался Совѣтъ Министровъ. Члены кабинета, явно не понимавшіе истинную природу движенія, видѣли въ немъ продолженіе думской кампаніи противъ Протопопова и стали убѣждать его „сказаться больнымъ“, — на что Про-

топоповъ, совершенно подавленный событіями, согласился. Въ результатѣ, былъ подписанъ приказъ о томъ, что Протопоповъ „по болѣзни сдалъ должность старшему товарищу министра". Приказъ этотъ „Извѣстія думскаго комитета журналистовъ" справедливо называли „смѣхотворнымъ". Государь, въ отвѣтъ на сообщеніе объ этомъ, телеграфировалъ кн. Голицыну: „Перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю недопустимыми". Увольненіе министра внутреннихъ дѣлъ на фонѣ анархическаго солдатскаго бунта было для власти только совершенно безполезнымъ самоуниженіемъ.

Вечеромъ 27-го, въ залѣ засѣданій Г. Думы состоялось первое собраніе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ Н. С. Чхеидзе. Собралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Одинъ за другимъ на трибуну выходили представители возставшихъ полковъ и обѣщали „защищать революцію". Выбрали Исполнительный Комитетъ (въ которомъ преобладали испытанные циммервальдисты) и „литературную комиссію", которая тотчасъ же занялась составленіемъ „манифеста" и подготовкой выпуска „Извѣстій Совѣта". Руководители Совѣта въ эти первые дни были — лѣвый с.-р. Александровичъ, Сухановъ (Гиммеръ) и Стекловъ (Нахамкесъ).

Вечеромъ вѣрныя войска сосредоточились на площади Зимняго Дворца. Тамъ находились ген. Бѣляевъ, ген. Хабаловъ и назначенный командующимъ вѣрными воинскими частями ген. Занкевичъ. Но Вел. Князь Михаилъ Александровичъ просилъ ихъ перейти въ Адмиралтейство, чтобы не подвергать обстрѣлу художественныя цѣнности Эрмитажа и Зимняго Дворца. На слѣдующее утро весь городъ уже находился въ рукахъ возставшихъ, кромѣ района Адмиралтейства, гдѣ до полудня держались вѣрныя войска (около 1500 человѣкъ). Но морской министръ Григоровичъ просилъ не подвергать Адмиралтейство, гдѣ хранились цѣнные кораблестроительные чертежи, риску обстрѣла изъ орудій,—и отрядъ, сложивъ оружіе, небольшими группами былъ распущенъ по казармамъ.

Грузовики съ красными флагами, переполненные солдатами и вооруженными рабочими, съ бѣшеной скоростью носились по столицѣ. Группы солдатъ бродили по улицамъ, стрѣляя въ воздухъ и крича: „довольно, повоевали!" (Повидимому, эта стрѣльба въ воздухъ и создала представленіе о какой-то стрѣльбѣ съ крышъ сторонниковъ „стараго режима", чего на самомъ дѣлѣ не было). Кучки людей врывались въ частныя квартиры, уводили оттуда министровъ и другихъ сановниковъ, — всѣхъ везли въ Таврическій дворецъ, который обращался, въ добавленіе къ прочимъ задачамъ, въ революціонный участокъ.

Временный Комитетъ, избранный наканунѣ совѣщаніемъ депутатовъ, не могъ ничему помочь и ничему помѣшать; онъ занялся пропагандой. Былъ выпущенъ, одновременно съ „Извѣстіями Совѣта", другой листокъ, въ которомъ давалась своя версія событій: все, будто-бы, началось съ указа о „роспускѣ" Думы; Дума не подчинилась; „народъ" ее поддержалъ; полки присоединились къ народу, пре

доставили себя въ распоряженіе Г. Думы...*) Это писалось въ то время, когда Дума, вообще, уже не могла собраться, когда въ ея помѣщеніи уже засѣдалъ другой, самочинный „парламентъ"...

Пользуясь ж.-д. телеграфомъ, депутатъ Бубликовъ (прогрессистъ) 28 февраля разослалъ по всей Россіи телеграмму, начинающуюся словами: „По порученію Комитета Г. Думы, сего числа я занялъ министерство Путей Сообщенія", далѣе отъ имени Родзянко объявлялось, что „Г. Дума взяла въ руки созданіе новой власти".

28-го движеніе перекинулось въ окрестности столицы. Въ Кронштадтѣ оно приняло особенно кровавый характеръ: возставшіе матросы убили адм. Вирена, десятки офицеровъ были истреблены, остальныхъ заточили въ подземные казематы. Въ Царскомъ Селѣ возставшіе разгромили всѣ склады спиртныхъ напитковъ. Части, охранявшія дворецъ, въ которомъ находилась Царская Семья, объявили „нейтралитетъ"...

Солдатская масса, лишенная офицеровъ, обратилась въ вооруженную толпу, злобную и трусливую, одинаково готовую разорвать на части всякаго „недруга" и разбѣжаться во всѣ стороны при первомъ залпѣ...

При первомъ извѣстіи о военномъ бунтѣ, Государь рѣшилъ отправить въ Петербургъ ген. Н. І. Иванова, популярнаго въ арміи и въ странѣ стараго генерала, съ чрезвычайными полномочіями для возстановленія порядка. До его прибытія, полнота власти — чисто номинальная — сохранялась за кн. Голицынымъ. Онъ распорядился, чтобы одновременно съ трехъ фронтовъ было отправлено по двѣ кавалерійскихъ дивизіи, по два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ надежныхъ и пулеметныя команды.**) Въ 10 час. 25 мин. вечера, 27-го февраля, объ этомъ было изъ Ставки сообщено ген. Бѣляеву въ Петроградъ.

Въ это время Вел. Князь Михаилъ Александровичъ, по телефону изъ Петрограда, просилъ ген. Алексѣева доложить Государю, что для успокоенія необходимо увольненіе Совѣта Министровъ и назначеніе новаго премьера; „со своей стороны полагаю, что такимъ лицомъ могъ быть бы кн. Львовъ".

Государь повелѣлъ на это отвѣтить, что въ Петроградъ отправляются войска и что дальнѣйшія рѣшенія Онъ приметъ по прибытіи въ Царское Село. Государь ясно сознавалъ, что, когда идетъ солдатскій бунтъ и убиваютъ офицеровъ, „уступки" только подливаютъ масло въ огонь, вызывая представленіе о слабости и увѣренность въ безнаказанности. Когда, вслѣдъ за Великимъ Княземъ, въ томъ же

---

*) П. Н. Милюковъ, въ своихъ показаніяхъ Слѣдственной Комиссіи, впослѣдствіи прямо заявилъ, что „роспускъ" Думы только случайно совпалъ съ началомъ возстанія.

**) Съ сѣвернаго фронта были вызваны: 67-й и 68-й пѣх. полки, 15-й уланскій Татарскій и 3-й уральскій казачій полки; съ западнаго — 34-й и 36-й пѣх. полки, 2-й гусарскій Павлоградскій и 2-й Донской казачій; съ юго-западнаго фронта — л.-гв. Преображенскій, 3-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые полки. Отправка войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронта происходила 28 февраля и 1 марта; на юго-западномъ фронтѣ она должна была состояться 2 и 3 марта.

смыслѣ высказался и ген. Алексѣевъ, доложившій телеграмму ген. Рузскаго („при существующихъ условіяхъ мѣры репрессій могутъ только обострить положеніе")—Государь, по словамъ ген. Алексѣева, „не захотѣлъ и разговаривать съ нимъ".

Отрядъ ген. Иванова, состоявшій изъ батальона въ 700 георгіевскихъ кавалеровъ, задержался отправкой и только около часу дня, 28 февраля, отбылъ изъ Могилева по Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дорогѣ. Части съ сѣвернаго фронта, отправленныя въ его распоряженіе, начали прибывать въ окрестности столицы раньше, нежели поѣздъ ген. Иванова.

Отдавъ всѣ распоряженія объ отправкѣ войскъ на Петроградъ, Государь рѣшилъ самъ выѣхать въ Царское Село. Это рѣшеніе было, очевидно вызвано тревогой за Семью,—быть можетъ, желаніемъ быть въ центрѣ событій на случай необходимости быстрыхъ рѣшеній. Этотъ отъѣздъ изъ Ставки оказался роковымъ.

28 февраля въ столицѣ царила анархія, въ Кронштадтѣ шла рѣзня, единственной фактической властью былъ Совѣтъ. Но кто-то сообщалъ въ Ставку совершенно иныя данныя, которымъ ген. М. В. Алексѣевъ, очевидно, повѣрилъ: „Частныя свѣдѣнія говорятъ, что 28-го февраля въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе, войска примкнули къ Временному Правительству въ полномъ составѣ, приводятся въ порядокъ. Временное Правительство подъ предсѣдательствомъ Родзянко засѣдаетъ въ Г. Думѣ и пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное Временнымъ Правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала въ Россіи и необходимости новыхъ выборовъ (?) для выбора и назначенія правительства".

Эти явно ложныя свѣдѣнія, сообщенныя кѣмъ-то въ Ставку, сыграли огромную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. Начальникъ штаба, ген. М. В. Алексѣевъ, получивъ сообщенія о „благополучномъ" теченіи событій въ столицѣ, началъ самостоятельно информировать верхи арміи. Пресловутая телеграмма объ „успокоеніи" была между 1-мъ и 2-мя часами дня 1-го марта передана, за № 1833, всѣмъ командующимъ фронтами, причемъ въ телеграммѣ ген. Рузскому добавлялось: „Доложите его Величеству все это и убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно къ хорошему концу, который укрѣпитъ Россію".

Въ Псковѣ имѣлись нѣсколько иныя вѣсти изъ Петрограда: получивъ телеграмму объ „успокоеніи", ген. Даниловъ въ отвѣтъ запросилъ, „откуда у наштаверха свѣдѣнія, заключенныя въ телеграммѣ 1833" — и получилъ (въ 5 час. дня, 1 марта) неопредѣленный отвѣтъ: эти свѣдѣнія „получены изъ Петрограда изъ различныхъ источниковъ и считаются (?) достовѣрными".

Государь провелъ 28 февраля въ дорогѣ, не получая новыхъ извѣстій. Онъ слѣдовалъ по пути Смоленскъ—Вязьма—Лихославль, чтобы оставить кратчайшій путь (черезъ Дно) свободнымъ для воинскихъ

эшелоновъ. Въ ночь съ 28 февраля на 1-е марта, на ст. Малая Вишера (въ 150 верстахъ отъ Петрограда) царскіе поѣзда были остановлены: сдѣлалось извѣстно, что слѣдующая большая станція, Любань, занята „революціонными войсками", и охрана поѣзда была сочтена недостаточной для вступленія въ вооруженную борьбу. Царскіе поѣзда сперва рѣшили направить въ Царское по Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дорогѣ; но дальше ст. Дно имъ продвинуться не удалось. Тамъ получены были телеграммы изъ Петрограда, сообщавшія, что Родзянко выѣзжаетъ къ Государю на ст. Дно; но потомъ стало извѣстно, что Родзянко не ѣдетъ, и Царскій поѣздъ прослѣдовалъ въ Псковъ, въ ставку командующаго сѣвернымъ фронтомъ, ген. Рузскаго, куда Государь прибылъ вечеромъ 1-го марта, послѣ сорока часовъ, проведенныхъ въ пути.

Въ Петроградѣ за это время революціонные элементы уже успѣли организоваться. Въ названіе Совѣта Рабочихъ Депутатовъ было вставлено: „и Солдатскихъ". Отдѣльныя воинскія части, съ красными флагами, являлись въ Таврическій дворецъ; ихъ привѣтствовали ораторы Совѣта и Думскаго Комитета. 1-го марта, въ 4 часа дня, туда прибылъ и Вел. Князь Кириллъ Владиміровичъ, заявившій, что онъ, какъ и его гвардейскій экипажъ, предоставляетъ себя въ распоряженіе комитета Г. Думы. Этотъ шагъ, понятый всѣми, какъ присоединеніе Великаго Князя къ революціи, произвелъ въ тѣ дни немалое впечатлѣніе. Великій Князь впослѣдствіи объяснялъ, что онъ имѣлъ въ виду поддержать умѣренные элементы противъ крайнихъ. Въ тотъ же день четыре Великихъ Князя составили манифестъ, обѣщавшій отъ имени Государя отвѣтственное министерство; этотъ документъ имъ не удалось нигдѣ опубликовать.

Фактическая власть принадлежала крайнимъ лѣвымъ: Сухановъ и Стекловъ были могущественнѣе, чѣмъ Родзянко. Попытка думской военной комиссіи призвать солдатъ къ повиновенію офицерамъ вызвала такую реакцію со стороны недовѣрчивой солдатской массы, что предсѣдатель комиссіи, полк. Энгельгардтъ, поспѣшилъ издать распоряженіе: всякій, кто попытается отбирать оружіе у солдатъ, подлежитъ разстрѣлу . . . Но этимъ дѣло не ограничилось. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, на засѣданіи 1 марта, постановилъ принять мѣры для обезпеченія интересовъ „революціонныхъ солдатъ". Была тутъ же составлена резолюція, получившая широкую извѣстность подъ названіемъ „приказа № 1".

Этотъ „приказъ" состоялъ изъ семи пунктовъ. Солдатамъ предписывалось: 1) избирать полковые, батальонные и ротные комитеты; 2) выбрать депутатовъ въ Совѣтъ; 3) въ политическихъ дѣлахъ слушаться *только Совѣта и своихъ комитетовъ*; 4) думскіе приказы исполнять только, когда они не противорѣчатъ рѣшеніямъ Совѣта; 5) держать оружіе въ распоряженіи комитетовъ и „*ни въ коемъ случаѣ не выдавать его офицерамъ даже по ихъ требованію*". Послѣдними двумя пунктами объявлялось „равно-

правіе“ солдатъ съ офицерами внѣ строя, отмѣна отдачи чести, титулованія и т. д.

Этотъ приказъ, немедленно проведенный въ жизнь въ Петроградскомъ гарнизонѣ,—былъ изданъ вечеромъ 1-го марта, и на слѣдующее же утро появился въ „Извѣстіяхъ“. Въ это время между исполнительнымъ комитетомъ Совѣта и думскимъ Комитетомъ происходили переговоры о составленіи Временнаго Правительства. „Фактически 27 февраля партія соціалистовъ овладѣла Петроградскимъ гарнизономъ и по этой причинѣ сдѣлалась хозяйкой положенія, но, до поры, до времени, скрывала свою игру“, писалъ Родзянко въ своихъ мемуарахъ; 1-го марта онъ, однако, телеграфировалъ ген. Рузскому, что „правительственная власть перешла въ настоящее время къ Временному Комитету Г. Думы“. Самъ Совѣтъ всячески поощрялъ такія заявленія.

У соціалистовъ почти не было вождей: всѣ ихъ видные лидеры были въ эмиграціи, или въ ссылкѣ. Кромѣ того, существовала „опасность военнаго движенія въ Петроградѣ“. Настроеніе фронта сильно безпокоило революціонные круги. Они поэтому стремились использовать Г. Думу въ качествѣ прикрытія; для этого они предлагали Думскому Комитету взять власть въ руки — иными словами, открыто порвать съ законностью.

Приказъ № 1 привелъ въ ужасъ всѣхъ кто былъ близокъ къ арміи. А. И. Гучковъ заявилъ, что при подобныхъ условіяхъ онъ войти въ правительство не согласенъ, тѣмъ болѣе, что „хозяева положенія“ уже отказались напечатать составленное Гучковымъ воззваніе о „войнѣ до побѣднаго конца“.

Въ Москвѣ 28 февраля начались массовыя демонстраціи съ красными флагами; центромъ движенія было зданіе городской Думы, гдѣ къ вечеру уже засѣдали Совѣтъ Рабочихъ депутатовъ и комитетъ общественныхъ организацій. 1-го марта, послѣ слабыхъ попытокъ сопротивленія у арсенала и въ манежѣ, весь московскій гарнизонъ — состоявшій изъ запасныхъ батальоновъ — перешелъ на сторону возставшихъ; командующій войсками, ген. Мрозовскій, остававшійся вѣрнымъ долгу, былъ подвергнутъ домашнему аресту.

Та же картина наблюдалась въ двухъ-трехъ большихъ городахъ (Харьковъ, Н. Новгородъ). Въ Твери толпа убила губернатора, Н. Г. Бюнтинга. (Видя надвигающуюся толпу, онъ соединился по телефону съ викарнымъ епископомъ и исповѣдался). Но въ большей части провинціи все оставалось спокойно; телеграммы о волненіяхъ въ столицѣ задерживались властями. Въ Ростовѣ-на-Дону, мѣстная правая газета „Ростовскій Листокъ“ сообщила (2-го марта), на основаніи разсказовъ пріѣзжихъ изъ Петрограда, что начавшіяся тамъ событія кончаются „конфузомъ блоку“, что Г. Дума распущена, что въ правительство входятъ правые дѣятели — Марковъ и Замысловскій . . .

Отрядъ ген. Иванова, медленно продвигаясь отъ Могилева, достигъ вечеромъ 1-го марта Царскаго Села. По пути желѣзнодорожники пытались задерживать поѣздъ; но угроза полевымъ судомъ оказа-

лась достаточной. На станціяхъ ближе къ столицѣ встрѣчались кучки „революціонныхъ“ солдатъ: ген. Ивановъ, въ видѣ мѣры воздѣйствія, ставилъ ихъ на колѣни. Сопротивленія не было.

67-й пѣхотный полкъ прибылъ на ст. Александровскую Варшавской ж.д., въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царскаго Села. Наоборотъ, 68-й полкъ остановился около Луги: лужскій гарнизонъ возсталъ и солдаты не хотѣли итти дальше на Петроградъ. Но съ фронта продолжали продвигаться другія воинскія части.

Положеніе въ Петроградѣ не оставляло сомнѣній въ томъ, что никакія политическія мѣры, никакія „уступки“ не могли прекратить анархическій солдатскій бунтъ противъ войны. Только подавленіе этого бунта могло еще остановить начавшійся развалъ и дать Россіи шансъ продолжать войну.

Вѣрныя войска, несомнѣнно, еще имѣлись на фронтѣ: такъ отъ командующаго 3-мъ коннымъ корпусомъ гр. Ѳ. А. Келлера и отъ гвардейской кавалеріи посланы были Государю въ эти дни выраженія готовности за Него умереть; офицеры л.-гв. Преображенскаго полка, во главѣ съ полк. Ознобишинымъ, въ Могилевѣ заявили, что ихъ солдаты держали себя твердо и охотно грузились въ вагоны, когда I-ая гвардейская дивизія получила приказъ итти въ Петроградъ для подавленія безпорядковъ. Были, конечно, и другія части, вѣрныя долгу.

Въ лагерѣ возставшихъ царила тревога. Депутатъ Бубликовъ въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ: „Достаточно было одной дисциплинированной дивизіи съ фронта, чтобы возстаніе было подавлено. Больше того, его можно было усмирить простымъ перерывомъ ж.-д. движенія съ Петербургомъ: голодъ черезъ три дня заставилъ бы Петербургъ сдаться. Въ мартѣ еще могъ вернуться Царь. И это чувствовалось всѣми: недаромъ въ Таврическомъ дворцѣ нѣсколько разъ начиналась паника“.

Но побѣдить анархію могъ только Государь во главѣ вѣрныхъ Ему войскъ, а не „отвѣтственный кабинетъ“ изъ думскихъ дѣятелей, находившихся во власти Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Вообще, всякое правительство, образованное въ возставшемъ Петроградѣ — кто бы ни стоялъ во главѣ, Великій Князь, или Родзянко, или кн. Львовъ, или Керенскій, было бы плѣнникомъ солдатской массы. Нельзя было потушить пожаръ изнутри горящаго зданія.

Между тѣмъ, руководители арміи, — какъ ген. Алексѣевъ, такъ и ген. Рузскій, — имѣли совершенно ложное представленіе о происшедшемъ. Они вѣрили, что въ Петроградѣ — правительство Г. Думы, опирающееся на дисциплинированные полки; ради возможности пропродолжать внѣшнюю войну, они хотѣли, прежде всего, избѣжать междуусобія. Они не знали, что все движеніе происходитъ подъ краснымъ флагомъ. Они вѣрили, что въ Петроградѣ есть съ кѣмъ сговариваться...

Въ тотъ самый часъ, когда отрядъ ген. Иванова подходилъ къ Царскому Селу, а Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ принималъ „приказъ

„№ 1", Царскій поѣздъ прибылъ на псковскій вокзалъ. Командующій сѣвернымъ фронтомъ, ген. Н. В. Рузскій, довѣряя свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Ставки, считалъ, что въ Петроградѣ — порядокъ, что тамъ уже дѣйствуетъ монархическое Временное Правительство, во главѣ съ Родзянко. Были у него и новыя вѣсти отъ ген. Алексѣева о переходѣ Москвы и Балтійскаго флота на сторону „Временнаго комитета". Ген. Алексѣевъ прислалъ также на имя Государя проектъ манифеста, поручающаго Родзянко составленіе „отвѣтственнаго министерства". Свое собственное мнѣніе ген. Н. В. Рузскій выразилъ свитѣ Государя весьма открыто: „Остается, — сказалъ онъ, — сдаваться на милость побѣдителей", считая, что „побѣдители" — это думскій блокъ.

Въ тотъ же вечеръ, 1-го марта, Государь имѣлъ съ ген. Рузскимъ разговоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. О содержаніи этого разговора, происходившаго съ глазу на глазъ, извѣстно только по изложенію самого ген. Рузскаго, записанному С. Вильчковскимъ.*) Ген. Рузскій „съ жаромъ доказывалъ" необходимость отвѣтственнаго министерства. Государь возражалъ „спокойно, хладнокровно и съ чувствомъ глубокаго убѣжденія": „Я отвѣтственъ передъ Богомъ и Россіей за все, что случилось и случится, — сказалъ Государь, — будутъ ли отвѣтственны министры передъ Думой и Г. Совѣтомъ — безразлично. Я никогда не буду въ состояніи, видя, что дѣлается министрами не ко благу Россіи, съ ними соглашаться, утѣшаясь мыслью, что это не моихъ рукъ дѣло". . . „Государь перебиралъ съ необыкновенной ясностью взгляды всѣхъ лицъ, которыя могли бы управлять Россіей въ ближайшія времена. . . и высказывалъ свое убѣжденіе, что общественные дѣятели, которые, несомнѣнно, составятъ первый же кабинетъ, все люди неопытные въ дѣлѣ управленія и, получивъ бремя власти, не сумѣютъ справиться со своей задачей". (Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что и Государь не зналъ о томъ, какая анархія фактически царитъ въ столицѣ).

Ген. Рузскій не указываетъ, какими доводами, послѣ долгаго разговора, онъ добился согласія на „отвѣтственное министерство". Извѣстно одно: еще во время этого разговора, отъ имени Государя (въ 12 час. 20 мин. ночи съ 1 на 2 марта) была послана ген. Иванову телеграмма: „Прошу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никакихъ мѣръ не предпринимать". Въ то же время ген. Рузскій своей властью распорядился не только прекратить отправку войскъ въ подкрѣпленіе ген. Иванову, но и вернуть обратно въ Двинскій районъ уже отправленные съ сѣвернаго фронта эшелоны. Въ ту же ночь изъ Ставки было послано на западный фронтъ, отъ имени Государя, предписаніе: уже отправленныя части задержать на большихъ станціяхъ, остальныхъ — не грузить. Что касается войскъ съ юго-западнаго фронта (гвардіи), то Ставка еще днемъ 1 марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до «особаго увѣдомленія».

---

*) „Русская Лѣтопись", книга третья. Парижъ 1922.

Въ результатѣ того же разговора, въ Ставку было сообщено, что Государь соглашается поручить Родзянко составленіе кабинета „изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи“.

Самъ М. В. Родзянко въ это время находился — подъ бдительнымъ надзоромъ представителей Совѣта. Онъ хотѣлъ выѣхать къ Государю на ст. Дно: ему отказались предоставить поѣздъ. Движеніе войскъ съ фронта до крайности тревожило революціонеровъ; они боялись, какъ бы Родзянко, вырвавшись изъ ихъ власти, „не перешелъ на сторону врага“... Предсѣдатель Временнаго Комитета хотѣлъ переговорить съ ген. Рузскимъ по прямому проводу: лѣвые не желали допустить и этого. „Пусть г.г. рабочіе и солдатскіе депутаты дадутъ мнѣ охрану или поѣдутъ со мной“, говорилъ Родзянко, „а то меня еще арестуютъ тамъ на телеграфѣ“.

Наконецъ, въ 3 часа 30 мин. утра, 2 марта, Родзянко пустили на телеграфъ. Ген. Рузскій сообщилъ ему, что результатъ достигнутъ: Государь поручаетъ предсѣдателю Думы составить министерство довѣрія. Это звучало ироніей. Родзянко сталъ объяснять, что сейчасъ самое главное—это прекратить отправку войскъ съ фронта—иначе „нельзя сдержать войска, не слушающія своихъ офицеровъ“. „Ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ“... говорилъ онъ: „раздаются грозныя требованія отреченія въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича“.

Ген. Рузскій, видимо, началъ понимать, насколько онъ заблуждался относительно положенія въ Петроградѣ. „Я сегодня сдѣлалъ все, что подсказывало мнѣ сердце, — сказалъ онъ, — чтобы найти выходъ для обеспеченія спокойствія теперь и въ будущемъ . . . Приближается весна, намъ нужно сосредоточить усилія по подготовкѣ къ активнымъ дѣйствіямъ“. Родзянко сталъ увѣрять, что „весь народъ“ хочетъ вести войну до побѣднаго конца, и что при исполненіи требованій „народа“ все пойдетъ отлично: „наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться . . . ж.-д. сообщеніе не будетъ затруднено . . . крестьяне и всѣ жители повезутъ хлѣбъ, снаряды и другіе предметы снаряженія“.

„Дай, конечно, Богъ, чтобы ваши предположенія въ отношеніи арміи сбылись, — отвѣтилъ ген. Рузскій, — но имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что, если анархія перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти? Что будетъ тогда съ родиной нашей?“ — Родзянко отвѣтилъ, что переворотъ можетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ“.

Ген. Рузскій тотчасъ сообщилъ объ этомъ разговорѣ ген. Алексѣеву. Тотъ, со своей стороны, разослалъ (въ 10 час. 15 мин. утра) командующимъ фронтами циркулярную телеграмму, передавая слова Родзянко о необходимости отреченія Государя. „Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія“,—добавлялъ отъ себя ген. Алексѣевъ. „Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала; продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость

Россiи и судьбу династiи". *) Начальникъ штаба Государя предлагалъ командующимъ фронтами, если они съ нимъ согласны, немедленно телеграфировать объ этомъ Государю въ Псковъ.

Въ 2 часа 30 мин. ген. Алексѣевъ уже препроводилъ ген. Рузскому отвѣтъ командующихъ фронтами.

Вел. Кн. Николай Николаевичъ писалъ, что необходимы „сверхмѣры" и что онъ, какъ вѣрноподданный, колѣнопреклоненно молитъ Его Величество „спасти Россiю и Вашего Наслѣдника . . . Осѣнивъ себя крестнымъ знаменiемъ, передайте ему — Ваше наслѣдiе. Другого выхода нѣтъ".

Ген. Брусиловъ просилъ доложить Государю, что единственный исходъ, — „безъ чего Россiя пропадетъ" — это отреченiе. Ген. Эвертъ указывалъ, что „на армiю въ настоящемъ ея составѣ при подавленiи внутреннихъ безпорядковъ расчитывать нельзя"; поэтому онъ, вѣрноподданный, умоляетъ принять рѣшенiе „единственно, видимо, способное прекратить революцiю и спасти Россiю отъ ужасовъ анархiи".

Ген. Алексѣевъ присоединился къ этимъ просьбамъ и умолялъ Государя „безотлагательно принять рѣшенiе . . . изъ любви къ Родинѣ, ради ея цѣлости, независимости, ради достиженiя побѣды". Наконецъ, ген. Сахаровъ, начавъ телеграмму съ рѣзкихъ словъ по адресу Думы („разбойная кучка людей . . . которая воспользовалась удобной минутой" . . .), кончалъ: „рыдая, вынужденъ сказать" — что рѣшенiе пойти навстрѣчу этимъ условiямъ наиболѣе безболѣзненный выходъ . . .

О томъ, что пережилъ и перечувствовалъ Государь за эти роковые дни 28 февраля — 2 марта — достовѣрныхъ свѣдѣнiй нѣтъ. Извѣстно, что утромъ 28 февраля Онъ еще отдавалъ распоряженiя о подавленiи военнаго бунта. Затѣмъ, въ пути, Онъ бесѣдовалъ только съ ген. Воейковымъ, который въ своихъ мемуарахъ пишетъ, что Государь былъ недоволенъ медленностью продвиженiя ген. Иванова и что 1-го марта Онъ былъ готовъ согласиться на „отвѣтственное министерство" (?); ожидая Родзянко на станц. Дно, Онъ, будто бы, собирался назначить его премьеромъ. Это не совсѣмъ совпадаетъ съ тѣмъ, что ген. Рузскiй сообщилъ Родзянко въ его ночномъ разговорѣ по прямому проводу: „Государь Императоръ сначала предполагалъ предложить вамъ составить министерство, отвѣтственное передъ Его Величествомъ, но затѣмъ, идя навстрѣчу общему желанiю законодательныхъ учрежденiй и народа", согласился на правительство, „отвѣтственное передъ законодательными палатами".

---

*) Заблужденiе ген. Алексѣева относительно истиннаго положенiя было, очевидно, искреннимъ. Ген. Лукомскiй сообщаетъ, что уже 3 марта рано утромъ ген. Алексѣевъ сказалъ: „Никогда не прощу себѣ, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ и послалъ телеграмму Главнокомандующимъ по вопросу объ отреченiи Государя отъ Престола" . . .

Ген. Рузскiй — согласно упомянутой записи С. Вильчковскаго — очень скоро „потерялъ вѣру въ новое правительство" и чувствовалъ, что „въ своей длительной бесѣдѣ съ Государемъ вечеромъ 1 марта поколебалъ устои Трона, желая ихъ укрѣпить... Глубоко страдалъ онъ нравственно до конца своей жизни и не могъ, безъ волненiя, говорить о трагическихъ дняхъ 1 и 2 марта". (Ген. Рузскiй былъ разстрѣлянъ большевиками на Кавказѣ въ октябрѣ 1918 г.).

„Вчера весь вечеръ до глубокой ночи прошелъ въ убѣжденіи поступиться въ пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только къ двумъ часамъ ночи“, сообщалъ утромъ 2 марта изъ Пскова въ Ставку генералъ-квартирмейстеръ сѣвернаго фронта ген. Ю. Н. Даниловъ. *)

Этотъ долгій разговоръ Государя съ ген. Н. В. Рузскимъ въ Псковѣ, вечеромъ 1-го марта, во всякомъ случаѣ, явился моментомъ перелома. Мѣры противодѣйствія революціи были отмѣнены — отправка войскъ на возставшій Петроградъ остановлена — именемъ Государя, но помимо (если не противъ) Его воли . . .

Государыня, узнавъ, что Царскій поѣздъ задержанъ въ Псковѣ, писала (2 марта), что Государь „въ западнѣ“. Повидимому, можно считать установленнымъ, что ген. Рузскій и ген. Алексѣевъ къ этому моменту вѣрили въ возможность „мирнаго исхода“ и всѣми силами старались этому способствовать. Въ Псковѣ Государь не имѣлъ даже возможности отправить телеграмму помимо ген. Рузскаго; Ему доставлялись только свѣдѣнія, пропущенныя командующимъ сѣвернымъ фронтомъ. Когда, по его порученію, ген. Воейковъ хотѣлъ переговорить съ Родзянко по прямому проводу — ген. Рузскій этого не допустилъ. Командующій сѣвернымъ фронтомъ обсуждалъ по телеграфу со Ставкой, не спрашивая Государя, слѣдуетъ ли передавать дальше подписанный Имъ манифестъ. Государь не могъ сноситься съ внѣшнимъ міромъ; Онъ, видимо, не могъ, помимо желанія ген. Рузскаго, покинуть Псковъ. Фактически, Онъ какъ бы находился въ плѣну. При этихъ условіяхъ, Его согласіе на „отвѣтственное министерство“, въ результатѣ многочасового разговора съ ген. Рузскимъ, представляется въ особомъ свѣтѣ. Всѣ свидѣтели отмѣчаютъ, что съ этой минуты въ Государѣ произошла замѣтная перемѣна: у Него появилось ощущеніе безнадежности.

Давъ согласіе на фактическую передачу власти другимъ — тѣмъ, кто по Его убѣжденію, не сумѣли бы справиться — Государь уже не сталъ колебаться, когда ген. Рузскій сообщилъ Ему телеграммы командующихъ фронтами по вопросу объ отреченіи. Въ 2 часа 30 мин. дня телеграммы были отправлены изъ Ставки; въ 3 часа дня уже Государь отвѣтилъ согласіемъ. За власть для себя Государь никогда не цѣплялся; Онъ понималъ Свою власть, какъ священный долгъ; передавъ ее другимъ на дѣлѣ, Онъ уже не придавалъ большого значенія формальному сохраненію Царскаго титула. „Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ Престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно“—отвѣтилъ онъ ген. Алексѣеву. Въ телеграммѣ на имя Родзянко говорилось: „Нѣтъ той жертвы, которую Я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи“ . . .

---

*) Шульгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ о томъ же разговорѣ «...Генералъ Рузскій прошепталъ мнѣ:.. Вчера былъ трудный день... Буря была»...

Государь подписалъ эти двѣ телеграммы въ 3 часа дня, 2 марта. Но онѣ не были отправлены: въ эту минуту пришло сообщеніе, что въ Псковъ отъ Г. Думы выѣхали Гучковъ и Шульгинъ.

Ночь съ 1 на 2 марта въ Таврическомъ дворцѣ прошла въ отчаянной борьбѣ изъ-за приказа № 1. Гучковъ отказывался участвовать въ правительствѣ; со своей стороны, исполнительный комитетъ Совѣта большинствомъ 13 противъ 8 отказался войти въ правительство съ «цензовыми элементами». Лѣвые хотѣли, чтобы новая власть была въ полной отъ нихъ зависимости, причемъ они сами бы въ ней не участвовали и за нее бы не отвѣчали: Совѣтъ, какъ бы хотѣлъ занять мѣсто самодержавнаго монарха, предоставляя «думскому комитету» роль министерства...

По улицамъ города бродили кучки солдатъ; попрежнему бѣшено носились грузовики. Стрѣльба прекратилась; самочинные аресты, наоборотъ, усиленно продолжались. Вездѣ были вывѣшены красные флаги.

Думскій комитетъ, которому Совѣтъ предлагалъ образовать правительство, все утро 2-го марта обсуждалъ его программу съ исполнительнымъ комитетомъ Совѣта. Въ эту программу вошло главное, основное требованіе возставшаго гарнизона, который весьма мало интересовался составомъ кабинета и формой правленія: «Неразоруженіе и невывозъ изъ Петрограда воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи». Совершилось то „чудо", котораго жаждала двухсоттысячная солдатская масса: новая власть торжественно обѣщала, что петроградскій гарнизонъ не будетъ отправленъ на фронтъ.

Въ четвертомъ часу дня,—(когда Государь въ Псковѣ только что принялъ рѣшеніе отречься отъ престола) — П. Н. Милюковъ выступилъ съ рѣчью передъ многотысячной толпой въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца. Передъ этимъ случайнымъ сборищемъ онъ объявилъ, что образовано новое правительство. „Кто выбиралъ васъ?" —кричали съ мѣстъ. Милюковъ отвѣчалъ: „Насъ выбрала русская революція". Оратора нѣсколько разъ перебивали; нѣкоторыя имена — кн. Львовъ, Гучковъ — вызывали протесты; имя Терещенко (молодого кіевскаго милліонера изъ военно-промышленнаго комитета) вызвало недоумѣніе и смѣхъ. Наоборотъ, сообщеніе о томъ, что министромъ юстиціи будетъ Керенскій, было встрѣчено шумными аплодисментами. Милюковъ затѣмъ заявилъ: „Старый деспотъ, доведшій страну до полной разрухи, самъ откажется отъ престола или будетъ низложенъ. Власть перейдетъ къ регенту В. К. Михаилу Александровичу. Наслѣдникомъ будетъ Алексѣй". Аудиторія, состоявшая въ значительной части изъ соціалистовъ, стала шумно протестовать: „Это старая династія!" Милюковъ отвѣтилъ: „Вы не любите старую династію, можетъ быть, и я ее не люблю. Но дѣло не въ томъ, кто что любитъ... Если мы будемъ спорить, вмѣсто того, чтобы сразу рѣшить, Россія очутится въ состояніи гражданской войны и возродится только что разрушенный режимъ."

Представители думскаго комитета прибыли въ Псковъ поздно вечеромъ. Они хотѣли сперва переговорить съ ген. Рузскимъ, но чины свиты настояли, чтобы они немедленно явились къ Государю. Гучковъ сталъ говорить въ приподнятомъ тонѣ о торжествѣ революціи, о томъ, что къ ней примыкаютъ всѣ войска, даже конвой Его Величества; что всякая борьба безполезна: для Гучкова эта минута, очевидно, была увѣнчаніемъ долгой, явной и тайной, политической работы.

Государь не сталъ вступать въ разговоръ съ представителями своихъ враговъ. Онъ спокойно, сдержанно объявилъ имъ свое рeшеніе.

Поздно гадать о томъ, могъ ли Государь не отречься. При той позиціи, которой держались ген. Рузскій и ген. Алексѣевъ, возможность сопротивленія исключалась: приказы Государя не передавались, телеграммы вѣрноподданныхъ Ему не сообщались. Больше того, объ отреченіи могли объявить помимо Государя: объявилъ же (9./XI. 1918) принцъ Максъ Баденскій объ отреченіи германскаго императора, когда Вильгельмъ II вовсе не отрекался! Государь, по крайней мѣрѣ, сохранилъ возможность, отрекаясь, обратиться къ народу со своимъ собственнымъ послѣднимъ словомъ.

Гучковъ привезъ съ собой проектъ манифеста; изъ Ставки свой проектъ прислалъ и ген. Алексѣевъ. „Государь вышелъ . . . Черезъ нѣкоторое время Онъ вошелъ снова. Онъ протянулъ Гучкову бумагу, сказавъ: „Вотъ текстъ“ . . . „Какимъ жалкимъ показался мнѣ набросокъ, который мы привезли,“ — вспоминаетъ Шульгинъ.

Манифестъ 2-го марта, подписанный Государемъ въ двухъ экземплярахъ, гласилъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжелое испытаніе. Начавшіяся внутреннія волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее нашего Отечества требуютъ доведенія войны, во что бы то ни стало, до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, принеся въ томъ ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ,

повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній, и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи".

Представители Думы не могли ни возражать, ни спорить, хотя передача власти Великому Князю Михаилу Александровичу была для нихъ неожиданной. Государь объявилъ свою волю: оставалось подчиниться. („Надо было брать, что даютъ" — объяснялъ потомъ Гучковъ).

Былъ двѣнадцатый часъ ночи; но манифестъ былъ помѣченъ: „3 часа дня" — тѣмъ часомъ, когда Государь впервые принялъ рѣшеніе отречься.

Государь не вѣрилъ, что его противники совладаютъ съ положеніемъ: Онъ поэтому, до послѣдней минуты, старался удержать руль въ Своихъ рукахъ. Когда такая возможность отпала — по обстановкѣ было ясно, что Онъ находился уже въ плѣну — Государь пожелалъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлать все, чтобы со своей стороны облегчить задачу своихъ преемниковъ. Онъ назначилъ намѣченнаго Думскимъ Комитетомъ ген. Л. Г. Корнилова командующимъ войсками Петроградскаго округа. Онъ подписалъ указъ о назначеніи князя Львова предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Онъ назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ. Онъ, наконецъ, составилъ обращеніе къ войскамъ, призывая ихъ бороться съ внѣшнимъ врагомъ и вѣрно служить новому правительству. Только Сына Своего Онъ не пожелалъ имъ довѣрить: Онъ зналъ, что малолѣтній монархъ отречься не можетъ, и что для Его устраненія могутъ быть примѣнены иные, кровавые способы.

Государь далъ своимъ противникамъ все, что могъ: они, все равно, оказались безсильными передъ событіями. Руль былъ вырванъ изъ рукъ державнаго „шоффера" — автомобиль рухнулъ въ пропасть.

„Кругомъ измѣна, и трусость, и обманъ" — начерталъ Государь въ своемъ дневникѣ 2 марта 1917 года.

Самымъ труднымъ и самымъ забытымъ подвигомъ Императора Николая II-го было то, что Онъ, при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, довелъ Россію до порога побѣды: Его противники не дали ей переступить черезъ этотъ порогъ.

Борьба, которую Государю пришлось выдержать за самые послѣдніе мѣсяцы Своего царствованія, въ еще большей мѣрѣ, чѣмъ событія въ концѣ японской войны, напоминаютъ слова Посошкова о его державномъ предшественникѣ: „Пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ" . . .

" . . . Девять лѣтъ понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвскихъ побѣжденныхъ обратить въ Полтавскихъ побѣдителей. Послѣдній Верховный Главнокомандующій Императорской Арміи—Императоръ Николай II сдѣлалъ ту же великую работу за полтора года. Но работа его была оцѣнена и врагами, и между Государемъ и Его Арміей и побѣдой „стала революція", пишетъ ген. Н. А. Лохвицкій.

Но всего ярче о томъ же свидѣтельствуетъ Черчилль (бывшій въ моментъ революціи англійскимъ военнымъ министромъ), въ своей книгѣ о мiровой войнѣ:*)

"Ни къ одной странѣ судьба не была такъ жестока, какъ къ Россіи. Ея корабль пошелъ ко дну, когда гавань была въ виду. Она уже перетерпѣла бурю, когда все обрушилось. Всѣ жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяніе и измѣна овладѣли властью, когда задача была уже выполнена. Долгія отступленія окончились; снарядный голодъ побѣжденъ; вооруженіе притекало широкимъ потокомъ; болѣе сильная, болѣе многочисленная, лучше снабженная армія сторожила огромный фронтъ; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексѣевъ руководилъ арміей и Колчакъ — флотомъ, Кромѣ того, — никакихъ трудныхъ дѣйствій больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелымъ грузомъ давить на широко растянувшіяся германскія линіи; удерживать, не проявляя особой активности, слабѣющія силы противника на своемъ фронтѣ; иными словами — держаться; вотъ все, что стояло между Россіей и плодами общей побѣды.

„... Въ мартѣ Царь былъ на престолѣ; Россійская имперія и русская армія держались, фронтъ былъ обезпеченъ и побѣда безспорна.

„Согласно поверхностной модѣ нашего времени, Царскій строй принято трактовать, какъ слѣпую, прогнившую, ни на что не способную тиранію. Но разборъ тридцати мѣсяцевъ войны съ Германіей и Австріей долженъ бы исправить эти легковѣсныя представленія. Силу Россійской имперіи мы можемъ измѣрить по ударамъ, которые она вытерпѣла, по бѣдствіямъ, которыя она пережила, по неисчерпаемымъ силамъ, которыя она развила, и по возстановленію силъ, на которое она оказалась способна.

„Въ управленіи государствами, когда творятся великія событія, вождь націи, кто бы онъ ни былъ, осуждается за неудачи и прославляется за успѣхи. Дѣло не въ томъ, кто продѣлывалъ работу, кто начертывалъ планъ борьбы; порицаніе или хвала за исходъ довлѣютъ тому, на комъ авторитетъ верховной отвѣтственности. Почему отказывать Николаю II-му въ этомъ суровомъ испытаніи?.. Бремя послѣднихъ рѣшеній лежало на Немъ. На вершинѣ, гдѣ событія превосходятъ разумѣніе человѣка, гдѣ все неисповѣдимо, давать отвѣты приходилось Ему. Стрѣлкою компаса былъ Онъ. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Итти вправо или влѣво? Согласиться на демократизацію или держаться твердо? Уйти или устоять? Вотъ — поля сраженій Николая II-го. Почему не воздать Ему за это честь? Самоотверженный порывъ русскихъ армій, спасшій Парижъ въ 1914 году; преодолѣніе мучительнаго безснаряднаго отступленія; медленное возстановленіе силъ; брусиловскія побѣды; вступленіе Россіи въ кампанію 1917 года непобѣдимой, болѣе сильной, чѣмъ когда-либо; развѣ во всемъ этомъ не было Его доли? Несмотря на ошибки большія и страшныя, — тотъ строй, который въ немъ воплощался, которымъ Онъ руководилъ, которому Своими личными свойствами Онъ придавалъ жизненную искру — къ этому моменту выигралъ войну для Россіи.

---

*) Winston Churchil. The world crisis. 1916-18. Vol. I. London 1927. стр. 223-225.

„Вотъ Его сейчасъ сразятъ. Вмѣшивается темная рука, сначала облеченная безуміемъ. Царь сходитъ со сцены. Его и всѣхъ Его любящихъ предаютъ на страданіе и смерть. Его усилія преуменьшаютъ; Его дѣйствія осуждаютъ; Его память порочатъ... Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригоднымъ? Въ людяхъ талантливыхъ и смѣлыхъ; людяхъ честолюбивыхъ и гордыхъ духомъ; отважныхъ и властныхъ — недостатка не было. Но никто не сумѣлъ отвѣтить на тѣ нѣсколько простыхъ вопросовъ, отъ которыхъ зависѣла жизнь и слава Россіи. Держа побѣду уже въ рукахъ, она пала на землю, заживо, какъ древле Иродъ, пожираемая червями."

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА

Часть Третья

ДУМСКАЯ МОНАРХИЯ (1907—1914)

Часть Четвёртая

МИРОВАЯ ВОЙНА (1914—1917)